

Возвращение
в АТОМ

АТОМ

Обостренные чувства, отточенные рефлексy, удивительные способности, что час от часу растут, становятся сильнее. Тяжелые, наполненные кошмарами сны, где, ускользая от внимания, прячется нечто. И... звенящая пустота вместо памяти. Пустота, что нужно заполнить, шаг за шагом восстанавливая разорванную цепь бытия, чтобы обрести себя вновь.

Василий Борисович Блюм
Лик Зверя

За окном, покачиваясь в такт машине, мягко проплывает массив леса. Ближайшие, вдоль дороги, деревья стремительно проносятся, растекаясь серо-зеленой тенью, те, что подальше, смещаются медленнее, в глубине, где отдельные стволы почти не различимы, смешиваются в единую темную массу, чаща и вовсе неподвижна. Если смотреть на лес искоса, кажется, что мир недвижим, а тяжело груженный КамАЗ вовсе не несется, превышая все допустимые ограничения по скорости, отчего за окном яростно ревет ветер, а стрелка спидометра ушла до упора вправо, где и застыла, не в силах подняться вновь.

Машину подбросило на ухабе. Вздрогнув, Ярослав тряхнул головой, сбрасывая сонное оцепенение, передернул плечами. В долгой дороге без попутчика, когда от просачивающегося с улицы жара тянет в сон, а равномерное гудение двигателя действует подобно колыбельной, замедляя реакцию и притупляя внимание, глаза невольно закрываются, а сознание начинает истончаться, уносится в туманные дали.

Самое время остановиться. За почти трое суток пути накопилась усталость, и тело требует отдыха, но в кузове срочный груз, что требуется доставить как можно быстрее. Конечно, если немного опоздать, ничего страшного не случится, заказчик и так поставил нереальные сроки, сидящая в офисе секретарша подпишет накладную и выдаст деньги, но в следующий раз заказ отдадут другому, а ему придется искать новую работу.

Ярослав нахмурился. Тяжелые мысли отвлекли ото сна, но настроение упало. Рука сама собой потянулась к приемнику, палец коснулся панели, защелкал кнопкой. Как назло, большая часть радиоканалов молчит, а остальные с трудом пробиваются сквозь хруст и шорох. Поморщившись, Ярослав оставил в покое приемник, пощупав под сиденьем, извлек бутылку с остатками минералки, глотнул, брызнул на шею. Рвущийся сквозь щель в окне ветер мгновенно сдул влагу, остудил разгоряченную кожу. Стало легче, но ненадолго.

Глаза вновь начали слипаться. Ощувив, что еще немного, и навалится сон, из которого ему не суждено будет проснуться, Ярослав сбросил скорость, завертел головой, подыскивая подходящее для остановки место. Повсюду, подступая к самому асфальту, плотной стеной возвышаются деревья, не оставляя места не только для фуры, но даже узкого прохода, чтобы прогуляться вглубь — размять ноги.

Тяжело вздохнув, остановка явно откладывалась, Ярослав вновь прибавил газу, когда в примелькавшемся пейзаже возникло некое несоответствие. Уйдя было в сторону, взгляд рывком вернулся назад, глаза сфокусировались, всматриваясь в светлеющее пятно на обочине. Дорога прогнулась, пригорок ограничил видимость, а когда грузовик выметнулся вверх, глаза Ярослава распахнулись: впереди, на обочине, лежал человек.

Сонливость мгновенно испарилась, нога с силой вдавила педаль тормоза, а руки выкрутили руль, подводя машину к обочине. Завизжали покрышки. Прежде чем остановиться, тяжелая махина КамАЗа пронеслась несколько десятков метров, вздохнув, словно усталый зверь, замерла. Метнулась запоздалая мысль о ловушке. Среди дальнобойщиков ходят устрашающие рассказы об изоощренных формах засад и подстановок, нередко применяемых лихими людьми. Заглушив мотор, Ярослав вытащил из-под сиденья монтировку, взвесив в руке, криво улыбнулся, уверенности ощутимо добавилось, и выскочил наружу.

После непрерывного гула мотора тишина показалась оглушительной, а мягкий ветерок,

сменивший удушливый жар кабины, настолько приятным, что Ярослав невольно замер, постоял, ощущая, как разогреваются занемевшие от неподвижности мышцы, но, вспомнив причину остановки, нахмурился, зашагал в обратную движению сторону.

Не забывая поглядывать по сторонам, Ярослав направился к телу, но чем ближе он подходил, тем медленнее становились шаги и больше зарождались сомнения. Человек лежит на животе, но небольшой рост, хрупкое телосложение и тонкие пальцы, зажавшие ком земли, выдают подростка. Ярослав остановился рядом, в недоумении рассматривая незнакомца: выцветшая клетчатая рубашка, потертые джинсы, стоптанные кроссовки. Крови нет, как нет и следов борьбы. Складывается впечатление, что, утомившись, парень просто прилег на дороге.

Теряясь в догадках, Ярослав потрогал кончиком ботинка незнакомца за плечо. Не дождавшись реакции, потрогал еще, затем нагнулся, решительно перевернул незнакомца на спину и ахнул: короткие, неопределенного цвета волосы, изящный изгиб длинных ресниц, тонкие черты лица, полные, чувственные губы, ткань на груди заметно приподнимается. Женщина! Вернее, девушка. Но, что она делает здесь, посреди вековой тайги, лежа на дороге, и почему никак не реагирует?

Ярослав затряс незнакомку, легонько похлопал по щекам, но глаза по-прежнему остались закрыты. Мелькнуло страшное подозрение. Ярослав прикинул ухом к груди, прислушался. Далеко — далеко, едва слышимые, раздаются удары сердца. Ярослав с облегчением выдохнул, осторожно, боясь поранить, приподнял веко девушки и вздрогнул. На него слепо взглянул огромный, расширенный почти на весь глаз зрачок.

Терзаемый нехорошим предчувствием, Ярослав по-очереди задрал рукава рубашки, свисающие чуть ниже локтей. Так и есть, кожа со внутренней стороны рук, на сгибах, иссечена множеством мелких рубчиков, застарелых, и совсем свежих, словно на протяжении долгого времени в эти места кусали разъяренные насекомые. С тяжелым вздохом Ярослав встал, досадливо пнул попавшийся под ногу камень. Угораздило же наткнуться на наркоманку! И ведь на сотни километров вокруг глушь, ни помощи, ни больницы.

Он лихорадочно принялся вспоминать все, что слышал о наркоманах. Но ничего хорошего, или хотя бы успокаивающего на ум не шло, сплошные ужасы: пустые глаза, искалеченный мозг, готовность отдать за дозу все и чудовищная ломка, когда человек превращается в обезумившее животное, от боли бросается на стены, и горе оказавшимся рядом с ним в этот час.

Ярослав замер, со страстной надеждой вслушиваясь в далекие шумы. Попадись сейчас легковушка, можно было бы договориться, объяснить собственное нежелание нехваткой времени, заплатить, наконец, отправив девушку с попуткой, но уши улавливают лишь шелест ветра в ветвях да треск кузнечиков.

Мелькнула мысль плюнуть на все и уехать — пусть выбирается сама. Как-то же девчонка сюда попала. Как попала, так и выберется, а не выберется — не велика потеря. Тем более — время не терпит, а ведь чтобы пристроить девку, придется заезжать в наркодиспансер, наверняка ждать очереди, объяснять... А у этой дуры даже сумочки нет, как и документов! К тому же наверняка не помнит, кто она, откуда.

Переживая бурю эмоций, Ярослав заходил кругами, не замечая, что разговаривает вслух, отыскивая и приводя все новые и новые доводы. Чем более неоспоримыми казались аргументы, тем сильнее становилась злость на себя. Ярослав ощутил себя ребенком, что, разбив дорожную вазу, оправдывается перед матерью, приводя замечательные и такие веские

доводы, что это не он, она сама разбилась, а мать понимающе улыбается, гладит его по голове, и время от времени повторяет: — я знаю, конечно она сама.

Ярослав направился к машине, распахнув дверцу, некоторое время стоял, сумрачно глядя под ноги, затем зашвырнул монтировку в кабину, резко развернулся и быстро зашагал обратно. Девушка лежала на прежнем месте. Рывком подняв незнакомку на руки, Ярослав пошел к машине, удивляясь, насколько легким кажется тело. В душе странным образом сочеталась злость, что он, как дурак, кинулся на помощь человеку, который, скорее всего, этого не оценит, и удовлетворение, сродни тому, что испытываешь, поступая «правильно», пусть даже окружающие крутят пальцем у виска, а эта правильность существует только в собственном воображении.

Пристроив девушку на сиденье, Ярослав обошел машину, но, поднявшись в кабину, обнаружил, что незнакомка сползла, и вот-вот упадет под сиденье. Покачав головой, он усадил попутчицу в прежнее положение, но лишь только взревел мотор, и сиденье едва ощутимо завибрировало, девушка, будто лишенная костей, стекла по спинке. Ярослав хотел махнуть рукой, девчонке, в ее нынешнем состоянии, все равно, а уж он как-нибудь переживет столь непривычное положение тела попутчицы, но, за спиной, отгороженное шторкой, расположилось удобное спальное место.

Покряхтев, Ярослав переложил девушку назад, укрыл пледом, сунул под голову свернутую вчетверо кофту, и с чувством выполненного долга тронул машину. И вновь лишь заунывный гул ветра и зеленое полотно бесконечного леса. Убаюканный равномерным покачиванием, Ярослав погрузился в мысли, и вскоре забыл о попутчице. Когда солнце начало клониться к закату, а непрерывная до того лесная чаща поредела, засверкала просветами, он вспомнил о пассажирке.

Съехав с трассы на приглянувшуюся полянку, заметно примятую колесами дальнобойщиков, Ярослав прогулялся до ближайших кустов, обошел машину, проверяя, крепко ли заперт груз, и не спустило ли колеса, после чего, подгоняемый жгучим голодом, поспешно забрался в кабину. Сумка с продуктами находилась позади, подвешенная к крючку, прикрученному к дальней стенке спального места.

Отдернув шторки, Ярослав вздрогнул, он успел напрочь забыть о попутчице и зрелище лежащей без движения девушки вызвало короткий ступор. Незнакомка так и не пришла в себя. Для очистки совести он легонько потеревил девушку за плечо, но реакции не последовало, и, сняв пакет с крючка, Ярослав задернул шторку.

Ужин закончился вместе с последними лучами солнца. Рука потянулась к выключателю, но перед глазами встало бледное лицо попутчицы, и пальцы замерли, так и не нажав кнопку. Удивляясь сам себе, Ярослав на ощупь ссыпал мусор в пакет, и осторожно, стараясь не шуметь, принялся готовиться к ночлегу. Накопившаяся за дни поездки усталость вынуждала к отдыху, и, хотя, он не мог позволить себе полноценный отдых, несколько часов сна были жизненно необходимы.

Смастерив из двух сидений и подручных средств импровизированный диванчик, Ярослав завел будильник, что специально для этих целей возил в бардачке, здоровенный, размером с кулак, оставшийся от дедушки, будильник трещал так, что пробуждал почти мгновенно, вырывая из самого глубокой дремы, и, едва голова коснулась подушки, тут же провалился в сон.

Проснувшись от холода, к утру температура заметно опустилась, Ярослав нащупал будильник, поднес к глазам. Без четверти пять. Вставать не хотелось, но до подъема

осталось меньше пятнадцати минут, и он нехотя выбрался из кабины. Ежась от утренней прохлады и поминутно зевая, Ярослав осмотрелся. Вокруг полянки черным частоколом возвышается лес, деревья недвижимы, даже вездесущий ветерок исчез, не шелохнется ни веточка. От корней серыми космами поднимается туман, густой и угрожающий, ежесекундно меняет форму, если долго всматриваться, можно различить то ухмыляющуюся рожу, то диковинное существо.

Зачарованный, Ярослав постоял немного, любуясь прелестью предрассветного леса, затем прошелся. Штаны мгновенно промокли, напитались росой. Ярослав запрыгал, размахивая кулаками, и строя угрожающие рожи, словно мастер единоборств из фильма. Мышцы начали разогреваться, по телу побежали огненные мураши. Ощувив что окончательно проснулся, он собрал ладонями влагу, с силой протер лицо и шею, после чего, чувствуя себя обновленным, легко взлетел в кабину.

Двигатель рывкнул, заурчал. Ожидая, пока железный конь прогреется, Ярослав вновь выскочил, прошелся вокруг, проверяя колеса и замки. Когда же вернулся вновь, более не медля, тронул машину, погнался, наверстывая упущенное за время сна время. Часы текли незаметно. Лес отступил, распался на рожи, а затем и вовсе исчез, сменившись бесконечными полями с группками отдельных деревьев. По сторонам дороги замелькали небольшие деревушки. Сперва редкие, но затем все чаще, пока, наконец, не слились в сплошной частный сектор.

Показалась и пропала обращенная к гостям города приветственная надпись. Ярослав сбросил скорость, повел медленнее, не торопясь миновал пост ГАИ. С удивлением покосившись на полицейских, что, занятые делами, не обратили внимания на въезжающую в город груженую фуру. Все документы и накладная на товар, готовые, ждали своего часа в бардачке. В этот раз не было даже обычного для большегрузов перевеса, когда, в погоне за прибылью, водители манкируют техникой безопасности, накидывая тонну — другую сверх нормы.

Ярослав покачал головой, оказись грузовик набит вооруженными бандитами или испорченным мясом, легко прошел бы пост, неся гибельный груз городским жителям. С нерадивых стражей порядка мысли перескочили на попутчицу, что неслышно лежала позади. Предстояло завершить начатое, и он свернул в сторону больничного комплекса, как нельзя кстати расположенного неподалеку.

Готовый вновь тащить незнакомку на руках, Ярослав немного оторопел, когда, отдернув шпorkу, обнаружил, что глаза девушки открыты. Опешив от неожиданности, он буркнул:

— Приехали, пойдем тебя пристраивать.

В глазах девушки, что по-прежнему представляли из себя одни сплошные зрачки, не отразилось понимания, а лицо осталось отстраненным. Нахмурившись, Ярослав повторил, но с прежним эффектом. Вздохнув, он взял девушку за руку, несильно потянул, предполагая, что придется опять таскать попутчицу на руках, но, на удивление, незнакомка подчинилась.

Двигаясь замедленно, словно в трансе, девушка спустилась на сиденье, осторожно, ощупывая путь руками, сошла на землю, остановилась. Ярославу стало не по себе, в попутчице не было жизни: остекленевшие глаза, бледная, с синевой, кожа, выцветшие волосы... создавалось впечатление, что рядом двигается механическая кукла.

Захлопнув дверцу, Ярослав быстро обошел кабину, и повел попутчицу вглубь больничного парка, стараясь ни с кем не встречаться глазами. Навстречу попадались гуляющие, но, судя по мимолетным, лишенным интереса взглядам подобное здесь являлось

нормой, и Ярослав с облегчением выдохнул. Почему-то ужасно не хотелось, чтобы кто-то решил, что идущая позади девушка его сестра, или, того хуже, подруга.

Коридор наркологического отделения встретил суетой и терпким запахом лекарств. Усадив девушку на один из стоящих рядом у стены стульев, Ярослав подошел к окошечку дежурной, но никого не обнаружил. Беспомощно оглянувшись, он прошелся взад-вперед, постучал по стеклу, но никто не ответил. В этот момент послышались шаги, из коридора вышел врач, немолодой, с заметной залысиной, зажав под мышкой бумаги он деловито двигался к выходу, глядя себе под ноги.

Обрадованный, Ярослав пошел наперерез, сказал вежливо:

— Простите, у меня на руках больной.

Не поднимая головы, врач кивнул на окошечко, произнес сухо:

— Обратитесь в регистратуру.

— Я бы с радостью, но там никого нет, — терпеливо произнес Ярослав.

Доктор пожал плечами.

— Подождите, скоро появятся.

— Но я не могу ждать! — воскликнул Ярослав, теряя терпение.

Врач наконец поднял голову, пронзив собеседника взглядом, сказал враждебно:

— У меня достаточно дел, чтобы еще спорить с родственниками больных.

— Я не родственник, — тихо произнес Ярослав. — Девушка... с ней что-то не так.

Доктор поморщился, но увидев растерянное выражение на лице посетителя, смягчился, буркнул:

— Та, возле стены?

— Да, да...

Не вслушиваясь в ответ, он без промедления направился к незнакомке, остановился рядом, нагнувшись, заглянул в глаза, пощелкал возле ушей пальцами, внимательно осмотрел руки. Разогнувшись, врач произнес:

— У нее шок. Где вы ее взяли?

— Лежала возле дороги. — Ярослав развел руками.

Доктор взглянул с любопытством, поинтересовался:

— И часто вы подбираете лежащих на дороге? — Добавил уже без иронии: — Впрочем, это не важно. Надеюсь, документы у нее с собой? Тоже нет?

Глядя на врача, Ярослав робко спросил:

— Ведь вы же не выбросите ее на улицу?

Оторванный от размышлений, доктор вскинулся:

— Что? А, нет, конечно нет. Не волнуйтесь. — Он скупо улыбнулся. — Подержим под капельницей, а как отойдет — известим родственников.

— Она не из этого города, и, возможно, даже не из области, — тихо произнес Ярослав.

— Даже так? — врач взглянул с уважением. — Далеко же вы ее везли... Ну да ничего. Передадим в полицию, уж они-то найдут.

— Значит, я могу идти? — поинтересовался Ярослав, ощущая непонятную неловкость.

— Да, да, конечно.

Ярослав попятился. Глаза прикипели к незнакомке, что недвижимо сидела в прежнем положении, невидяще уставившись в стену. Но теперь, когда груз ответственности спал с плеч, в душе зародилось и разрослось неприятно ощущение, словно каким-то образом он предал эту странную девушку, чья и без того миниатюрная фигура на фоне просторного

пустого холла казалась совсем маленькой и беззащитной. Ярослав поспешно отвернулся, не оглядываясь, вышел на улицу.

Погрузившись в дела, на два дня Ярослав забыл о странной девушке, а на третий, выехав из ремонтной мастерской, оказался неподалеку от улицы, где расположился больничный комплекс. Ярким сгустком всколыхнулись воспоминания: суровый лес, пыльная дорога, и хрупкое тело на обочине, и, прежде, чем рассудок успел запротестовать, руки вывернули руль, направляя тяжелую махину грузовоза в сторону зеленеющего вдалеке массива больничной рощи.

Заглушив мотор, Ярослав некоторое время сидел в кабине, перебирая инструменты в поисках давно потерявшегося гаечного ключа, затем, обратив внимание на толстый слой пыли на панели приборов, полез за тряпкой, и, наконец, озлившись на себя за неуместную робость, тряхнул головой, решительно вылез на улицу.

Найдя нужный корпус, и осторожно отворив дверь, Ярослав замер на входе, стремительно обежал взглядом помещение, но, кроме замершей в уголке старушки, в холле никого не было. Неловко потоптавшись, он подошел к окошечку справочной. Сидящая за стеклом девушка подняла голову, на Ярослава взглянуло хорошенькое беззаботно личико, произнесла:

— Я вас слушаю.

— Два дня назад к вам привезли больную...

— Фамилия? — с прежней беззаботностью прощепетала девушка.

Ярослав помялся, сказал, подбирая слова:

— Я не знаю, она была без документов и...

Девушка распахнула глазки, сказала удивленно:

— Как же я вам ее найду? — Но, заметив, как помрачнел собеседник, добавила: — Впрочем, за последние дни пациентов поступило не очень много, так что... Когда, говорите, это было?

Обрадованный, Ярослав произнес скороговоркой:

— Ближе к обеду. Доктор сказал, что у нее шоковое состояние.

Девушка взглянула скептически, но подвинула к себе клавиатуру, застучала пальчиками, время от времени поглядывая в дисплей монитора. Наблюдая за действиями девушки, Ярослав со страхом ожидал результата поиска. Сейчас она закончит щелкать, сочувственно покачает головой и скажет...

— Пришли спасенную проведать?

От сухого, надтреснутого голоса Ярослав вздрогнул, обернувшись, наткнулся на насмешливый взгляд прищуренных глаз. Узнав того самого доктора, с кем он разговаривал в прошлый раз, Ярослав улыбнулся, сказал смущено:

— Так получилось. Ехал мимо, дай, думаю, зайду, узнаю — как там она...

Врач покивал, в глазах мелькнули озорные искры, но голос прозвучал ровно:

— Похвально, что не забыли. В наше время у людей память на удивление коротка. Что касается девушки... — Он помрачнел, сказал тоном ниже: — Капельницы, чистка организма, усиленное питание — все что смогли, сделали, но...

Ярослав нахмурился, спросил встревожено:

— Что с ней?

— Как бы сказать помягче, она несколько не в себе: на вопросы не отвечает, на

раздражители не реагирует. Такое впечатление, что она долгое время подвергалась воздействию мощных наркотических веществ, оказавших разрушительное воздействие на мозг, и теперь... — Доктор развел руками.

— Что с ней будет? — поинтересовался Ярослав упавшим голосом.

— Передадим в руки полиции, — хмуро ответил врач. — Конечно, в ее сумеречном состоянии это далеко не лучшее, но выхода нет. Известить близких мы не можем, денег, чтобы держать дольше, не имеем, остается надеяться, что в полиции смогу установить личность и отправить к родным.

— Когда вы ее... передадите? — произнес Ярослав, чувствуя странное возбуждение.

— Да вот, буквально сейчас. С минуты на минуту придет представитель закона. Приди вы немного позже, уже не застали бы. Кстати, вот и она. Можете поговорить, пока есть время.

Повинуясь жесту врача, Ярослав повернул голову и замер. Незаметно вышедшая из коридора, незнакомка стояла у стены, отстраненно глядя перед собой в пространство. Ее фигурка, что за это время как будто еще больше ужалась, показалась столь хрупкой, бледное с синевой лицо столь несчастным, что Ярослав ощутил, как защемило сердце, а перед глазами затуманилось.

Он уже было двинулся к девушке, но в этот момент хлопнула дверь. Грузно затопало, послышалось надсадное дыхание. Повернув голову, Ярослав следил за приближающимся представителем полиции: массивная, обтянутая мешковатой формой фигура, тяжелая челюсть, низкий, скошенный лоб, мелкие свиные глазки, что непрестанно перемещаются, словно не способные задержаться взглядом хоть сколько-нибудь надолго. Обдав запахом пота, и едва не задев Ярослава огромным пузом, полицейский прошел мимо, пробасил, обращаясь к врачу:

— Сержант Смирнов, вызывали?

Врач поморщился, сдержано произнес:

— Да. Девушка без документов и родственников. Мы сделали все что могли, теперь ваша очередь.

Полицейский повертел головой, наткнувшись взглядом на девушку, направился в ее сторону, подойдя, взял за подбородок, рывком поднял, всматриваясь в глаза. Глядя на то, как сержант грубо держит девушку, бесцеремонно осматривая с ног до головы, Ярослав ощутил мгновенный приступ ярости. В глазах потемнело, верхняя губа приподнялась, а кулаки сжались, он качнулся вперед, но услышал за спиной предупредительное покашливание, а вслед за этим холодный голос врача, обращенный к полицейскому.

— У меня не много времени. Будьте добры, поторопитесь, наверняка нужно заполнить какие-то документы.

Сержант оставил девушку, глумливо ухмыляясь, прошел к доктору. На этот раз Ярослав специально сдвинулся в сторону, чтобы зацепить полицейского плечом, но тот, судя по прилипшей к губам нехорошей усмешке, погруженный в приятные размышления, не заметил толчка.

Краем уха прислушиваясь к негромкой беседе доктора с полицейским, Ярослав подошел к девушке, остановился, вглядываясь в лицо. Высокий лоб, небольшой, в веснушках, нос, узкий подбородок, припухшие чувственные губы, и изумительные глаза с глубокими черными зрачками, что, по сравнению с прошлым разом значительно уменьшились, но по-прежнему занимают чересчур много пространства.

Сердце стукнуло с перебоем раз, другой, а затем забилося так, словно вот-вот выскочит из грудной клетки. Девушка шевельнулась, зрачки чуть сместились, сфокусировались на его лице. Затаив дыхание, Ярослав следил, как лицо незнакомки меняется: челюсти сомкнулись, губы сошлись в тонкую полоску, а глаза начали заполняться осмысленностью. Мгновение Ярослав ощущал заинтересованный взгляд, но иллюзия рассеялась, и он вновь увидел девушку с отрешенным лицом и пустыми глазами.

Ярослав еще несколько мгновений всматривался девушке в лицо, но визгливый голос прервал очарование момента, окончательно вернув к действительности. Он покосился на полицейского, что с брезгливым выражением лица что-то выговаривал врачу, напирая на него всем телом. Наконец, врач не выдержал, направил стража порядка к справочной, а сам быстрым шагом двинулся прочь.

Проходя мимо Ярослава, доктор негромко сказал:

— Конечно, полиция нас бережет, но... не хотел бы я оказаться на ее месте.

Врач углубился в коридор, и вскоре исчез из виду. Проводив доктора задумчивым взглядом, Ярослав вновь воззрился на девушку, но в голове раз за разом повторялись последние слова доктора.

— Эй, наркота, ступай к выходу!

Неприязненный голос стеганул бичом. Ярослав замедленно повернул голову. Полицейский брезгливо смотрел на девушку. Видя, что она не реагирует, повторил громче:

— Кому сказал, выходи. И не прикидывайся овцой, хуже будет. А ты, — рука указала на Ярослава, — отойди подальше. Не видишь, баба не в себе, на слова не реагирует.

Еще не понимая, для чего он это делает, Ярослав произнес:

— Давайте я помогу, доведу ее. — Заметив, как глаза у полицейского полезли на лоб, а рот начал открываться для ответа, Ярослав затараторил: — Я уже такими вещами занимался. Мне не сложно. Сейчас отведу потихоньку, а вы пока документы заполните. Ведь ваша машина у входа? Там и встретимся.

Ощущая бесшабашную удаль, он подхватил девушку под руку, потянул, увлекая к выходу, не забывая угодливо улыбаться полицейскому. Тот проводил Ярослава взглядом, но, так и не нашелся что сказать, покрутив пальцем у виска, вновь повернулся к окошечку.

Оказавшись на улице, Ярослав завертел головой, отыскивая полицейскую машину. Обнаружив искомое неподалеку за забором, он решительно повернулся в противоположную сторону, и двинулся в обход здания. Девушка покорно семенила следом, не проявляя признаков недовольства и возмущения. Чувствуя себя спасающим принцессу рыцарем, Ярослав прошмыгнул по парку, прячась от случайных свидетелей за деревьями. Протоптанная в зелени едва заметная тропка привела к оgrade, предусмотрительно выломанной чьими-то заботливыми руками.

Оказавшись за пределами больничной территории, Ярослав вздохнул свободнее, но, на всякий случай, перешел через дорогу и уже по противоположной стороне, взяв девушку под руку, достиг КАМАЗа. И лишь когда руки привычно легли на руль, а комплекс больничных зданий остался далеко позади, Ярослав с шумом выдохнул, искоса взглянул на спутницу. Острая фаза приключения закончилась, эмоции схлынули, и пришедший на смену чувствам трезвый рассудок раз за разом задавался лишь одним вопросом — для чего?

Заехав на базу, и удостоверившись, что на ближайшие пару суток работы не предвидится, Ярослав оставил машину и вернулся домой уже на общественном транспорте. Спутница покорно следовала за ним, не проявляя признаков раздражения или усталости,

как, впрочем, и иных чувств. Порой, поглядывая на девушку, Ярослав удивлялся сам себе, не понимая, что на него нашло. Руководствуясь порывом, выкрасть из рук представителя полиции человека, что, ко всему прочему, находится в невменяемом состоянии, казалось верхом безрассудства. Однако, в памяти вновь проступали неприятные черты блюстителя закона, а в ушах раздавался брезгливый окрик, и Ярослав отбрасывал сомнения, убеждаясь, что поступил верно.

Сидящие на лавочке у подъезда бабушки покосились с удивлением. С тех пор, как ушла жена, он не приводил девушек ни разу. Сперва мешали тяжелые воспоминания, а после с головой поглотила работа, и редкие, спонтанно возникающие позывы — пойти, познакомиться, упирались в нехватку времени, и в конечном счете сходили на нет.

Вслед за бабушками Ярослав перехватил заинтересованные взгляды кучкующихся возле соседнего подъезда дворовых парней. Коротко стриженные, одетые в кожаные куртки, армейские брюки и тяжелые, шнурованные ботинки, ребята проводили парочку оценивающими взглядами. С местными проблем не возникало ни разу, но Ярослав ощутил укол неприязни. Расправив плечи, он подчеркнуто замедленным движением отворил дверь, пропустив девушку вперед, вдвинулся следом.

Подъезд встретил их застарелым запахом плесени и мочи. Ярослав поморщился. Обычно он не обращал внимания за вонь, за годы проживания привыкнув к вечно влажному подвалу, откуда круглый год летели бесконечные комары, и постоянно сломанному замку входных дверей, через которые в дом порой забредали желающие справить нужду. Но сейчас запахи ударили по обонянию с особой силой.

Невольно ускорив шаг, он с ходу нажал кнопку лифта, и, прежде чем двери успели раскрыться, вошел внутрь, втянул за собой спутницу и раздраженно ткнул кнопку нужного этажа, недоумевая, с чего это вдруг лифт стал так медленно работать. Лишь когда двери затворились, а кабина, негромко постукивая, понеслась наверх, Ярослав ощутил, как разглаживаются морщины на лбу. Когда же за спиной захлопнулась дверь квартиры, вместе с неприятными запахами отрезая от унылого зрелища обшарпанных стен, волна недовольства полностью сошла на нет.

Освобождая место госте, Ярослав сдвинулся в сторону, сбросив ботинки, прошмыгнув в зал, мельком оглядев помещение, схватился за голову, вихрем пронесся по комнате, уничтожая следы многодневного бардака. Обрывки упаковок вперемешку с пластиковыми бутылками полетели в угол, разбросанные повсюду грязные носки оказались загнанны под диван, а ворох смятого постельного белья расстелился по дивану равномерным слоем, чего не случалось уже добрые пару месяцев.

Напустив на себя отсутствующий вид, Ярослав вернулся в коридор. Девушка за это время успела разуться и, сложив руки на коленях, с отсутствующим видом сидела на стульчике. Заметив пустой взгляд госты, Ярослав вздохнул, сказал натянуто бодро:

— Похоже, с уборкой я несколько поторопился. Что ж, пойдём в кухню, уж поесть-то, ты, надеюсь, не откажешься.

Он взял девушку под руку, провел за собой, усадив на табурет, двинулся к холодильнику, лихорадочно пытаясь вспомнить, осталось ли там хоть что-то съедобное. Отворив дверцу, Ярослав с облегчением вздохнул, занятый работой, он начисто забыл, что почти сутки назад приволок из ближайшего супермаркета огромный пакет с продуктами, и сейчас это оказалось как нельзя кстати.

Не мудрствуя, Ярослав забросил в кастрюльку полпачки пельменей, сразу же перешел к

приготовлению салата. Нож замелькал, вгрызаясь в спелые бока помидор, брызнул красноватый сок. За помидорами пришла очередь огурцов и лука. К моменту, когда, заправленный сметаной и специями, салат возвышался горкой в миске на столе, подоспели пельмени. Разложив пельмени по тарелкам, и, на всякий случай, плеснув немного бульона, Ярослав переместил блюда на стол, мельком оглянувшись, не забыл ли чего, и лишь тогда, успокоенный, присел на табурет.

Желудок подвело от голода, но он не притрагивался к пище, выжидательно глядя на гостью. Пустой взгляд и отстраненное лицо девушки внушали отчаянье. Что если она никогда не придет в сознание, не сможет разговаривать, есть, справлять естественные потребности? От мысли, что, возможно, он обрек себя на мучения с инвалидом, сердце сжималось в тоске, а руки холодели, но спасительным кругом перед глазами маячило воспоминание о коротком преображении в больнице: сосредоточенное выражение лица, пристальный взгляд, насмешливый изгиб губ. С замиранием сердца Ярослав ждал повторения, всеми силами отгоняя зарождающиеся сомнения, что тогда ему лишь почудилось, в момент, когда, под натиском эмоций, зрение изменило, искажая реальность и превращая желаемое в действительное.

Дрогнула рука. Пальцы замедленно потянулись, нащупывая дорогу, словно осторожная улитка, наткнувшись на ложку, сомкнулись, крепко ухватили за ручку. Затаив дыхание, Ярослав следил, как гостья зачерпнула из тарелки пельмень, поднесла ко рту, откусив кусочек, принялась жевать, зачерпнула следующий. Неуверенно, осторожно, будто после длительного перерыва, двигаясь короткими рывками.

Лицо незнакомки по-прежнему оставалось неподвижным, а глаза потухшими, но, наблюдая, как она справляется с пищей, Ярослав ощутил невероятное облегчение: гостья сделала что-то сама, без принуждения. И, хотя, действие оказалось простым, а движения неловкими, начало было положено. Чувствуя небывалый подъем, Ярослав вооружился вилкой и приступил к трапезе, не забывая внимательно следить за незнакомкой, чтобы не пропустить, если ей потребуется нечто большее, чем лежащие на столе продукты.

По мере того, как тарелка пустела, челюсти девушки двигались все медленнее, пока наконец не замерли, одновременно повисла рука, подцепив ложкой последний пельмень, но так и не оторвавшись от тарелки. Ярослав встал, осторожно вынул ложку из пальцев гостьи, убрал со стола. Отмывая посуду, он временами косился на незнакомку, но безжизненный вид девушки уже не вызывал уныния. В душе прочно поселилась уверенность: рано или поздно она придет в себя, не может не прийти!

Сложив очищенную посуду горкой, Ярослав убрал остатки продуктов в холодильник, затем приблизился к девушке, долго смотрел в лицо, произнес с улыбкой:

— Ну что ж, пойдем, покажу хозяйство.

Реакции не последовало, но Ярослав и не надеялся. Взяв гостью за руку, он повел ее в зал, предусмотрительно обходя углы и внимательно следя, чтобы девушка по неосторожности не ударилась о выступающие детали интерьера. Продвигаясь по залу, Ярослав по-очереди указывал на вещи, красочно и в деталях рассказывал историю каждой, пока не завершил круг, после чего снял со шкафа старый альбом с фотографиями, усадил гостью на диван, и принялся перечислять всех изображенных родственников и друзей, вспоминая смешные эпизоды и хохоча от души.

Время от времени поглядывая на отстраненное лицо гостьи, Ярослав ощущал себя идиотом, но лишь стискивал зубы и продолжал рассказ. Девушка молча сидела рядом,

вперив невидящий взор в альбом, и было не понять, то ли происходящее вокруг проходит мимо, не касаясь погруженного во тьму сознания, то ли, утомленная, она размышляет, не прекратить ли затянувшуюся игру, огорошив новоявленного товарища жестокой правдой.

Когда в горле начало першить, а за окном сгустились сумерки, Ярослав отложил книгу, согнав с лица осточертевшую улыбку, устало произнес:

— Давай-ка я тебя уложу.

Встав, он мягко, но решительно, поставил девушку на ноги, поддерживая за талию, повел в маленькую комнату, где, до последнего дня совместной жизни, обитала жена, и куда, без крайней необходимости, он старался не заходить.

Мягкий ком подушки под головой, нежные, едва ощутимые, прикосновения постельного белья. Одежда сбилось, открыв правую ногу и едва ощутимый сквозняк приятно холодит кожу. Ольга открыла глаза. Белый потолок с паутиной тоненьких трещин, в стороне недвижимым пятном застыл солнечный зайчик, перевернутым грибом свисает абажур люстры, золотистые ворсинки каймы чуть покачиваются в такт движению воздуха.

Взгляд пробежался по потолку, скользнул на стену, пройдясь по цветастому рисунку обоев, перешел ниже, охватывая интерьер в целом. Пыльное трюмо со множеством баночек и бутылечков, бельевого шкафа, у окна деревянный столик с витиеватыми резными ножками, часть столика и подоконник заставлены горшочками с цветами. Большая часть цветов пожухла, изломанными палками торчат стебли, иссохшие листья скручены серыми трубочками, лишь несколько еще живы, тянут к свету пожелтевшие веточки.

Ольга некоторое время следила за дрожащими в льющемся из окна потоке света пылинками, пытаясь вспомнить, что это за место, и каким образом она здесь очутилась, но перед глазами возникали лишь смутные картины и невнятные образы. Ольга нахмурилась, незнакомая обстановка не вызывала опасения, но провалы в памяти настораживали.

Спустив ноги с кровати, она уже собиралась встать, когда в боку кольнуло. Рука невольно дернулась к больному месту, пальцы прошились по коже, наткнувшись на неровное, замерли. Ольга опустила глаза и ахнула. Там, где раньше была ровная поверхность бугрится нарост свежего шрама. Удивляясь непонятным образом возникшему рубцу, Ольга подошла к зеркалу. Глаза расширились, а из груди вздох ужаса: почти все тело оказалось покрыто рубцами, большими и маленькими, свежими и не очень, словно ее долго и усердно обнаженной возили по камням. Приглядевшись, Ольга нахмурилась — ни одной уродливой или кривой отметины, все рубцы идеально ровные, защиты аккуратными стежками, и отличаются только длиной и направлением.

Догадываясь, что увидит, она повернулась к зеркалу спиной — тоже самое: плечи, спина, ягодицы, все в мелких шрамиках. Озадаченная, Ольга почесала затылок, уже не удивляясь, ощутила неровности и там. Взгляд вновь скользнул к зеркалу, оценивая, пробежался сверху вниз по фигуре, замер на уровне живота. Все же пара шрамов отличалась от прочих, круглые, как монетки, словно кто-то прикоснулся раскаленным металлом. В памяти шевельнулись воспоминания: забрызганные кровью стены, светлый прямоугольник выхода, сливающиеся в единое вспышки — одна за другой, и уплывающий во тьму пристальный взгляд смутно знакомых глаз.

Воспоминание всколыхнулось и исчезло, оставив после себя тягостный осадок. Оля внимательно осмотрела комнату: ни вещей, ни сумочки, лишь в углу, на стуле, аккуратно расправленные, лежат вещи, но, судя по покрою и состоянию, больше напоминают мужские обноски чем женское белье. Ольга поморщилась, мало того, что она находится в незнакомой квартире, без вещей, покрытая непонятно откуда взявшимися шрамами, так еще и ничего не помнит.

Ситуация выглядела парадоксально, и где-то даже смешно, если бы не такое количество неизвестных. Напряженно размышляя, Ольга повернулась к окну, собираясь осмотреть улицу, но в этот момент запирающая комнату дверь скрипнула. Усиленный тишиной и напряженным состоянием, звук ударил по нервам, вызвав мощный выброс адреналина.

Мышцы рванулись, унося тело в сторону, комната на мгновение смазалась, и спустя секунду Ольга вжималась в стену, скрытая от входящего выступом бельевого шкафа.

Ощущая, как бешено колотится сердце, Ольга замерла, боясь выдать себя хоть звуком. Один шаг, другой. Шорох прекратился. По всей видимости, человек осматривался. Раздался удивленный возглас:

— Ничего не понимаю. Я же собственноручно уложил ее в постель!

Слова прозвучали беззлобно. Пожав плечами, и мельком удивившись своей столь острой реакции, Ольга отлепилась от стены и вышла из укрытия.

Расширенные от удивления глаза, отвисшая челюсть, замершие в движении руки, отчего нелепость позы проявилась лишь ярче — возле входа в комнату каменным изваянием застыл парень. Ольга окинула незнакомца взглядом. Невысокий, подтянутый, с широким разворотом плеч и крепкими руками, парень приятно радовал глаз хорошей физической формой, черная майка — безрукавка и выцветшие джинсы также смотрелись гармонично. Со спортивной фигурой несколько контрастировало лицо, округлое, лишенное мужественно выдвинутого подбородка и широких скул, оно несколько смазывало впечатление, но ясные голубые глаза, сейчас широко распахнутые, попятанный веснушками нос, и детские, чуть припухлые губы располагали к общению, намекая на добродушный нрав и миролюбие хозяина.

Не ощутив в парне угрозы, Ольга улыбнулась, произнесла замедленно:

— Наверное, мой вопрос покажется глупым, но... где я, и как здесь очутилась?

Хотя это казалось невозможным, но глаза парня расширились еще, став похожими на два блюдца. Он попытался что-то сказать, но в горле заклокотало. Оля с удивлением и интересом смотрела, как незнакомец откашливается и смешно трясет головой. Наконец, он собрался с силами, выдохнул:

— Я собирался задать тот же вопрос, как только ты придешь в себя.

Ольга спросила с подозрением:

— Что значит приду в себя?

— Ты ничего не помнишь? — Брови парня вновь взлетели к переносице.

По-прежнему подозревая шутку, Ольга сдержано ответила:

— Как видишь, нет. И буду признательна, если ты меня просветишь.

В глазах незнакомца промелькнуло странное выражение, когда он сказал:

— Мне бы и самому хотелось знать. — Заметив, как сдвинулись брови собеседницы, он выставил ладони перед собой, поспешно добавил: — Но сперва предлагаю позавтракать. Беседа на пустой желудок не лучшее занятие с утра... Кстати, меня зовут Ярослав.

Уже некоторое время ощущая дискомфорт в животе, Ольга улыбнулась уголками губ.

— Ольга. Но раньше чем мы позавтракаем, подскажи, где у тебя туалет.

Указывая, Ярослав вытянул руку и уже открыл рот, но дробью простучали шаги, и он обнаружил, что остался один. Потоптавшись, он осмотрелся, решительно переставил стул с одеждой в центр комнаты, и двинулся в кухню, размышляя, вспомнит ли после утренних процедур гостя о том, что кроме трусиков существуют и прочие элементы одежды, или придет как есть. Последний вариант, впрочем, был не лишен очарования. Не смотря на короткое знакомство, точеная фигурка девушки успела отложиться в памяти, и если бы не предстоящий серьезный разговор, Ярослав оставил бы стул на месте, а то и вовсе убрал.

Вполуха прислушиваясь к доносящемуся из ванной плеску, Ярослав сделал салат, разлил по стаканам минералку и поджарил хлебцы. Критически осмотрев результаты работы, он с

удовлетворением кивнул. В свое время он не брезговал плотным завтраком, но жена, поборница здорового образа жизни, приучила с утра не нагружать желудок, и, хотя, с тех пор многое изгладилось из памяти, привычка к умеренности сохранилась.

Занятый приготовлениями, он пропустил момент, когда плеск затих, и вздрогнул, когда, в очередной раз повернувшись, обнаружил гостью за столом. Ярослав успел удивиться, как девушка сумела беззвучно пройти по скрипящим половицам, но мысли уже устремились в ином направлении. Гостья пришла напрямую из ванной, в качестве одежды завернувшись в полотенце, но ткань оказалась недостаточно велика, так что груди выступили над верхним краем настолько, что проглядывались кончики, от холодной воды затвердевшие и сморщенные. Ярослав невольно опустил глаза, гулко сглотнув, тут же поднял, снизу полотенце скрывало не намного больше.

Мельком окинув взглядом кухню, Ольга присела, пока хозяин суетился, задумчиво водила ногтем по столу, погружившись в размышления. Едва Ярослав присел за стол, гостья вынырнула из размышлений, глаза сфокусировались на его лице, губы раздвинулись в улыбке, а глубокая морщина на лбу расправилась, оставив в напомиание о себе слабый, как легкий росчерк карандаша, след.

Ярослав поднял стакан с минералкой, немного смущаясь, произнес:

— Не могу похвастать хорошим вином, поэтому придется ограничиться минералкой. За знакомство!

Ольга подняла стакан, протянула руку. Стекло мелодично звякнуло, отчего скопившиеся на стенках пузырьки разом всплыли, вспенивая поверхность. Пригубив, Оля улыбнулась шире, успокоила:

— Я не привередливая. Минералки более чем достаточно. Но ты говорил, что...

Ярослав спохватился, поспешно произнес:

— Да, да. Конечно. Просто... я подумал, что ты сперва захочешь поесть.

Ольга взяла хлебец, положила кусочек масла. От жара масло тут же растаяло, поплыло янтарными каплями, растекаясь по поверхности и напитывая хрустящую корочку, подобно наполняющему соты меду. В глазах потемнело, а под ложечкой засосало так, что Ольга с трудом подавила стон, только сейчас поняв насколько голодна. Откусив кусочек, она замычала от удовольствия, замотала головой, ощущая, как вместе с пищей в организм вливаются силы. Обращаясь к хозяину квартиры, что смотрел на нее со смешанным чувством, Ольга произнесла с набитым ртом:

— Прием пищи мне не мешает слушать, так что... рассказывай.

Ярослав в восторге покачал головой, зрелище набросившейся на завтрак, подобно оголодавшему хищнику на свежее мясо, девушки завораживало. Испытывая сильные сомнения, что, занятая едой, гостья сможет хоть что-либо воспринять, Ярослав приступил к рассказу. Сперва он с трудом слышал сам себя, хруст хлебцев и чавканье заглушали слова, но, по мере рассказа, Ольга жевала все медленнее, ее брови сдвинулись к переносице, а на лбу вновь пролегла глубокая канавка.

Действия Ярослава казались странными. Сама она бы вряд ли стала проверять сданного в больницу бомжа, и, уж тем более, не потащила бы его домой, но больше удивляло другое: оказаться посреди тайги, на обочине, вдали от жилья, и прийти в себя только несколько дней спустя, да и то, лишь после ударной дозы физраствора, полученного в отделении детоксикации, и... никаких воспоминаний.

Задумчиво дожевывая кусочек, Ольга поинтересовалась:

— Какое сегодня число?

— Семнадцатое, — откликнулся Ярослав.

— Что ж, выпавшая из жизни неделя не такой большой срок... успею набрать загар. —

Ольга мельком взглянула на отметины на руках, добавила с натянутой улыбкой: — На темном рубцы заметны меньше.

Ярослав посмотрел с некоторым удивлением, но, заметив, как гостья выскребают оставшиеся от хлебцев крошки, подхватился, загремел сковородой. Ольга пыталась протестовать, но Ярослав не слушал, нарезав буханку, он разбил оставшиеся яйца, и через несколько минут на столе вновь возвышалась горка из подрумянившихся, исходящих ароматом хлебцев.

После разговора Ольга заметно помрачнела, и Ярослав счел за лучшее оставить девушку наедине с мыслями. Дойдя до зала, он присел на диван. Рука привычно ухватила пульт, палец вдавил кнопочку. Экран протаял картинкой. С перекошенными рожами бегут солдаты, что-то выкрикивают на ломаном русском, не глядя, палят во все стороны. Из развалин, напротив, раз за разом выглядывает мужчина в форме войск НАТО, скаля в улыбке идеальные зубы, стреляет в ответ, убивая за раз двоих, а то и троих противников.

Поморщившись, Ярослав переключил канал, затем еще и еще. Картинки менялись, привлекая насыщенными цветами и динамичной сменой кадров, но он смотрел в полглаза, мысли упорно возвращались к гостье. Девушка вызывала двойкие чувства. С одной стороны, открытая, без привычной для многих женщин жеманности, что так раздражает мужчин, без излишних комплексов, гостья вызывала восторг и уважение, при воспоминании о наряде, в каком Ольга вышла из ванной, Ярослав ощутил жар внизу живота, но с другой... Удивительно ровная реакция. Узнай он, что провалялся без сознания почти неделю, к тому же очнулся неизвестно где, с исколотыми венами и обезображенным телом — снисходительной улыбкой бы не отделался. Да и любой другой человек на его месте. Хотя, вполне возможно, девушка чего-то не договаривает. Вены на руках шрамиками сами собой не покрываются, да и об избирательной потере памяти слышать не доводилось.

На экране возник тонущий теплоход. От выходящего из трюма воздуха у бортов вздымаются волны, поверхность воды покрыта точками голов утопающих, кто-то из последних сил машет руками, кто-то уже не шевелится. Стоя на палубе проплывающего мимо судна, диктор возбужденно вещает о сотнях жертв, горестно закатывая глаза, и едва не заламывая руки.

Привлеченный репортажем, Ярослав добавил звук, подался вперед, вглядываясь в картинку. Мысли спутались, потеряли строй, логическая цепочка рассыпалась, а подозрения улеглись, погребенные лавиной новостей. За катастрофами начался рассказ о строительстве нового микрорайона, а затем добрались и до сельского хозяйства. Краем зрения Ярослав отметил движение, повернул голову.

Ольга зашла в комнату, прислонившись к стене, со все возрастающим удивлением смотрела в телевизор. Покачав головой, отвела глаза, задумчиво произнесла:

— Не думала, что по центральному каналу могут транслировать прошлогодние новости.

Моргнув, Ярослав непонимающе переспросил:

— Прошлогодние новости?

— Ну да, — Ольга пожалала плечами, — кто же собирает картофель в июле?

— В июле? — улыбнувшись, вновь переспросил Ярослав, подозревая шутку, но девушка смотрела серьезно, и улыбка сама собой исчезла. Мягко, словно разговаривая с маленьким

ребенком, Ярослав сказал: — Но сейчас и есть сентябрь.

— Ты меня разыгрываешь? — замедленно поинтересовалась Ольга, заметно побледнев.

Вместо ответа Ярослав начал переключать каналы, выбрав один, с колонкой новостей, указал в верхний правый угол экрана. Ольга придвинулась ближе, некоторое время смотрела, не в силах отвести взгляд, затем деревянно отошла, выдохнула чуть слышно:

— Этого не может быть. — Резко развернулась, так что Ярослав вздрогнул, произнесла со страстной надеждой: — Но ведь на улице жара — отсюда чувствую!

Ярослав осторожно взял девушку под руку, подвел к окну. Указав на растущие неподалеку деревья, сказал:

— Действительно, осень непривычно жаркая, но, приглядишься, они наполовину пожухли. Каким бы ни было знойным лето, в июле листва не желтеет.

Ольга ощутила, как к горлу подкатывает ком, а мысли суматошно мечутся в черепе. Если это не глупый розыгрыш, затеянный в непонятных целях ее новым знакомым, то это означает... В глазах потемнело от жуткого понимания. С момента, как воспоминания прерывались, смешиваясь в туманную кашу из невнятных образов, прошло намного больше времени, чем она даже могла предположить. Два с лишним месяца без сознания — бездна времени, за которое могло произойти все что угодно!

Перед внутренним взором пронеслись жутки картины, отобразившие все те кошмары, что она слышала о пропадающих без вести людях: посаженные на цепь, работающие за еду на закрытых «плантациях», невольные доноры органов, в мучениях ожидающие очередной безвозмездной операции.

Словно подтверждая страшные догадки тягуче заныло в боку, ближе к печени, а в сердце болезненно кольнула невидимая игла. Не обращая внимания на Ярослава, Ольга сбросила полотенце, закутилась, пытаясь обнаружить места предполагаемых разрезов, необходимых для изъятия тканей. Паника накатила черной волной, гася тщетные попытки робко сопротивляющегося разума.

Внутри уже не просто ноет, боль разрастается, растекаясь по телу безжалостным огнем, рвет на куски. Перед глазами пульсируют кровавые ошметки — то, что оставил от органов скальпель умелого хирурга. В ушах усиливается гул, сперва тонкий, едва слышимый, он набирает мощь с каждой секундой, пока не превращается в невыносимый рев. Сознание тонет в водовороте ужаса, а висящий перед глазами черный ком оформляется в череп, скалящий зубы в жуткой ухмылке.

Вскрикнув, Ольга отпрянула, с силой ударившись о стену, сползла на пол. Онемев, Ярослав наблюдал, как конвульсивно дернувшись, тело девушки застыло, глаза закатились, а лицо посерело, будто подернулось пеплом. Преодолев оцепенение, он рванулся к холодильнику, где, на одной из полочек, хранилась предназначенная для крайних случаев пачка лекарств.

Завернувшись в плед, Ольга сидела на постели, невидяще глядя перед собой. Случившийся сутки назад странный приступ, высосал из организма все силы. Несколько раз приоткрывалась дверь, в комнату заглядывал Ярослав, с вопросом в глазах, внимательно смотрел на гостью, но Ольга не шевелилась, и, разочарованный, хозяин квартиры удалялся. Мысли вяло бродили в голове, не в силах вырваться из замкнутого круга непонимания. Перед внутренним взором возникали одни и те же вопросы: где она была эти месяцы, почему тело покрылось шрамами, наконец, что случилось с памятью?

Но вопросы оставались без ответа. Воспоминания заканчивались жестоким боем в подъезде, когда, убив полтора десятка противников, она почти вырвалась из западни... и вновь начинались здесь, в уютной комнатке, в квартире странного парня, что не побрезговал приютить беспомощную калеку, а между этими событиями лежала черная пропасть беспомысленности.

В боку легонько кольнуло. Ольга поморщилась, почесала зудящее место. Кольнуло снова, затем невидимые иголки вонзились в плечо, в спину, и вскоре зудело все тело. Шевелиться не хотелось, слабость по-прежнему владела телом, но зуд не прекращался, и Оля сбросила одеяло, принялась чесаться, сперва вяло, но с каждой секундой все больше входя во вкус. Начесавшись вдоволь, она ощутила прилив сил, принялась осматриваться, пытаясь понять, что вызвало столь странную реакцию.

Зудели многочисленные рубцы. Кожа вокруг шрамов припухла и покраснела. Ольга шагнула к зеркалу, повернувшись спиной, вывернула голову, осмотревшись, со вздохом отошла. Судя по всему, в раны попала инфекция, и организм усиленно боролся, пытаясь справиться с чужеродной жизнью. Ольга поежилась, представив, чем именно она могла заразиться, а когда взгляд упал на сгибы локтей, усеянные точками-рубцами, словно ей на протяжении долгого времени кололи лекарства, настроение упало совсем. Ведь колоть можно не только лекарства, к тому же никто не поручится, что перед введением иглы стерилизовали.

Сердце застучало сильнее, а виски заломило. Чувствуя, что еще немного, и странный приступ вновь повторится, Ольга шагнула к окну. Перед глазами потемнело, а в ушах тоненько запищало, когда она с силой рванула за ручку. Хрустнуло, с грохотом посыпались горшки, в лицо ударила волна свежего воздуха. Постояв минуту, Ольга ощутила, как сердце успокаивается, стучащие в ушах молоточки затихают, а мысли проясняются.

Обернувшись, она наткнулась на внимательный взгляд. Застыв в дверном проеме, Ярослав задумчиво рассматривал девушку. Ольга смутилась, виновато произнесла:

— Извини. Мне стало дурно. Полезла открывать окно, и в спешке забыла о цветах. Я все уберу.

Наблюдая, как она лихорадочно прибирается, сгребая земляную пыль в горшочки, Ярослав произнес:

— Не извиняйся. Это только к лучшему. Я сюда почти не захожу, и растения давно засохли. Оставь, пусть лежит. Хороший повод избавиться от ненужного.

Ощувив в его словах недоговоренность, Ольга хотела задать вопрос, но, увидев в глазах хозяина квартиры печаль, сказала нарочито бодро:

— Ну уж нет. Растения украшают жилище и радуют глаз. У тебя тут целый выводок

горшочков, всего-то дел — полить землю, да посадить семена!

Лицо собеседника приняло странное выражение, он покивал, соглашаясь, хотя, было заметно, что его мысли далеко, затем, словно опомнившись, взглянул пристально, спросил с тревогой в голосе:

— С тобой все в порядке? Тот приступ...

Ольга отмахнулась.

— Ерунда, не бери в голову. — Но, наткнувшись на скептический взгляд Ярослава, осеклась, добавила с заминкой: — Я имею в виду, раньше ничего подобного не было, ну, до того, как я, как со мной...

Видя, как страдальчески исказилось лицо девушки, Ярослав поспешно произнес:

— Не будем о грустном. Что было, то прошло. Ты, наверное, хочешь есть?

При этих словах, голод, от которого уже некоторое время сосало под ложечкой, напомнил о себе с новой силой, но Ольга ответила твердо:

— Нет. Пожалуй, я лучше немного погуляю. Конечно, если ты не против.

Ярослав развел руками.

— Конечно нет. Пойдем, я как раз думал о прогулке, но не решался предложить.

Помявшись, Ольга попросила:

— Мне бы хотелось пройтись одной. — Заметив, как сдвинулись брови собеседника, воскликнула: — Я не уйду далеко! Посижу на лавочке, может, прогуляюсь по двору. Ну а потом с удовольствием пройду с тобой. Ведь надо же узнать, где поблизости располагаются магазины с модной одеждой. — Она лукаво улыбнулась, добавила чуть слышно: — Понимаю, я не в том положении, чтобы просить, но мне, правда, нужно немного побыть в одиночестве. Совсем чуть-чуть.

Ярослав широко улыбнулся, и, хотя, в глубине глаз, едва заметное, промелькнуло недовольство, ответил:

— Хорошо.

Собрав остатки рассыпанной земли, и водрузив горшочки на прежнее место, Ольга отряхнула руки, и, не дожидаясь, когда хозяин квартиры покинет комнату, принялась переодеваться. Послышались торопливые шаги. Ярослав поспешил выйти. Ольга сбросила пеньюар, выданный хозяином квартиры, и, судя по всему, принадлежавший одной из его бывших пассий, быстро облачилась в свои вещи, и выскользнула в коридор.

Ярослав стоял возле выхода, дождавшись, когда гостя обуется, отворил дверь. Выходя, Ольга поблагодарила взглядом, сказала:

— Я не долго. Мне, правда, нужно подумать. На свежем воздухе это получается лучше, да и разрушений, — она кивнула в сторону спальни, — происходит меньше.

Ярослав кивнул, сказал коротко:

— Я буду посматривать из окна. Если что-то не так — кричи.

Улица встретила удушающим зноем. Остановившись на крыльце, Ольга окинула взглядом двор. Если из дома наступление осени казалось не столь заметным, верхушки деревьев по-прежнему оставались зелеными, лишь местами, где-то больше, где-то меньше, наблюдались вкрапления желтизны, то снизу почти вся листва приобрела характерный «золотой» оттенок. Последние сомнения улетучились. В июле, каким бы ни было засушливым лето, такого быть не могло.

Вздыхнув, Ольга неторопливо спустилась по ступенькам, замедленно двинулась вдоль дорожки, направляясь в сторону группки деревьев неподалеку. Она не ошиблась с

направлением. Под деревьями, в тени густых крон, обнаружилась скамейка. Ольга присела, откинулась на спинку. Легкий ветерок и тихий шелест листвы успокаивали.

Понаблюдав за снующими в ветвях птицами, Ольга вспомнила о предупреждении Ярослава, повернув голову, взглянула в сторону дома, отыскивая среди множества одинаковых окон нужное. В одном месте, за распахнутой створкой, маячит силуэт. Ольга присмотрелась, помахала рукой. Высунувшись из окна по пояс, силуэт превратился в Ярослава, повертев головой, обнаружил Олю, помахал в ответ, после чего втянулся назад, слился с чернотой проема.

Ольга улыбнулась. Ситуация навеяла воспоминания детства, когда, обеспокоенная долгим отсутствием, мать выглядывала из окна, озирая двор в поисках заигравшейся дочурки. Визг покрывок вырвал из грез. Брызнув в стороны, словно стайка испуганных птиц, воспоминания исчезли, мысли очистились, а тело напряглось, готовое отреагировать на угрозу. Ольга повернула голову, отыскивая источник звука.

В десятке метров, на дороге, приткнувшись к бордюру, стоит машина. Водитель сидит недвижимо, руки вцепились в руль, на лице недоумение. Ольга всмотрелась внимательнее. Машина ни чем не примечательна, обычная иномарка, каких сотни, черная, от колес до крыши, лишь ослепительно блестят, отражая солнце, мелкие хромированные детали.

Мельком посочувствовав водителю, в такую жару в машине должно быть не очень уютно, тем более в черной, Ольга отвернулась, попыталась вновь окунуться в воспоминания, но настроение улетучилось, к тому же со стороны машины послышался шум. Когда она повернулась вторично, крышка капота оказалась поднятой, а хозяин машины стоял возле, с озадаченным видом смотрел в мотор. Потоптавшись, он обошел машину, вновь заглянул в мотор, после чего, махнув рукой, поплелся к скамейке, остановившись напротив, произнес извиняющимся тоном:

— Не против, если присяду?

Белая рубашка и отутюженные темные брюки сидят, словно подогнанные, делая и без того гармоничную фигуру почти идеальной, плотный, ровный загар, ботинки цвета воронова крыла сверкают, начищенные до блеска, волосы на голове аккуратно подстрижены, уложены в затейливую прическу. Симметричное, с тонкими чертами, лицо чем-то расстроено, в глазах застыл вопрос, а на губах играет смущенная улыбка. Ольга подняла глаза, ответила с некоторым удивлением:

— Пожалуйста. Я не настолько велика, чтобы занять всю скамью. Можно было и не спрашивать.

Парень благодарно кивнул, пристроившись на краешек, резонно возразил:

— Может ты не одна, или не в настроении. Не хочется доставлять неудобства красивой девушке.

Ольга усмехнулась, спросила с ехидцей:

— А некрасивой, значит, можно?

— Я немного не так выразился...

Парень наморщил лоб, подбирая слова, но Ольга отмахнулась, сказала примирительно:

— Не объясняй, просто, настроение не очень, вот и говорю что попало. — Переводя тему, спросила: — С машиной-то что? Ты с таким видом бегал вокруг...

Собеседник оживился, произнес скороговоркой:

— Двигатель перегрелся. Причем, ты не поверишь, с утра был на станции техобслуживания, там сказали — машина в идеальном состоянии. И вот, через десять минут

важная встреча, а я не могу сдвинуться. — Он поморщился, досадливо махнул рукой.

— Не иначе, с девушкой. — Ольга окинула фигуру собеседника оценивающим взглядом.

— Если бы, — он горестно всплеснул руками, — устраиваюсь на работу. Встреча с директором, первое впечатление, и все такое прочее. И вот, надо же такому случиться...

Горе незнакомца казалось столь искренним, что Ольга прониклась сочувствием, сказала нерешительно:

— Наверняка можно как-то исправить ситуацию. Ты можешь дойти пешком, доехать на транспорте, вызвать такси, наконец.

Собеседник помолчал, о чем-то сосредоточенно размышляя, откликнулся с прояснившимся лицом:

— Пожалуй, ты права, так и поступлю, если не смогу завести мотор ближайшие пять минут. — Он помялся, добавил робко: — Ты не могла бы мне подсказать, на чем добраться до Кольцевой, там расположен офис? Я в городе второй день и не успел выучить маршруты.

Ольга улыбнулась, встреча с «собратом по несчастью» положительным образом сказалась на настроении, сказала с подъемом:

— Ты будешь смеяться, но у меня та же история, и даже еще хуже. — Отвечая на удивленный взгляд собеседника, объяснила: — Второй день в городе, только, вдобавок, потеряла документы... — она замялась, не зная, стоит ли посвящать незнакомца в столь интимные подробности, но парень удивительным образом внушал доверие, и Ольга закончила, — и память.

Парень некоторое время сидел недвижимо, лишь в глазах, расширенных в удивлении, плескалось недоумение. Сглотнув, он выдавил с кривой улыбкой:

— А я-то думал, это у меня серьезные неприятности. — Он поинтересовался с сочувствием: — Потерю документов я еще могу представить, рано или поздно каждый что-то забывает, но, потерять память... Как такое может быть? Ты серьезно ничего не помнишь? Совсем-совсем ничего?

В глазах собеседника проявилось столько смешанного со страхом изумления, что Ольга ощутила сильнейшее желание выговориться. Именно этого ей сейчас не хватало, простого человеческого внимания, непосредственного интереса, случайного человека, без обязательств, которому можно открыться, не получив взамен холодного непонимания, или, того хуже, презрительного отчуждения. Вздыхнув, она произнесла с усталой улыбкой:

— Не всю, последние месяцы. Да и страшит не это, а сопутствующие обстоятельства. Я бы рассказала, но, не думаю, что тебе будет интересно.

Судя по пытливому взгляду, незнакомцу было интересно все, но он лишь понимающе кивнул, произнес с горечью:

— Согласен, не стоит делиться личным с первым же встречным, тем более, если он мужчина. Мало ли...

Не желая обижать незнакомца, Ольга подалась вперед, сказала с жаром:

— Нет, нет, ты не так понял. Это не от недоверия. Просто... в некоторые вещи не стоит углубляться, даже если очень хочется.

Парень покивал, и, хотя, у глаз собрались обиженные лучики, когда он вновь заговорил, в голосе слышалось лишь участие.

— Хорошо, оставим, раз тема тебе неприятна. Но, хотя бы скажи, что собираешься делать: одна, в незнакомом городе, без документов, без друзей... Быть может тебе нужна помощь, совет, деньги, место ночевки, наконец?

Ощущая горячую признательность к проявляющему участие ее судьбой человеку, Ольга ответила:

— Это замечательно, что есть такие люди, как ты, готовые просто так, безвозмездно, помочь в горе, но, к счастью, мне повезло. За последние дни я встретила уже двоих таких, второй сейчас тратит драгоценное время, выслушивая мой бессвязный бред, а первый предоставил мне ночлег и питание.

Услышав последние слова, парень заметно погрузился, резко засобиравшись. Ольга с огорчением поняла, что сболтнула лишнее, расстроив собеседника. Однако, в любом случае, пора было закругляться. Она и без того злоупотребила вниманием человека, битых четверть часа рассказывая о себе, и даже вкратце не поинтересовавшись его, судя по всему, также непростой судьбой.

Не смотря на явное разочарование, парень благожелательно улыбнулся, поднявшись, произнес:

— Что ж, рад. Я в гораздо более выигрышных условиях, но и то ощущаю определенные неудобства. Представляю, каково тебе. На прощанье хотелось бы узнать имя.

Ощувив, что краснеет от стыда, Ольга прошептала:

— Ольга.

— Владимир, по-простому — Влад. — Покосившись в сторону машины, он развел руками, сказал, извиняясь: — Было приятно пообщаться, жаль, нужно бежать. Думаю, двигатель успел остыть. Пойду, попытаюсь сдвинуться. Может, обойдусь без вспомогательного транспорта.

Ощущая, как тает образовавшийся за последние сутки в груди комок холода, Ольга с улыбкой смотрела, как Влад достиг машины, мельком заглянул в мотор и сел за руль. А через мгновение слуха достиг ровный гул, двигатель завелся. Высунувшись из окна, Владимир помахал рукой, что-то прокричал, не различимое за гулом мотора. Взвизгнули покрышки, машина рванула с места, унеслась, взметнув лежащие у обочины листья.

В приподнятом настроении Ольга направилась обратно. Короткое общение помогло прийти в себя, восстановило пошатнувшуюся уверенность. Удивляясь, как, порой, мало нужно, чтобы собраться с силами, Ольга неторопливо поднялась на нужный этаж, вдавила кнопку звонка. Перед глазами по-прежнему стояло ободряющее лицо Владимира, вызывая беспричинную радость.

Едва дверь отворилась, Ольга вошла внутрь, широко, как старому другу, улыбнулась Ярославу, вызвав на лице хозяина квартиры недоуменное выражение, сказала с подъемом:

— Благодарю, что дал возможность побыть в одиночестве. Я собралась с мыслями и полна решимости действовать.

Отметив, как разительно изменилось настроение гостя, но не понимая причины, Ярослав произнес озадаченно:

— Боюсь даже представить, о чем ты размышляла, но, надеюсь, в планы на ближайшее будущее ты меня посвятишь.

Чувствуя небывалый подъем, Ольга бодро произнесла:

— Обязательно, даже если твои запасы гостеприимства исчерпаны, и ты не сочтешь необходимым накормить столь несносную и прожорливую особу завтраком.

Ярослав лишь развел руками, двинулся на кухню, предвкушая рассказ, и недоумевающая, как за неполный час Ольга сумела изменить свое состояние, от глубокого уныния и потерянности, перейдя к позитиву и наполненностью жизнью.

Ольга сидела на скамье, перебирая в пальцах ярко-оранжевый заостренный лист. Не в меру затянувшееся лето закончилось, жара спала, небо затянуло серой хмарью, откуда время от времени моросил мелкий дождь. Густая крона могучего клена, раскинувшаяся над головой, словно крыша, задерживала влагу, но отдельные капли все равно просачивались, шлепали о доски скамьи, обдавая брызгами. Руки уже намокли, волосы покрылись мелкой, водной пылью, но до встречи осталось еще четверть часа и Ольга терпеливо ждала.

Последние дни выдались хлопотными, и Ольга замедленно прокручивала перед внутренним взором череду событий, останавливая, и рассматривая в подробностях особо важные моменты. Вспоминая разговор с Ярославом, Ольга невольно улыбалась. Ее спаситель наотрез отказался слушать, едва Оля заикнулась о доставляемых своим присутствием неудобствах, с ходу заявил, что она может оставаться у него сколь угодно долго: свободной комнатой он почти не пользуется, а что касается прочего, то средств у него хватает, чтобы не заморачиваться такой ерундой как питание на двоих, тем более, что и ест-то она всего ничего.

Ольга не стала спорить, но про себя твердо решила, что в кратчайшее время найдет работу, и, едва получит оплату, снимет жилье. О возможных отношениях с Ярославом она старалась не думать. Положение казалось слишком шатким: в незнакомом городе, без документов, не имея родных и близких. К тому же вызывало опасение состояние здоровья. Без видимой причины возникали приступы слабости, в глазах темнело, а в ушах звенели молоточки. Вечерами начинался жар, а ночью лихорадило так, что, даже собрав на себя все одеяла, она стучала зубами от холода. Измучившись зудом вокруг странных рубцов, она обращалась в больницу, но врач лишь развел руками, порекомендовал несколько лекарств и записал на повторный прием, через месяц.

Как и предполагалось, с трудоустройством оказалось сложно. Пока разговор шел о поверхностных вещах, ей улыбались, пророча обоюдовыгодное сотрудничество, но едва доходило до заключения договора, и выяснялось, что документов нет, лица нанимателей преображались. Ольга оправдывалась, объясняла ситуацию, умоляла войти в положение, но ответом служили лишь обтекаемые фразы, произносимые фальшивыми голосами с натянутыми улыбками.

Вот и сейчас, дожидаясь очередного собеседования, Ольга ощущала холодные щупальца безысходности, от резкого контраста, когда полная возможностей жизнь, где газеты пестрят объявлениями о вакансиях, а двери фирм обклеены приглашениями, что манят выгодными условиями, сулят высокий доход и социальное обеспечение, на деле оказывается далека от праздника.

Чувствуя, как с неотвратимостью снежной лавины накатывает меланхолия, Ольга вскочила, прошлась взад-вперед, пытаясь с помощью движений разорвать оковы уныния. Если ее не возьмут и здесь, еще осталось не мало вариантов, куда можно пойти, попробовать силы. Можно попытаться продать полученные в лагере навыки, устроившись за скромную плату в какое-нибудь охранное агентство, или хотя бы охранницей в магазин. Ну а если не выйдет, можно вернуться к тому, чего всеми силами хотелось бы избежать — древнейшая профессия, востребованная во всем мире и во все времена. В городе достаточно фирм подобного рода, где, не спрашивая прописки и не требуя паспорта, примут с

распростертыми объятьями на «полный рабочий день с высоким уровнем заработка».

Нахлынули упрятанные в самую глубь воспоминания. Перед глазами бестелесными образами закружились лики «соратниц по труду», растаяли в туманной дымке, сменившись бесконечным рядом мужских лиц, симпатичных и страшных, перекошенных яростью и отстраненных, но во взгляде каждого, плохо скрытое, сквозило одно и то же выражение — презрение к женщине, опустившейся до уровня, когда свое тело превращается в предмет торга, а честь и достоинство уходят на задний план, замещенные главной, и единственной целью — хрустящими кусочками бумаги с красивым рисунком и проступающими, если взглянуть на просвет, водяными знаками.

Пронзительный гудок вернул к реальности, вырвав из цепких лап паники. Ольга встряхнулась, прогоняя наваждение, коснулась рукой лба. Не смотря на дождик и прохладный ветерок, пальцы ощутили жар. Оля нахмурилась, в преддверии устройства на работу не хватало только простудиться, полезла к поясу, где, оттопыривая ткань кармана, лежала коробочка с лекарством.

Гудок повторился, требовательный и недовольный. Раздраженная неприятным звуком, Ольга повернула голову. Неподалеку стоит машина, за растущими вдоль дороги редкими кустами не определить модель, из окна приветливо машет водитель. Приглядевшись, Ольга ахнула, подалась вперед, шагая прямо по влажной от дождя траве. В улыбающемся владельце автомобиля она узнала Владимира.

— Вот уж кого не ждал увидеть, присаживайся! — воскликнул Владимир из машины, делая приглашающий жест.

Ольга взглянула на висящие на здании напротив электронные часы, ответила с заминкой:

— Я бы с радостью, но через десять минут собеседование. Боюсь опоздать.

— Так то ж целая вечность! — растянув губы в улыбке, бросил Владимир. — Погуляем, в кафешке посидим. — Заметив промелькнувшую в лице собеседницы растерянность, поспешил объяснить: — Да шучу я, шучу. Сам тороплюсь. Но, тебя увидел, не мог мимо проехать. Можно сказать, товарищи по несчастью.

— Как работа, устроился? — улыбаясь, поинтересовалась Ольга.

Лицо Владимира приняло капризное выражение, когда он произнес:

— Ну вот, говорит, торопится, а сама вопросы задает. — Он скорчил страшную рожу, сказал угрожающе: — Кому говорю, садись! Сейчас водой напитаешься, кто с тобой, мокрой, разговаривать будет?

Ольга подняла голову, только сейчас заметив, что дождь усилился, и вместо мелкой мороси с небес летят полновесные холодные капли, перевела взгляд обратно на собеседника, что насмешливо смотрел из машины, обвиняюще произнесла:

— Ты все подстроил!

— Давно бы так, — глядя, как девушка садится в салон, проворчал Влад. Но, спустя секунду, весело поинтересовался: — Ну, рассказывай, как успехи, уже можно поздравить с назначением?

Ольга вздохнула, сказала с вымученной улыбкой:

— Пока не с чем.

— Проблемы с документами... — сочувственно протянул Влад. — Была у меня похожая история. Но, как-то, знаешь, все на удивление быстро образовалось. Думаю, у тебя будет не хуже, а, скорее, лучше. Ведь девушек на работу берут с большим удовольствием,

особенно девушек красивых! — Он заговорщицки подмигнул.

— Было б все так просто... — вздохнула Ольга. — Но за комплимент спасибо, а за поддержку спасибо вдвойне.

— Тю! — Влад отмахнулся. — Велико дело, человека подбодрить.

Ольга покачала головой, произнесла убежденно:

— Ты не представляешь, насколько много, порой, значит вовремя сказанное слово поддержки, одобрительный взгляд, ласковое прикосновение. — Она встрепенулась, сказала с подъемом: — Но, не будем о грустном. Так что у тебя с работой, ты так и не сказал?

— Все путем, — усмехнулся Влад. — Поговорил, устроился. Теперь кручусь, как белка: то сюда, то туда, сделай то, сделай это. Одним словом — на все руки мастер.

— Ни сколько не сомневалась. — Ольга улыбнулась. — Отмытая машина, одежда с иголки, отутюженные брюки — ты был неотразим.

— Я и сейчас хоть куда, — хмыкнул Влад. Добавил серьезно: — А вообще да, пришлось вырядиться. Хоть и не люблю подобную изысканность в одежде: ни присесть, ни делом заняться, но... Первое впечатление, то да се, сама понимаешь.

Ольга покивала, сказала в тон:

— Сама не люблю. Но, гораздо хуже, когда нежелание усугубляется отсутствием возможности.

Влад оглядел собеседницу с ног до головы, произнес с сомнением:

— Хочешь сказать, плохо выглядишь?

— Шутишь? — Ольга расхохоталась. — Да я в обносках на бомжа!

Владимир почесал в затылке, сказал озадаченно:

— Никогда не понимал, по какому принципу женщины оценивают одежду, но явно не так, как мужчины. И, поверь на слово, с точки зрения мужчин ты выглядишь на все сто, нет, двести!

Взглянув на встроенные в приборную доску часы, Ольга схватилась за голову, ахнула:

— Осталось три минуты, а мне еще до кабинета бежать!

Она выскочила из машины, махнув на прощание, побежала, направляясь к массивному зданию напротив.

Глядя, как она смешно прыгает через лужи, Владимир крикнул вслед:

— Ни пуха...

Обернувшись, Ольга звонко откликнулась:

— К черту!

Проследив, как юркая фигурка скрылась в дверях, Владимир взялся за ключ зажигания. Пальцы обхватили головку ключа, дрогнули, но так и не закончили оборот. Владимир замер, в его глазах отразилось глубокое раздумье.

Ольга вышла из кабинета чернее тучи. То, что директор, импозантный мужчина с приятным лицом и живым взглядом, срочно отбыл по делам, не успев провести собеседование, можно было пережить. Ей было не сложно подождать или прийти позже. Но, уходя, директор возложил полномочия собеседования на помощницу, молодую девушку с высокомерным взглядом и презрительными складками у губ. Лишь только взглянув на девушку, Ольга поняла — она не пройдет собеседование.

Так и получилось. В ходе разговора помощница больше смотрела в монитор, чем на собеседницу, постоянно отвлеклась, набирая номер на мобильнике, но никак не могла дозвониться, отчего раздражалась все больше. В итоге дальше поверхностных расспросов

дело не пошло, распалившись, помощница в негодовании указала на дверь, сообщив, что подобного рода людей им в фирме не нужно.

Ольга не осталась в долгу, высказав все, что думает о фирмах, где работают столь «чуткие» специалисты, выскочила, с грохотом захлопнув за собой дверь. Замедленно шагая по коридору, она напряженно размышляла над случившимся, но лишь махнула рукой. День не задался с самого утра, и подобный исход выглядел вполне закономерным. Удивлял лишь выплеск агрессии, обычно, она себе подобного не позволяла, оставаясь в рамках приличия и будучи корректной, даже если собеседник откровенно хамил.

Скрипнула, отворяясь, дверь, Ольга вышла на крыльцо, остановилась, раздумывая. По плану предстояло обойти еще четыре конторы, но настроение упало. Ощущая безысходность, она шагнула с крыльца, когда в поле зрения возникла смутная фигура, замельтешила. Повернув голову, Ольга удивленно вскинула брови, спросила:

— Ты все еще здесь?

— Решил подождать. Надо ж кому-то тебя поздравить! — отозвался Влад, делая шаг навстречу.

Ольга сказала с досадой:

— Не с чем.

— Не взяли? — ахнул Владимир.

— Не взяли, — эхом откликнулась Ольга.

Владимир расплылся в улыбке, неожиданно брякнул:

— Ну и хорошо. — Отвечая на удивленный взгляд собеседницы, добавил замедленно: — У нас в конторе есть одна вакансия, и я подумал, если тебя не возьмут, можно попробовать...

Ольга со смешанным чувством смотрела на Владимира, не в силах понять, шутит он, или серьезно. Несколько дней безуспешных попыток, и вот ситуация складывается без каких-либо усилий с ее стороны. В предвкушении необыкновенной удачи, мысли понеслись вихрем, но она осадилась, спросила осторожно:

— Ты уверен, что я подойду? И, если знал, почему молчал раньше?

Владимир пожал плечами.

— У тебя были планы. К тому же я слышал лишь краем уха, и не имею полной информации. Но, раз не вышло, — он покосился на здание, откуда только что вышла Ольга, — почему бы и не попробовать?

Ольга тяжело вздохнула, сказала потухше:

— Наверное, все же не стоит. Сегодня явно не мой день, да и настроение, после всех этих собеседований, препаршивое. Боюсь, представление такого кандидата, как я, тебе аукнется не лучшим образом.

Владимир отмахнулся.

— Не аукнется, я ж не о своем благе пекусь — за фирму радею. — Понизив голос, добавил с нажимом: — Я понимаю, ты в сложной ситуации, но это не повод опускать руки. Мало ли, что кто-то отказал!

— Ладно бы кто-то, все! — усмехнулась Ольга. Владимир, казалось, источал позитив, и вызывал подъем настроения одним своим видом.

— Все равно не повод, — упрямо ответил Влад. — Сейчас ты сядешь в машину, поедешь со мной, и поговоришь с начальником.

Ольга ощутила, как ее схватили, поволокли. После множества отказов у нее вовсе не

было уверенности, что что-то получится, но настроение заметно поднялось, и она позволила себя увлечь.

Когда дверца захлопнулась и Влад вырулил на дорогу, Ольга сказала с подъемом:

— Если дело выгорит с меня причитается. — Заметив, как расплылось в улыбке лицо спутника, добавила злорадным шепотом: — Но если нет — будешь приводить меня в чувство мороженым, а мороженого мне нужно мно-ого!

Пока ехали до места, Ольга с интересом смотрела в окно. Город удивлял разнообразием, уютные улочки, застроенные старинными кирпичными особняками, сменялись проспектами, засаженными громадами высоток сплошь из стекла и бетона, а те, в свою очередь, переходили в пустыри, где, обставленные грудами стройматериалов, спешно закладывались основания новеньких жилмассивов.

Припарковавшись, Влад произнес:

— Вот мы и на месте.

Ольга вышла из машины, огляделась. Грязноватая улочка, вдоль дороги, изъеденной ухабами, словно асфальт не ремонтировали последние десять лет, бетонный забор с частыми проемами — воротами. За забором возвышаются побуревшие от времени кирпичные постройки, въезжают и выезжают грузовики, тут же, выскивая съестное в кучках мусора, бродят облезлые псы.

Ольга повернула голову, вслушиваясь в долетающие из-за деревьев звуки проезжей части. Верно поняв ее озабоченность, Владимир успокоил:

— Да, да, магистраль совсем рядом. Сможешь без проблем приехать и уехать. Транспорта здесь в изобилии.

Он направился к ближайшим воротам. Ольга поспешила следом. Прошли заваленный ящиками двор, поднялись по металлической лесенке. Владимир галантно отворил перед Ольгой дверь, простив спутницу вперед, зашел следом.

Ольга поинтересовалась вполголоса:

— Инструкции будут? Не хотелось бы испортить впечатление неуместной фразой.

Сосредоточенно о чем-то размышляя, Влад лишь отмахнулся.

— Ничего особенного. Я отлучусь ненадолго, а ты подожди. Как вернусь — зайдем вместе.

Хлопнула входная дверь, спутник исчез. Потоптавшись, Ольга замедленно пошла вдоль коридора, читая прибитые возле кабинетов таблички: «отдел маркетинга», «бухгалтерия», «секретарь». Едва она поравнялась с табличкой «директор», дверь распахнулась, на пороге возник мужчина: крупный, с грубыми чертами лица и суровым взором, он выглядел внушительно, несмотря на некоторую грузность и неудачного покроя костюм, мешковато облегающий фигуру, выправка выдавала принадлежность «директора» к силовым структурам.

Окинув взглядом Ольгу, он сдержанно улыбнулся, спросил:

— Вы что-то хотели?

Ольга было собралась отнекиваться, но, подумав, честно ответила:

— Я слыхала, у вас есть вакансия...

Мужчина посторонился, качнул головой, приглашая. Ольга зашла, присела за стол. Директор устроился с противоположной стороны, отчего массивное кожаное кресло жалобно скрипнуло, сказал:

— Работы много. Возможно, придется засиживаться. Предыдущие двое из-за этого

уши.

— Это нормально, — ровно ответила Ольга, — редко где сейчас уходят вовремя.

Мужчина посмотрел одобрительно, сказал:

— Хорошо. Не буду утомлять вопросами по специфике, сам разбираюсь плохо. Но, думаю, проблем не возникнет.

— Я не очень точно поняла, но вам ведь требуется... — Ольга сделала расчетливую паузу, надеясь услышать ответ раньше, чем обнаружится ее полная неосведомленность.

— Да, да, знаю. — Мужчина поморщился. — Секретарша напортила с объявлением. Нужен логист.

Ощувив легкую дрожь в коленях, пару раз она слышала это слово, но даже отдаленно не представляла — что оно означает, Ольга мило улыбнулась.

— Я так и поняла.

— Ну и отлично. — Лицо директора осветила скупая улыбка. — Давай документы, рекомендацию с предыдущей работы, и закончим с формальностями.

Чувствуя, что сейчас ее отправят, и хорошо, если не по наиболее подходящему к случаю адресу, Оля прошептала:

— Понимаете. У меня случилась недоразумение, украли все документы... — она развела руками.

Мужчина нахмурился, сказал замедленно:

— Это плохо. Тогда назови хотя бы предыдущее место работы.

Ольга развела руками.

— Это было в другом городе, и название вам вряд ли что скажет.

Директор набычился, внешне он остался спокоен, но, судя по потяжелевшему взгляду, внутри бушевали молнии, сказал:

— Ну, хотя бы телефон можешь сказать?

— Телефон вам ничего не даст, фирма закрылась, — огорченно ответила Ольга.

Лицо собеседника побагровело, он рявкнул так, что зазвенели стекла:

— Тогда какого черта ты отрываешь у меня время!?

Ощущая себя кроликом, рядом с разъяренным медведем, Ольга пролепетала:

— Но ведь главное рабочие навыки, разве нет?

Директор задохнулся от ярости, рванул ворот. Ольга уперлась руками в стул, чтобы, в случае чего, успеть выскочить в коридор, но в этот момент скрипнула дверь, в кабинете возник Владимир.

Директор повел головой, бросил зло:

— Что еще?

Не выказывая страха, Владимир подошел к начальнику, нагнувшись, что-то зашептал на ухо. Ольге показалось, что директор сейчас выкинет из кабинета их обоих, но случилось невероятное. Сперва хмурое, лицо директора с каждым мгновением преображалось, с щек ушла краснота, глаза перестали яростно вращаться, а губы расплзлись в улыбке.

Обращаясь к подчиненному, он произнес:

— Что же ты сразу не сказал? — перевел взгляд на Ольгу, добавил задушевно: — Прощу меня извинить, выдалась тяжелая неделя. Так на чем мы остановились?

— Что, главное — рабочие навыки, — с трудом выдавила Ольга, шокированная происходящим.

— Да, да, именно они. — Директор покивал, сказал радушно: — Что ж, не будем придирается к мелочам. Вопрос с документами как-нибудь уладим, а пока... Владимир, проводи девушку на место, ну и, введи в курс дела, что ли... — Он шумно выдохнул, словно сказанное далось с огромным трудом.

Владимир сдержанно кивнул, повернувшись, вышел из кабинета. Чувствуя себя неловко, Ольга суетливо вскочила, поблагодарив, выбежала следом. Шагнув за порог, она мельком оглянулась, успев перехватить тяжелый взгляд директора, но дверь захлопнулась, и возникшее было удивление рассеялось, сметенное волной ликования.

— Ну, что я говорил? — Владимир подмигнул.

— Я уж решила — засыпалась, — честно призналась Ольга. — Он у вас всегда такой

суровый?

По лицу Владимира скользнуло странное выражение, но тут же исчезло, он широко улыбнулся, сказал бодро:

— Не бери в голову. Работы много, нервотрепки еще больше, вот он и... Пошли лучше, покажу рабочее место.

Видя, что спутница еще толком не пришла в себя, он взял ее под руку, двинулся по коридору.

* * *

Домой Ольга вернулась под вечер, в приподнятом настроении, чмокнув в щеку Ярослава, скользнула на кухню, зашуршала пакетами. Опешив от такого приветствия, Ярослав прошел следом, остановился в проеме, недоуменно глядя, как на столе появляются продукты: пучки зелени, горка помидор, несколько пачек творога, банка со сметаной... Последней, наполнив кухню душистым ароматом, на стол легла буханка свежее испеченного хлеба.

Собравшись с мыслями, Ярослав спросил:

— Нашла кошелек с деньгами?

Ольга залиvisto рассмеялась, воскликнула:

— Лучше. Работу!

Ополоснув овощи, она вооружилась ножом, взяла разделочную доску, и принялась готовить салат.

Ярослав взглянул с недоумением.

— На работах нынче деньги выдают заранее? Как я отстал от жизни.

— Не так, чтобы заранее... — Ольга на мгновение оторвалась от работы. — Просто, узнав ситуацию, люди вошли в положение, и не только взяли, без придинок и проволоочки, но и выдали часть зарплаты, так сказать — авансом.

Ярослав покачал головой, сказал с сомнением:

— Редкие, однако, люди. Мне, все чаще, попадаются другие: работой загружают, платить не хотят...

Ольга с улыбкой подняла глаза на хозяина квартиры, ответила легко:

— Мир не без добрых людей. Хотя, признаюсь, встречаются они действительно реже чем хотелось бы. — Ярослав не улыбнулся. И Ольга лишь сейчас заметила, насколько пасмурно его лицо, спросила с тревогой: — Что-то не так?

Ярослав присел за стол, сказал с натянутой улыбкой:

— Все в порядке, просто... у меня завтра рейс.

— Рейс? — откликнулась эхом Ольга.

— Рейс. Далеко и... надолго. Я и так уже почти неделю без работы.

Ольга закусила губу, сказала понимающе:

— Да, да. Ты же дальнобойщик. Как я могла забыть.

Повисла неловкая пауза. Ольга кляла себя за забывчивость, не подумав, она истратила большую часть полученных денег на продукты, и оставшейся суммы не хватило бы даже на съем плохонькой общаги. Ярослав наблюдал за ее лицом, с интересом всматриваясь в сменяющие друг друга эмоции. Наконец, он прервал молчание, в раздумии произнес:

— В принципе, осталось еще достаточно времени, чтобы...

— Да, да, — с досадой подхватила Ольга, — мне хватит времени чтобы собрать вещи. Тем более, что и собирать особо нечего.

Пропустив сказанное мимо ушей, Ярослав закончил:

— Чтобы научить тебя пользоваться входным замком и познакомить с значками.

Не ожидав подобного, Ольга пристально взглянула в глаза собеседнику. В глубине души, далеко-далеко, где еще осталась частица незамутненного детского восприятия мира, как светлого и радостного, где люди добры, а законы справедливы, на уровне тонких, едва заметных ощущений она понимала мотив, но, прошедший через боль и утрату, закаленный испытаниями разум с презрением отвергал, отыскивал рациональное зерно.

То, что еще несколько лет назад было само собой разумеющимся, теперь казалось смешным и нелепым. Перед глазами вихрем пронеслись события последних лет: бессознательная, но от этого не менее болезненная, ненависть матери, циничная жестокость клиентов, алчность в глазах соратниц и жесткий распорядок жизни военного лагеря. Трепетный огонек надежды вспыхнул и потух, раздавленный тяжелой пятой рассудительности. Перед внутренним взором прояснилось, взглянув в лицо хозяину квартиры, Ольга спросила ровно:

— Что я должна сделать?

Ярослав некоторое время испытывающе смотрел ей в глаза, едва заметно кивнул, словно увидел нечто важное, ответил с той же интонацией:

— Для начала... выслушать инструкции.

Они улыбнулись друг другу, но каждый вложил в улыбку свой смысл. Ярослав сперва сидел, задумчиво глядя за руками Ольги, что ловко порхали, превращая овощи в кучки аккуратно нарезанных ломтиков, затем, воспользовавшись каким-то мелким предлогом, ушел в зал. Через минуту послышалась приглушенная речь, ведущий новостей рассказывал о последних достижениях в спорте. Но в коротких промежутках, когда диктор ненадолго замолкал, слышалось равномерное поскрипывание. Хозяин квартиры ходил из угла в угол, будто размышлял над тяжелой задачей. Похоже, решение оставить квартиру на, хоть и симпатичную, но мало знакомую девушку, далось не легко.

Допуская, что хозяин может передумать, Ольга до последнего сдерживалась, отгоняя невольную радость. Искать жилье без денег, в незнакомом городе, не имея ни документов ни знакомых, было в высшей степени неблагодарным занятием, и это накладывало определенные обязательства перед хозяином, вне зависимости от того, чем именно он руководствовался, принимая подобное решение. Впрочем, одно то, что он до сих пор не бросился на нее и не изнасиловал, воспользовавшись ситуацией, говорило о многом.

К моменту, когда ужин стоял на столе, разлитый по тарелкам, и распространял одуряющий аромат, Ольга наконец отбросила сомнения, позволив себе ощутить радость от столь необычайного стечения обстоятельств. Она направилась в комнату, собираясь позвать Ярослава, но тот сам вышел навстречу, поводя носом и громко сглатывая, сказал:

— Надеюсь, уже можно ужинать? — Заметив, что Ольга открыла рот для ответа, выставил ладони перед собой, вскричал: — Только не говори — «еще чуть-чуть», я уже слюной захлебываюсь.

Ольга лукаво улыбнулась, ответила в тон:

— Нет, нет. Я собиралась сказать совсем другое. Немедленно за стол!

Склонив голову, Ярослав произнес задушевно:

— Всю жизнь бы тебя слушал.

Расположившись за столом, Ярослав вдохнул поднимающийся над тарелкой пар, голодно замычав, схватил ложку, зачерпнув, забросил в рот, проглотил, почти не жуя. С улыбкой взглянув, как хозяин квартиры уплетает за обе щеки, Ольга присела за стол, вооружилась ложкой, зачерпнула. Против ожидания, вкус оказался неприятен. Мучающий последние пару часов голод как-то разом прошел, накатила вялость, захотелось прилечь, расслабиться.

Рука привычно коснулась лба, пальцы ощутили горячее. Поморщившись, затянувшееся болезненное состояние начинало раздражать, Ольга без аппетита поковыряла ложкой в тарелке, и под мелким предлогом вышла из кухни. Ярослав ничего не сказал, лишь проводил задумчивым взглядом.

Добравшись до комнаты, Ольга рухнула в кровать, ощущая полнейшее бессилье. Тело налилось тяжестью, в ушах зашумело, а щрамики, о которых она успела забыть, вновь начали зудеть. Некоторое время она лежала в оцепененье. За окном стемнело, елочными гирляндами зажглись окна дома напротив. Далеко, на пределе слуха, скрипнуло, зашуршало, вспыхнуло яркое. Ольга с трудом вынырнула из забытья, повернула голову. На полу, посреди светлого прямоугольника от падающего через проем света, застыла тень.

Ольга скосила глаза, обнаружив замершего у двери Ярослава, сказала хрипло:

— Извини, чувствую себя отвратительно.

Ярослав помялся, подошел ближе, присел на краешек постели, всмотревшись Ольге в лицо, сказал озабоченно:

— Может, скорую вызвать?

Вспомнив посещение врача, Ольга помотала головой.

— Не надо. Уже проходит... — Заметив недоверие в лице собеседника, она натужно улыбнулась, сказала с убеждением: — Проходит, проходит. К тому же, ты собирался показать как работает замок... если не передумал.

— Не передумал. Только, сдастся мне, что-либо объяснять сейчас толку не будет. Лежи уж, утром покажу.

Ольга некоторое время собиралась с мыслями, а когда набрала воздуха для ответа, Ярослав исчез. Ощущая, что вместе с телом поднимает стокилограммовую плиту, Ольга встала, деревянной походкой двинулась к выходу. Она бы с удовольствием не двигалась совсем, но с утра нужно было появиться на работе как можно раньше, чтобы разобраться с обязанностями, к тому же расписание транспорта пока оставалось загадкой, и чтобы не опоздать требовался приличный запас времени.

Она с трудом доплелась до ванной, подставила лицо под холодную воду, подумав, разделась, выкрутила воду до упора и включила душ. Ледяная вода ударила тугой струей, обожгла. Сжимая зубы, чтобы не завопить, Ольга терпеливо ждала, ощущая, как отступает усталость, а в голове проясняется. Когда кожа на груди от холода перестала чувствовать, а перед глазами окончательно прояснилась, она завернула воду, вздохнула с облегчением.

Завернувшись в полотенце, она вышла из ванной с твердым намерением — едва представится возможность, заняться здоровьем вплотную. В проходе она столкнулась с Ярославом. Заметив Ольгу, он всплеснул руками, хотел было помочь, но она решительным жестом отвергла помощь, сказала с нажимом:

— Я в норме. Предлагаю приступить к обучению.

Ярослав лишь покачал головой, но спорить не стал. Сняв ключ с вбитого в стену

крючка, он отпер дверь, выдвинулся в подъезд. Ольга подошла. Глаза Ярослава расширились, когда он заметил, что девушка и не подумала одеться, а идет, как есть, завернувшись в полотенце. Окинув спутницу восхищенным взглядом, он вставил ключ в замочную скважину, бодро произнес:

— Что ж, приступим...

С утра, едва открыв глаза, Ольга повернула голову, всматриваясь в стоящий на столике будильник. Внутреннее чувство времени сработало четко, пробудив организм к жизни за четыре минуты до звонка. Поднявшись, Ольга прислушалась к себе. От вечернего недомогания осталось лишь легкое головокружение, да слабая ломота в мышцах, ни жара, ни ужасного тошнотворного состояния. С облегчением вздохнув, она прошла по квартире, преисполненная желанием поделиться радостной новостью. Но хозяина не оказалось.

На кухне, придавленный тарелкой с остывшими хлебцами, белел исписанный мелким подчерком кусок бумаги. Ольга подошла, отодвинув тарелку, пробежала глазами послание, улыбнулась. Не особо рассчитывая на девичью память, Ярослав кратко повторил все, что рассказывал вечером, подчеркнув особо важные пункты, и пририсовав на обратной стороне затейливую схему, над которой Ольга долго ломала голову, пока не поняла — схема отображает кратчайший путь до остановки.

Изгнанный вечерним нездоровьем, голод вернулся вновь. Ольга взяла с тарелочки хлебец, быстро сжевала, разохотившись, съела и остальные. Судя по всему, Ярослав ушел совсем недавно и завтрак еще не успел остыть. Ощущая горячую благодарность к человеку, что оказался настолько заботлив, помимо завтрака оставил еще и горячий чай, Ольга плотнула из кружки и унеслась в ванную. Вернувшись в комнату, она быстро оделась, и, не задерживаясь, вышла из квартиры.

В первый день, по просьбе Владимира, работающий за соседним столиком парень, Николай, устроил Ольге сорокаминутную лекцию на тему логистики, после чего всучил пухлую папку с документами, посадил за компьютер, и вернулся на свое место. Весь день Ольга разбиралась с бумажками, копалась в компьютере, то и дело подбегала к Николаю, уточняя неясности, а когда настал вечер, вышла на улицу с распухшей от новых знаний головой.

Неделя пролетела незаметно. С работы Ольга уходила едва ли не последней, с утра же подскакивала, выходя на час — полтора раньше необходимого, чтобы успеть хотя бы частично разобраться в кажущемся бесконечным объеме работы, чем занималась ее предшественница.

Чем больше Ольга погружалась в работу, тем шире раздвигались горизонты непознанного. От наименований товара, что, как оказалось, имеет гораздо больше названий, чем значилось на маркировке, пухла голова, а руки уставали стучать по клавиатуре, исправляя и корректируя таблицы рейсов. Грузовики, забивающие двор столь тесно, что с трудом можно было дойти до складов, располагающихся на противоположной части, оказались не единственным транспортом, и к расписанию автотранспорта вскоре добавился график поездов и рейсы самолетов.

Но, как оказалось, работа заключалась не только в планировании расписаний, составлении резервных маршрутов и непрерывных телефонных звонках. Уже на второй день потребовалось идти на склад — уточнять, что именно, где, и в каких количествах хранится, так как сделать это при помощи компьютера оказалось решительно невозможно. Проторчав в холодном, пыльном помещении склада почти половину дня, Ольга вернулась назад и, согреваясь горячим чаем, до вечера правила базу данных.

Посещать склад пришлось и на следующий день, и через один. К этому времени погода окончательно испортилась, и Ольга утащила на работу резиновые сапоги, обнаружив под стоящей в коридоре тумбой подходящую по размеру обувь. Едва возникала необходимость, Ольга одевала сапоги и шлепала через двор, не обращая внимания на широкие лужи и нанесенные колесами машин куски жирной грязи.

Помимо грязи, холода, и загромождающих дорогу машин, к затрудняющим работу факторам добавились сами водители. Едва Ольга появлялась во дворе, к ней сразу же направлялись один — два водителя, широко улыбаясь, здоровались, отпускали необидные шутки и делали комплименты. Ольга сперва решила, что мужчины просто флиртуют, но, когда, сначала один водитель намекнул о том, чтобы немного подкорректировать расписание, затем другой, она с ужасом поняла, что многие вопросы придется решать «на ходу», по возможности учитывая пожелания перевозчиков.

За неделю Владимир заходил лишь дважды, мельком осматривал кабинет, интересовался, как идут дела, и, улыбнувшись, исчезал. Кем именно он работал на фирме, и чем занимался, Ольга так и не узнала, но, занятая работой под завязку, даже и не пыталась. К концу недели, когда работа начала получаться, Ольга ощутила сильнейшую потребность в отдыхе. Едва закончился рабочий день, она выключила компьютер, и, не задерживаясь ни на секунду, покинула кабинет.

Весь день хлестал ливень, и лужи слились в сплошное озеро. Миновав ворота, Ольга е

затруднении остановилась на небольшом, выступающем из воды пятачке асфальта. Мочить и без того разваливающиеся кроссовки не хотелось, но и шлепать босиком по холодным лужам, где, скрытые грязной водой, острыми гранями топорщились камни, представлялось не лучшим выбором.

Мокро прощуршали шины, к обочине подъехал автомобиль, остановился. Не обращая внимания, Ольга уже собралась с духом, чтобы шагнуть, когда послышался бодрый голос.

— Паром не нужен?

Ольга повернула голову, прищурилась, пытаясь в наступающих сумерках разглядеть говорившего. В салоне вспыхнул свет, выхватил из тьмы водителя. Улыбаясь, из машины на Ольгу смотрел Владимир.

Ольга развела руками, сказала с вымученной улыбкой:

— Было бы очень кстати.

— Так давай, не зевай. — Владимир кивком указал на дверь, дождавшись, когда девушка сядет в машину, произнес: — Я уж подумал — откажешься. Столь решительный у тебя был вид.

— Разве что вплавь, иначе тут не получится, — отшутилась Ольга.

Владимир щелкнул кнопкой, отчего в недрах приборной панели загудело, а на Ольгу дхнуло теплой волной, заметив, как расслабляется лицо девушки, улыбнулся, тронул машину. Осторожно объехав несколько особенно больших луж, Владимир спросил:

— Как впечатления от работы, трудно?

Ольга устало вздохнула, сказала с бледной улыбкой:

— Если честно — да. Я и не думала, насколько это все сложно.

Владимир покивал, сказал ободряюще:

— Это поначалу. Обвыкнешься, станет попроще. Работа, в общем, не пыльная, коллектив неплохой, да и зарплата тоже. — Он взглянул на спутницу, подмигнул.

Услышав о подобных тонкостях работы от человека, что устроился в фирму на два дня раньше нее, Ольга удивилась, но усталость оказалась настолько велика, что она лишь обронила короткое:

— Надеюсь, справлюсь.

Некоторое время ехали молча. Убаюканная равномерным гудением мотора и мягким покачиванием, Ольга задремала, но Владимир вдруг произнес с заметным волнением:

— Извини за вопрос, но... Ты себя хорошо чувствуешь?

Ольга встрепенулась, взглянула непонимающе. Владимир повторил вопрос. Сон затуманил мысли, но глубоко внутри дернулся звоночек опасности. За последние годы не единожды убедившись, что кроется за благожелательным отношением людей на самом деле, Ольга научилась с осторожностью относиться к «добрым поступкам» не принимая все за чистую монету. За последние дни Владимир сделал для нее слишком много, и, хотя, возможно, для него это было не более чем жест доброй воли, Ольга насторожилась.

— Да, немного нездоровится, — произнесла она с запинкой.

Услышав, как изменился голос девушки, Владимир оторвался от дороги, взглянул с удивлением, поспешно произнес:

— Ради бога, извини, если вопрос оказался неуместен. Просто... ты выглядишь, несколько, м-м... усталой. Мне было бы неприятно знать, что ты надсаживаешься на непосильной должности, ведь это все моя инициатива.

В голосе спутника послышалась такое участие, что Ольга удивилась возникшим

подозрениям. Владимир был абсолютно искренен и говорил от души. Помолчав, она сказала чуть слышно:

— Наверное, не стоит об этом говорить, но... раз ты спрашиваешь. Последние две недели со мной происходит что-то жуткое: высокая температура, головокружение, ломота в мышцах. Если днем я как-то держусь, то к вечеру становится совсем плохо. К тому же постоянно снятся кошмары. Я просыпаюсь в холодном поту и с сильнейшим сердцебиением, но... не помню содержания.

Владимир сказал с глубоким сожалением:

— Я очень хочу помочь тебе, но я не медик. — Он задумался, и Ольга ощутила, что впадает в оцепенение, когда Владимир вновь заговорил: — У меня есть знакомый врач. Не помню точно, как называется специализация, но он занимается похожими странными случаями.

Балансируя на грани сна, Ольга откликнулась с улыбкой:

— Наверное это психиатр.

Владимир нахмурился, сказал с обидой:

— Я серьезно. У тебя очень усталый вид. К тому же это тебе ничего не будет стоить. По крайней мере, первая консультация.

Заметив огни знакомого магазина, Ольга встрепенулась, сказала просительно:

— Пожалуйста, высади меня тут, хочется немного пройтись, проветриться. — Дождавшись, когда машина остановится, она повернулась к спутнику, сказала с благодарностью: — Владимир, ты и так сделал для меня достаточно, еще немного, и будет перебор. А насчет здоровья — забудь. Устала я, наговорила что ни попадя. До свидания, благодарю, что подбросил.

Прогулка принесла желанное облегчение, воспрянув духом, Ольга направилась домой. Перед подъездом, на дорожке, толклись несколько парней. Оля заметила компанию издали, но, не придав значения, пошла напрямую. Навстречу, загораживая дорогу, шагнул один из парней, глумливо ухмыльнувшись, пробасил:

— Не торопись так, постой с нами. Ведь завтра выходной.

Не смотря на благотворное действие свежего воздуха, в висках по-прежнему постреливало, а мышцы томительно ныли, и Ольга отозвалась с усталой улыбкой:

— Неделя выдалась тяжелой. Как-нибудь в другой раз.

Парень покачал головой, сказал насмешливо:

— Другой раз когда еще будет. У нас настрой на сейчас.

— Придется потерпеть, — ответила Ольга уже с меньшим радушием.

— А если мы не хотим терпеть? — не унимался парень.

Ольга ощутила толчок гнева, произнесла с металлическими нотками в голосе:

— Отойди, ты мне мешаешь пройти.

Один из парней, почуввав неладное, произнес:

— Слышь, Ген, ну ее. Впереди выходные, еще успеем, подцепим телок.

Гена дернул щекой, сказал недовольно:

— Может и подцепим, но то когда будет? Что мне теперь, от избытка спермы лопаться?

Гнев разросся, усилился, сердце забилось чаще, а дыхание участилось. Ольга выдохнула дерзко:

— А ты подрочи. Говорят, помогает.

Один из парней хихикнул, остальные одобрительно заулыбались. Названный Геннадием

люто зыркнул в их сторону, быстро шагнул, так что разом оказался почти вплотную, прошептал жарко:

— Вижу, девочка не следит за языком. Так мы сейчас найдем ему применение. — Он прихватил себя за гениталии, сделал характерный жест.

Чувствуя, как наполняется глухой злобой, Ольга двинула кисть туда, где секунду назад находилась рука парня, захватив пальцами как можно больше, сдавила. Лицо парня приняло удивленное выражение, но вскоре удивление сменила гримаса боли, а затем ужаса. Глаза выкатились, рот распахнулся, он завыл, сперва тихо, но, по мере того, как Ольга усиливала хватку, все громче и громче.

Товарищи несчастного сперва глупо улыбались, не понимая, что происходит, когда же у парня от боли покатались слезы, загомонили, принялись хватать за плечи. Но Ольга не обращала внимания, продолжая давить, с каким-то болезненным любопытством наблюдая, как стоящий перед ней мужчина трясется всем телом, сгибаясь и оседая. Жуткий пронзительный визг ласкал слух, а искаженное мукой лицо вызывало удовольствие, отчего хотелось смотреть еще и еще.

Ее стали толкать, дергать. Наконец, Ольга с явным сожалением разжала пальцы, но даже отступив на шаг, продолжала с интересом смотреть на конвульсивные движения рухнувшей прямо на грязный асфальт жертвы.

Проходящие мимо люди начали останавливаться, с озабоченностью присматриваться к происходящему. Парни окружили товарища, стали теребить, дергать. Один поднял голову, обращаясь к Ольге, сурово произнес:

— Шла бы ты, куда хотела. Пока не...

— Пока не что? — перебила Ольга зло.

Парень отшатнулся, сказал заискивающе:

— Народ, вон, набежал, сейчас полицию вызовут. Тебе оно надо?

Фыркнув, Ольга направилась к подъезду, с силой распахнула дверь. Ткнув кнопку вызова лифта, Ольга немного постояла, но в теле бурлила нерастраченная энергия. Не дождавшись кабинки, она зашагала вверх по лестнице. Пока под подошвы ложились ступеньки, в теле бурлила мощь, а в душе ярость, но, постепенно, возбуждение улеглось, а когда за спиной захлопнулась дверь, отрезая от внешнего мира, испарились последние капли ярости.

Ольга с глубоким удивлением вновь и вновь прокручивала перед глазами происшествие, не в силах понять, откуда возникла столь мощная волна злости. Поведение парня оставляло желать лучшего, но наказание теперь казалось излишне жестоким. Ольга вновь и вновь вспоминала наслаждение, доставленное видом поверженного врага, столь непривычное и чуждое, словно кто-то другой, войдя в ее тело, получал извращенное удовольствие.

Глубоко внутри, едва ощутимые, еще бродили отголоски необычных чувств. Ольга потрянула головой, с отвращением передернулась, прогоняя странные и страшные ощущения, решительно направилась в ванную. Ударившая из душа ледяная струя взбудрила, выбила из тела усталость, прогнала сомнения. Проснулся и аппетит. Чувствуя голодные спазмы, Ольга прошла в кухню, распахнув холодильник, застыла в раздумии.

Вскоре, на сковороде, постреливая каплями горячего сока, всюю шкворчало мясо. Окинув покрытые корочкой кусочки оценивающим взглядом, Ольга выключила плиту и принялась готовить салат. Когда желудок уже громко завывал, а рот наполнился слюной, она, наконец, села за стол, вооружившись вилкой, приступила к трапезе.

Ужин пролетел незаметно, лишь после того, как вилка заскребла по дну тарелки, Ольга вздохнула, отодвинулась от стола. Неделя интенсивной работы дала о себе знать. Отсутствие полноценных обедов, когда Ольга наскоро перекусывала холодными бутербродами, обилие работы и избыток нервного напряжения настолько измотали организм, что приготовленного едва-едва хватило, чтобы утолить угнездившийся в желудке злой голод.

После сытного ужина желания мыть посуду не возникло, и, сложив тарелки в раковину, Ольга перешла в зал. Поцелкала пультом телевизора, но, сменяющие друг друга картинки не вызвали отклика в душе. Отбросив пульт, она притушила свет, присела, а затем и легла на диван.

Ольга попыталась было подбить итоги недели, но мысли двигались вяло, расплзались, не желая выстраиваться в ровную цепочку. Перед внутренним взором плавали обрывки из таблицы расписания рейсов, лица коллег по работе и мутные зеркала луж, отражающие низко летящие клочья свинцово-серых облаков.

Вскоре образ природы поблек, растаял, сменился холодной белизной стен. Небольшой помещением, рядом странный аппарат: чужеродными глазами таращатся голубоватые лампочки, по трубкам-щупальцам вяло перемещается жидкое содержимое, хромированные ручки холодно поблескивают, вызывая страх.

Мышцы ноют от переполняющей силы, но тело неподвижно, словно закованное в невидимый панцирь, не в силах двинуться ни на миллиметр. Сознание чисто, ни одной мысли, лишь где-то в глубине ворочается смутная, ни чем не объяснимая тревога. Тихий скрип, шелест ткани. Отворив дверь, в комнатку входит врач. Фигура закутана в голубой халат, на лице повязка, волосы закрыты шапочкой. Лица не разглядеть, лишь пронзительная синева глаз, что смотрят внимательно, и как будто с участием.

Врач молчит, и это пугает больше, чем белые стены и жуткий агрегат по соседству, вместе взятые. Вот он присаживается, чему-то кивает, неторопливо натягивает резиновые перчатки. Движения просты и незамысловаты, но почему по коже продирает мороз, словно сейчас произойдет что-то страшное? В руке врача появляется шприц. Живот вздрагивает от болезненного укола. Несколько секунд мышцы неприятно жжет, затем боль проходит, вместе с прочими ощущениями. Врач наклоняется ближе, всматривается в глаза, в его руке возникает скальпель.

Скальпель касается кожи. Надрез, еще один. Мышцы отзываются болью. Надрез следует за надрезом, боль все сильнее, уже пылает все тело, дергаясь, словно от ударов тока. В груди зарождается крик, рвется наружу, но, не в силах пробить спазм, глохнет в горле. Разрез. Еще разрез. Кровь брызгает на стену, на пластик одеяла, на врача. Он, словно мясник, покрыт розовыми каплями. Лица по-прежнему не видно, но почему-то создается ощущение, что под маской прячется улыбка удовлетворения.

Вскрикнув, Ольга проснулась, резким движением села. В голове тупая боль, руки дрожат, по спине, опережая друг друга, стекают капли пота. Слуха коснулся гулкий звук, словно по соседству кто-то ударил в гонг. Ольга некоторое время сидела, вслушиваясь в ритмичные гулкие удары, с равным промежутком следующие один за одним, потом встала, пошатываясь, двинулась в кухню.

С каждым шагом удары приближаются, усиливаются. Недоумевая, Ольга осторожно заглянула в кухню, сделала осторожный шаг, но не обнаружила никого. Она обвела комнату взглядом: столик с посудой, плита, раковина, где заполненные водой, скопились чашки, роняющий редкие капли кран.

Снова хлопок. Взгляд метнулся назад, прикипел к разбегающимся кругам по поверхности озерца в тарелке, поднялся выше, туда, где, медленно набухает, формируясь на кончике крана, новая капля. Капля отрывается, летит вниз. Удар! Не веря глазам, Ольга шагнула ближе. Чудовищный скрип заставил замереть.

Сердце забилося в груди, стремясь выпрыгнуть. Она замедленно перевела глаза вниз, ожидая увидеть под ногами пропасть. Но ничего необычного. Всего лишь половица, что скрипнула так... как обычно, лишь намного, намного громче. Будто звук прогнали через аппаратуру, многократно усилили, и выдали в тот же момент.

Переступив через шумную половицу, Ольга шагнула к раковине, закрутила рукоять крана, так что следующая капля так и не сорвалась, повисла, тускло отсвечивая. Во дворе залаяла собака. Так громко, будто зависла за стеной, совсем рядом. Не веря, Ольга подошла к окну, распахнула створку. В комнату ворвался влажный, насыщенный запахами ночной воздух, принес с собой сотни звуков.

Ольга на мгновение оглохла, пытаясь разобраться в конгломерате шумов. Лающая собака, гудение редких машин, шорох ветра в ветвях деревьев. Звуки затопили, заставили замереть, вслушиваясь в небывалое, также, как вышедший из подземелья на солнце путник жадно смотрит вокруг, приглядываясь к ставшим вдруг необычно сочными краскам.

За стеной всхрапнул сосед, перевернулся, скрипнув диваном. Пронзительный, с противоположного конца города донесся свисток поезда, барабанной дробью посыпались капли с ветвей деревьев. Не понимая происходящего, Ольга затрясла головой, внутренне напряглась. Звуки затихли, отдалились, слившись в едва заметный фон. Постояв немного, она расслабилась, с удивлением ощущая, как звуки вновь приближаются, растут, наливаются мощью.

Вернувшись в комнату, она прилегла. Звуки кружили, обволакивая плотным облаком. Каждый шорох наполнился смыслом, обрел объем. Вот во дворе шепчется припозднившаяся парочка влюбленных, доносится чмокание поцелуев и игривый смех, где-то ругаются соседи, из соседнего двора слышна нежная мелодия.

Ольга напряглась, затем расслабилась, затем напряглась снова, с интересом следя за меняющимся уровнем громкости.словно где-то внутри, укрытый от глаз, оказался спрятан регулятор громкости. Вот звуки растут, усиливаются, будто она сидит возле огромных акустических колонок, выворачивая до предела ручку усилителя. А вот звук пошел на спад, отдалился, затих, превратившись в едва различимый фон. Исчезли соседи, испарилась сладкая парочка во дворе, в бесконечную даль отодвинулся лай собаки, и даже проезжающие мимо машины лишь едва-едва нарушают тишину.

* * *

Ольга открыла глаза, некоторое время лежала, наблюдая скачущий по потолку солнечный зайчик. Вставать не хотелось. Накопившаяся за неделю усталость дала о себе знать. Мышцы ноют, голова гудит, а в кишечнике зло урчит, будто в животе проснулось, и теперь выражает недовольство некое недовольное существо.

Кишечник рычит все громче, требуя внимания, к этому добавилось смутное любопытство о материальной причине блика на потолке. Ощущая себя как после тяжелого отравления, Ольга нехотя выбралась из кровати. Любопытство оказалось сильнее, и она сперва вышла на балкон, но лишь разочарованно вздохнула: «зайчик» оказался отражением

света в забытой на подоконнике пластиковой бутылке. Порывами ветерка бутылку покачивало и «зайчик» прыгал.

Вдохнув свежего воздуха, Ольга ощутила, как в тело вливается жизнь. Распахнув балконные двери настежь, она прошла в туалет, а затем в ванную, но лишь постояв под ледяным душем, и хорошенько растеревшись полотенцем, полностью пришла в себя.

Сообщая о точке кипения, призывно засвистел чайник. Ольга прошла на кухню, открыв шкаф, долго выбирала, пока не остановилась на баночке, где хранился свернутый смешными шариками зеленый чай. Заварив чай, она присела, задумчиво уставилась в чашку, наблюдая, как шарики рассыпаются сперва на палочки, а те, в свою очередь, раскрываются, набухают влагой, превращаясь в листья, и даже целые бутоны.

В голове, среди осколков мыслей, вертелось нечто важное. Ольга никак не могла сосредоточиться и ухватить верткую мысль. Лишь когда терпкий напиток потек по пищеводу, обжигая и бодря, в голове молнией сверкнуло — звуки! Не далее, чем этой ночью случилось нечто необычное, отчего...

Мысль оборвалась, сменившись действием. Ольга отставила чашку, напряженно вслушалась, подспудно опасаясь, что по ушам ударит грохотом, но ничего не произошло. За окном привычно шумит город, где-то чуть слышно ругаются соседи. Ничего, что бы напоминало ночные ощущения.

Ольга вздохнула. По всей видимости, ей приснился сон, удивительно живой и реалистичный, но... Она еще несколько раз вслушивалась, но лишь окончательно убедилась, что ночные приключения не более чем результат расшалившейся фантазии. Вдохнув вторично, но уже с облегчением, все же прорезавшиеся ночью «способности» вызвали легкую оторопь, Ольга допила чай.

Не смотря на некоторый подъем, общее состояние оставляло желать лучшего и, побродив по квартире, Ольга пошла на улицу. На скамейке, у соседнего подъезда, на глаза попался парень. Лицо показалось знакомым. Ольга смутно припомнила — один из вчерашней компании, решив удостовериться наверняка, обернулась, но парень исчез. Пожав плечами, она зашагала дальше, как вдруг позади раздалось властное:

— Девушка, стойте!

Ольга замедленно повернула голову. К ней приближался полицейский. Вразвалочку, с ленцой, он двигался не спеша, но по пристальному взгляду и едва заметным рывкам, можно было понять — представитель закона окликнул ее не просто так. Ольга перевела глаза в сторону, где, наполовину скрытый в зелени, из кустов выглядывал тот самый парень, понимающе улыбнулась. Заступившие прошлым вечером дорогу brave парни, не найдя смелости отомстить, решили подключить властные структуры.

— Что вы хотели? — произнесла Ольга с милой улыбкой.

Полицейский замедлил шаг. Судя по угрожающе выдвинутой нижней челюсти, и лежащей на рукояти дубинки ладони, он не рассчитывал увидеть хрупкую девушку. На лице блюстителя закона отразилось замешательство, он подвигал бровями, мельком обернулся. Парень, что по-прежнему выглядывал из кустов, мелко закивал головой, отшагнул, скрывшись в зелени. Ольга с интересом ждала продолжения.

Полицейский сдержанно произнес:

— Младший сержант Боровой, предъявите документы, пожалуйста.

— А что случилось? — Ольга невинно захлопала ресницами.

Полицейский нахмурился, сказал недовольно:

— Нам поступила жалоба о разбойном нападении, и представленные очевидцами приметы очень подходят вам.

Улыбнувшись шире, Ольга произнесла как можно более вкрадчиво:

— Мне очень льстит, что представитель власти может предположить во мне столь выдающиеся таланты, но, к сожалению, документов с собой я не взяла.

Полицейский, еще совсем молодой парень, сглотнул, его лицо пошло пятнами. Забыв о том, что должен оставаться беспристрастным, он забормотал, извиняясь:

— Возможно, произошло недоразумение. Я и сам вижу, что, наверное, не совсем верно запомнил приметы, но... понимаете, правила есть правила. Мне придется сопроводить вас в отделение... — Он замолчал, взглянул умоляюще.

Чтобы не рассмеяться, Ольга поспешно закашлялась. Жизнь научила, насмешка, даже самая безобидная, действует на облеченных властью людей подобно красной тряпке на быка. Она вздохнула, сказала с пониманием:

— Наверное, у вас очень тяжелая, утомительная работа, и, хотя, обвинение кажется странным, а время поджимает... пойдете. Надеюсь, вы меня не задержите надолго.

Полицейский расцвел, сказал торопливо:

— Нет, нет. Ни в коем случае. Просто формальность.

Он указал направление, пошел рядом, едва не поддерживая под руку. На «свидетеля», что в этот момент высунулся из кустов, полицейский фыркнул так зло, что тот мгновенно исчез, послышался треск веток и топот удаляющихся шагов.

Идти оказалось недалеко. Невзрачный серый дом, со свежевыкрашенной крышей и затонированными стеклами окон, выступил из пестрого буйства осенней листвы угрюмой громадой. Сохраняя серьезное выражение лица, Ольга про себя посмеялась, суровый облик здания как будто отражал дух угнездившейся в нем организации.

Входные двери остались позади. Ольга шагала за провожатым, присматриваясь к снующим по коридору полицейским. Сосредоточенные лица, нахмуренные брови, стиснутые челюсти, блюстители порядка перемещались быстрым шагом, а то и бегом. На ум невольно пришло сравнение с муравьями, что деловито снуют по проходам муравейника, затаскивают пищу в хранилища, выносят мусор, проверяют личинок.

Забывшись, Ольга хихикнула. Услышав звук, провожатый повернулся, посмотрел с удивлением. Но Ольга уже справилась с собой, и ответила столь невинным взглядом, что полицейский смешался, криво улыбнувшись, отвернулся. Поднялись на второй этаж, напротив двери со свежими сколами на месте информационной таблички, сержант остановился, сказал просительно:

— Подождите минутку, я сейчас узнаю. — Он исчез за дверью.

К привычному, за последние дни, головокружению добавилась тошнота, и Ольга уже корила себя за то, что согласилась пойти с полицейским. Однако, уходить было поздно. Дав себе зарок поговорить по душам с трусливой компанией, она усилием воли задавила растущее недовольство, застыла в ожидании.

Скрипнуло, на пороге возник провожатый, жестом предложил войти, но сам остался снаружи, мягко притворил за Ольгой дверь. В кабинете просторно, у стены заставленный папками стеллаж, наверху, отгороженные стеклом, поблескивают фигурки, не то почетные награды, не то просто красивые безделушки. Противоположная стена утопает в зелени, из бочонкообразных горшков топорщатся зеленые перья листьев небольших пальм, красиво окаймляющие пару мягких кресел, стоящих по обе стороны изящного столика. Над креслами,

обрамленный рамкой, портрет президента.

Взгляд пробежался по интерьеру, прикипел к центру, где, за массивным деревянным столом, возвышается хозяин кабинета. Полицейский шевельнулся, на Ольгу взглянули бесцветные, водянистые глаза, осмотрели сверху донизу, незримыми щупальцами проникли под одежду. По-прежнему удерживая на лице вежливую улыбку, Ольга внутренне передернулась, слишком характерным был этот взгляд, с таким покупатели осматривают товар, и не важно, вещь ли перед ними, или человек.

Полицейский уронил глаза, уставился в лежащие на столе мелко исписанные листки бумаги. Не дожидаясь приглашения, Ольга шагнула к столу, выдвинув стул, присела. Наградой вновь стал внимательный взгляд, но уже с ноткой удивления. Ольга усмехнулась про себя, подобный прием мог сбить с толку разве перепуганную студентку, ожидающую мягкого обращения, и шокированную столь явственным невниманием. Распахнув глаза, и добавив в голос капельку волнения, она произнесла:

— Такой уважаемый и солидный мужчина, как вы, не допустит несправедливости.

Губы полицейского дрогнули, он отвел глаза от ее груди, взглянув в лицо, протянул:

— Несправедливости?

— Меня обвиняют в разбойном нападении! — Ольга всплеснула руками.

— Что вы говорите? — В лице собеседника протаяло сочувствие.

— Один из ваших работников. Возможно, он ошибся, или...

— Или?... — Полицейский неотрывно смотрел Ольге в глаза.

— Или его намеренно ввели в заблуждение, — понизив голос, доверительно сообщила Ольга.

— У вас есть недоброжелатели? — в тон поинтересовался полицейский.

Ольга подалась вперед, сказала с опаской:

— Я не уверена, но... всякое может быть.

Полицейский поморщился, на его лице доброжелательность быстро уступала место раздражению. Скривив губы, он вновь уставился в листок, замедленно произнес:

— Вы приехали в чужой город неделю назад и уже успели нажать недоброжелателей?

Ольга прикусила губу. Ей не задавали вопросов о месте проживания, не спрашивали документов, но собеседник оказался проинформирован, и проинформирован хорошо.

Сохраняя на лице улыбку, Ольга произнесла, тщательно подбирая слова:

— В наше тяжелое время даже самые лучшие люди порой сталкиваются с непониманием, а иногда и откровенной враждой.

Собеседник понимающе покивал, сказал со странной интонацией:

— Именно для таких случаев и существуем мы. Ведь кто, как не полиция, защитит честь и доброе имя... лучших. Особенно, если люди готовы сотрудничать, предоставляя посильную помощь.

Его глаза вновь опустились. Ольга почти физически ощутила, как полицейский ощупывает ей грудь. От того, чтобы спуститься ниже, его удерживала лишь поверхность стола, слишком плотная, чтобы пропустить похотливый взор. Кивая в такт словам и глуповато улыбаясь, Ольга лихорадочно пыталась сообразить, является ли происходящее личной инициативой зарвавшегося от безнаказанности блюстителя закона, или это нечто большее.

Прервав затянувшееся молчание, она с готовностью откликнулась:

— Если я замечу нечто, что поможет вам разобраться в ситуации, сообщу как можно

быстрее. Косые взгляды, угрозы, разговоры за спиной, ведь вас интересует это?

— Не только. В нашем деле очень важно понимание со стороны граждан. Я бы даже сказал — их теплое отношение. Масляно улыбаясь, полицейский поднялся, обойдя стол, приблизился, встав так, что прямо напротив глаз Ольги оказалось туго обтянутое брюками мужское достоинство.

Словно только что вспомнив, что ужасно торопится, Ольга засобиралась, поспешно поднялась, отступив на шаг, произнесла с убеждением:

— Наверное, это очень тяжело: опасная работа, постоянные нервы, и... непонимание.

Глядя, как она отступает, полицейский ухмыльнулся. С лица исчезло возбуждение, а глаза вновь стали невзрачными, когда он произнес:

— Боюсь, вы не до конца меня понимаете, но это не страшно. Сейчас можете идти, но в будущем мы обязательно увидимся.

Ольга выскочила из кабинета, ощущая почти обжигающее прикосновение взгляда, что, не ограниченный более столешницей, хлестнул по спине и ягодицам. Озадаченная, она покинула отделение полиции. Поведение полицейского, судя по кабинету и комплекции, далеко не самого низшего звания, оставило двойственное впечатление. Почти неприкрытое, хоть и не озвученное, домогательство не вызвало эмоций, в свое время приходилось «работать» с намного более отвратительными людьми и в гораздо менее приятных условиях, а вот излишняя информированность собеседника заставила задуматься. Ольга не могла вспомнить, чтобы последнее время с кем-то откровенничала на тему своего прошлого, и это настораживало. Либо память, на которую после недавних событий нельзя было положиться, вновь сыграла злую шутку, либо ее персону чем-то заинтересовала серьезных людей.

От размышлений отвлек запах, терпкий до дрожи, и одновременно возбуждающий, завладел вниманием, направил мысли в новое русло. Ольга повернула голову, взгляд зашарил по улице, остановился на небольшой металлической двери, над которой, прикрученная шурупами, тускло блестела вывеска «Титан». Ольга подошла ближе, остановилась напротив, задумчиво созерцая вывеску. В это момент дверь распахнулась, изнутри, вместе с новой порцией запаха, вышел мужчина: майка на плечах натянулась, сквозь тонкую ткань буграми выступили могучие мышцы.

Взглянув на Ольгу, мужчина улыбнулся, сказал приятным баритоном:

— Друга ждешь? Заходи, не бойся. Внутри интереснее чем снаружи, есть на что посмотреть. — Многозначительно улыбнувшись, он ушел, величавый и огромный.

Ольга некоторое время смотрела ему вслед, любуясь походкой, затем шагнула к двери, решительно потянула за ручку.

Короткая, ведущая вниз лестница, небольшой, уютный холл, со стен, щеря зубы в белоснежных улыбках, смотрят фотографии мужчин. Ольга замедлила шаг, с удивлением и испугом вглядываясь в очертания тел. Чудовищные, словно у сказочных великанов, мышцы, могучие торсы, толстые, как колонны, ноги. Мышцы настолько велики, что едва не прорывают кожу, напряженные до невероятной степени.

Ольга заморожено всматривалась, с удивлением отмечая возникающие чувства. Она неоднократно слышала, что существует такой вид спорта, и даже пару раз видела выступления по телевизору, но в тот момент интереса не возникло, отчасти, зрелище показалось даже отталкивающим: огромные мужчины на подиуме соревнуются друг с другом в величине мышц. Тогда она просто переключила канал, увлеченная первым попавшимся фильмом, тут же забыла о соревнованиях. Но теперь что-то изменилось.

Бодибилдеры — из глубин памяти само собой всплыло слово, обозначающее приверженцев гантелей и штанги, а если по-простому — качки. Ольга с улыбкой вспомнила, как пару раз замечала у подруг журналы с фотографиями загорелых до черноты атлетов. Заметив ее взгляд, девушки лишь пренебрежительно фыркали, но, стоило отвернуться, торопливо прятали журналы подальше от глаз.

Сквозь ровный гул упрятанного в трубы кондиционера донеслось позвякивание. Ольга двинулась на шум, ощущая, как воздух все больше насыщается терпким запахом крепкого мужского пота. Поворот. Полутьма холла сменяется ярким блеском ламп, а грохот разом становится сильнее. Просторный, заставленный причудливыми металлическими конструкциями, зал. Из упрятанных под декоративные решетки динамиков раздается ритмичная музыка. Вдоль стен выстроились стойки с множеством гантелей. На полу, сложенные горками, чернеют стопки «блинов», расположенные так, чтобы не мешаться под ногами, но, при необходимости, легко дотянуться рукой.

Зал полон атлетов. Некоторые неспешно прогуливаются, разминаясь, не то после, не то прежде чем начать упражнения, другие с усилием жмут железо: стиснутые зубы, побагровевшие лица, напоминающие стоны вздохи, когда штанга замедленно поднимается, на мгновение зависает в верхней точке, и стремительно опуститься назад. Среди мужчин Ольга заметила двух девушек, что красовались перед зеркалом в дальнем углу.

— Фигуру поддержать пришла, или просто интересно?

Раздавшийся над ухом голос заставил вздрогнуть. Увлеченная созерцанием, Ольга не заметила, как из комнаты позади вышел парень, остановился рядом с вопросом в глазах.

Она хотела сказать, что просто проходила мимо, и зашла в общем-то случайно, но вместо этого неожиданно для себя произнесла:

— Хочу попробовать.

Парень окинул ее оценивающим взглядом, и хотя в глубине глаз мелькнули насмешливые искры, сказал серьезно:

— Это хорошая мысль. Проходи, присмотришься. Сейчас я освобожусь, подойду.

Ольга спросила непонимающе:

— Собственно, зачем?

— Подойду зачем? — В глазах собеседника отразилось удивление. — Объясню, расскажу, помогу, наконец. Не собираешься же ты ворочать железом без тренера?

Ольга не стала спорить, лишь спросила:

— Где можно снять одежду?

— Раздевалка там, — парень махнул рукой, — но ты и так почти раздета, поставь обувь у стены и проходи.

Кивнув, Ольга оставила кроссовки у входа, прошла в зал. В то время, как ноздри непрестанно втягивают насыщенный мужским запахом воздух, руки мягко касаются тренажеров и отягощений. Массивные куски металла создают ощущение надежности и опоры: ребристые, округлые, шероховатые, при прикосновении они вызывают целую гамму ощущений, уводя в мир чувств.

Негромко звякнуло. Ольга вздрогнула, вернувшись к реальности, заозиралась. Напротив, оперевшись на тренажер, застыл уже знакомый парень. Улыбнувшись, он произнес:

— Задумалась?

Ольга смутилась, сказала скороговоркой:

— Даже не знаю. Запах тут... и этот металл, он вызывает странные чувства.

Парень взглянул уважительно, сказал замедленно:

— Вслушиваешься в металл? Молодец. Серьезное отношение к месту тренировок и снарядам — залог успеха.

Ольга улыбнулась, в памяти всплыло лицо тренера по рукопашному бою, что говорил с похожими интонациями, сказала с подъемом:

— Думаю, пора приступать.

— Выбирай, — парень повел рукой. — Какую группу мышц хочешь размять: ноги, плечевой пояс, спина?

— Грудь! — Ольга указала на скамью неподалеку, где, кряхтя от натуги, мужчина раз за разом выжимал тяжелую штангу.

— Как скажешь. — Парень кивнул. — Ложись сюда, сейчас приступим.

Ольга пристроилась на указанное место. Спина удобно улеглась на плоскость тренажера, поерзала, приноравливаясь. Над головой возникло лицо собеседника, а вслед за ним появилась тонкая полоска металла. Ольга подняла руки, раскрыла ладони навстречу. Металл коснулся кожи, пальцы сомкнулись, крепко обхватывая снаряд.

— Что теперь? — Ольга покосилась на помощника.

Не отпуская штангу, тот произнес:

— Опускай.

— Но ты же держишь? — неуверенно произнесла Ольга. — Может, позволишь самой?

Тот кивнул.

— Отпущу сразу, как только удостоверюсь, что выдержишь вес.

— Да какой тут вес, серединка одна, да и та небольшая, — бросила Ольга нетерпеливо.

Терпеливо, но с нажимом, парень ответил:

— Это называется гриф. Ты верно подметила, он легкий, всего-то десять килограмм, но, если уронишь, вполне может проломить пару ребер. Поэтому не спорь, а делай что говорю.

Ощущая раздражение, Ольга рывком опустила штангу, затем также подняла, спросила недовольно:

— Теперь можно?

Не спеша отпустить, собеседник произнес:

— Можно. Руки не дрожат, пальцы не соскальзывают. Только не торопись и не дергай — движения размерены, иначе травмируешь связки.

Он наконец отпустил руки, отчего гриф разом потяжелел. Сдерживая недовольство, количество условий для простого поднятия куска железа раздражало, Ольга принялась размеренно выжимать штангу. Мышцы разогрелись, сердце застучало сильнее, по сосудам, бодря, и пробуждая к жизни, быстрее заструилась кровь.

Раздражение улетучилось, губы сами собой раздвинулись в улыбке, а липкая дурнота, за последнюю неделю прочно угнездившаяся в голове, исчезла, как истаивает утренний туман под лучами жаркого солнца. Подняв штангу в очередной раз, Ольга ощутила, как вес вдруг исчез. Она с удивлением взглянула в маячащее сверху лицо помощника, спросила возбужденно:

— Что не так?

— Все так, — ответил он с улыбкой. — Сделай передышку.

— Но я не устала! — запротестовала Ольга.

— Ни сколько не сомневаюсь, — усмехнулся тот. — Но с непривычки легко перетрудишься. Пока походи, отдохни, продолжишь после.

Не став спорить, Ольга вскочила, забегала вокруг. Упражнение сказалось удивительным образом, вместо усталости вызывая небывалый прилив энергии. Не в силах стоять, Ольга схватила гантели, попыталась поднять, но, увенчанные толстыми блинами, гантели тянули вниз с такой силой, что пришлось вернуть на место. Парень, что в этот момент помогал выжать штангу мужчине по соседству, взглянул искоса, но смолчал, лишь неодобрительно покачал головой.

Спустя час Ольга таки выбилась из сил. Майку и верхнюю часть штанов можно было выжимать, настолько ткань пропиталась потом, грудь судорожно вздымалась, а руки непрерывно дрожали, так что под конец пальцы разжимались, не способные выдержать даже самый незначительный вес.

Чувствуя, что еще немного, и ее начнет шатать, Ольга остановилась, закрыв глаза, оперлась о стену. Послышались приближающиеся шаги, остановились рядом.

— Кружится голова?

— Немного, — не открывая глаз, бросила Ольга.

— Сядь, посиди. Говорил же — не разгоняйся.

Ольга отмахнулась, открыв глаза, ответила с бледной улыбкой:

— Ничего, не рассыплюсь. Сколько я должна? — Перехватив удивленный взгляд, уточнила: — Ведь тренировка что-то стоит, да и тебя отвлекла изрядно.

Парень усмехнулся, сказал:

— Ничего. Ознакомительное занятие бесплатно. Решишь продолжить — тогда и поговорим.

Ольга благодарно кивнула, чувствуя, что говорит глупость, спросила:

— А здесь есть... душ?

Однако собеседник кивнул, указав на выход, произнес:

— За углом, вторая дверь слева. Только он общий, так что прежде проверь, нет ли кого...

Не дослушав, Ольга устремилась в коридор. Нужная дверь манила табличкой со стилизованным изображением душевой. Рванув ручку, Ольга ворвалась внутрь. Сидящий на лавочке раздетый мужик от неожиданности подпрыгнул, с грохотом вдавился в кабинку, прикрыв руками промежность. Не обращая внимания на мужчину, Ольга сбросила майку, выпрыгнула из Джинс, и, как была, в трусиках, прошла к следующей двери, откуда слышался

плеск воды.

В душевой находились трое мужчин. Едва Ольга зашла, три пары глаз прикипели к ее фигуре. Один из мужиков сглотнул, спросил хрипло:

— Девушка, мы вам не мешаем?

Ольга улыбнулась, сказала устало:

— Ни сколько. Главное, чтобы не помешала вам я.

Она открыла кран. Из приделанного к трубе распылителя хлынули теплые струи, отгораживая от смущенных слов и жарких взоров. Выключив воду, Ольга ощутила себя обновленной, двинулась к выходу. Притворяя дверь, она мельком обернулась, в глаза бросились обалдевшие лица мужчин. Она неспешно оделась, вышла в коридор, ощущая, как неприятно липнет к мокрой коже одежда.

Судя по тому, что сушилок для волос не обнаружилось ни в предбаннике, ни в коридоре, клуб пользовался популярностью исключительно мужской аудитории. Смирившись с мыслью, что придется идти с мокрой головой, Ольга вышла на улицу. Сделав шаг наружу, Ольга невольно остановилась, прикрывая глаза от яркого света. За то время, что она повела в подвале, погода разительно изменилась. Угрюмые, насыщенные водой, свинцово-серые тучи разошлись, открыв голубой просвет небес, и, освобожденное, солнце изливало волны тепла.

Мир вокруг заблестал, насытился красками, словно по запылившемуся стеклу провели мокрой тряпкой. Ощущая на щеках ласковые прикосновения солнца, Ольга неторопливо шла в сторону дома, наслаждаясь отголосками тепла уходящего лета. Не смотря на сырость, бесчисленные лужи испятнали поверхность асфальта блестящими оконцами, а с ветвей деревьев при каждом порыве срывались водопады капель, голова быстро высохла, и вскоре о недавней тренировке напоминали лишь приятная слабость мышц, да впитавшийся в одежду едва заметный запах пота, что не исчезал, не смотря на получасовую прогулку.

Возле подъезда Ольга остановилась, огляделась, высматривая «доброжелателей». Радуюсь солнцу, во дворе копошатся дети, разбрасывали вокруг хлопья посеревшей мокрой листвы, на лавочках чинно восседают старушки, перетирая кости соседям. Не смотря на обилие народа, «доброжелателей» поблизости не оказалось. Ольга вздохнула с облегчением, после утомительной тренировки выяснять отношения не хотелось, вошла в подъезд.

Отворив дверь квартиры, Ольга отшатнулась, ощутив густой горький запах. В мыслях мгновенно сложилась жуткая картина: оставленная включенной плита, исходящий алыми языками, полыхающий гарнитур, тлеющий ядовитыми испарениями линолеум. Коря себя за забывчивость, она рванулась внутрь, готовая к жуткой картине, распахнула кухонную дверь...

В ушах громом не отдается треск сгорающих перекрытий, перед глазами не прыгают вспышки злого пламени, воздух чист и прозрачен, лишь за столом, отвернувшись к окну, застыл человек. Испуганная, Ольга негромко охнула. Человек шевельнулся, повернул голову.

— Не ждала?

Ясные голубые глаза, попятанный веснушками нос, и детские, чуть припухлые губы... Растянув губы в понимающей улыбке, на нее насмешливо смотрел Ярослав. Ольга стукнула себя по лбу, произнесла с нервным смешком:

— Похоже, я немного переработала, голова идет кругом: решила, что в доме пожар, тебя не узнала.

Она подошла к Ярославу. Тот встал, шагнул навстречу, широко раскрывая руки. Ощувив прикосновение крепких мужских ладоней, Ольга почувствовала себя защищенной.

Накопившееся за последние дни напряжение истаяло вместе с ненужными сомнениями, в теле возникла приятная легкость. С интересом прислушиваясь к гулкой пустоте в мыслях, Ольга улыбалась, наслаждаясь забытым состоянием покоя и отрешенности. Состояние оказалось настолько приятным, что она не расслышала фразы, и лишь заметив вопросительный взгляд Ярослава, непонимающе вскинула глаза.

Видя, что привлек внимание, Ярослав повторил:

— Что не узнала — полбеды. Сам себя не узнаю после недельных ходок. Что насчет пожара?

Ольга сморгнула. Слова Ярослава вернули к реальности. В памяти всплыл недавний испуг, а по ноздрям вновь ударил неприятный запах. Принюхиваясь, она повертела головой, произнесла с удивлением:

— На входе я ощутила сильный запах гари. Да он и сейчас витает в воздухе. Разве ты не чувствуешь?

Ярослав принюхался, отстранившись, прошелся по кухне, поводя носом, но лишь пожал плечами, сказал виновато:

— Возможно, я надышался выхлопными газами, или просто заложен нос, но ничего такого не ощущаю.

Ольга нахмурилась, к постоянному головокружению и странным симптомам не хватало еще начать чувствовать несуществующие запахи, повернула голову. Взгляд наткнулся на стоящую на столе чашечку с черным осадком. Осененная внезапной догадкой, Ольга взяла чашечку, поднесла ближе. Запах гари усилился, а вносу засвербело. Она покачала головой, сказала озадаченно:

— Так вот, оказывается, чем пахнет. — Добавила, с усмешкой: — Ты его разлил, или вместо обеда — литрами?

Ярослав произнес удивленно:

— Разлил, литрами? Да я всего полстакана и выпил, и было это больше часа назад!

Ольга произнесла с сомнением:

— Наверное, ты шутишь? Столь сильный запах не мог образоваться от одной маленькой чашечки, да еще и опустошенной почти час назад.

Ярослав взглянул Ольге в лицо, сказал с подъемом, за которым прослеживалась озабоченность:

— Подруга, да ты, никак, перетрудилась! Возможно, для тебя будет сюрпризом, но в мире, кроме работы, существует множество интересных вещей.

Ольга развела руками, сказала с бледной улыбкой:

— Наверное, ты прав. Но, пока в кармане пусто, как-то не до развлечений.

Ярослав с деланным пренебрежением отмахнулся:

— Деньги не мерило жизни. — Заметив, что Ольга собирается возразить, добавил поспешно: — Давай, мы перенесем разговор на потом, а сейчас я тебе кое-что покажу.

Приобняв за талию, он повел ее в зал. Ольга дала себя увлечь. Она шла рядом с Ярославом, ощущая прикосновения его рук, отчего на душе становилось тепло и спокойно. Кроме того, слова хозяина квартиры разожгли любопытство, вызывали из глубин памяти детские ощущения, когда, на день рождения, взяв за плечи, ее, тогда еще совсем маленькую, отец вел в соседнюю комнату, где, рядом с заставленными блюдами праздничным столом, на диване, громоздилась гора завернутых в разноцветную упаковку подарков.

Воспоминания возникли и исчезли, оставив легкий налет грусти. Чуть слышно вздохнув, Ольга зашла в зал и ахнула: на диване, обернутая блестящей, полупрозрачной упаковкой, покоилась яркая коробка. Ольга растеряно взглянула на Ярослава, что, оперевшись на стену, смотрел на нее с улыбкой, перевела взгляд на коробку, затем опять на Ярослава, сказала с волнением:

— Это... что это?

— Открой, — просто сказал Ярослав.

— Это мне? — Ольга вновь посмотрела неверяще.

— Ну да, — Ярослав кивнул.

— А почему...

Осознав, что сомнения неуместны, Ольга осеклась, присела на диван, осторожно взяла коробку. Сминаемая пальцами, упаковка смачно захрустела, отчего по телу пробежался рой мурашек. Медленно, наслаждаясь процессом, Ольга развернула упаковку, приподняв крышку, запустила руку внутрь. Пальцы наткнулись на гладкое, прошлись, определяя форму. С возгласом восторга, Ольга извлекла из коробки туфли. Черные, классического типа, с узким носком, на невысоком каблуке, туфли смотрелись настолько изящно, что она на секунду замерла, не в силах оторвать взгляд от плавных изгибов, а опомнившись, начала с утроенной энергией поглаживать, вертеть и принюхиваться к пьянящему запаху пропитанной краской кожи.

Ярослав шевельнулся, произнес с иронией:

— Я понимаю, что на новую обувь жутко интересно смотреть, и еще более приятно щупать, но... быть может ты пройдешься? А то, если вдруг не подойдет, нужно успеть до магазина. Во сколько там они закрываются... — Он взглянул на часы.

Вытащив из туфлей комки бумаги, Ольга обулась, прошлась по комнате, прислушиваясь к ощущениям. Туфли сидели идеально, к тому же выглядели очаровательно, так что она сама, просидев в магазине час, не выбрала бы лучше. Пройдясь по комнате и элегантно развернувшись, Ольга подошла к Ярославу, сказала с благодарностью:

— Обалденно! Уж не знаю, где ты научился так подбирать обувь, но лучшего нельзя и желать.

Ярослав закатил глаза, сказал уклончиво:

— Это долгая история. Возможно, как-нибудь я тебе расскажу, если вспомню. А теперь, — он кровожадно ухмыльнулся, — неплохо бы утолить потребности тела. Ты не представляешь насколько я голоден!

Ольга подалась вперед, так что ее лицо оказалось совсем близко от лица Ярослава, а дыхание опалило кожу, выдохнула жарко:

— Давно пора. Чтобы мне не пришлось лезть на стены...

Вздвогнув, Ярослав ощутил, как ловкие пальчики коснулись живота, скользнули ниже, с каждой секундой становясь все нетерпеливее, с силой рванули пряжку брюк. Охнув, он произнес с запинкой:

— Честно говоря, я имел в виду немного другое. Да и не хотелось бы, чтобы это выглядело, как... как...

Перехватив брошенный на туфли взгляд, Ольга расхохоталась, сказала грудным от возбуждения голосом:

— Это не плата за обувь, не забивай голову ерундой. Просто, у меня очень давно не было секса. — Она на мгновение отстранилась, сказала с деланным раздумьем: — Хотя, если тебя не смутит, что я начну кидаться на попавшихся на улице мужчин...

— Еще как смутит! — жарко произнес Ярослав, непослушными пальцами расстегивая многочисленные застежки на платье.

Брюки соскользнули с ног, и почти одновременно опало платье. Возбужденно дыша, Ярослав сделал шаг в сторону, но, запутавшись, с грохотом обрушился на диван, на лету извернувшись так, что Ольга оказалась сверху. Пальчики мягко обхватили восставшую плоть, умело направили, избавляя от лишних телодвижений. Ярослав зарычал, обхватив девушку за талию, потянул, нанизывая на себя.

Ольга подхватила, задвигалась, задавая ритм. Мир сжался до размеров лица мужчины, чьи руки сейчас крепко сжимают ее в объятьях. От каждого движения, пронзая все ее существо, снизу волной расходится жар, заставляя дрожать от невероятной остроты ощущений.

Движения ускорились. Лицо партнера поплыло, сузилось до двух пронзительно-голубых точек зрачков, а затем и вовсе исчезло, сменившись калейдоскопом из бушующих разноцветных пятен. Кипящей точкой внутри зародилась пульсация, пошла по телу, расширяясь, захватывая все новые участки, поднялась до груди, обжигая жаром страсти, ударила в голову. Ольга забилась, закричала, выгнувшись дугой, и мягко опала, провалившись в теплую черноту, насыщенную усталостью и негой.

А потом они долго лежали на диване, не в силах встать, пока, услышав ворчание в желудке Ярослава, Ольга не спохватилась. Охнув, она подскочила, сказала скороговоркой:

— Как я могла забыть, ты же совсем голодный!

Не слушая вялых возражений Ярослава, что он не настолько и голоден, и всего-то полтора часа назад выпил целую кружку кофе с сахаром, она убежала в кухню, откуда тут же донесся грохот посуды, а немногим позже стали проникать и аппетитные запахи.

Ярослав некоторое время честно крепился, следуя заповеди, что настоящий мужчина не должен идти на поводу желудка, но вскоре, реагируя на аромат, рот наполнился слюной, а внутри настолько жутко взвыло, что он не выдержал, пошел, а затем и побежал, ведомый неукротимым чувством голода.

Припомнив кулинарные изыски, готовить не приходилось уже давно, а за неимением денег, последнее время она и вовсе перекусывала чем придется, Ольга мелко крошила обнаруженный в морозилке кусок мяса, быстро обжарила, и поставила дымящуюся горку перед Ярославом. Вскоре к мясу присоединились овощи. Ольга не стала испытывать терпение хозяина квартиры, и, вместо того чтобы возиться с приготовлением салата, положила овощи целиком, предварительно сполоснув под краном.

Глядя, как Ярослав, обжигаясь и давясь, уплетает блюдо, Ольга отстраненно улыбалась, прислушиваясь к кружащимся по телу отголоскам страсти. Как всегда, после хорошего секса,

есть не хотелось, и на настойчивые предложения Ярослава присоединиться к трапезе, она лишь качала головой, покусывая взятый из пучка салата листок.

Ольга задумчиво всматривалась в ничем не примечательное лицо парня, что, ведомый непонятым чувством, подобрал, пригрел, доверился совершенно незнакомой девушке. Волна сомнений, отхлынувшая под наплывом массива работы, вновь поднялась. Закусив губу, Ольга мучительно пыталась понять, что движет ее новым знакомым, хотя, теперь, правильнее было говорить — ее парнем: усталость одиночества, что, не смотря на все преимущества холостяцкой жизни, порой, накатывает столь черной меланхолией, что хочется лезть на стены; ощущение собственного величия, от помощи страждущему, тем более, если это симпатичная девушка, или замешанная на презрении жалость, с какой человек достатка бросает нищему монету, откупаясь от угрызений совести.

Мысль о том, что Ярослав мог сделать то, что сделал, лишь потому, что ощутил к найденной на дороге незнакомке трепетное влечение, Ольга отметала напрочь. Слишком сильно желаемое контрастировало с суровой реальностью, слишком много болезненных воспоминаний крылось за самой возможностью простых человеческих отношений.

Видимо размышления отразились на ее лице, потому как Ярослав оторвался от трапезы, с тревогой взглянул на Ольгу.

— Что-то не так? У тебя такое лицо, словно случилось нечто... неприятное.

— Нет, нет, все отлично. Что-то голова немного кружится. — Ольга поспешно встала, произнесла с натянутой улыбкой: — Ты сиди, ешь, а я пойду, отдохну.

На одеревеневших ногах она вышла из кухни, ощущая, как болезненно отдается в сердце каждый шаг. Чувствуя, что вырывает на живую, далеко отбросила робкую мысль о наметившемся счастье, когда не нужно планировать каждый шаг, а, собравшись у домашнего очага, можно прилечь рядом с любимым, оставив за порогом все тяготы и невзгоды, отдаться сладкому чувству умиротворения, о котором мечтает всякая женщина в этом мире. Даже если случай вознес на пик возможностей, даже если складывается карьера, и нет необходимости считать копейки, экономя на мелочах, все равно мечтает, не говоря о том, когда всего этого нет, а есть лишь боль и отчаяние, и черная пустота за плечами.

Ольга ушла в спальню, присев за стол, упала лицом на руки. Мыслей не было, а чувства несли лишь боль, и она замерла. Постепенно эмоции улеглись, оставив после себя лишь тихий щем в груди, до того напряженные, мышцы расслабились, лишь внимание, не в силах полностью расслабиться, по-прежнему оставалось настороже, реагируя на незаметные в обычной жизни раздражители.

Тихое постукивание капель дождя за окном, далекий вой сирены, шорох упавшего с цветка пожелтевшего листа. Звуки раздавались отовсюду, но слишком слабые для полноценного восприятия. Всплыло воспоминание о странной ночи, когда на расплывчатой границе между сном и явью она ненадолго обрела удивительный дар: шепот превратился в крик, а шорох в невыносимый грохот.

Ольга улыбнулась, удивляясь удивительному сну, не шевелясь, и не изменяя положения тела, вслушалась, пытаясь возобновить удивительные ощущения. Но ничего не происходило, все тот же шум дождя, поскрипывание форточки, далекий лай собак. Продолжая вслушиваться, Ольга грустно улыбалась, понимая, что время сказок ушло вместе с детством, а невероятные способности можно ощутить лишь во сне, где не властны законы физики, где в считанные секунды можно переместиться из одного мира в другой, а из бедной девочки стать величественной королевой.

Дождь за окном усилился, капли забарабанили громче, словно где-то напротив установили водомет, и теперь масса воды, пенясь и злясь, яростно билась в стекла. Ольга недоверчиво хмыкнула, но шум становился все сильнее. Боясь поверить, она начала вслушиваться так, что занули барабанные перепонки. К грохоту за окном присоединился мощный запах кофе. С замиранием сердца, Ольга улавливала терпкий аромат, столь мощный и насыщенные, будто перед носом поставили чашку с напитком.

Грохот звуков, море ароматов, как будто с чувств спала пелена и мир наконец-то предстал во всем своем чудесном великолепии. От предвкушения неведомого сердце застучало сильнее, а в животе сладко задрожало. С жутким грохотом позади треснуло. Ольга лишь едва вздрогнула, готовая к лавине звуков. Произошло невероятное, сон вернулся наяву, и теперь ей придется привыкать к столь странным, и, одновременно, страшным способностям...

Позади негромко выругались, помянув черта. Ольга подняла голову, с удивлением оглянулась. В проеме стоял Ярослав. Он повернул голову, сказал извиняясь:

— Прости. Наверное, я тебя напугал. Такой неловкий, случайно толкнул дверь, и не успел поймать, вот она и грохнула.

Он вдвинулся в комнату, прихлебывая что-то из чашечки.

Еще до конца не осознав, но чувствуя, что жестоко обманулась, Ольга спросила потеряно:

— Так ты слышал, как она ударила?

— Конечно, — Ярослав развел руками, — грохнуло-то как знатно. Даже за дождем услышал, а ведь на улице шумит как никогда. Тропический ливень.

Чувствуя, как меркнет восторг, а мечты стремительно съеживаются, Ольга прошептала чуть слышно:

— А что ты пьешь? Так пахнет, словно...

Ярослав улыбнулся, сказал кротко:

— Да, что-то спать потянуло, решил разбавить ужин кофейком, но слишком много заварил, да еще расплескал по дороге.

Ольга замедленно встала, подавшись вперед, крепко обняла Ярослава, сказала с нервным смешком:

— Похоже, мне противопоказано быть одной. Мысли уводят в такие дали, что начинает чудиться не пойми что. Пойдем лучше, телевизор посмотрим.

Она ухватила Ярослава за руку, потянула за собой. В груди теснились смешанные чувства, а в мыслях зрела твердая решимость сегодня же вечером вплотную заняться домом, чтобы наконец обустроить личную жизнь и прекратить пустые метания столь же мучительные, сколь и бесполезные.

Устроившись на диване в объятьях Ярослава, Ольга смотрела телевизор вполглаза. В голове, один за одним, сменялись грандиозные планы: вот она стирает шторы, заполнив ванну до верха воздушными хлопьями пены, а вот подновляет обои, пропитанные клеем цветастые ленты аккуратно ложатся поверх старых, выцветших, отчего в комнате сразу становится уютнее. Взгляд пробежался по шкафу, что явно нуждается в ремонте, скользнул к потолку. Нахмурившись, Ольга качнула головой, бывшая когда-то белой, поверхность потолка закоптилась, мутными пятнами маячат черно-красные пятнышки — следы насосавшихся крови комаров, раздавленных метким броском тапка, или чем уж там охотился на кровопийц хозяин квартиры. Не квартира, а сплошные развалины.

Руки зачесались по работе. С трудом дождавшись окончания передачи, Ольга под каким-то мелким предлогом выскользнула из комнаты, быстрым шагом ушла в спальню, откуда, собрав в гигантский ком шторы и попавшиеся под руку покрывала, тихонько проскользнула в ванную, стараясь не привлекать внимания. Она отдавала себе отчет, что выстирать такую массу белья незаметно не выйдет, но человеку, что отнесся к ней с такой добротой и вниманием, хотелось сделать приятное, а что может быть приятнее, чем свежеевыглаженные блистающие чистотой шторы, да еще и в качестве сюрприза!

Заткнув слив пробкой, Ольга сбросила ком в ванную, крутанула кран. Вода зашумела, ударила мощным потоком. Ольга взяла с полочки стиральный порошок, высыпала в воду, глядя, как белое крошево превращается в веселые пузыри, улыбнулась в предвкушении.

Пощелкав пультом, Ярослав выключил телевизор, новости закончились, а бесконечные сериалы нагоняли тоску, полежал, вслушиваясь в доносящийся из ванной шум воды. В желудке ощущалась приятная тяжесть и вставать не хотелось, но глаза начали слипаться. Чтобы не заснуть, он поднялся, неторопливо двинулся по квартире, отыскивая взглядом Ольгу.

В спальне Ольги не оказалось, как не оказалось и в кухне. Попеняв себе за невнимательность, по шуму воды можно было догадаться где именно находится подруга, Ярослав остановился возле ванной, легонько постучал, позвал по имени. Но ему не откликнулись. Пожав плечами, он двинулся обратно в зал, когда внутри шевельнулось нехорошее предчувствие. Вернувшись, он постучал еще раз, позвал громче, так и не услышав ответа, рванул дверцу.

Переполнив ванну, через край тоненькой струйкой льется вода, маслянисто поблескивая, переливаются радужные пузыри пены, а на полу, раскинув руки, недвижимо лежит Ольга: щеки белее мела, глаза невидяще уставились вдаль, а с краешка рта белесой нитью тянется слюна.

Не обращая внимания на плещущую под ногами воду, Ярослав бросился на колени, осторожно взял на руки неподвижное тело, поспешно двинулся в спальню. Уложив Ольгу, быстро вернулся, завинчивая, рванул рукоятку крана, одновременно выдергивая цепочку с пробкой. Оскальзываясь, и оставляя за собой мокрые следы, он пробежал к телефону, подхватил трубку. Перед мысленным взором вихрем пронеслись номера телефонов служб спасения. Вспомнив нужный, Ярослав кивнул, палец опустился на кнопку.

В понедельник Ольга пришла на работу с больной головой. Глядя в миниатюрное зеркальце на черные круги под глазами, она с тоской вспоминала прошедшую ночь: жуткие видения, ломота в костях, и отвратительная выворачивающая наизнанку тошнота. Порадовавшись, что пришла первой и успела попасться на глаза лишь охраннику на воротах, Ольга перевернула на стол сумочку. Выбрав из вороха ярких коробочек несколько нужных, остальные она смахнула обратно в сумку.

От легкого прикосновения коробочки распахнулись, засверкали разноцветными красками содержимого. Вооружив одну руку кисточкой, а другую ватным тампоном, Ольга приступила к делу. Когда, скрипнув дверью, в кабинет вошел Николай, работа шла полным ходом. На мгновение отвлекшись от столбцов железнодорожного расписания, Ольга повернула голову, кивнула, приветствуя, после чего вновь уткнулась в монитор.

Николай улыбнулся, сказал с подъемом:

— Понедельник — день чудесный. Отлично выглядишь!

— Благодарю, ты тоже... ничего, — не поворачивая головы, отшутилась она.

Остатки напряжения улетучились. Николай, всегда внимательный к своему, да и к чужому внешнему виду, не заметил проявившихся на лице ужасных следов болезненного состояния. Конечно, сыграл роль и макияж, бывало, приходилось замазывать намного более жуткие вещи, но, хотелось верить, что жуткие деформации на лице существуют лишь в ее воображении, а чтобы заметили и окружающие, нужно подходить вплотную, тыкать пальцем, да еще и подсвечивать фонариком. Успокоенная, Ольга взялась за работу с новыми силами.

Накопившиеся за выходные изменения в схемах доставки товара требовали немедленной коррекции, и работа затянулась. Ольга звонила в железнодорожные и авиакассы, уточняла изменение цен и расписания рейсов, с головой уходила в Интернет, читала почту, успевая одновременно отвечать на письма и распечатывать пришедшую документацию. Несколько раз приходилось бегать во двор, улаживая конфликтные ситуации с водителями: больничные листы, взаимные претензии и срочные личные дела вносили в работу изрядную долю беспорядка.

В делах еще только забрезжило прояснение, а за окном уже стемнело. Ощущая тупую боль в висках и голодные спазмы в желудке, Ольга отодвинулась от монитора, оглянулась. Николай ушел раньше, и кабинет оказался пуст. Откинувшись на спинку стула, она закрыла глаза, принялась осторожно массировать кончиками пальцев кожу головы. Она где-то слыхала, что на голове имеются некие чувствительные точки, при помощи которых можно избавиться от боли, но, разумеется, точным расположением не интересовалась.

Сосредоточившись на ощущениях, Ольга касалась кожи там и тут и вскоре нащупала несколько мест, что откликались на прикосновения особенно чутко. Сперва ничего не происходило, и даже, как будто, голова заболела сильнее, но вскоре боль начала стихать, рассеиваться, пока не исчезла совсем. Ольга отняла руки от головы, вздохнула с облегчением. Не смотря на улучшившееся состояние шевелиться не хотелось. Посидев в расслабленной позе еще немного, Ольга открыла глаза и вздрогнула. Напротив, глядя в упор, стоял Владимир, на его лице застыло странное выражение. Заметив, что объект наблюдения открыл глаза, он расплылся в улыбке, сказал с нарочитым неодобрением:

— Рабочий день закончился, а ты все трудишься.

— Дел накопилось — во! — Ольга чиркнула себя по горлу ребром ладони.

Владимир покивал, сказал понимающе:

— Это да. Сам, как белка в колесе. Домой прихожу — только до дивана и дотягиваю.

Ольга мельком взглянула на цифры времени в углу монитора, сказала со вздохом:

— Действительно пора.

Она выключила компьютер, сгребла разбросанные по столу бумаги в кучу, дождавшись, когда монитор погаснет, замедленно встала. Владимир задумчиво смотрел, как Ольга собирается, одевает плащ, подновляет макияж. Когда она потянулась к выключателю, расположенному аккурат за плечом Владимира, он вдруг прищурился, сказал осторожно:

— Извини, что обращаю внимание, девушкам такое не говорят, но... ты выглядишь очень утомленной.

Ольга улыбнулась, сказала:

— Выходи, я догоню, чтобы в темноте не толкаться.

Владимир поспешно вышел. Ольга еще раз мельком оглядела кабинет, убедившись, что все отключено, а окна заперты, щелкнула выключателем и вышла в коридор. Клацнув замком, она двинулась к выходу. Владимир ожидал в сторонке, догнал, пошел рядом, время от времени искоса поглядывая на спутницу.

Вместе они вышли из здания, двинулись к выходу. Несмотря на асфальтовое покрытие двора, грузовики, десятки раз на дню выезжающие и приезжающие обратно, нанесли колесами столько грязи, что ноги погружались в бурое месиво почти по щиколотку, и приходилось проявлять чудеса ловкости, чтобы ненароком не зачерпнуть полный ботинок отвратительной холодной жижи.

За воротами Владимир кивнул на припаркованную неподалеку машину. Ольга замаялась. Она и так была кругом должна Владимиру, чтобы лишний раз его эксплуатировать. Однако, холодный ветер вкупе с промозглым дождем пробирал до костей и, скрепя сердце, Ольга согласилась.

В машине уютно: негромко гудит мотор, кондиционер распространяет волны приятного тепла, отчего мысли расползаются, а глаза начинают слипаться. Ольга задремала, и вопрос собеседника заставил встрепенуться, собраться с мыслями.

— Ты принимаешь лекарства?

Она вздрогнула, взглянула непонимающе, переспросила:

— Лекарства?

— Ну да, какие-нибудь стимуляторы, БАДы, витамины, на худой конец.

— Нет. А почему ты спрашиваешь? — Ольга вопросительно выгнула бровь.

Владимир сказал, тщательно подбирая слова:

— Не хочу тебя обидеть, но последнее время ты выглядишь болезненно. То ли не высыпаешься, то ли работа утомляет, может еще что... — Видя, что собеседница собирается возразить, он заторопился, скороговоркой произнес: — И дело совсем не в том, что я лезу в твою жизнь. Но эта работа — мой совет, и я чувствую себя, как бы лучше сказать, ответственным, что ли.

Ольга улыбнулась, сказала с благодарностью:

— Я помню об этом и всегда готова помочь.

Владимир отмахнулся.

— Речь вовсе не о том.

— А о чем? — переспросила Ольга, видя, что собеседник не договаривает.

— Наш шеф, не смотря на внешнюю суровость, очень чуткий человек.

— Сергей Борисович? — ахнула Ольга, вспомнив грузную фигуру и исполненный ярости взгляд генерального.

— Да-да, он самый, — подтвердил Владимир. — И он уже несколько раз выражал беспокойство твоим состоянием. Узнавал, все ли устраивает, не слишком ли тебе тяжело.

— Ах вот оно что, — понимающе протянула Ольга. — Он решил меня заменить?

Владимир поморщился, сказал с досадой:

— Почему сразу заменить? Нет, для человека действительно важно состояние здоровье работников.

Ольга покачала головой, сказала скептически:

— Что-то слабо верится. Ну да ладно, коль зашел разговор, хотелось бы услышать твое мнение.

— Относительно чего? — Владимир оторвался от дороги, взглянул искоса.

— Относительно моего здоровья, ну и внешнего вида, как его прямого выражения, — усмехнулась Ольга.

Владимир произнес вкрадчиво:

— Не хочу показаться грубым, но, как я уже говорил, выглядишь ты неважно. Бледная, под глазами мешки, да и цвет кожи тоже, не совсем... — Он вновь взглянул искоса, следя за реакцией попутчицы.

Ольга понурилась, сказала чуть слышно:

— Не хотела об этом говорить, но... ты прав. После некоторых неприятностей, не важно каких, я чувствую себя очень плохо, и лучше мне не становится.

— А в чем это выражается? — полюбопытствовал Владимир.

Не замечая, что начинает откровенничать, Ольга призналась:

— В голове туман, под вечер слабость. Порой зверски тошнит, ломит кости, нападает жуткий зуд. А иногда, — она понизила голос до шепота, — до невозможности обостряется слух и обоняние, хотя, мне кажется, что это галлюцинации.

— Может ты беременна? — поинтересовался Владимир заговорщицким шепотом.

— Нет, это не то, — отмахнулась Ольга. Добавила со слабой улыбкой: — Тут все в порядке, цикл как часы, да и тесты молчат.

— В больницу ходила?

— Ходила. Только без толку. Ничего внятного не услышала. Да и времени особо нет.

Владимир произнес рассудительно:

— Это ты зря. Врач дурного не посоветует. Особенно, если врач хороший.

— Так у него на лбу не написано, хороший он, или плохой, — усмехнулась Ольга.

Владимир вдруг хлопнул себя по лбу, сказал с подъемом:

— Как я мог забыть. У меня же есть старый товарищ, отличный врач — терапевт, гомеопат, или что-то в этом роде. Специализируется по всяким там непонятным случаям, над которыми обычные доктора лишь разводят руками, а то и вовсе отправляют восвояси.

Ольга сказала неуверенно:

— Это, конечно, интересно. Но у твоего друга наверняка нет и минуты свободного времени.

— Для меня и моих знакомых найдется, — отмахнулся Влад.

— К тому же мне неудобно, ты столько для меня делаешь, — добавила Ольга смущенно.

— Ерунда, — фыркнул Влад.

— И... у меня почти нет денег, — закончила она тихо.

— Это хуже, но поправимо. Попрошу, чтобы он отсрочил тебе оплату, ну и взял по минимуму. Думаю, он не откажет. — Видя, как Ольга раскрыла рот для возражения, он замотал головой, сказал громко: — Решено, едем к нему.

— Прямо сейчас? — растерялась Ольга.

— А чего тянуть? Быстрее вылечишься — быстрее придешь в себя.

— Так время уже... — Ольга взглянула вмонтированные в приборную панель часы. — Никто сейчас не работает.

— Работают, — с нажимом произнес Владимир. Добавил насмешливо: — Или признайся честно, боишься, что я наплету с три короба, а потом увезу в лес.

Ольга взглянула изумленно, затем улыбнулась, после чего и вовсе расхохоталась. Отсмеявшись, сказала:

— Нет, не боюсь. Тем более, что для такой простой вещи, как секс, вовсе не обязательно ехать черте куда.

— А может я маньяк? — скорчив жуткую рожу, зловеще поинтересовался Владимир.

— Брось, — Ольга отмахнулась. — Страшилки для девчонок, что в силу молодости, а от того дурости, считают, будто кто-то куда-то их повезет, там приколотит гвоздями, зальет кислотой, а потом расчленит бензопилой в мелкий фарш.

Пришел черед удивляться Владимиру.

— А разве такого не может быть?

Ольга покачала головой, сказала серьезно:

— Нет. Трахнут, деньги отнимут. Как вариант, могут избить. Не более. Ну, разве только совсем-совсем не повезет. Но от этого не застрахован никто.

Владимир взглянул с удивлением, сказал опасливо:

— Какие, однако, страшные вещи ты говоришь.

Ольга пожала плечами.

— Ничего страшного, обычная жизнь. — Добавила с ноткой нетерпения: — Ладно, что уж теперь, поехали, буду должна тебе еще больше. Если честно, меня достали все эти непонятные болячки. Что угодно сделаю, лишь бы избавиться.

Владимир кивнул, переложил руль, одновременно нажал педаль газа, отчего машина резко свернула, понеслась, разбрызгивая лужи и вздымая за собой волны, словно небольшой корабль. За окошком замелькали огни вывесок и реклам, слились в яркую полосу. Некоторое время Ольга с трудом отслеживала маршрут, ночью улицы преображались, до боли знакомые днем, в сумраке искажались до неузнаваемости, но вскоре потерялась, и уже без всякой цели бездумно смотрела сквозь стекло, по которому, размазываясь неровными полосами, стекали капли дождя.

Цветовая карусель за окошком замедлилась, разбилась на отдельные огни. Владимир сбросил скорость, вывернув руль, подогнал машину к обочине. Щелкнул ключ зажигания, мотор затих.

— Ну вот и все, приехали. Будем надеяться, что он не решил укоротить себе рабочий день именно сегодня, — хмыкнув, Владимир покинул машину.

Ольга вышла следом. Промозглый ветер хлестнул по лицу, плеснул за шиворот холодными каплями. Поежившись, Ольга повертела головой, пытаясь определиться, но улица оказалась не знакома, и она двинулась за спутником, что уже стоял возле небольшого

крылечка с подсвеченной неонов вывеской «Кабинет терапии доктора Пахомова». Тут же, с расположенной за стеклянной витриной цветной фотографии, улыбался благообразный пожилой мужчина, судя по всему хозяин кабинета.

За дверь обнаружился небольшой уютный холл: направо будочка справочной, налево окно гардероба. У стены, гармонируя с оттенком известки, расположились диванчик с заваленными журналами столиком. Пока Ольга с интересом осматривалась, отмечая вывешенные рядком на стенке многочисленные почетные грамоты, Владимир отошел к справочной, перекинувшись парой слов, вернулся, жестом указал в сторону гардероба.

Избавившись от верхней одежды и обзаведясь симпатичным хрустящим шариком бахил, Ольга присела на диванчик. Владимир же, попросив подождать, исчез в глубине коридора. Раскатав увязанные в хитрый шар бахилы, Ольга обулась, немного посидела, с интересом глядя по сторонам. Но любоваться в холле было особо не на что и руки невольно потянулись к журналам.

Ольга откинулась на спину, уложив журнал на колени, принялась листать пахнущие свежей краской гляцевые страницы. С фотографий смотрят улыбчивые симпатичные люди, почти у каждого в руках та или иная ярко раскрашенная баночка, или коробочка с лекарством. Тут же, на странице, можно прочесть статью о невероятных свойствах и лечебном эффекте новейших разработок в области фармакологии, сделанных из исключительно естественных материалов на уникальном оборудовании. Десятком страниц дальше пошли фотографии и описание собственно оборудования.

Покачав головой, Ольга убрала журнал на место. Она старалась без нужды не злоупотреблять лекарствами, и отдавала себе отчет, что, придумывая благозвучные названия, изготавливая красочные упаковки и сопровождающие убедительные буклеты, гиганты фарминдустрии заботятся прежде всего о продвижении товара и личной выгоде, и лишь во вторую, а то и в третью очередь о здоровье потребителей.

Владимир вернулся, сделал приглашающий жест. Ольга поспешно встала, подошла ближе, вопросительно всмотрелась спутнику в лицо. Тот улыбнулся, сказал с удовлетворением:

— Все складывается удачно. Пациентов уже нет, но он на месте. Так что проходи смело. — Перехватив брошенный Ольгой взгляд на настенные часы, Владимир успокоил: — Насчет времени не беспокойся и не торопись. Уж коль я тебя сюда притащил — отвезу назад, никуда не денусь.

Ольга покачала головой, произнесла шутливо:

— Ох, Влад, загонишь меня в кабалу, придется таки сдаваться тебе в рабство.

— Иди, иди, — Владимир легонько подтолкнул ее в спину, — а то выглядишь все хуже и хуже. Вот уже и кожа позеленела, скоро волосы выпадать начнут.

Улыбнувшись, Ольга направилась к указанному кабинету. Остановившись возле двери с табличкой «Пахомов» она постучала, дождавшись приглашающего «войдите» потянула ручку на себя. Просторный кабинет, снежно белый потолок, стены отделаны кафелем, под ногами поскрипывает паркет. Лампы излучают мягкий свет, отражаясь многочисленными бликами от хромированных ручек шкафов. Сквозь стекла дверец виднеются ряды пухлых книг, будто это вовсе и не кабинет врача, а замаскированное отделение библиотеки.

Сразу у входа кресло, чуть дальше покрытая пластиком лежанка. Возле окна, напротив, стол, поверхность на две трети скрыта под кипами бумаг и журналов. За столиком сидит врач, согнувшись над тетрадью, что-то быстро пишет, заполняя пространство листа

витиеватой вязью подчерка. Дописав строчку, врач повернул голову, из-за толстых линз очков на Ольгу уставились прищуренные глаза, изучающе скользнули по фигуре. Глубоким, мягким голосом врач произнес:

— Проходите, присаживайтесь.

Ольга сделала шаг к деревянному стулу в углу, но передумала, и опустилась в кресло, с удовольствием ощутив, как спина проваливается в мягкое. Врач улыбнулся, подошел, захватив с собой стул, присел рядом. Короткий ершик седых волос, плавно перетекающий по вискам в седую бородку, высокий с залысиной лоб, пухлые, словно налитые яблоки, розовые щеки, и столь же розовый мясистый нос. Доктор чем-то отдаленно напоминал Деда Мороза после стрижки, чем приятно располагал к себе.

— Владимир вкратце обрисовал положение дел, но хотелось бы услышать подробности.

Собравшись с мыслями, Ольга изложила историю болезни, стараясь не упускать деталей. Врач слушал, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемо-участливым, лишь изредка подрагивала щека, да едва заметно шевелились брови, сообщая о том, что слушатель, хоть и скрывает, но все же испытывает некие эмоции.

По окончании рассказа врач попросил Ольгу раздеться и некоторое время внимательно изучал разбросанные по телу шрамики, закончив, отошел к шкафу, выбрав один из толстенных томов, принялся изучать. Ольга продолжала стоять без одежды, терпеливо ожидая, но врач как будто забыл о ее существовании, и она напомнила о себе.

— Я могу одеться?

Врач спохватился, сказал покаянно:

— Ах, простите пожалуйста. Я немного забылся, изучая терапевтический мануал. У вас столь редкая и необычная форма невроза, что...

Надев рубашку, Ольга застегнула пуговицы, поинтересовалась с кривой улыбкой:

— Доктор, я буду жить?

— Ах, что вы говорите! — Доктор подошел ближе, осторожно коснувшись плеча, сказал мягко: — Редкий, не равно опасный. Вы будете жить и работать, и даже лучше чем прежде.

— Вот даже как! — восхитилась Ольга. — Надеюсь, вы меня не разыгрываете. Я понимаю, врачебная этика должна быть соблюдена, а больной спокоен, но... мне лгать не нужно. Говорите, как есть, я не ударюсь в истерику, и не побегу с жалобой в суд. — Она пристально взглянула врачу в глаза.

На лице врача отразились напряженные раздумья. Он захлопнул книгу, замедленно поставил на место, затворив дверцу шкафчика, произнес, тщательно подбирая слова:

— У вас нестандартная форма реакции на биохимическую инвазию. Вот это, — он дотронулся до одного из шрамов, — не просто шрамы, это следы операции. Уж не знаю, кто это с вами проделывал, но догадываюсь, для чего.

У Ольги перехватило дыхание. Мало того, что она провалялась без сознания неизвестно где больше двух месяцев, так над ней еще ставили эксперименты. Сглотнув, она произнесла враз охрипшим голосом:

— Продолжайте...

— Нет, нет, не пугайтесь так! — заметив, как побледнела пациентка, поспешил успокоить врач. — Возможно, я немного не корректно сформулировал. Подобные вещи хоть и редки, но, тем не менее, встречаются во врачебной практике. К примеру, когда, в силу каких-либо причин, больной покрывается язвами или нарывами, для скорейшего выздоровления их вскрывают, и... остаются похожие шрамы.

Ольга ощутила, как с плеч свалилась глыба. После событий чуть меньше, чем

полугодовой давности, когда она с боем прорывалась из организованной противниками засады, после чего израненная и едва живая, попала в больницу, в ходе лечения вполне могли возникнуть некие осложнения, что, из-за потери памяти, прошли бесследно.

— Так что же насчет биохимической инвазии? — собравшись с духом, поинтересовалась Ольга.

Вместо ответа, врач спросил, проникновенно глядя в глаза:

— Скажите, несколько месяцев назад с вами не происходило чего-нибудь... какой-нибудь травмы, болезни, быть может вас укусила собака?

Ольга покачала головой, сказала с бледной улыбкой:

— Обошлось без собак, но... вы правы, травма была, если так можно выразиться.

— И наверняка не обошлось без хирургического вмешательства?

Ольга отвела глаза, сказала с неловкостью:

— Я плохо помню лечение, и... некоторое время после.

— Ну вот, — доктор развел руками. — Все как я и предполагал. Когда вас оперировали, хирургам, по всей видимости, пришлось использовать специфические препараты, реакция на которые, вкупе с посттравматическим шоком, и создали столь необычную и, простите за профессиональный сленг, интересную клиническую картину. Быть может вам еще и снится что-нибудь пугающее? Не отвечайте сразу, подумайте.

Ольга кивнула, ответила со вздохом:

— Раньше такого не было. Но с некоторых пор снится такое, что просыпаюсь с криком.

Врач кивнул, подбодрил:

— Хорошо — хорошо, говорите. Это очень важно.

Припоминая, Ольга помолчала, сказала замедленно:

— Больничная комната, холодная белизна стен, и склонившийся надо мной врач со скальпелем. — Она поморщилась, сказала с досадой: — В общем, ничего интересного, впрочем, как и приятного тоже.

Доктор помолчал, ожидая, что пациентка продолжит, но Ольга молчала, и он произнес:

— Случай не назвать ординарным, такое встречается не часто. Но не вешайте нос. Тело нейтрализует токсины, психика успокаивается, симптоматика исчезает, наступает ремиссия. Не сразу, не за один день, но проходит.

Ольга подалась вперед, спросила с жаром:

— Сколько на это нужно времени? Хотя бы примерно.

Врач пожал плечами, сказал в раздумии:

— Очень многое зависит от индивидуальных особенностей организма, качества пищи, психологического климата, нагрузок... Ну и конечно от сопутствующего фармсопровождения.

— Фармсопровождения? — Ольга наморщила лоб, припоминая значение слова.

— Говоря по-простому — вспомогательные лекарства. Врач выписывает рецепт, пациент покупает таблетки, ну, или порошки, кому что больше нравится, и проходит курс приема препарата.

— Сможете ли вы выписать мне нужный препарат? — задала Ольга вопрос в лоб.

— А вы уверены, что хотите нагрузить организм сомнительной химией? — вопросом на вопрос ответил врач.

Ольга нахмурилась, сказала невесело:

— Честно говоря, не жажду. Но болезнь мешает мне работать, я становлюсь рассеянной,

плохо сплю. К тому же мерещится всякое... Короче говоря — да.

Врач взглянул на часы, сказал рассудительно:

— Что ж, время позднее. Пожалуй, я не буду больше задавать неприятные вопросы, а выдам лекарство.

— У вас есть лекарство? — изумилась Ольга.

Доктор развел руками, сказал с улыбкой:

— Как ни странно, но есть. Скажу по секрету, это очень дорогой препарат, который, к тому же, довольно проблематично достать. Самое смешное, что буквально на днях я собирался отправить его коллеге почтой, но... видно не судьба.

Ольга произнесла с запинкой:

— Вы сказали дорогое...

Врач чуть улыбнулся, произнес с пониманием:

— Владимир говорил, что вы не из наших краев и недавно устроились на работу. Не вижу ничего страшного если оплата подождет до аванса, или как у вас это называется.

Ольга вскочила, прижав руки к груди, сказала пылко:

— Вы не представляете, как меня обяжете! — Запнувшись, добавила тоном ниже: — Несколько лет назад я бы сочла это человеколюбием, но... работа есть работа, а деньги есть деньги. Зачем вы это делаете? — Она испытывающе взглянула в глаза врачу.

Тот улыбнулся, в уголках глаз собрались веселые лучки морщинок, сказал со вздохом:

— К сожалению вы правы: суровое время, суровые законы. Даже не знаю, что бы я сказал, заявись вы с подобной проблемой с улицы. Но вы пришли с Владимиром, а он мой старый приятель, понимаете... — Врач взглянул искоса, вопросительно приподнял бровь.

— Что ж, это именно то, что я хотела узнать, — с удовлетворением произнесла Ольга. — Не люблю одолжений и с подозрением отношусь к подаркам, слишком дорого порой приходится расплачиваться за безвозмездные дары.

На лице врача отразилось целая гамма чувств, но он лишь сдержанно произнес:

— Вижу, пережили вы не мало. Что ж, возможно, когда-нибудь позже, если возникнет необходимость, я проведу вам несколько сеансов психотерапии, а сейчас...

Врач порылся в шкафчике, среди множества пластиковых банок выбрал одну, повертев в руках, передал Ольге, а сам отошел к столу, принялся что-то быстро писать на небольшом чистом листочке. Закончив, он протянул листочек.

Мельком прочитав написанное, Ольга сказала с улыбкой:

— Достаточно было сказать, я бы запомнила.

Врач покачал головой, ответил мягко:

— Не сомневаюсь, что у вас острый ум и отличная память. Но записанное лишним не будет, пусть это даже простая рекомендация сколько раз в день и в каких количествах принимать препарат. Кто знает, будет ли до воспоминаний, когда в очередной раз вы проснетесь после кошмара, или уставшая придете домой с сильнейшей головной болью.

Ольга потупилась, сказала пристыженно:

— Извините. Я еще не привыкла к этой... неприятной болезни, и, по всей видимости, еще не прочувствовала всех ее подводных камней, потому и...

— Все в порядке, — врач благосклонно кивнул, — на то я и врач, а не полицейский, чтобы разъяснять пациентам неясные моменты, а не ставить им это в вину.

Сжимая в руках драгоценное лекарство, Ольга попрощалась, покинула кабинет. Посещение доктора придало бодрости, подкрепив пошатнувшуюся за последнее время

уверенность в собственных силах. Хотя некоторые моменты в словах врача вызывали сомнения. Она ни разу не слышала, чтобы люди покрывались нарывами, которые потом приходилось вскрывать. На память приходила лишь средневековая бубонная чума, с ее стигмами — язвами, что, для скорейшего выздоровления, не то взрезали, не то прижигали каленым железом. Да и слово «инвазия» сулило мало хорошего, конечно, если врач употребил его по назначению, а не случайно, утомленный, оговорился к концу трудового дня. К тому же немного нервировала перспектива оплаты услуг врача. Несмотря на полученную отсрочку, сумма так и не прозвучала, что вызывало определенные опасения. Было бы неприятно узнать, что требуемая оплата превышает весь ее суммарный доход раза в два-три.

При ее приближении Влад встал с диванчика, где отдыхал, лениво перелистывая страницы журнала, шагнул навстречу.

— Как все прошло?

— Отлично! — Ольга остановилась рядом, рассматривая вязь непонятных иероглифов на упаковке лекарства, сказала с подъемом: — У тебя очень необычный знакомый. Сказать по правде, врачей недолюбливаю, и даже боюсь, но этот доктор на удивление обходителен и внимателен к словам. Как ты сказал его специализация?

Владимир замахал руками, словно мельница крыльями, произнес с мольбой:

— Ради бога, только не заставляй меня ломать язык над произношением этого ужаса! Мало того, что мысли от усталости разбегаются — не собрать, так еще и челюсть заклинит. Скажи лучше, он тебе помог... ну, что-то сказал, показал, сделал?

Находясь в приподнятом настроении, Ольга ответила лукаво:

— Все-то тебе скажи.

Влад тут же сделал пресное лицо, сказал кисло:

— Все, понял, отстал. Чем вы там занимались — не мое дело. Скажи хоть — не зря ездили?

— Не зря. Совсем не зря, — Ольга усмехнулась. Подбросив, она ловко поймала банку, сказала с усмешкой: — Если все пойдет, как он сказал, через некоторое время я окончательно приду в себя и смогу приступить к работе в полную силу.

Влад схватился за голову, сказал с деланным ужасом:

— Если ты уже сейчас работаешь так, боюсь и представить что будет, когда наступит это самое «в полную силу».

Обменяв номерок на плащ, и тщательно застегивая пуговицы, Ольга сказала с насмешкой:

— Похоже, ты меня недооцениваешь. То что я делаю сейчас — треть от полной силы. Сильно мешает незнание предмета, ну и недостаток здоровья накладывается. Но с первым я вскоре справлюсь сама, а второе мы с твоим приятелем-врачом, кстати, как его зовут? Разберемся на пару.

Влад вдруг спросил непонимающе:

— Приятелем?

— Ну да, он так сказал. А разве нет? Он мне и отсрочку на оплату из-за этого дал.

Задумчиво покивав, Владимир сказал отстраненно:

— Да-да, конечно.

Он улыбнулся, но как-то натянуто, заспешил к выходу. Слишком увлеченная мыслями, чтобы обращать внимание на реакции спутника, Ольга двинулась следом. Дорога пролетела

незаметно, погруженная в размышления, Ольга очнулась, лишь ощутив что машина не двигается. Повернувшись к Владимиру, она произнесла с чувством:

— Это уже становится банально, но... благодарю.

Влад отмахнулся.

— Ладно, ладно. Сколько раз говорил, повторюсь, не вижу причин не помочь, если мне не сложно, а человеку действительно полезно.

Ольга отстегнула ремень безопасности, резко подалась в сторону, так что спутник не успел отшатнуться, звучно чмокнула в щеку, после чего легко выпорхнула из салона, бросила на прощание:

— До завтра!

Хлопнула дверь, прошуршав колесами, машина умчалась, превратившись сперва в две бледные точки фар, а затем и вовсе исчезнув в вечерней мгле. Несмотря на усталость и привычно наползающее к вечеру головокружение, Ольга ощутила подъем настроения. Поддерживая здоровый образ жизни всю сознательную жизнь, она привыкла к тому, что легкость в теле, сила мышц и кристальная ясность рассудка являлись неотъемлемым и естественным атрибутом, само собой разумеющимся состоянием. Неконтролируемые изменения в теле вызывали раздражение и недовольство, что, в свою очередь, сказывалось на настроении и общем тоне. И теперь, когда в руках, волею случая, оказалось лекарство от навязчивой болезни, оставалось лишь запастись терпением, и дождаться того светлого времени, когда все будет как раньше, без неожиданных приступов, странных ощущений и кошмарных ночных видений.

Ольга отошла от дороги, и, перепрыгивая через особо большие лужи, двигалась в сторону подъезда, когда в отбрасываемой деревьями густой тени обрисовался силуэт человека, шагнул навстречу, загораживая дорогу. Слуха коснулся хриплый голос.

— Закурить не найдется?

Ольга замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась. Голос показался смутно знакомым. Помедлив, она поинтересовалась:

— Решил повторить подвиг товарища?

Фигура замерла. Казалось, человек опешил, и лихорадочно подбирает слова. Кашлянув, он произнес с заметным удивлением:

— В темноте видишь?

— Не только вижу, но и чувствую, — усмехнулась Ольга, прислушиваясь к смутному гулу в голове, что постепенно усиливался. Добавила нетерпеливо: — Надо что — говори быстрее, если нет — иди своей дорогой, я не в настроении.

Собеседник передернул плечами, отчего его одежда громко зашуршала, сказал с издевкой:

— Да ты, погляжу, занятая: Генку послала, со мной говорить не хочешь...

В голове шумело все сильнее. Ольга решительно шагнула вперед и в сторону, обходя собеседника по небольшой дуге, но тот резво отпрыгнул, вновь оказался на пути.

Чувствуя нарастающее раздражение, Ольга сказала зло:

— Похоже, вы все, ребята, пониманием не отличаетесь. Повторяю последний раз — иди с миром, или...

— Или что? — со смешком поинтересовался невидимка.

— Или я тебе сделаю массаж яиц, как Гене, — прошипела Ольга.

Она рванулась вперед, очутившись почти вплотную с парнем, всмотрелась в очертания лица, едва видимые в чернильном воздухе ночи. Несмотря на ярость, захлестнувшую мутной волной, она отдавала себе отчет, что действует на грани. Стоящий перед ней парень вполне мог вытащить нож, и с испуга отмахнуться, оставив неприятную царапину, и Ольга оставалась настороже, отслеживая малейшие движения собеседника, что, каждое мгновение, мог превратиться в противника.

Парень охнул, отшатнувшись, запнулся, замахал руками, балансируя, выровнявшись, отступил, сказал глухо:

— Дура что ли? Я ж поговорить, а ты кидаешься.

— Ты начинаешь действовать мне на нервы, — напряженно произнесла Ольга. — По этому, пока я окончательно не разозлилась, говори быстрее.

Парень хихикнул, сказал с ноткой подобострастия:

— Уж боюсь и представить, что тогда будет. — Ощувив, что теряет лицо, смачно харкнул, произнес со смешком, но уже гораздо более сдержанно: — Геннадия в тот раз сильно не понравился твой поступок, а он у нас не последний парень...

— Свободен. — Ольга шагнула вперед, едва не врезавшись в собеседника.

Тот попятился, сказал поспешно:

— Да погоди ты. Что за человек — терпения совсем нет. В общем, у нас тут тусовка — десяток человек. Все парни суровые, принципиальные. Девки тоже есть, но они больше проходом.

— Короче... — поторопила Ольга, — много слов.

Парень заторопился.

— Короче, нам нужны новые люди. Ну, там, своих защитить, помочь, если кому надо, ну и так, по мелочи... Ты, девка серьезная, это видно. Лишней не будешь.

Ольга хмыкнула.

— Я поняла. Мелкая дворовая шайка вербует новичков. Мне это зачем?

Парень набычился, засопел, сказал с трудом сдерживая недовольство:

— Ну, ты это, поосторожней со словами. Парням за такое морды бьют, а девкам...

— Ну-ну, — насмешливо бросила Ольга, сделала движение пройти.

На этот раз собеседник не стал препятствовать, пошел рядом, оживленно жестикулируя.

— Что значит зачем? Ну, обидит тебя кто, или там, угрожать будет. А тут — оп, и наши нарисуются. Чем не повод? Ну, или, пообщаться захочешь, будет куда прийти, там, проветриться, еще чего. Опять же, не с кем попало. Мы своих в обиду не даем.

Гнев улегся, но раздражение осталось, и Ольга с трудом сдерживалась, чтобы не послать «парламентера» куда подальше. Она бы так и поступила, подойди он несколькими годами раньше, когда мир еще воспринимался в розовом цвете, а человеческие пороки, даже самые мелкие, выделялись особым гротеском, обряжались незрелым юношеским сознанием в черные одежды зла, и вызывали сильнейшее отвращение.

Смирив вертевшиеся на языке слова презрения, Ольга холодно произнесла:

— Не трать мое, а заодно свое время.

— Ты что-то решила? — в голосе парня послышалась неуверенность.

Ольга с шумом выдохнула, отчего собеседник заметно вздрогнул, сказала с нажимом:

— Если ты не отвяжешься, я точно решу. И, боюсь, тебе это не понравится.

— Я насчет предложения, — насупился парень.

Ольга остановилась, несколько долгих мгновений всматривалась в серую маску лица спутника, сказала замедленно:

— Хорошо, я подумаю.

Парень с облегчением выдохнул, сказал враз повеселевшим голосом:

— Я передам парням, что все в порядке.

— Не спеши, — осадил Ольга. — «Подумаю», не значит — «да».

— Ладно, ладно, — защищаясь, парень выставил ладони перед собой, — думай. Но не затягивай.

Он отступил в сторону, провалился в стену кустарника. Прошуршали удаляющиеся шаги и все стихло. Испытывая смешанные чувства, Ольга пошла дальше. Она много чего слыхала с подобных молодежных группировках, и даже несколько раз наблюдала местные дворовые разборки, но в силу занятости и отличных, от прочих обитателей двора, интересов близко с этим миром не соприкасалась.

Особого желания вступать в группировку не возникало. Судя по представителям молодежи, с которыми довелось столкнуться уже дважды, серьезную пользу из них извлечь вряд ли бы удалось: обычные парни с гормонами в теле и ветром в голове. Но, раз от разу наталкиваясь на мелкие пакости, вроде приснопамятного полицейского, тоже не прельщало. Да и постоянная настороженность, в ожидании очередной провокации от местных, отнюдь не способствовала спокойному существованию. К тому же парни знали где она живет. А подставлять человека, что подобрал ее, беспомощную, и предоставил кров, вовлекая в хулиганские разборки, хотелось меньше всего.

Исполненная сомнений, Ольга дошла до дома, поднялась на нужный этаж. На звук замка из зала вышел Ярослав, потягиваясь и зевая, произнес:

— Однако, судя по времени, у вас на работе аврал.

Ольга смущенно потупилась, сказала виновато:

— Я ходила к врачу.

Ярослав взглянул с удивлением, сказал:

— Это не то, что ты подумала. Просто, я ориентировался на обычное время, и ужин успел остыть.

— О-о... — Ольга всплеснула руками. — Сегодня день, когда сбываются мечты: неожиданно-негаданно нашлось лекарство от болезни, а дома готов ужин. Не жизнь — сказка.

Ярослав польщено улыбнулся.

— Если честно, я не большой любитель готовить, но, пока окно между рейсами, все одно нужно чем-то заниматься. Вот я и подумал, почему бы и не... — Он прервался на полуслове, сказал с досадой: — Тьфу, стою, себя расхваливаю, а ведь ты упомянула намного более важную тему. Что за лекарство?

Успев за время тирады раздеться, ополоснуть руки и пройти в кухню, Ольга откликнулась:

— Знакомый с работы дал координаты врача. Не буду утомлять подробностями, но теперь у меня есть лекарство.

Ярослав зашел в кухню, взяв баночку, некоторое время вертел в руках. Наполнив тарелку супом из пышущей жаром кастрюли, упомянув прошедшее с момента приготовления время Ярослав явно поскромничал, Ольга нарезала хлеб, разложив блюда на разносе,

приготовилась перенести все на стол, когда взгляд замер, прикованный к отражению в стекле.

Ярослав продолжал смотреть на баночку, покусывая губу. На его лице застыло странное выражение: брови сошлись на переносице, скулы заострились. Обычно мягкое и приветливое, лицо преобразилось, став отстраненным и жестким. Не понимая, что происходит, Ольга продолжала смотреть, шурша хлебом и булькая ложкой в супе, чтобы случайно не привлечь внимание продолжительной тишиной.

Пауза начала затягиваться. Опомнившись, Ольга подняла разнос, решительно повернулась, шагнула к столу, с твердым намерением узнать причину столь странного поведения товарища. Но Ярослав уже сидел, как ни в чем не бывало, его лицо, привычно кроткое, отражало лишь участливое внимание. Заметив недоумение в глазах подруги, он взглянул вопросительно, всем своим видом выражая готовность помочь, поддержать, объяснить если что-то не так.

Ольга сморгнула. Глубоко вдохнула и выдохнула, тряхнула головой, прогоняя наваждение. Лицо человека не могло так быстро измениться, вернее, конечно, могло, но лицо чужого, а никак не товарища, друга и... любовника. Если только не... Ольга вновь тряхнула головой, на этот раз так сильно, что едва не расплескала суп, поспешно поставила разнос на стол.

Перед глазами замелькали лица соратниц по тренировочному лагерю, а в ушах зазвучали отрывистые слова команд. Неужели ее нашли, и вновь попытаются втянуть в бесконечный круговорот жестокости и боли? И этот человек, что сидит напротив, глядя на нее с заботой и любовью, что спас, позволил отлежаться, а теперь кормит вкусным ужином, от аромата которого рот наполняется слюной, а в желудке завывает... разве может он быть одним из этих безжалостных людей?

— Ольга, что с тобой, что-то случилось? — взволнованный голос Ярослава пробился сквозь гул в ушах.

Ольга вздрогнула, сказала чуть слышно:

— Нет, нет. Все в порядке. Похоже, у меня от голода ум заходит за разум.

— У тебя что-то болит, голова кружится? — Ярослав привстал, готовый поспешить на помощь.

Устало улыбнувшись, Ольга помотала головой, сказала с надеждой:

— Все будет хорошо. Вот сейчас я доем суп, приму препарат, и уже к завтрашнему дню буду как новенькая. И тебе больше не придется ухаживать за мной, кормить с ложки и стирать грязные подгузники.

Она рассмеялась, хотя в душе чувства боролись с сомнениями, а где-то в глубине, уже привычная, поднималась темная волна дурноты.

* * *

Две недели промелькнули, как один день. На работе стало легче, теперь за неполный рабочий день она легко успевала столько, сколько раньше с трудом делала за два. Сказалась практика, теперь по каждому поводу не требовалось лезть в справочник, бежать к шоферам, или отрываться от работы Николая, с просьбой помочь найти панельку, что «сама по себе куда-то спряталась».

Однако, Ольга подозревала, что дело далеко не только в полученных навыках. Она ежедневно принимала препарат, соблюдая предписания доктора, и уже на второй день ощутила изменения. Дурнота отступила, исчезли головные боли. Организм как будто обновился, обострились реакции, а мышцы все чаще требовали нагрузки, отказываясь воспринимать всерьез восьмичасовое сидение за рабочим столом и редкие выходы во двор.

Несмотря на ухудшающуюся погоду, Ольга стала чаще гулять. Выходя на полчаса раньше необходимого, она шла до места работы пешком, наслаждаясь прохладой наступающей зимы и свежестью морозного воздуха. Пару раз она заходила в уже знакомый подвальчик, и, с трудом удерживаясь от соблазна занять один из тренажеров, наблюдала за мужчинами, что, перекосив лица, с рычанием поднимали тяжеленные веса, отчего их и без того немалые мышцы раздувались еще, становясь поистине чудовищными.

Клуб культуристов тянул, как магнит. Ольга не понимала, что именно произошло, с чего вдруг ранее совершенно безынтесный вид спорта вызывал такое пристрастие, да и не старалась разобраться. Горящие огнем мышцы, с определенного времени требующие нагрузки, стали тому виной, или терпкий аромат мужских тел, столь сладостный и приятный, что можно часами сидеть на скамеечке у стены, наслаждаясь запахом, будто это не упрятанный под землю спортивный зал с тренажерами, а насыщенный благовониями храм.

Владелец клуба, и, по совместительству, директор, молодой парень, с кем она столкнулась в первый же день, завидев ее вторично, кивнул, как старой знакомой, и более не обращал внимания, с пониманием относясь к столь странному для девушки поведению. Прочие посетители клуба также не выказывали недовольства. Порой, Ольге даже казалось, что мужчинам приятен внимательный взгляд и неприкрытое восхищение, с каким она следила за размеренными движениями побеждающих тяжелый вес снаряда атлетов.

Выдали первую зарплату. Ольга ожидала этого с некоторым волнением, зная, как часто обманывают и недоплачивают хозяева частных фирм работникам с небольшим стажем. Но все прошло удачно. Деньги выдали вовремя, да еще и на четверть больше, чем ожидалось. Сам генеральный вручил пакет, скупно поблагодарив за качественную работу и ответственность, отчего Ольга была весь день сама не своя, не зная, радоваться ли успеху, или опасаться чересчур быстрого взлета, после которого, как учит народная мудрость, часто следует не менее быстрое и болезненное падение.

Едва дождавшись следующего дня, Ольга побывала у врача, подгоняемая чувством долга. Препарат почти закончился, и, не желая вновь возвращаться к пережитому, она стремилась завершить лечение, чтобы раз и навсегда избавиться от странного и неприятного недуга. Против ожидания, озвученная сумма оказалась не так уж и велика. Выслушав советы и наставления врача, Ольга взяла еще лекарства. На этот раз, помимо таблеток, доктор выдал пачку ампул, подробно объяснив, что для полноценного выздоровления необходимо вводить препарат внутримышечно.

Медицинский уголок, под который Ольга отвела один из нижних ящиков шкафа, разросся. Рядом с коробочками таблеток теперь соседствовала свернутая в рулон лента шприцев, баночка со спиртом и плотный валик ваты, от которого, по мере надобности, можно было оторвать кусок необходимого размера. Ставить уколы Ярослав наотрез отказался, сославшись на слабую психику. Порой, замечая, как Ольга готовит инъекцию, он стремительно покидал комнату, болезненно морщась и с деланным ужасом закатывая глаза. Ольга хмыкала, отпускала ехидные шуточки, а мгновение спустя, всаживала иглу себе в

ягодицу, сжав зубы, замирала, переживая боль, пока лекарство рассасывалось, после чего, прихрамывая, шла в соседнюю комнату, отыскивая сбежавшего Ярослава.

Владимир пропал. Ольга горела желанием поделиться радостной новостью, что лечение возымело эффект, и в очередной раз поблагодарить за помощь, но принеся так много помощи мужчина исчез, не то с головой заваленный работой, не то незаметно уволившийся. Коллеги по работе ничего внятного сказать не могли, а начальник, когда, улучшив момент, Ольга осторожно поинтересовалась судьбой Владимира, лишь фыркнул нечто невразумительное.

Долгожданная сумма наконец-то появилась на руках и Ольга поспешила осуществить желание, что непрестанно мучило последние две недели, день ото дня становясь все сильнее. Загодя собрав дома приближенную к спортивной форме одежду, Ольга с трудом дождалась окончания рабочего дня. Едва большая стрелка настенных часов коснулась высшей точки, застыв точно напротив малой, Оля сорвалась с места, быстро оделась, и, подхватив пакет, поспешно удалилась, провожаемая изумленным взглядом Николая, привыкшего, что коллега задерживается допоздна.

Подсвеченная огнями вывеска клуба замаячила издали. Сквозь мутную пелену мокрого снега блестящие буквы вывески казались путеводной звездой. Улыбнувшись сравнению, Ольга отворила дверь, сбежала по лестнице, оставляя за собой мокрые следы. Сдав верхнюю одежду в гардероб, и получив номерок, она прошла в раздевалку, где, выбрав удобное место, сменила деловой костюм на шорты и маечку, а импозантные туфли на потертые кроссовки, заперев дверцу металлического шкафчика, спрятала ключ в кармашек и вышла в коридор.

Едва она появилась в зале, послышались удивленные возгласы, местные тяжелоатлеты — завсегда и привыкли видеть хрупкую девушку в качестве зрителя, и неожиданная смена роли явилась приятной неожиданностью. Ольга пошла через зал, отыскивая глазами тренера, обнаружив, замедлила шаг. Тренер, в этот момент страхующий одного из подопечных во время тяжелого упражнения, перехватил взгляд Ольги, кивнул, давая понять, что заметил, жестом указал на скамью.

Расценив жест как просьбу подождать Ольга отвернулась, но садиться не стала. Не смотря на полный рабочий день, усталости как не бывало, мышцы гудели от жажды деятельности, и, чтобы хоть немного сбить напряжение, она принялась вышагивать вдоль стены, искоса поглядывая на атлетов и приветливо улыбаясь, если кто-то, на миг оторвавшись от упражнения, отвечал встречным взглядом.

Раздался тяжелый вздох, улегшись на место, гулко звякнула штанга. Похлопав атлета по плечу, тренер направился к Ольге, подойдя ближе, вопросительно произнес:

— Вижу, ты созрела для тренировки?

— Так и есть, — Ольга улыбнулась. — А если точнее — наконец-то появились деньги.

Тренер пожал плечами.

— В нашем деле деньги — дело десятое, желание — главное. Да и суммы, в общем, копеечные.

Ольга ответила с усмешкой:

— Стала бы я тут две недели высиживать, по сторонам глядеть, если б деньги были.

Тренер прищурился, было видно, что на языке вертится острое словцо, но он лишь обронил короткое:

— Абонемент взяла, или разовое?

Ольга стала серьезной, сказала просительно:

— Я как раз за этим, хочу уточнить, что лучше?

Тренер произнес в раздумье:

— Смотря что надо, но давай по порядку. Есть разовый, меньше всего денег, но берется на одно посещение. Есть обычный, денег больше, посещений больше, три раза в неделю, если быть точным. Ну и круглосуточный — самый дорогой, но без ограничений, можешь сидеть тут хоть до посинения.

— Даже спать? — насмешливо поинтересовалась Ольга.

Тренер моргнул, не понимая, но секундой позже усмехнулся, ответил:

— Конечно. Если тебя не беспокоит грохот железа, рычание изнемогающих от усилий мужиков и запах пота.

Вспомнив, что еще хотела уточнить, Ольга поинтересовалась:

— Можешь не отвечать, но, в качестве любопытства: почему некоторым ты активно помогаешь, другим делаешь редкие замечания, а третьих вовсе не замечаешь? Это тоже от абонемента зависит?

Тренер поднял руку, отчего мышцы шевельнулись, словно сытые питоны, с усилием провел по лицу, сбрасывая усталость, терпеливо ответил:

— По оплате и услуги, работа ассистирующего консультанта стоит денег. Кто сам себе тренер, есть такие, пыхтят в одиночестве, к ним не подхожу. Если только совсем криво выполняют, тогда да, делаю замечание. Сама понимаешь, травмы популярности клубу не добавляют, как и направлению в целом.

Заметив, что собеседник все чаще поглядывает назад, где, отдохнув от нагрузки, атлет с нетерпением бродит вокруг тренажера, Ольга поспешно произнесла:

— Благодарю за разъяснения.

Кивнув, тренер направился обратно, а Ольга вышла из зала, размышляя, какой из предложенных абонементов лучше взять. «Круглосуточный» она отбросила сразу, как слишком дорогой, к тому же было сложно представить, что при всей переполненности энергией ей захочется нагружать мышцы больше чем пару — тройку раз в неделю. «Обычный» казался гораздо удобнее, но, требовалось заранее уточнить загрузку на работе, чтобы редкие всплески активности, когда приходилось просиживать допоздна, не наложились на время тренировок. В итоге, постояв возле окошечка кассы, Ольга взяла «разовый», и, избавившись таким образом от мучений выбора, поспешила в зал.

Мельком глянув на абонемент, тренер кивнул, произнес:

— Насколько помню, работаешь ты аккуратно. Можешь идти заниматься. Много веса пока не бери, снаряд не дергай. Если какой форс-мажор — кричи, подскочу на помощь, если другие раньше не успеют. Меня Антоном звать.

Ольга двинулась по залу, с вождением глядя на многочисленные тренажеры. Большие и маленькие, простые и сложные приспособления для наращивания мышц завораживали, вызывая сильнейшее желание попробовать все. Она обошла здоровенный тренажер с множеством торчащих балок, ручек и тросиков, с удовольствием дотрагиваясь до хромированных деталей, но вскоре отошла, оставив произведение инженерной мысли «на сладкое».

На глаза попала простая скамья для жима. На брусках, словно специально для нее, покоится миниатюрная штанга с парой небольших блинов на концах. Уперевшись в скамью ладонями, Ольга принялась отжиматься, разогревая мышцы. Знание о необходимости обязательного разогрева крепко засели еще с тех пор, когда, выступая за команду института, она тренировалась в легкоатлетической студии.

Сердце застучало мощнее, глубже, с усилием разгоняя кровь по телу, мышцы налились силой, заняли в предвкушении нагрузки. Закончив, Ольга прилегла на скамью, удобно взялась за гриф, примериваясь, осторожно оторвала штангу. Вдох. Руки сгибаются, осторожно опуская вес до момента, когда гриф едва не коснется груди. Мгновенная пауза. Выдох. Мышцы груди напрягаются, преодолевая силы гравитации, толкают непослушный вес вверх.

Губы приоткрылись, грудь ходит ходуном, а щеки горят от прилившей от напряжения крови. Мужчины вокруг поглядывают с интересом. И хотя каждый по-прежнему занимается своим делом, взгляды нет-нет, да обжигают прикосновением, задевая то грудь, то ноги, жадно касаются обнажившейся полоски кожи на животе. Мельком взглянув вниз, Ольга порадовалась, что взяла с собой шортики, в последний момент заменив удобную юбку. Лежа на спине, со штангой над головой и раздвинутыми для упора ногами, она бы наверняка создала определенные трудности для занимающихся рядом атлетов, как в плане сфокусированности внимания, так и выбора места: ближайший, по направлению к ногам, тренажер, наверняка бы стал необычайно востребован.

Воображаемая картинка, как мужчины, выкручивая шею, пытаются заглянуть под юбку, настолько ярко вспыхнула перед глазами, что Ольга хихикнула, на мгновение расслабив руки, и едва успела подхватить штангу, что тут же скользнула вниз, угрожая раздавить грудную клетку. Охнув, она поставила снаряд на место, села, тяжело дыша. Стоящий напротив низкий, но чрезвычайно широкий мужчина взглянул пристально, поинтересовался:

— Все в порядке? Я заметил, ты едва не выронила штангу. Может подстраховать, у меня как раз пауза?

— Нет, нет, — Ольга затрясла головой, — с непривычки чересчур быстро опустила вес. Благодарю.

Пожав плечами, мужчина отвернулся. Ольга закусила губу, досадуя на себя за столь несвоевременные эротические фантазии, опасливо покосилась на тренера. Но Антон гремел железом в дальнем углу зала и ничего не заметил. Ощувив, что сердце успокоилось, а мышцы перестало ломить, Ольга легла вновь.

Утомившись однообразным повторениям, она оставила штангу, перешла к турнику, решив нагрузить мышцы антагонисты, но с турником не заладилось. Подтянувшись несколько раз, Ольга ощутила, что вытянуть свое, оказавшееся не столь уж и легким, тело, она больше не в состоянии, и перешла на один из тренажеров, где можно было делать то же самое, но с гораздо большим комфортом, варьируя веса в зависимости от настроения и сил.

Ощувив, что не в силах более сдвигать вес, Ольга закончила, отошла от тренажера, взглянув на время, охнула. Час пролетел незаметно. Решив, что на сегодня достаточно, она двинулась в душевую, ощущая приятную расслабленность и легкое головокружение. Свернув в коридор, она прошла мимо тренерской. Дверь оказалась полуоткрыта. Ольга шла неторопливо, и с любопытством взглянула внутрь.

Возле стола, заставленного фигурками наград и заваленного журналами, негромко переговариваясь, сидят двое — Антон, и неизвестный мужчина в спортивном костюме. Ольга уже собралась пройти мимо, когда Антон выложил на стол пакет с ампулами и несколько ярких коробочек. Мужчина в спортивном костюме тотчас сгреб препараты в сумку, воровато оглянувшись, сунул тренеру пачку купюр. Ольга невольно замедлила шаг, присматриваясь к происходящему, но в этот момент тренер повернул голову. Перехватив взгляд девушки, он нахмурился, резко встал, шагнув к выходу, с треском захлопнул дверь.

Пожав плечами, Ольга двинулась дальше, размышляя о странном поведении тренера. Уже в душевой, с наслаждением подставляя плечи под струи горячей воды, она припомнила, что в современном спорте даже мало-мальски серьезной направленности используется множество химических стимуляторов, часть из которых не совсем законны, а некоторые прямо запрещены. В таком спорте, как бодибилдинг, результат измеряется размерами, а время — месяцами, и ничего удивительного, что страждущие достижений парни не желают

ждать, во всю используют соответствующие химические добавки, а тренер, по мере возможности, им в этом помогает.

Поразмыслив, Ольга пришла к выводу, что судить по мимолетному взгляду не стоит. Ампулы еще ничего не доказывают, также как и нервный мужчина. А недовольство Антона вполне объяснимо, мало кому понравится, когда во время частного разговора в дверях будет маячить чья-то любопытствующая физиономия. На месте тренера она поступила бы точно также. Мысли перекинулись на отвлеченное, потекли свободнее, прыгая по верхушкам и не углубляясь, и спустя пару минут произошедшее начисто стерлось из памяти, уступив место более приятным вещам.

После спертой атмосферы клуба воздух на улице показался живительным. Ольга подставила лицо ветру, с удовольствием ощущая, как воздушный поток охлаждает разгоряченную тренировкой кожу. За время пока она находилась в клубе температура значительно упала, и влажная каша под ногами стремительно леденела, заставляя ступать как можно осторожнее, чтобы не растянуться, поскользнувшись на превратившемся в каток асфальте.

Мир преобразился. Дома отодвинулись, отрезанные густо падающим снегом так, что виднелись лишь смутные обводы, внимательно следящие желтоватыми глазами-окнами. Деревья оделись в белое. Над головой, посеребренные ледком, время от времени протягивались оледеневшие провода, смахивающие на оставленные гигантским пауком нити паутины. Дорогу запорошило, но под пушистым слоем свежего снега по-прежнему таилось мокрое, и спешащие мимо люди оставляли за собой цепочки темных следов, что вскоре исчезали, заполняясь покрывшей мир искристой белизной.

Ольга медленно брела в сторону дома, наслаждаясь наступающей зимой. Ярослав отбыл в очередной затяжной рейс, и торопиться не было необходимости. Единственной причиной ускорить шаг, был все сильнее разгорающийся голод, но снегопад оказался настолько приятен, что потребности тела отошли на второй план, уступив место душевному покою и эстетическому наслаждению.

В последнее время отношения с Ярославом выровнялись. И если раньше все затмевало сильнейшее чувство благодарности, с течением времени оно сглаживалось, позволяя взглянуть на ситуацию более объективно. Чувствуя, что не придет ни к чему конструктивному, Ольга гнала от себя мысли, но они раз за разом возвращались, вот и теперь червячок сомнений зашевелился вновь, побуждая к пересмотру сложившейся жизни.

Под тяжелыми ботинками скрипнул снег, из заснеженных зарослей выступили три фигуры, окружили. Мысли вспорхнули стайкой испуганных воробьев, исчезли. Вздвогнув, Ольга остановилась, но взглядевшись внимательнее, усмехнулась, рядом, разглядывая ее с ног до головы и гнусно ухмыляясь, стоял Гена с товарищами, приветствуя, произнесла:

— Давно не виделись. Никак, в очередной раз ищите подруг?

— Привет, привет, — кисло ответил Геннадий. — Не так, чтобы ищем...

— Но против не будем точно, — произнес с подъемом второй.

По голосу Ольга без труда узнала встреченного пару недель назад «невидимку», сказала насмешливо:

— А где «своих», — она выделила слово, — подруг потеряли? Или они в непогоду не гуляют? Родители не пускают, да и ножки можно промочить.

«Невидимка» взглянул с удивлением, а Гена проворчал:

— Что-то ты на язык нынче бойкая, не иначе в настроении?

Судя по выражению лица, парень был не прочь пообщаться, но воспоминание о «знакомстве» портило ему настроение, заставляя осторожничать и проявлять подчеркнутое пренебрежение.

Ольга пожала плечами, ответила:

— Не знаю что и сказать: скажу хорошее — гулять потащите, скажу плохое — какую-нибудь гадость услышу.

— А чего сразу гадость? — изумился третий. — Мы — парни нормальные. Девчонок не обижаем.

— Это ты ему скажи. — Ольга указала на Геннадия.

Тот обжег товарища недобрым взглядом, сказал замедленно:

— Не обижаем нормальных, их никто не обижает. А всяких бешенных...

— Ну-ну, очень интересно, продолжай, — произнесла Ольга со смешком, сдвинувшись чуть в сторону и назад, чтобы, на случай непредвиденных обстоятельств, видеть собеседников всех разом.

«Невидимка» покачал головой, сказал с укором:

— Ген, ну чего ты девчонку пугаешь, она аж попятилась. Сейчас стрекача задаст.

— По яйцам вам она задаст! — взорвался Геннадий. — Не видишь, зубы скалит — насмехается.

— Так это хорошо, — рассудительно произнес второй. — Много ты девок знаешь, что от троих мужиков не шарахаются? Смелость — качество редкое.

Ольга едва не прыснула, глядя на «мужиков», но сдержалась, опустила голову, скрывая улыбку. Не отрывая от нее глаз, Гена буркнул:

— Зато борзость частое. А борзые кончают плохо.

От сильнейшего желания прокомментировать последние слова зачесался язык, но Ольга сдержалась, и хотя мягкость в голосе далась невероятным трудом, сказала примирительно:

— Если не изменяет память, меня приглашали пообщаться. — Она многозначительно взглянула на «невидимку». — Насчет сегодня — не уверена, устала, да и поздно уже. Но на будущее, если приглашение по-прежнему в силе... — Она выжидательно замолчала.

Парни переглянулись. «Невидимка» обрадовано воскликнул:

— Ну наконец-то созрела!

— Не знаю, не знаю, — Гена пожевал губами, — насколько нам нужны безумные бабы.

Ольга пожала плечами.

— Хозяин — барин. Одной заботой меньше.

Сделав ручкой, она обошла парней по дуге, двинулась дальше. Когда она уже решила, что парни пошли своей дорогой, вслед донеслось:

— Как соберешься — в парке у старого кинотеатра.

Отвечать Ольга не стала, как, впрочем, и оборачиваться. Она отошла порядочно, чтобы за густым снегопадом не разглядеть лиц, а ответа никто и не ждал. Передвигаясь от одного к другому, между тусклыми отсветами фонарных столбов, Ольга пыталась восстановить утраченное за разговором очарование момента, но настроение безвозвратно ушло. Стало холоднее, ветер забирался ледяными пальцами в щели одежды, неприятно охлаждал тело, падающий за ворот снег стремительно таял, скатывался мокрыми дорожками, отчего спина покрывалась мурашками, а плечи зябко передергивались.

Проснулся запоздалый страх. Ольга с удивлением вспоминала собственное поведение, более чем раскованное для подобной вечерней встречи. Трое парней представляли

достаточную угрозу, чтобы не лезть на рожон и разойтись миром. Обычно она так и поступала, обходя острые «углы» и избегая ненужной конфронтации, даже в гораздо менее опасных ситуациях. Ольга раз за разом прокручивала перед внутренним взором «общение», но так и не смогла обнаружить причину столь вызывающего поведения. Сыграл ли роль повышенный после тренировки тонус, или наоборот, замедленная от усталости реакция не позволила действовать в привычном русле, понять было невозможно. Запутавшись в конец, Ольга отбросила мысли, ускорила шаг, направляясь к протаявшим в белесом сумраке очертаниям многоэтажки, где, защищенная бетонными стенами, крылась квартира Ярослава — единственное место в городе, где она ощущала себя в полной безопасности, и могла полноценно отдохнуть, восстанавливая силы после исполненного напряжения рабочего дня.

Хлопнула дверь, язычок замка с щелчком встал на место. Ольга с облегчением ощутила — полный переживаний и напряжения мир остался позади. Она разделась, повесила плащ на плечики, подобрав лежащую тут же тряпочку, тщательно протерла туфли — если не убрать сразу, едва заметные грязные разводы к следующему утру превратятся в белесые отложения какой-то едкой химии, закончив, прошла в спальню, щелкнула выключателем.

Дверца шкафчика подалась легко. На полочке, расставленные по цветам, выстроились коробки с биодобавками. Отдельной кучкой сгруппировались пластиковые баночки с протеинами и БАДами, купленные специально к началу занятий в клубе. Чуть дальше, укрытые от света и возможного повреждения, тускло поблескивают ампулы с бесцветным содержимым — выданное врачом драгоценное лекарство, что вот уже почти месяц регулярно потребляется, принося в качестве плодов улучшение здоровья. Тут же, перетянутая резиночкой, находится пачка шприцев, вата, бутылек со спиртом...

Ольга протянула руку, пальцы замерли над россыпью баночек, выбрав нужную, ухватили, потянули крышку. Проглотив двойную порцию протеина, Ольга достала ампулу, отломив хвостик, вставила внутрь иглу, приладив шприц, потянула, выкачивая. От смоченной спиртом ватки повеяло резким духом. Приспустив штаны, Ольга протерла кожу на ягодице, коротким движением всадила иглу, замедленно ввела лекарство.

Острая боль от иглы сменяется онемением, но быстро проходит. Мышцы в месте укола начинают жечь так, что хочется кричать. Обычно приходится сдерживаться, улыбаться через стиснутые зубы, но сейчас Ярослава нет и можно расслабиться. Запрокинув голову, Ольга застонала, а затем и завывала, ощущая, как огонь распространяется по телу. Желваки напрягаются, а мышцы сами собой подергиваются, реагируя на химический раздражитель. По телу пробегает спазм, скручивает судорогой. Но это ненадолго. Постепенно боль исчезает, растворяется, а вместе с ней уходит и усталость, мысли очищаются, а тело наполняется силой.

Ольга прошла по комнате, взад вперед, ощущая, как налитые силой, мышцы легко несут тело. От переполняющей энергии хочется бежать, лететь навстречу ветру, преодолевая ставшие незначительными препятствия, выплескивать силу, что струится внутри могучим потоком, грозя разорвать на части. На глаза попало окошко. Шагнув вперед, Ольга отщелкнула задвижку, распахнула раму, одну, вторую. Вместе с ветром в комнату ворвались шустрые снежинки, закружились веселым хороводом.

Вдыхая полной грудью, Ольга с интересом наблюдала, как снежные вихрики оседают на поверхность стола, быстро тают, превращаясь в капельки. Душа рвалась на простор, туда, где, закручиваясь в воздушных водоворотах, бушует метель, а ветер зло завывает, в бессильной ярости бросаясь на неприступные туши домов. Грохнуло. Один из цветков под

порывом ветра упал с подоконника. Покачав головой, Ольга захлопнула ставню, аккуратно собрала рассыпавшиеся крупинки земли и поставила горшочек назад.

Ощущая смутное недовольство, Ольга прошлась по квартире. Обычно уютное пространство комнат вдруг стало тесным, стены угрожающе надвинулись. Вновь проявились незаметные до того запахи, заставляя с удивлением принюхиваться, а едва различимые ранее, звуки усилились, начали неприятно царапать слух.

Ольга остановилась в прихожей. Минута размышлений, и вот плечи уже ощущают приятную тяжесть куртки, а руки лихорадочно застегивают пуговицы. Резкое вжиканье молний на сапогах, ребристые полосы ключей в ладонях. С сухим щелчком выключателя гаснет свет, дверь неслышно поворачивается в петлях, а звяканье замка сливается с дробным топотом каблучков.

Оказавшись вне дома, Ольга вздохнула с облегчением. Свирепствующая на улице метель показалась настолько естественной, а тьма приятной, что она удивилась, как раньше не замечала крошечной в непогоде притягательности. Гнев разъяренной природы находил смутные отголоски в теле, резонировал на струнах души, окрыляя неведомым доселе чувством освобождения.

Наслаждаясь непривычным состоянием, Ольга двинулась вперед. Сперва она шла бесцельно, ловя обострившимся слухом несущиеся со всех сторон многочисленные шумы и шорохи. Кажущаяся поначалу хаотичной, чудовищная какофония звуков вскоре выровнялась, обрела смысл и порядок.

Вот похрустывают заросли кустарника, коротко и сухо, словно жалуясь. Чуть дальше, и намного выше, шумят ветви тополей, однотонно и протяжно. В стороне, приглушенным расстоянием, резко, словно грохот грозы, хлопает железный лист. На открытом пространстве, ничем не ограниченные, воздушные потоки несутся свободно, создавая ровный, подобный морскому, гул. Когда на пути встает здание, поток закручивается, бросается на неприступную твердыню, в негодовании ревет. В укромных местах, за большими зданиями и непрерывными рядами гаражей, ветер стихает, в переливе шороха и треска образуются полости и лакуны полной тишины.

Некоторое время спустя игра надоела. Необычайно острые поначалу, ощущения притупились, удивительная симфония бури вновь смешалась, из завораживающего произведения искусств превратившись в обычное унылое завывание ветра. Постепенно начал пробираться холод, и, хотя в теле по-прежнему бушевал океан энергии, требуя выхода, Ольга завертела головой, пытаясь понять, где находится.

Увлеченная прогулкой, она зашла далеко, а темнота и густой снег не дали вовремя скорректировать путь. Сквозь шум ветра пробился далекий металлический гул, перешедший в звонок запоздалого трамвая. Ольга пошла на звук. Впереди замаячили тусклые огни фонарей, а вокруг тропинки поднялись темные силуэты елей.

Ольга напряглась, припоминая, где именно поблизости росли ели. Но, прежде чем мысль успела оформиться, из сумрака выплыла припорошенная снегом арка с покосившимися буквами. Ольга хмыкнула. Волей случая она попала в тот самый парк, куда, не далее чем час назад, ее усиленно зазывали «старые знакомые».

Ольга подошла ближе. Арка освещается парой фонарей, но дальше, в глубине, царит тьма. В душе шевельнулись опасения, но Ольга легко отогнала неуместные сомнения, решив не упускать случай. Раз уж она оказалась на месте, следовало воспользоваться возможностью, ведь неизвестно, будет ли еще когда-нибудь соответствующий настрой, чтобы повторить прогулку.

Освещенный вход арки остался позади. Ольга двигалась по темной аллее, внимательно глядя под ноги. Покрывшая ровным слоем тротуар холодная каша из воды и снега пугала больше чем случайная встреча с маньяками, какими любят населять подобные места впечатлительные девушки. Если маньяк тем или иным образом себя бы проявил, то скрытые под грязным снегом выбоины можно обнаружить, лишь наступив на них, а точнее, провалившись, и хорошо, если по щиколотку.

Представив, как она зачерпывает сапогами лужу, а потом, хлюпая мокрыми носками,

возвращается домой, Ольга передернулась, пошла медленнее, шоркая подошвами по асфальту. Стало светлее. Впереди, за елками, возникли тусклые сферы фонарей. Похоже, за парком все же следили, и часть фонарей, в изобилии расставленных вдоль аллеи, работали, отвоеывая у тьмы небольшие освещенные пространства.

До того непрерывная, стена елей расступилась, ушла в стороны, открывая взгляду заставленную скамьями просторную площадку. Падающий плотной стеной снег и тусклые фонари по краям придают зрелищу ирреальности, а кинотеатр, вздымающийся темной громадой, лишь усиливает впечатление, будто вокруг вовсе не парк, а уединенная поляна посреди бескрайнего леса, с одинокой черной скалой в центре.

Позабавившись пришедшему на ум сравнению, Ольга повела головой, осматриваясь. Ближайшие скамьи пусты, но на дальних кто-то есть. Не в силах вычленив скрытые тьмой фигуры, Ольга вслушалась. Ушей коснулись приглушенные голоса, а мгновением позже ноздри ощутили терпкий запах табака и примешивающиеся нотки алкоголя.

Ольга неторопливо двинулась вперед, обходя скамьи и стараясь не шуметь. Приглашение едва знакомых парней еще не давало гарантий, что встреча не будет враждебной, да и в темноте она вполне могла перепутать место, вместо условленных посиделок наткнувшись на одурманенную алкоголем агрессивную компанию.

Говорящие приблизились, распались на отдельные голоса, стали различимы интонации и даже отдельные слова. Ольга замедлила шаг, раздумывая, верно ли поступает. Вернулись сомнения. Но в этот момент ее заметили. Разговоры прекратились, а навстречу, шаркая и сплевывая через шаг, подчеркнуто неторопливо двинулись двое. Ольга невольно напряглась, ноги напряжинились, а сердце застучало чаще. Но, против обыкновения, страха она не ощутила, лишь странный задор, вместо обычно присущей осторожности, удивительный и непривычный.

Фигуры приблизились, протаяли деталями и... Ольга вздохнула с облегчением. Перед ней, изумленно глядя, застыли давешние «знакомцы».

— Вот те раз! — выдохнул «невидимка».

— А Гена-то сомневался, — в тон ответил второй.

Ольга улыбнулась парням, как старым знакомым, сказала с показной обидой:

— Вижу, меня тут не ждут...

«Невидимка» замахал руками, воскликнул:

— Что ты, еще как ждут! Народу не густо, даже поговорить не с кем.

— Просто, не думали, что девушка может так, запросто, прийти ночью одна... — Второй виновато развел руками.

— И поэтому, вместо того, чтобы познакомиться с остальными, вы решили держать меня на безопасной дистанции? — насмешливо поинтересовалась Ольга.

— По чему, поэтому? — тупенько переспросил «невидимка».

— Потому, что смелая чересчур, — устав от непонятливости собеседников, выдохнула Ольга. — Еще обижу кого.

— Да ты, да мы... а ну пойдём! — воскликнул второй. — Еще девчонок мы не боялись. Пойдем, пойдём.

Парень казался настолько возмущенным, что Ольга прыснула в кулак, поинтересовалась:

— Как звать-то тебя, смельчак?

Тот отозвался, раздраженный:

— Валеркой. — Поспешно поправился: — Но, это для своих, а чужим — Валерий Степанович.

— А товарищ твой? Уж третий раз видимся, а так и не представился. — Ольга покосилась на «невидимку».

Тот востепенно, ответил бодро:

— А меня Саня, можно Санек, или Сашок. В общем, как нравится, так и зови.

Двигаясь между скамей, они прошли к дальней части площадки, остановились. Валерий произнес с пафосом:

— А вот и наша тусовка. Тебе каждого представить, или сама вольешься?

Ольга молчала, замедленно обводя взглядом «тусовку»: кичливые наряды, пытливые глаза, детские лица. Она ощутила, как внутри возникает и крепнет разочарование. И ради этих подростков с баночками слабоалкогольных коктейлей в руках и тоненькими, почти без никотина, сигаретками, она потратила вечер! Минувшие опасения и страхи «предстоящего знакомства» теперь казались смешными, и Ольга ощутила, как щеки заливают жаром.

Стараясь не выдать охвативших чувств, она растянула губы в улыбке, сказала:

— Что ж, привет. Хотя, признаться, представляла себе это немного по-другому.

Одна из девушек, небольшая, пухлая, с румянцем во все щеки и ярко накрашенными глазами, произнесла со смешком:

— Я, когда впервые пришла, тоже боялась. А оказалось — ничего, нормальные ребята. Есть с кем потусоваться, да и поговорить.

Колкий ответ вертелся на языке, но Ольга стиснула челюсти, мило улыбнувшись, кивнула. Пока Саша бегло представлял компанию, вкратце описывая каждого, Валерий косился с подозрением, улучшив мгновение, поинтересовался:

— А что именно ты представляла?

Сашок поморщился, бросил на товарища укоризненный взгляд. Ощувив в вопросе поддевку, Ольга ответила в лоб:

— Побольше, да и постарше, если честно.

На нее покосились с удивлением, а Валерий сказал насмешливо:

— Мужиков любишь? Самой-то сколько стукнуло, восемнадцать есть?

Гася готовый разгореться конфликт, Сашок сказал примирительно:

— Валерий, не груби. Видишь, девушка еще не освоилась, говорит резко, реагирует бурно. — Добавил, обращаясь к Ольге: — Возраст у нас разный, кто постарше, кто помельче, а что мало, так не пришли еще, рано.

Сашок еще что-то говорил, увлекшись, размахивал руками, но Ольга не слушала. Уши уловили шлепанье, с каким снежная каша раздаётся под подошвами ботинок. Голова сама собой развернулась в сторону источника звука, глаза впилась во тьму. Сперва ничего не было видно, затем во мгле протаяли тени: одна, две, еще несколько.

Указав в сторону незнакомцев, Ольга поинтересовалась:

— Это остальная часть тусовки?

Александр, о чем-то оживленно болтавший, прервался на полуслове, оглянувшись, посмотрел в указанном направлении. Ольга заметила, как он спал с лица, и, как будто, даже уменьшился в размерах. Перемены увидела ни она одна, Валерий, по-прежнему косившийся с недовольством, резво повернулся, взглядевшись, охнул, отступил на шаг, прошептал чуть слышно:

— Кировские!

Слово произвело магическое действие. Сидящие до того в расслабленных позах, подростки вскочили. Разговоры мгновенно прекратились, а на лицах проступила паника. Ольга с удивлением наблюдала, как девушки испуганно жмутся к парням, а те нервно осматриваются, словно отыскивая пути к отступлению.

Звуки усилились, распались на отдельные шаги, туманные до того силуэты протаяли фигурами. К лавке вышли шестеро, четверо парней и две девушки, в фигурах угроза, в лицах пренебрежение, окинули сбившихся в кучу подростков насмешливыми взглядами.

— Гуляем, детишки? — бросил один из парней, показательно хрустнув суставами.

— Время позднее, а вы на улице. Мама не заругает? — едко поинтересовался второй.

Подростки хмурились, темнели лицами, но молчали. Один из подростков выдавил просительно:

— Сидим, никого не трогаем...

Один из пришедших, словно только этого и ждал, шагнул вперед, взяв говорившего за подбородок, дернул вверх, заглянув в наполнившиеся ужасом глаза, произнес протяжно:

— Ты что-то сказал?

Заметив, как лицо подростка покрывается мертвенной бледностью, Ольга сказала с улыбкой:

— Ребят, вы что-то хотели?

На нее воззрились с удивлением. Повинуясь мельком брошенному взгляду «своего» парня, одна из пришедших девушек шагнула ближе, произнесла грубо:

— Ты, шалава, вообще кто такая?

Улегшаяся было волна силы всколыхнулась вновь, Ольга ответила мягко:

— Зачем же грубить, да еще и незнакомым людям?

Теперь на нее смотрели уже все. В глазах пришедших читалось недоумение, а лица подростков озарились надеждой. Воспользовавшись моментом, Валерий сказал поспешно:

— Идите, куда шли, а то скоро наши подойдут...

Договорить он не успел. Мелькнула рука, с чавкающим звуком кулак впечатался в лицо. Валерий завалился на спину, беспомощно забарахтался, взбивая комья снежной каши.

— Кто-то еще хочет высказаться? — невинно поинтересовался ударивший Валерия парень, потирая кулак. — Говорите, не стесняйтесь. Время у нас много. Всех выслушаем.

Его товарищи одобрительно заулыбались. Подростки же вновь побледнели, как один, уронили глаза в землю. Воспользовавшись моментом, девушки приблизились, принялись обшаривать карманы замерших в оцепенении подростков, ловко извлекая телефоны, брелки и мелкие монеты. Опустошив карманы Сашка, не делая попыток сопротивляться, девушка приблизилась к Ольге, протянула руку, нацелившись на сумочку, но, наткнувшись на предупреждающий взгляд, остановилась. Они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза, после чего девушка отвела взгляд, а затем отступила.

Действие не осталось без внимания. Судя по всему, среди пришлых девушек шла нешуточная борьба за лидерство, так как вторая воскликнула с презрением:

— А эту че не обшманала, зассала?

Ольга с интересом ждала продолжения, ощущая, как внутри накапливается напряжение. Исполненные силы, мышцы начинают непроизвольно подрагивать, а в груди скручивается тугой ком из ярости и гнева, пока еще далеких и глухих, как зарождающийся в недрах тучи гром, предвестник надвигающейся бури.

Первая девушка, что вовремя сумела ощутить опасность в незнакомке, стояла тут же,

стараясь не встречаться с Ольгой глазами, но в быстрых, бросаемых на соперницу взглядах, мелькало скрытое злорадство. Остальные также наблюдали: «кировские» с явным злорадством, местные с надеждой.

Стараясь не упускать пришлых из поля зрения, Ольга чуть повернула голову, сказала отстраненно:

— Не трогай чужое — не возникнет сложностей.

Надвигающаяся девушка сперва опешила, но, ощущая поддержку парней, расплылась в улыбке, сказала едко:

— Да ладно! Вон сколько чужого, уже в карманы не влазит, а все ничего.

Ком в груди ощутимо разросся, затрепетал, отдаваясь во все уголки тела угрожающим звоном, словно в расставленную пауком ловушку залетела не муха, а шершень-переросток, от чьих яростных движений ловчая сеть трещит по швам, грозя вот-вот лопнуть.

Ольга растянула губы в улыбке, сказала холодно:

— Вижу, местные вас боятся, но... я не местная.

Устав спорить, девушка бросила зло:

— Да какая разница.

— Может и никакой, — отстраненно бросила Ольга, перехватывая тянущуюся к сумочке руку.

Ладонь привычно сложилась, захватывая пальцы и выгибая кисть противницы, так что та вскрикнула от боли, упала на колени. Распахнутые в испуге глаза только что наглой девушки, исполненный ехидства взгляд «конкурентки», восторженные взоры «тусовки», промелькнули калейдоскопом, разлетелись, вытесненные перекошенным от ярости лицом парня, что с угрожающим криком подался вперед.

Голова дернулась, уходя от нацеленного в лицо удара. И в этот момент черный клубок в груди лопнул, разошелся ослепительным потоком, разгоняя по телу волну ярости. Рука по-прежнему сжимает пальцы жертвы, не для удержания, для упора. Правая нога резко взлетает, высоко и свободно, как на тренировке. Удар. Голова парня мотается, как у болванчика, густо брызгает слюна.

Застывшие лица пришлых, отвисшие челюсти местных. Как странно, один удар решает больше чем все разговоры, вместе взятые. И вот, еще мгновение назад уверенные в себе, напористые ребята отшатываются, покрываясь мертвенной бледностью. Урок закончен, можно остановиться, вернее, даже нужно. Оборзевшим зверьям достаточно короткой трепки, и нет нужды бить и калечить сподвигнутую дурью и безнаказанностью молодежь. Но, переполняющая тело мощь требует выхода, подстегиваемая поднятой со дна души черной волной ярости, не позволяет остановиться, растягивая сладостный миг силы во времени, в пространстве, в движениях.

Удар. Не выдержав, парень падает на колени. Слепой, его взгляд мечется, не в силах сфокусироваться, нервные окончания, забитые болью, искажают сигналы рецепторов. Еще удар. Фигура заваливается навзничь, выпадая из разряда противников. Глаза перескакивают на следующую цель. Рывок вперед, в зону досягаемости.

Рука дергается, отягощенная грузом. Внимание на долю секунды переносится вбок и назад, туда, где с побелевшим от боли лицом в грязи сидит удерживаемая за кисть девушка. Она уже не соперница, да и не была. Но опасность должна быть сведена на нет. Рывок. Пальцы с хрустом выгибаются, застывают в неестественном положении, а девушка издает исполненный боли крик, мучительно выгибается.

Вновь скачок внимания. Лицо противника рядом: перекошенный яростью рот, распахнутые глаза, где, на самом дне, невидимый, плещется испуг. Удар. Массивный хрящ, что так сильно выражен у мужчин, в отличие от женщин, легко поддается под костяшками пальцев. Противник еще стоит, но уже безопасен. С переломом щитовидного хряща много не навоюешь, но, меньше целей — проще бой. Толчок. Ничего не соображающий, парень замедленно валится навзничь.

Последние двое. Девушка не в счет. Вовремя ощутила опасность, признала сильнейшего. Но парни должны получить свое. Подскок. От удара в пах парень сгибается пополам. Следующий удар в затылок бросает его на землю. Второй начинается пятится, и в момент, когда товарищ падает в холодные объятия мокрого снега, бросается прочь. Бегущий не опасен, спасая собственную жизнь, бросит друзей на растерзание. Но тело требует, ярость не улеглась. Короткий разбег. Прыжок. От удара в спину парень летит лицом в грязь, кувыркнувшись, скрючивается, зажимая разбитый падением нос.

Грудь тяжело вздымается, сердце колотится в бешеном ритме, а перед глазами плавают красные пятна. Ощущая, как угасает ярость, а тело успокаивается, избавившись от излишков силы, Ольга вернулась. Вся компания в сборе, подростки стоят столпившись, лишь Валерий сидит на корточках, держась за живот.

Глубоко вдохнув, Ольга замедленно выдохнула, сказала с кривой ухмылкой:

— А тусовка у вас... веселая.

Взгляды разом устремились на нее, опасливые и радостные, испуганные и ободренные, но в глазах у каждого, помимо облегчения и ликования, проглядывает восторг, незамутненное детское восхищение, какое примитивные племена испытывают перед грозными силами природы, а начинающие жулики перед матерым бандитом-рецидивистом.

Сашок выступил на шаг вперед, сказал, задыхаясь от восторга:

— Ну ты даешь! Как ты его... а эту... а того, что побежал... — Не найдя слов, он

взмахнул руками, не в силах выразить переполняющие чувства.

— А с этими что? — поинтересовалась одна из девушек, с опаской поглядывая на ворочающихся в грязи «кировских».

Лицо Сашка враз стало злым, подскочив, он пнул одного из парней в бок, отчего тот издал сдавленный стон, сказал злорадно:

— Сперва девайсы заберем, наши им теперь ни к чему, да и свои тоже. Ну а потом...

Он прервался, вслушался в далекий вой сирены. Следом за ним прислушались и остальные. Вой приближался, стремительно разрастаясь, распался на несколько источников. Ольга не обратила на шум особого внимания, прислушиваясь к ощущениям после пережитой стычки, зато Валерий вскочил, воскликнул сдавленно:

— Менты!

Слово возымело магическое действие. Все разом засуетились, задвигались, кто-то поспешно застегивался, кто-то подбирал со скамьи сумки, несколько человек в спешке обшаривали распростершихся на земле противников.

Сашка живо произнес:

— Всем счастливо. Встретимся позже. А пока — ноги в руки.

Демонстрируя на собственном примере, он подхватился, поспешно двинулся вглубь парка. Проходя мимо Ольги, Сашка цапнул ее за руку, повлек, едва не силой таща за собой.

В теле еще бродили отголоски ярости, и Ольга, нахмурившись, сказала:

— Ты уверен, что нужно уходить, да еще и бегом?

Сашка взглянул с удивлением, сказал:

— Ты что, сейчас же менты придут. Хочешь остаться?

— А ты уверен, что это менты? — раздраженно переспросила Ольга. — А если и они, не вижу ничего страшного. Объясним, как есть, дадим показания.

На лице спутника отразилось жалость. Он сказал мягко, словно маленькому ребенку:

— Что менты — факт, у них звук сирен отличается от тех же пожарных. Немного, но отличается. А что до показаний... тебе это надо? Тратить несколько часов, писать бумажки. К тому же, могут ведь и дело завести.

Ольга сказала с сомнением:

— Не за что. Они первые начали. Мы лишь защищались.

Сашка всплеснул руками, сказал с чувством:

— Такая защита — и нападения не нужно. Ты ж их в колбасу раскатала, в говно! Я до сих пор в себя прийти не могу. Тебя этому вообще где учили? — Заметив сумрачное выражение лица спутницы, поспешно сказал: — Ладно, ладно. Можешь не говорить. А то еще потом за разглашение тайны... — Он хихикнул, перехватив Ольгин взгляд, отмахнулся: — Не обращай внимания, просто, я Геныча вспомнил, вернее, его попытку знакомства с тобой, и подумалось — а ведь он легко отделался!

Задор угас, на смену бодрости пришла усталость и недовольство, беседа начала утомлять. Ольга произнесла со сдержанным неодобрением:

— Насчет ментов, ты, пожалуй, прав, не подумала в запале. Так что благодарю, что утащил. Но настроения общаться у меня нет, уж извини, так что дальше пойду одна.

Защищаясь, Александр выставил перед собой ладони, сказал поспешно:

— Конечно-конечно, как скажешь. Тут как раз есть дорожка, по ней и пойду.

Глядя вслед спутнику, что, развернувшись, бодро зашагал в непрерывную, на первый взгляд, стену елей, Ольга бросила вслед:

— Саш, будь добр, не распространяйся о произошедшем, незачем.

Тот повернулся, кивнул, согнувшись едва не до пояса, и с тихим шелестом скрылся, ужом протиснувшись сквозь разлапистые ветви елей.

Покинув парк, Ольга направилась в сторону дома, благо, к этому времени снегопад сошел на нет и ориентироваться в переплетении улочек стало на порядок проще. Вернувшись в квартиру, она приняла душ, чувствуя, как постепенно усиливается головокружение, а к желудку подкатывает тошнота, поспешно прошла в спальню, и, едва коснувшись кровати, провалилась в черную пропасть сна.

Утром, во время завтрака, и потом, по пути на работу, Ольга вспоминала ночные приключения, но получалось плохо. Образы размывались, детали ускользали, а лица искажались, словно перед прогулкой она приняла изрядную долю алкоголя. Можно было бы принять произошедшее за разгулявшуюся во сне фантазию, если бы не сбитые костяшки пальцев. Ярчайшие, на период вечера, ощущения силы и освобождения поблекли, отдалились, и, как Ольга ни пыталась настроиться, не возвращались, вызывая лишь смутную тоску да странную щекотку в основании черепа.

Доехав до места, она махнула рукой, отложив воспоминания до лучших времен, а сама с головой погрузилась в работу, спустя четверть часа уже напрочь забыв о ночном инциденте. Когда, после утомительного рабочего дня, Ольга подходила к дому, ее уже ждали. На скамеечке, зябко ежась от пронизывающего ветра, сидел знакомый сержант полиции, бросая по сторонам взгляды, мученические кривился, но продолжал бдеть, стоически выдерживая тяготы службы.

Ольга нахмурилась, замедлила шаг. Перед глазами вихрем пронеслось вчерашнее: испуганные глаза, изломанные фигуры, и злое упоение боем, когда побежденный вызывает не жалость, а совсем, совсем другие чувства. Высказанные накануне Сашком опасения представились в новом свете. Мысли лихорадочно заметались. Перебирая всевозможные версии случившегося, какие уместно будет озвучить, Ольга замедленно подошла к подъезду, все еще смутно рассчитывая, что страж порядка находится здесь совсем для других целей.

Но, едва она ступила на ведущую к подъезду дорожку, сержант встал, радуясь, словно увидел старого приятеля, шагнул навстречу, сказал с подъемом:

— Здравствуйте. Извините, что поздно, дожидаясь вас уже третий час, но... мне необходимо задать вам некоторые вопросы.

Внутренне пожалев сержанта, сидеть битых два часа на промозгом ветре было не лучшим времяпрепровождением, Ольга, тем не менее, сказала сухо:

— Хорошо. Но, попрошу быстрее, я устала, и у меня мало времени.

Полицейский помялся, его лицо мучительно исказилось, когда он произнес:

— Сожалею, но должен оторвать вас от дел. Я немного неверно выразился, вопросы буду задавать не я, а мой начальник, и не здесь, а в управлении. Будьте добры, пройдемте.

Ольга мгновенье постояла, размышляя, стоит ли устраивать скандал, но, полицейский выглядел таким несчастным, а накопившаяся за день усталость не располагала к ругани, что Ольга махнула рукой. Просто так ее вряд ли бы стали вызывать, и в случае отказа наверняка прислали бы участкового, или, того хуже, приехали бы на место работы. Создавать проблемы Ярославу в планы не входило, как, впрочем, и информировать начальство о сложностях с представителями власти, и она решительно произнесла:

— Пойдемте. Только, давайте без проволочек. Я устала и хочу есть.

Полицейский оживленно закивал, сделав приглашающий жест, поспешно двинулся по

дорожке. Похоже, он сам не ожидал, что все выйдет столь легко, и теперь торопился закончить с осточертевшим заданием. Мгновение подсадовав, что согласилась так легко, судя по поведению сержанта, были и другие варианты ответа, Ольга двинулась следом, напряженно размышляя о возможных темах предстоящей беседы.

Здание отделения выдвинулось из тьмы серой громадой. Несмотря на расставленные в изобилии фонари и желтые огоньки окон, взгляд с трудом проникал сквозь окружающий влажный сумрак. Пройдя по коридору первого этажа, поднялись по лестнице. Ольга нисколько не удивилась, когда провожатый остановился возле уже знакомого кабинета, разве что на ранее пустом месте теперь красовалась красивая табличка из белого пластика с оттиснутыми черным буквами «Г.Б. Курыгин».

Как и в прошлый раз, сержант осторожно постучал, дождавшись ответа, заглянул, после чего указал на кабинет, с явным облегчением произнес:

— Прошу.

Ольга зашла, присела в кресло, не удостоив вниманием стоящий возле стола деревянный стул, взглянула выжидательно. Хозяин кабинета, что до того сидел, уставившись в бумаги, шевельнулся, поднял голову. Его губы растянулись в усмешке. Отложив бумаги, полицейский произнес:

— За столь короткое время мы встречаемся вторично. В этом мне видится глубокий смысл.

— Я тоже рада вас видеть, — ответила Ольга в тон. — Но, все же хотелось бы узнать причину столь позднего вызова. Я устала, и закончила не все дела.

В глазах собеседника мелькнула угроза, когда он произнес:

— Вы на удивление напористы, для... — он проглотил вертящееся на языке слово, — столь юной и незащищенной девушки.

Ольга развела руками.

— Чего мне бояться, находясь в цитадели защиты и справедливости?

Полицейский покивал, сказал замедленно:

— Действительно, гражданам здесь бояться нечего, конечно... — он выдержал паузу, — если они не совершили ничего противоправного.

Ольга нахмурилась.

— Это обвинение?

Вместо ответа собеседник зашуршал бумагами, вычленив из беспорядочно разбросанной кучи одну, резким движением поднял, повернул. На Ольгу взглянуло стилизованное изображение, отдаленно напоминающее ее собственное лицо. Внутри похолодело, перед внутренним взором вновь пронеслось вечернее приключение, но Ольга не подала виду, без интереса осмотрев картинку, перевела взгляд на лицо полицейского.

Не дождавшись реакции, тот нахмурился, сказал жестко:

— Вчера ночью в парке «Жукова» было совершено разбойное нападение. Украдены вещи, пострадали несколько молодых людей.

Отстраненным тоном Ольга произнесла:

— Сочувствую молодым людям, но какое отношение это имеет ко мне?

— Это нарисованный со слов потерпевших портрет нападавшего, вернее, нападавшей. Описанные особенности фигуры также совпадают с вашей.

— Молодых людей избил и обобрала девушка? — Ольга вложила в слова столько яда, сколько смогла изобразить.

Проигнорировав выпад, полицейский сурово произнес:

— И не только молодых людей, но и девушек.

Преисполнившись желчи, Ольга выдавила:

— Так там были еще и девушки.

— Вы сомневаетесь в моих словах? — Собеседник нехорошо прищурился.

Ольга выставила перед собой ладони, сказала, защищаясь:

— Нет, нет, что вы! Девушка избила и ограбила нескольких парней с подругами, пятерых, или, сколько их там было? Как можно отрицать очевидное. Тем более, сказанное блюстителем порядка. Девушка-маньяк, обычное дело.

Полицейский хлопнул по столу так, что жалобно звякнули стоящие в шкафчике бокалы, а разбросанные по столу листы взвихрились, разлетевшись по кабинету, сказал свистящим шепотом:

— Если ты думаешь, что можешь безнаказанно насмеяться, находясь в моем кабинете, то сильно заблуждаешься.

Чувствуя, как, в предвосхищении опасности, сильно забилося сердце, Ольга произнесла, постаравшись, чтобы прозвучало как можно более холодно:

— Если на этом все, я, с вашего позволения, удалюсь. И если вы не хотите судебного разбирательства за превышение должностных полномочий, потрудитесь впредь не заниматься цирком, предъявляя невинным людям обвинения, основанные на невнятных показаниях пьяной молодежи, что, накачавшись алкоголем, не может придумать ничего убедительнее шастающих по ночным паркам девушек-бандиток.

Она резко встала, взялась за ручку двери, но, взглянув на полицейского, застыла. По лицу хозяина кабинета расплывалась злорадная улыбка. Тихо, словно шуршащая чешуей змея, он произнес:

— Как интересно. Ведь их действительно избили и ограбили в парке. Только... я этого не говорил.

От осознания чудовищности прокола кровь отхлынула от лица. Невероятным усилием сохранив невозмутимость, Ольга скривила губы в улыбке, ответила устало:

— Об этом не сложно догадаться без подсказки. Людей не грабят на площадях и не избивают на улицах. А то, что молодежь вечерами предпочитает сидеть по дворам и паркам, ясно любому, кто еще не забыл молодость. Сама до недавнего была такая. Всего хорошего.

Ежесекундно ожидая гневного окрика, отчего спина напряглась так, что заломило в висках, Ольга вышла, затворив дверь, замерла, прислушиваясь, но из кабинета не донеслось ни звука. С облегчением выдохнув, Ольга скользнула к лестнице, невольно приподнявшись на носочки, чтобы не привлечь внимание цоканьем каблуков.

Спустившись по лестнице, Ольга миновала коридор и вышла на улицу. Ветер накинулся, как оголодавший зверь, обжег кожу холодом, но, пылающие, щеки не ощутили морозца. Она шла по улице, словно в тумане. Разум кричал об опасности, предупреждал о возможных последствиях столкновения с блюстителями порядка, вкрадчиво увещевал. Но все доводы и логические цепочки, такие непротиворечивые и правильные, не вызывали отклика в теле, кружились словно снежинки за стеклом, ярко вспыхивающие, но тут же уносимые ветром, без следа, без памяти, без смысла.

Глубоко внутри возникло, и медленно разрасталось ощущение силы, такое же, как прошлой ночью, когда она выплескивала гнев на противников, превосходящих числом и наглостью, но, на деле, оказавшихся пустышками. Наряду с этим крепло ощущение

собственной правоты. Содеянное уже не казалось таким ужасным, а угрозы полицейского не вызывали страха. Плечи распрямились, а губы раздвинулись в улыбке. Лишь зудящая боль в мышцах и легкое головокружение, столь редкие в последнее время, не позволяли полностью погрузиться в состояние блаженства.

Втянув насыщенный множеством запахов влажный воздух, к обострившемуся за последнее время обонянию Ольга успела привыкнуть и не паниковала, когда, вместо смутного, едва различимого запаха, ноздри ощущали десятки разнообразных ароматов, она двинулась в сторону дома. Ноги двигались все быстрее, с каждым шагом приближая к дому, где в шкафу, на полочке, заложенное вещами, ждало избавление от боли — десяток стеклянных капсул с тускло поблескивающим желтоватым содержимым. Великолепное достижение медицинской мысли, дорогое и редкое лекарство, подарок судьбы, выданный знающим доктором, которого она никогда бы не нашла без заботливого товарища, волею случая встреченного в тяжелую минуту.

Иссиня-белый потолок без малейших неровностей и трещин. В глаза, через разные промежутки, отбрасывают холодный свет голубоватые сферы покрывающих лампы колпаков. Боковым зрением заметно, как мимо проплывают забранные стеклом двери, одна за одной. Тишина давит на уши, лишь тихий скрип колес, да шарканье подошв везущей тележку медсестры, разряжают могильное молчание, не дают надорваться напряженным до невозможности ушным перепонкам.

Хочется приподняться, оглянуться, но тело не слушается, скованное невидимым панцирем настолько, что не повернуть и головы, лишь глаза с трудом ворочаются в орбитах, отзываются усталостью уже мгновенье спустя. Тележка замедляется, проплывающая мимо лампа повисает жутковатой застывшей каплей, где, искривленная до невозможности, отражается забранная синей тканью тележка, с едва намеченными контурами лежащего поверх тела.

Звонкий щелчок замка бьет по нервам. Пропуская тележку, дверь бесшумно отворяется, затворяется вновь. Тишина надвигается тенью, окутывает невесомой пеленой, а вместе с тишиной возникает запах. Запах совсем не отвратительный, и даже приятный, сладковатый, немного приторный, какой часто бывает на кухне, в разгар приготовления обеда. Сперва слабый, едва различимый, он усиливается, нарастает, забивая ноздри. Легкие начинают жечь, а на глаза наворачиваются слезы.

Не слышно ни звука, будто в этом мире холодных чистых коридоров нет никого живого. Но поблизости кто-то есть, вернее, что-то, что издает этот странный запах, сладкий, будоражащий чувства и одновременно пугающий. От попыток повернуть голову начинает мутить. Но действие удается, голова немного сдвигается в сторону. Еще попытка. В шею стреляет такой болью, что глаза наполняются слезами, а горловые связки едва не лопаются, бессильные пропустить звук.

Короткая передышка для восстановления сил и подготовки к новой боли. Рывок. В шею что-то щелкает, мышцы сокращаются, так что голова резко поворачивается, почти ложась на бок. Перед внутренним взором мельтешат яркие точки, в ушах шумит, но цель достигнута. Глаза медленно фокусируются, взгляд шарит вокруг, пытаюсь вычлнить знакомые детали.

Сперва ничего невозможно разобрать. Бледно-розовые куски странной формы, большие и маленькие, нижние части стен и пол праздничного ярко-красного цвета, и никак нельзя разобрать, что это навалено вокруг. Постепенно зрение возвращается. Из хаоса непонятных фигур вычлняются знакомые контуры, словно кто-то в изобилии разбросал вокруг раскрашенных клоунов и кукол. Вон растрепанная кукла, с огромными глазами и грустной улыбкой, недвижимо сидит у стены, а вот другая, размалеванная яркими красками, лежит в смешной позе, разбросав руки в стороны.

Зрение фокусируется окончательно. Глаза продолжают шарить вокруг, и удивление сменяется страхом. Сперва он слабый, зарождается где-то в глубине, но разрастается и крепнет с каждой секундой, пока не превращается в панический ужас. Вся комнатка завалена телами: высокие и низкие, плотные и совсем худые, тела занимают весь пол, в беспорядке громоздясь одно на другое, обнаженные, без малейшего намека на одежду.

Перекрученные, с вывернутыми руками и искривленными под жутким углом ногами. Некоторые представляют собой сплошную рану, а другие, словно набитые обломками костей

кожаные мешки. Ни звука. Лишь с жутким грохотом колотится сердце, норовя выскочить из груди. И в этот момент среди кучи тел возникает шевеление. Одна из женщин-кукол, что до того лежала недвижимо, вдруг поднимает голову, бросает невидящий взгляд, а ее губы, опухшие и почерневшие, начинают медленно раздвигаться, превращаясь в кровавую, набитую ошметками почерневшей плоти щель.

Захлебнувшись криком, Ольга подскочила. Сердце колотится, словно она пробежала несколько километров, пальцы до боли стиснули одеяло, а по груди сбегает холодные капли пота. Взгляд метнулся вбок. Рядом, подложив ладони под голову, спит Ярослав: волосы растрепались, на лице умиротворение. Судя по равномерному посапыванию, крика он не услышал, а может крик был лишь там, в жутком кошмаре, оставшемся по ту сторону границы мира снов.

Опасаясь разбудить Ярослава, Ольга опустила ноги, осторожно встала, сделала шаг. Скрип половиц громом прокатился по квартире, заставив съежиться. Ольга зажмурилась, словно ребенок, втихую вытащивший из кладовки варенье и неожиданно выронивший банку, повернула голову, ожидая наткнуться на укоризненный взгляд друга, но Ярослав, как ни в чем не бывало, спал.

С облегчением выдохнув, от резкого шума перехватило дыхание, Ольга выскользнула из комнаты, ругая себя за забывчивость. Последнее время слух стал заметно тоньше, и до того тихие, а то и вовсе неслышные шумы стали восприниматься с невероятной силой. Днем это проявлялось не так сильно, и при определенной сноровке с возросшей «шумностью» еще можно было мириться, но ночью приходилось совсем туго. Причина столь странного изменения в организме по-прежнему оставалась загадкой. Сколько Ольга не ломала голову, подходящих объяснений так и не нашла.

Прогулявшись до кухни, и утолив жажду, Ольга вернулась, но в спальню не пошла. Остатки кошмара еще напоминали о себе усиленным сердцебиением, и не располагали ко сну. Она прошлась по комнате, прислушиваясь к завыванию ветра за окном. Взгляд упал на одежду, сваленную на диване мятой кучей. Ярослав вернулся с поездки вечером, помывшись, с трудом доковылял до кровати и рухнул, как подкошенный.

Ольга шагнула к дивану. Ноздри уловили мощный запах солярки, мазута, и еще множество едких ароматов явно технического происхождения. Возникшее намерение разобрать и уложить вещи в шкаф пошатнулось. По-хорошему, всю кучу надлежало бросить в стиральную машину, и, желательно, целиком. Принюхавшись, Ольга фыркнула. Судя по резкому техническому духу одежда пропиталась соляркой насквозь, будто Ярослав долго и с особым тщанием елозил собой по наиболее грязным, замаслившимся деталям.

Руки коснулись одежды, принялись осторожно разгребать, раскладывая на небольшие кучки, когда пальцы наткнулись на твердое. Ольга с удивлением ощупала предмет, поднесла к глазам, досадуя, что к обострившимся слуху и чутью не приложилось зрение. В бледном отсвете далеких уличных фонарей протаяла кобура: кожаные ремни, застежка, а внутри... Ольга осторожно отстегнула язычок, извлекла содержимое.

Тусклый блеск металла, знакомые обводы, колючие ребрышки рукояти. Пистолет приятной тяжестью лег в ладонь. Тело приняло заученную стойку. Ольга мягко прошлась по комнате, прицеливаясь с разных мест в дверные проемы, несколько раз отпрыгнула в сторону, уходя с траектории воображаемого огня, остановившись у окна, мазнула взглядом по двору, проверяя мнимую наружку, поцелилась в белесые туши кустов, отдаленно напоминающие заснеженные человеческие силуэты.

Но игра вскоре наскучила, а перед глазами замелькали воспоминания: тренировочный лагерь, подвальное помещение стрельб, далекие прямоугольники мишеней... Ольга уткнулась лбом в стекло, внутренним взором вглядываясь в туманные лица соратниц. Следуя за бесплотными образами, мысли ушли далеко. Мир отступил, истаял, сменившись зыбким маревом грез.

Щелкнули стоящие на тумбе часики, возвращая к реальности. Ольга вздрогнула, бросила мимолетный взгляд на будильник. Шесть часов. Слишком рано, чтобы вставать, но и ложиться не с руки. Пока пригреешься, пока уснешь, и вот уже безжалостным звонком зазвучит будильник, обозначая начало нового дня.

Рука поднялась, в очередной раз поднося пистолет к глазам, мысли вернулись к находке. Ольга задумалась. Междугородняя дорога — место беспокойное, и любому, отправляющемуся в многодневное путешествие, защита не повредит, не говоря уже о дальнобойщике с контейнером ценного груза за спиной. Ольга смутно припомнила, что этот вопрос каждый решает по-своему, кто-то ограничивается монтировкой, кто-то газовым пистолетом, иные даже ружьем, но чтобы дальнобойщик в качестве защиты носил боевой пистолет...

Ольга отщелкнула обойму, проверяя, не ошиблась ли в оценке. Быть может это всего лишь травмат с отличной имитацией? Срез обоймы тускло сверкнул желтоватым цилиндром патрона. Все верно. Настоящее боевое оружие, к тому же в отличном состоянии. Пальцы задвигались, совершая привычные движения, и вскоре пистолет распался на множество деталей.

Собирая пистолет, Ольга продолжала размышлять. С одной стороны, каждый вооружается на свой страх и риск. И нет ничего удивительного, что работник компании перевозчика носит пистолет, как заправский телохранитель. Может, защищая товар, подсуетился хозяин, добавив «аргументов» своему работнику, на случай непредвиденных встреч, а быть может и сам Ярослав имеет подвязки в силовых структурах. Знакомые выправили какие нужны бумаги, получили разрешение, вот он и щеголяет.

Ольга нахмурилась. Не смотря на почти полугодовое общение, о приютившем ее человеке она толком ничего не знала. Рассказывать о себе Ярослав не любил, а она, занятая работой и собой, толком не углублялась. Ведь она даже ни разу не была на его работе, лишь пару раз прокатилась вместе с Ярославом на КамАЗе, с интересом оглядывая город с высоты кабины грузовоза.

Так ничего и не решив, Ольга собрала пистолет, вложила в кобуру, собрав из одежды кучу, наподобие прежней, унесла ворох в ванную. Вернувшись, Ольга еще немного походила по комнате, но вскоре глаза начали слипаться. Чувствуя, как наваливается сон, она присела на диван, затем прилегла, завернувшись в плед, а меньше чем через минуту уже спала.

* * *

В преддверии новогодних праздников работа превратилась в один сплошной аврал. Находясь на рабочем месте, Ольга ощущала себя по-очереди, то Юлием Цезарем, с его умениями заниматься одновременно десятком дел, то многоруким богом индуистской мифологии Шивой, а иногда и тем и другим вместе. Приходилось звонить, читать документацию, переделывать расписание, отвечать на поток писем, и зачастую делать все

одновременно, и не только это.

Перегруженные новогодним товаром, поставщики с трудом справлялись с работой, то и дело возникали непредвиденные изменения расписания, когда груз не просто опаздывал, а вообще не приходил, в спешке неверно пронумерованный и забытый на одном из железнодорожных переходов. Приходилось звонить поставщикам, ругаться, выяснять ошибку, после чего связываться со службами доставки и ругаться уже там.

Ольга обрастала руками, глазами, делая невозможное, но, тем не менее, не справлялась. От шоферов косяком пошли больничные листы и требования отгулов. Словно ощутив свою незаменимость, на развозку товара были брошены все, водители требовали повышения оклада, жаловались на здоровье, грозились не выходом на работу. Подобным можно было пренебречь в обычное время, когда потеря одного — двух человек никак бы не отразилась на работоспособности конторы, но только не в праздники.

Для решения непрерывно возникающих конфликтов Ольга срывалась из кабинета, накинув пальто, бежала через двор в сторону складов, объясняла, требовала, кричала. Но конфликты следовали один за другим, словно шоферы всерьез решили добиться своего, или загнать фирму в глухой минус по неустойке, для чего в той или иной мере саботировали данные указания.

Звякнул телефон внутренней связи. Ольга протянула руку, не глядя цапнула трубку.

— Слушаю.

В динамике заверещал голос Валентины, товароведа склада.

— Оль, Пашка ехать не хочет, говорит, у него сегодня отгул, неделю назад договаривался.

Не отрываясь от заставки почтового сайта, где требовательно мигают десятком требующих ответа, только что пришедших писем, Ольга ответила:

— Скажи никак. На сегодня Николай ушел.

— Он не соглашается. Говорит, надо и все.

Чувствуя, что начинает злиться, Ольга отрубилась:

— Через три дня пойдет, хоть на неделю, а сейчас — никаких. Производственная необходимость.

Телефон помолчал, сказал плаксиво:

— Оль, он меня не слушает. Загружаться не хочет. Приди, разберись...

С трудом удержавшись, чтобы не запустить трубкой в стену, Ольга подскочила, чертыхаясь, двинулась к вешалке. Николай проводил Ольгу испуганным взглядом. Полчаса назад он имел неосторожность подойти с вопросом, когда она во весь голос ругалась с одним из поставщиков, и с тех пор не произнес ни звука. Мельком обернувшись, Ольга бросила примирительно:

— Извини что нарычала. Настроение ни к черту. Будут звонить, ответь, пожалуйста.

На секунду подняв голову, Николай выдавил из себя нечто, призванное обозначить улыбку, и вновь уткнулся в монитор. Чувствуя некоторое раскаяние, Ольга покинула кабинет. Николай в целом был неплохим человеком, но иногда становился совершенно невыносим, когда, под влиянием момента, влезал с вопросами, не взирая на занятость собеседника.

Двор встретил ревом дизелей, запахом солянки и густым снегопадом, за которым серые машины тяжеловозов просматривались с трудом. Мороз спал, и если бы не удушливая вонь, распространяемая работающими моторами, после спертого воздуха офиса прогулка по

свежему воздуху могла показаться даже приятной.

Проскользнув между машинами, Ольга миновала массивные железные ворота, оказавшись под сводами склада. Уходящие вдаль, заваленные ящиками недра, отгороженные от места разгрузки мелкоячеистой стальной сеткой. У стенки навалены многочисленные пакеты, мешки и коробки, подготовленные к загрузке. Тут же стоит новенькая корейская фура. Но... ничего не происходит. Петр и Денис, рабочие склада, удобно расположились на объемистом тюке, тут же стоит Валентина, неодобрительно качает головой.

Заметив Ольгу, товаровед двинулась навстречу. Ольга подошла, спросила кратко:

— Где?

Валентина мотнула головой, но, прежде, чем она открыла рот, дверца фуры распахнулась, из кабины выпрыгнул водитель. Глядя, как он приближается вразвалочку, Ольга ощутила волну раздражения. Мало того, что отвлеклась от работы, так еще приходится смотреть на вальяжную походочку наглеца. Возникло сильнейшее желание поторопить, и отнюдь не по-дружески, но она сдержалась, спросила приветливо:

— Павел, в чем дело?

Водитель приблизился, сказал со смешком:

— Видимо ты заработалась, не прочла вовремя мою просьбу об отгуле, а то и вовсе не заметила.

По-прежнему сохраняя улыбку, Ольга ответила:

— И заметила, и прочла, но... не утвердила.

Павел округлил глаза, спросил с великим удивлением:

— А отчего ж так?

— А вот так, — уже без улыбки ответила Ольга. — Если ты вдруг не заметил, у нас предновогодний аврал. Каждые руки на счету, не говоря уже о колесах.

Водитель нахмурился, сказал:

— Несмотря на это, Николаю почему-то свободу дали. Хотя он подал заявление едва ли не в тот же день, в то время как я — загодя.

— У Николая слегли жена и ребенок, он их по больницам развозил, — отрезала Ольга.

Павел сказал раздраженно:

— А это уже дело десятое, у кого какие проблемы. Меня семья Коляна не волнует, у меня свои проблемы, причем срочные, — он повысил голос.

Ольга кивнула, сказала понимающе:

— Проблемы требуют решения. Едва закончится аврал, сразу же сможешь заняться.

Ноздри водителя раздулись, он сказал натянуто:

— Похоже, некоторые в нашем дружном коллективе ровнее других. И сказочки о семье да детях... хорошее прикрытие. А может все на самом деле не так?

— И как же? — Ольга прищурилась.

Павел вновь расплылся в улыбке, сказал елейно:

— Ну, может, кто-то проставляет неучтенные часы, выдает отгулы, а за это получает, к примеру... — Он закатил глаза, словно раздумывая, затем вдруг рявкнул: — К примеру, хороший хер!

Ольга несколько мгновений пронзала собеседника взглядом. И неожиданно для себя расхохоталась. Идиотское предположение водителя вместо ярости вызывало всплеск безудержного веселья. Глядя, как вытягивается лицо Павла, по всей видимости ожидавшего совсем другую реакцию, Ольга сказала сквозь смех:

— Что ж, интересное предположение, подкупает новизной и оригинальностью. Я, пожалуй, сделаю вид, что не расслышала, и пойду назад, все ж работы еще достаточно, а ты прямо сейчас загрузишься, и поедешь согласно расписанию. Договорились?

Чувствуя, что упускает инициативу, Павел выкрикнул:

— Никуда я не поеду!

Ольга вздохнула, веселье улетучилось, его место вновь заняло раздражение, сказала, тяжело роняя слова:

— За дополнительную нагрузку в этом месяце всем начислят премию. Всем, кроме тебя. Я прослежу лично. Это первое. Второе. Если ты прямо сейчас не сделаешь, что нужно можешь искать работу. Зарплата за декабрь и остатки ноябрьских бонусов останутся в кассе.

Валентина распахнула глаза, а от стены донесся удивленный присвист грузчиков, с интересом прислушивающихся к беседе. Ольга несколько секунд смотрела прямо в глаза шофера, с интересом следя за чередой быстро сменяющихся эмоций и ожидая реакции. Но комментариев не последовало, и Ольга направилась к выходу.

Уже находясь в дверях, обостренный яростью, слух уловил угрожающее:

— Еще пожалеешь, сука...

Зло усмехнувшись, Ольга захлопнула дверь.

Два дня пролетели незаметно. С головой погрузившись в дела, Ольга забыла об угрозах шофера, да и о самом его существовании. Слишком много приходилось держать в голове, слишком часто тон переговоров повышался до критического уровня, чтобы подобные мелкие стычки надолго задерживались в памяти.

Давно стемнело, грузовики разъехались, несущийся со двора надрывный рев двигателей сменился тишиной, а Ольга все сидела за компьютером, сверяя таблицы в базе данных. Закончив с работой, ушел Николай, попрощавшись, мягко затворил дверь. Когда наконец Ольга оторвалась от монитора, большая стрелка часов замерла в высшей точке, а малая... Ольга схватилась за голову, обнаружив, что пересидела положенное время аж на два часа. В принципе, ничего страшного не произошло, последние дни приходилось задерживаться и дольше, но сегодня она обещала Ярославу вместе пройтись по магазинам, в преддверии праздника сделать необходимые закупки.

Размышляя, не вызывать ли такси, Ольга быстро собралась, проверив, все ли выключено — закрыто, накинула пальто и вышла из помещения. Едва она оказалась на улице, окрепший к вечеру морозец царапнул коготками за пальцы, куснул в нос, разохотившись, полез глубже, проникая через щели в одежде. Ольга улыбнулась, вздохнула полной грудью. С отсутствием грузовиков воздух очистился, дышалось легко и свободно, а прохлада воспринималась разомлевающим после теплого помещения офиса телом с благодарностью. Но все же оказалось достаточно холодно, и через пару минут Ольга уже ежилась, поспешно застегивая пуговицы, и поправляла шарф.

Миновав проходную, она вышла на улицу, в нерешительности замерла. Новенький, недавно приобретенный мобильник лежал в сумочке, под рукой, и вызвать такси было делом минуты, но чистый воздух и мягкий свежесвыпавший снег, укутавший мир белым бархатом, манили, вызывая непреодолимое желание пройтись. Не в силах противиться очарованию природы, Ольга пошла пешком.

Под ногами поскрипывают, сминаясь, снежные хлопья, застывшими седыми великанами возвышаются деревья. Если закрыть глаза, чтобы серые пятна домов не портили картину, можно вообразить себя глубоко в заснеженном лесу, где, на многие километры вокруг, лишь оцепенелая тайга и ни души. Ольга вздохнула. Убрать дома легко, стоит лишь прикрыть веки, но шум далекой трассы не заглушишь, к тому же шаги...

Ольга прислушалась. Позади, приглушенные расстоянием, доносятся шаги. В принципе, ничего особенного, мало ли кто и куда идет еще, в общем-то, не поздним вечером. К тому же шаги, хоть и быстрые, но человек не бежит, как если бы он надумал преследовать, вернее... не бегут люди. Ставшая уже привычной, осторожность заставила замедлить движение, вслушаться, а затем и повернуться.

Позади двое, нет, трое. В тусклом отсвете далекого фонаря фигуры сливаются, превращаясь в колеблющийся расплывчатый силуэт. Судя по скорости и темпу, люди вышли не на прогулку, торопливо идут куда-то, либо за кем-то... Нахмурившись, Ольга отвернулась от троицы, окинула взглядом путь. Неширокая в обычное время, с наступлением зимы дорожка превратилась в тропку с высокими, почти до колен, сугробиками вокруг: ни сосупить, ни повернуться.

Взгляд метнулся дальше. Впереди, где кончается идущий вдоль дороги забор, дорожка

ветвится, отбрасывая едва заметную стежку в сторону. Прислушиваясь к шагам, Ольга двинулась вперед, соизмеряя скорость так, чтобы достичь развилки вровень с попутчиками, и не спеша, но и не ожидая, уступить дорогу, после чего спокойно продолжить прогулку.

Позади шуршание снега под ботинками, сбивчивое дыхание. Люди явно торопятся. Будет невежливым задержать. Сверток ложится под ноги точно в рассчитанный момент. Шаг в сторону, и... путь свободен. Нетерпеливо топчущиеся позади люди сейчас устремятся вперед, благодарные за понимание. Но что это? Снег больше не скрипит, лишь тихий присвист выдыхаемого с трех глоток воздуха, да застывшие на краю зрения фигуры.

Испуганная мыслишка, что, быть может, эти люди остановились лишь затем, чтобы что-то уточнить, пытается рассеять поднявшийся в груди страх, но, минуя разум, внутри возникает четкое ощущение — это не так. Голова замедленно поворачивается, взгляд мельком скользит по фигурам, переходит на лица. Одно знакомое — Павел, остальные нет. В лицах заметно напряжение, но ничего особенного, ни холода профессиональных убийц, ни снисходительности привычных к дракам бойцов, обычные мужики.

— Ну что, начальница, поговорим? — Губы Павла изогнулись в нехорошей усмешке.

Еще не решив, как лучше вести себя в подобном случае, Ольга отстраненно произнесла:

— Мы что-то не обсудили? Я сказала все.

— Зато я нет, — рявкнул Павел.

Ольга всмотрелась в лицо шофера пристальнее, благо, стоящий неподалеку фонарь позволяет разглядеть детали: подергивающиеся желваки, бегающие глаза, раздувающиеся ноздри... Похоже, не привыкший решать вопросы подобным образом, Павел изрядно нервничает. Ольга усмехнулась, сказала с нажимом:

— Павел, возможно, ты сильно удивишься, но я все понимаю. У каждого свои дела. Меня саму утомила канитель последних недель, но ведь это самое хлебное время. Хочется, нет ли, приходится поступаться планами...

Проговаривая слова, Ольга внимательно следила за мужчинами. Сперва напряженные, лица незнакомцев разгладились, в глазах протаяла растерянность, а потом и понимание.

Павел тоже заметил перемену в настроении спутников. Чувствуя, что теряет контроль над ситуацией, воскликнул:

— Ты срезала мне бонус!

— Ты отказывался работать, — мягко ответила Ольга.

— Но, мы могли договориться, — не унимался Павел.

— Не было времени.

Заметив вопрос в глазах товарищей, переставших понимать что они тут делают, Павел воскликнул:

— Короче, либо ты возвращаешь мне премию, либо...

— Либо?... — эхом откликнулась Ольга.

— Либо ты об этом пожалеешь, и не далее чем прямо сейчас, — дернувшись всем телом, зло прошипел Павел.

— Избив меня, ты денег не компенсируешь. — Ольга пожала плечами.

Павел хмыкнул, сказал с сальной улыбкой:

— Зато получу моральное удовлетворение, и не только моральное. Это мужики годятся, только чтобы избить, а женщин можно использовать разными способами. Да и товарищи мои от удовольствия не откажутся. К тому же это будет урок на будущее, тебе, да и остальным в конторе, а то что-то оборзели совсем. — Он повернулся к спутникам, сказал

напряженно: — Не стойте столбом, начинайте! А то, не ровен час, еще пройдет кто. Утрясай потом...

Мужики переглянулись, едва заметно вздохнув, повернулись к Ольге, их тела напряглись, а лица закаменели. По-прежнему пытаюсь избежать схватки, Ольга быстро произнесла:

— А ты не боишься, что я пожалуюсь начальству, а то и в полицию заявлю?

Павел поморщился, сказал с нетерпением:

— Не боюсь. Твой шеф мне не указ, а для полиции нужны свидетели. К тому же, никто не мешает повторить урок, чтобы, так сказать, избежать ненужных телодвижений.

Чувствуя, что Павла не переубедить, Ольга обратилась к мужикам, сказала звенящим от напряжения голосом:

— Ребята, вам-то это зачем? Ведь вы не знаете ни кто я, ни какой у меня парень. Последствий не боитесь?

Теряя остатки терпения, Павел воскликнул:

— Да не телитесь вы! Она каждый вечер по этим сугробам прется в темноте. Какой парень такое бы допустил?! Одна она.

Используя последнее средство, Ольга произнесла, придав голосу задушевность:

— Ну а как насчет самообороны? Сейчас я вытащу из сумочки пистолет и понаделаю дыр в ваших тушах. Не страшно?

Один из мужиков усмехнулся, сказал сипло:

— У нас у самих пистолеты имеются, и мы их тебе, ха-ха, скоро покажем. И не только покажем.

— Главное, чтобы размерчик подошел, — в голос откликнулся второй. — А то шибко маленькая, не застрять бы.

Поняв, что беседа закончилась, Ольга выдохнула. Неприятный холодок, все время разговора присутствующий где-то возле сердца, исчез, сменившись спокойствием. Точно также перед наступающим штормом ненадолго затихает ветер, чтобы затем взметнуться яростным порывом, от которого нет спасения.

Чувствуя закипающий гнев, Ольга улыбнулась, сказала со злым весельем:

— Ребята, я понимаю, что с вами без толку разговаривать, но все же предупреждаю последний раз: сунетесь — огребетесь так, что обещанных Павлом денег не хватит.

— На что не хватит? — непонимающе спросил один из мужиков.

— На лечение, — прошипела Ольга.

Мужики переглянулись, растопырив руки, шагнули в стороны, заходя с боков. Павел, на всякий случай, отскочил в сторону, откуда начал подбадривать, временами озираясь, в поисках случайных свидетелей.

Решив, что разберется с шофером в последнюю очередь, Ольга сместила зону внимание, сосредоточившись на нападающих. Сумочка полетела в сугроб, тело напряглось, готовое двигаться в высоком темпе. Сугроб вокруг отнюдь не способствует перемещению, как, впрочем, не способствуют уязвимости противников толстые телогрейки. Да и сами мужики не маленькие, таких ни пробить, ни уронить толком.

Один из мужиков кинулся, распахнув руки, но лишь сграбастал воздух. Ольга легко ушла от контакта. Если бы не снег, ушла бы еще легче, но сугроб ощутимо мешал, и приходилось смотреть под ноги, тщательно выбирая точку опоры. Вновь захват. На этот раз счастья попытал второй противник, но также тщетно. Неповоротливые, мужики лишь мешали друг

другу, с натужным пыхтением взбивали снег, да взмахивали руками.

Нога с силой распрямилась, ударила ближайшего противника в бок. Но тот будто и не почувствовал. Избежав еще одного захвата и удара наотмашь, Ольга еще пару раз раздраженно пнула, ударила рукой, выплескивая злость. Но с тем же успехом можно было избивать плюшевых медведей. Смягченные зимней одеждой, удары не достигали цели.

Мелькнула мысль о побеге. Грузные, противники вряд ли догонят, тем более, если грамотно использовать особенности рельефа. Мысль мелькнула и пропала, вытесненная нарастающей яростью. Почему она, будучи правой, должна бегать от каких-то пьянчуг, нанятых шофером за бутылку водки?

В этот момент Петр выкрикнул что-то звонкое. Ольга на секунду отвлеклась, скосила глаза, и в этот момент в плечо с силой ударило. Земля качнулась, поплыла навстречу. Попытавшись выровняться, Ольга замахала руками, но ударило вновь, на этот раз в спину. Земля опрокинулась, снег поднялся на дыбы, запорошил глаза, набился в рот холодными комками.

Сверху упало тяжелое, вдавило. Ольга завертелась ужом, пытаясь выбраться из-под рухнувшей на спину туши. Но, не смотря на все попытки, получалось слабо. Снег сбился, образовав подобие ямки, чьи края осыпаются, при малейшей попытке опереться, не дают опоры рукам. По спине, не давая вздохнуть, перекачивается противник, методично надавливает на голову, отчего лицо раз за разом окунается в снег.

Ольга попыталась поймать ногу или руку соперника, чтобы провести прием, но смогла лишь прихватить одежду, пальцы срываются, не в силах захватить толстую ткань одежды, от соприкосновения со снегом начинают неметь. В бок с силой ударило, ребра отозвались болью. Похоже, к веселью присоединился и Петр, под конец набравшись решимости.

Руки и ноги сдавило, позади завозилось с новой силой. Пытаясь понять, что происходит, Ольга замерла, чувствуя, как по ягодицам зашарили руки. Разом стало холоднее и почти сразу рвануло пояс. Похоже утвердившийся на ногах мужик завернул ей пальто, и теперь пытался стянуть брюки.

Послышалось довольный голос:

— Ну вот, успокоилась. А еще здоровье грозилась попортить.

Второй сказал в тон:

— И то верно. Всего дело-то: трахнуть разок, и мозги на место встанут. Потом, глядишь, понравится, еще захочет, а то и доплачивать начнет.

Послышался напряженный голос Петра:

— Что за народ, бабу поиметь и то не могут. Да быстрее же!

Первый ответил обиженно:

— Ты не торопи, не торопи! А то сам сейчас будешь...

— А может ее перевернуть, все ж приятнее? — поинтересовался второй. Не дожидаясь ответа потянул на себя.

Ольга ощутила, как мир переворачивается, и одновременно услышала вопль Павла.

— Вы что, в бордель пришли?! А ну...

Голос шофера оборвался, когда его взгляд упал на лицо Ольги: ни паники, ни злости, лишь странный блеск в глазах, да холодное сосредоточение, столь странное для молодой девушки.

Дальнейшее уместилось в несколько секунд, но для водителя они растянулись надолго. Смазанное движение, и вот один из напарников, выпучив глаза, заваливается на бок, второй,

зажав руками пах, с глухим хрипом утыкается головой в снег, туда, где еще мгновение назад лежала девушка, а теперь лишь глубокая вмятина в снегу. Мелькает тень. Хрупкий силуэт рывком приближается. Настолько быстро, что почти не видно движений. Мозг кричит, требует, вопиет об опасности, но тело едва шевелится, парализованное увиденным. Люди не могут двигаться с такой скоростью, а если могут, то... Мгновенная вспышка боли пронзает голову, гася сознание и избавляя от мучительных сомнений.

Проследив, как тело шофера замедленно валится на снег и остается недвижимым, рефлексы сработали четко, и кончик сапога врезался ровно в то место на виске, куда требовалось, ни ниже, ни выше, Ольга развернулась, недобро взглянула на оставшихся двоих. Мужики уже начали отходить от шока, и теперь вяло шевелились, пытаясь осознать произошедшее.

Глядя на приближающуюся девушку, тот, кому досталось по хрящу на горле, прохрипел в испуге:

— Что ты собираешься делать?

Ольга подошла, присела рядом, ощущая, как внутри, в опасной близости к краю, плещется переполняющая чашу души ненависть, сказала, проталкивая слова через сведенное спазмом ярости горло:

— Я слов на ветер не бросаю.

Она подалась вперед. Испуганный, мужик выставил перед собой ладони, закрывая горло. Он сперва не понял, почему тонкие пальчики коснулись руки и нежно прошлись по ладони, но когда пришло осознание... Негромко хрустнуло, жуткая боль стеганула по телу, а указательный палец замер под неестественным углом. Хрустнуло вновь. На этот раз бессильно повис безмянный. Горло перехватило. Тело выгнулось, он задохнулся в крике, чувствуя, как рука, а следом за ней и тело, превращается в сплошной сгусток боли, не в силах вынести муку, закричал.

Когда пальцы на обеих руках противника заняли «соответствующее» положение, Ольга перешла ко второму. От диких криков товарища тот успел опомниться и попытался убежать, даже не помышляя о том, чтобы противостоять этой небольшой, но бесконечно ужасной девушке. Но Ольга догнала, жестко ударила в спину. А когда противник застыл, обездвиженный и ошеломленный, глядя на нее распахнутыми в ужасе глазами, повторила с его руками то же самое. В отличие от первого, этот не кричал, лишь негромко охал, а в расширенных, заполнивших все пространство радужки, зрачках плескалась боль.

Закончив, Ольга встала, вытащила из снега сумочку, и, не оглядываясь, двинулась к трассе. Внутри ни радости, ни сожалений, лишь медленно оседает взмученное со дна души черное облако ярости. Через минуту ноги сами собой начали ускоряться, а плечи задрожали от холода, но, понимая, что на самом деле означает дрожь, Ольга заставила себя идти с прежней скоростью.

К плечам присоединились руки, за ними ноги, а чуть позже уже все тело содрогалось от мелких спазмов. Набившийся под одежду снег лишь усилил постстрессовый откат, расплзаясь по коже холодными ручейками, и вскоре Ольга тряслась так, что стучали зубы. К счастью, едва она выбралась на трассу, подошло маршрутное такси. Расплатившись за проезд, Ольга заняла место сразу за водителем, где, урча словно сытый кот, распространял теплые волны воздуха обогреватель. Мерный шум мотора, равномерное покачивание и теплый воздух успокаивали, и Ольга незаметно для себя задремала, укрывшись от переживаний вечера в уютной обители снов.

Толчок. Мышцы напрягаются из последних сил, выталкивая тяжелый снаряд. Преодолевая гравитацию, штанга замедленно поднимается, ненадолго застывает в верхней точке, после чего вновь начинает опускаться. От усталости грудь горит огнем, а спина выгибается, стремясь помочь обессиленному телу справиться с нагрузкой, что противоречит правильному выполнению упражнения. Но сейчас это не важно. Когда от усталости темнеет в глазах, а молочная кислота забивает мышцы так, что не разогнуть руки, не до правильности.

Звякнув, гриф ложится на рогатки подпорок. Руки падают плетьюми, а в груди щемит от близкого к оргазму ощущения — отдых! По соседству пыхтят от напряжения атлеты. Справа, похожий на слона, приседает Роман, выталкивая чудовищный вес раз за разом, края штанги провисают под тяжестью нанизанной пачки «блинов». Слева Сергей, в наклоне касаясь лбом подставки, с хаканьем взмахивает руками, с зажатыми в ладонях гантелями такого размера, что страшно смотреть.

Стоит лишь повернуть голову, чтобы увлечься завораживающим зрелищем. Могучие мышцы вздымаются и опадают, на миг проступая невероятным рельефом, и тут же оплывая, будто мороженое на солнце. Прогоняя через себя кровь, чтобы забрать из мышц продукты распада, взамен насытив энергией, набухают вены, настолько толстые и частые, что непривычный к зрелищу, случайный наблюдатель придет в ужас, а то и отвернется с отвращением.

Вид атлетов прекрасен, но только не сейчас, когда от перенапряжения перед глазами плавают разноцветные круги, а сердце бьется так, словно вот-вот проломит ребра, выскочит трепещущим комком. Пока сердце успокаивается, восстанавливая кровоснабжение, а мышцы отдыхают, можно немного отвлечься, мысленно покинуть наполненный терпкими запахами мужчин и гулким звоном железа зал.

Перед внутренним взором возникли украшенные блестящими шарами и нитками «дождика» зеленые ветви. Купленная незадолго до новогодних праздников Ярославом красавица-пихта до сих пор украшает квартиру, радуя взгляд разноцветными блестками игрушек а обоняние пряным хвойным запахом. Они вдвоем отлично провели праздник. Несмотря на отсутствие яркой новогодней программы, удовольствие от ужина при свечах и совместной прогулки по искрящемуся праздничной иллюминацией городу запомнилось надолго.

Вспомнился и корпоратив, устроенный на фирме в честь удачного завершения сезона. Ольга улыбнулась, вспоминая какой помпой и обилием шампанского сопровождалась вечеринка. Даже вечно недовольный шеф в честь праздника оттаял, нацепив ватную бороду, лично поздравил каждого, подкрепив высокопарные слова благодарности конвертом с вполне материальным содержанием.

Разохотившись, мозг подбросил целый букет воспоминаний, и улыбка померкла. Вспомнились лица полицейских, возникших на пороге офиса на следующий день после памятного вечернего события, когда Павел пытался... Брови невольно сошлись на переносице, а тело напряглось. Полицейские вкратце поинтересовались качеством работы Павла и его отношениями с коллегами, после чего направились на склад. Когда же Николай, провожая стражей порядка, напоследок поинтересовался, с чего весь сыр-бор, кратко

ответили, после чего, враз побледневший и растерявший охоту расспрашивать, он вернулся на рабочее место, где и застыл.

Желваки набухли, реагируя на переживание, но настроение не изменилось. Картина «боя» запомнилась во всех деталях, и повторись подобное, Ольга не раздумывая воспроизвела бы все свои действия, до последнего, включая удар ногой, ставший для шофера смертельным.

— Заснула?

Зычный голос тренера вернул к реальности. Ольга вздрогнула, повернув голову, так что могучая фигура тренера уместилась в обзор целиком, сказала покаянно:

— Замечталась. Надо закончить поскорее, да освободить место.

Антон усмехнулся, ответил:

— Видел я, как ты последний подход делала. Не буду говорить о качестве выполнения, но, к-хм... думаю, с тебя хватит. Лучше нагрузи пока антагонисты, а то толку чуть, едва жмешь, а на тренажер уже очередь.

Ольга послушно встала. На ее место тут же нырнул тщедушный паренек. Решительно взялся за гриф, полагая, что уж если хрупкая девушка поднимает вес, то он и подавно выжмет. Ольга с затаенной улыбкой наблюдала, как стремительно штанга рухнула, коснулась груди, а когда пошла обратно, вернее, должна была пойти, у парня выпучились глаза и побагровело лицо.

Покачав головой, тренер трагически заломил брови, бросился парню на помощь, а Ольга, чтобы скрыть улыбку, поспешно отвернулась, неторопливо двинулась по залу. Последние месяцы она посещала спортзал систематически, и успела выучить большую часть посетителей, регулярно посвящающих время развитию тела. Вон, кривясь и жмурясь от напряжения, качает бицепсы Михаил. Не отличающийся могучим телосложением, он вызывает снисходительные улыбки у окружающих, но, не обращая внимания на насмешки, день за днем работает над собой. А вот Василий, обрюзгший, дряблый, с крупной, лоснящейся мелкими капельками пота залысиной, вращает плечами, удерживая в руках небольшие гантели. Гантели совсем легкие, а вращения едва заметны, но почтенный отец семейства совершает движения настолько сосредоточено, словно делает некую очень важную и ответственную работу.

Следуя совету тренера, Ольга подошла к тренажеру, приспособленному для работы с мышцами спины, переставила втулку, отмерив необходимый вес, заняла исходную позицию. Ноздрей коснулся терпкий запах пота. Похоже, совсем недавно здесь делал упражнение один из мужчин, и в воздухе, не успев смешаться с запахом металла и застарелой испарины, витал острый аромат.

Ноздри затрепетали, а легкие начали раздуваться, стараясь захватить как можно больше этого сладкого запаха. Чувствуя, как по телу побежал огонь, а сердце застучало сильнее, Ольга тряхнула головой, сосредоточилась на предстоящем упражнении. Пальцы уцепились за рукояти, сжались, мышцы напряглись, отчего уложенный меж направляющими рельсами ровный ряд грузиков плавно поехал вверх. Ощущения притупились, огонь стих, вытесненный необходимостью сосредоточиться на нагрузке, но полностью не исчез, затаился до времени, тлея в глубине, и постреливая оттуда обжигающими искорками желания.

Последнее время желание стало появляться все чаще, особенно сильно оно разгоралось во время посещений тяжелоатлетического клуба. Проходящие мимо, распространяющие вокруг мощный запах тела, полуобнаженные мужчины с налитыми мощью мышцами, словно

магнитом притягивали взор. В голове мутилось, а низ живота жгло так, что лишь стиснутые до хруста зубы, да глубокое дыхание позволяли успокоиться, чтобы не кинуться на ближайшего атлета, сорвать одежду, повалить... В такие моменты Ольга хваталась за штангу, и с яростным рычанием поднимала до тех пор, пока желание не ослабевало, истаивая, вместе с остатками сил.

Когда пальцы разжались, бессильные, выпустив рукоять, Ольга замедленно встала, оперлась на стойку со штангой. Перед глазами кружатся разноцветные точки, в ушах шумит, а сердце ухает, как паровой молот. Не смотря на изрядный прогресс, за пару месяцев она почти в два раза подняла рабочие веса, а мышцы стали намного сильнее, некоторые упражнения до сих пор даются тяжело, или это от чрезмерного усердия...

— Ты в порядке?

Ольга замедленно повернула голову. Рядом незнакомый мужчина, на лице участие, в глазах вопрос. Взгляд оценивающе пробежался по фигуре. Ольга слабо улыбнулась, даже в состоянии полного изнеможения рефлексy продолжают работать, тестируя незнакомца сперва на опасность, затем на привлекательность, сказала тихо:

— Немного перенапряглась. Что-то голова закружилась.

Мужчина покивал, сказал с пониманием:

— Видать, новенькая. Я тоже, когда начинал, загонял себя так, что едва ноги волочил. А потом ничего, приловчился соизмерять нагрузку с собственными силами. Тут ведь от состояния много зависит, иногда такой вес навернешь, что в жизни не поднимал, а, порой, и вполтину с трудом выдерживаешь. Опять же темп...

Видя, что собеседник не торопится поднимать штангу, а лишь разохотился к беседе, Ольга пошевелилась, с трудом воздев себя на ноги, произнесла:

— Я, пожалуй, пройдуь немного, в себя приду. Как вернусь, продолжим разговор.

Покинув словоохотливого мужичка, Оля двинулась в сторону выхода, спеша выйти на свежий воздух. По мере того, как голова прояснялась, а усталость отступала, понемногу возвращалось и вожеление. Как назло, у входа почти все свободное пространство оказалось занято занимающимися, и Ольге пришлось протискиваться вдоль стены, созерцая пышущие здоровьем и мощью полуобнаженные мужские фигуры.

Чертыхаясь, и проклиная соседей по залу, что, словно специально выгибались и растягивались, демонстрируя соблазнительные формы, Ольга выскочила в коридор, стремительно зашагала к выходу. Поднявшись по ступенькам, она вышла на улицу, замерла, наслаждаясь холодной свежестью вечера. Разгоряченное, тело постепенно остывало. Вместе с жаром спадало и возбуждение, так что вскоре голова очистилась от теснящихся обнаженных мужских образов, а мысли выстроились, потекли ровной чередой.

Стало откровенно холодно, к тому же, проходящие мимо, закутанные с головы до ног в теплое, люди с восхищением, а то и с неподдельным ужасом косились на одетую в топик и шортики девушку, в расслабленной позе замершую у дверей, и Ольга поспешила назад.

Когда она проходила мимо кабинета тренера, дверь отворилась. Из кабинета выглянул Антон, поманил пальцем.

— Зайди на пару минут.

Она повернула голову, сказала с запинкой:

— Вообще-то, я собиралась продолжить, но... что ты хотел?

Тренер мотнул головой, приглашая, скрылся в кабинете. Ольга зашла следом. В кабинете ничего особенного, вдоль стен шкафчики с золочеными кубками на полках, ряды

книг о спорте, свободное пространство заклеено плакатами со звездами бодибилдинга. Стол, пару кресел, диван... В углу стопка тронутых ржавчиной «блинов». Ничем не примечательный рабочий угол. Взгляд упал на стоящую возле стола спортивную сумку. Ольга прищурилась, пытаясь прочесть названия на блестящих пакетиках внутри.

Перехватив ее взгляд, Антон нахмурился, присев на кресло, как бы невзначай задвинул сумку под стол, сказал:

— Смотрю, тебе это дело по душе.

Ольга ответила:

— Сама удивляюсь. Раньше никогда к тяжестям не тянуло, а сейчас, словно что-то внутри сдвинулось.

Антон покивал, поинтересовался:

— Ты это в качестве отдыха, или есть планы заняться всерьез.

Ольга улыбнулась, сказала с ехидцей:

— Смеешься? С моим-то телосложением и всерьез?

Антон покачал головой, сказал серьезно:

— Ты напрасно сомневаешься. Девчонки и постройнее тебя занимались... — Он запнулся, ощутив насмешливый взгляд собеседницы, сказал: — Ладно, вру, такие же, может, чуть крупнее, но совсем немного! Так вот, они занимались профессионально и достигали результатов, о каких большей части наших мужиков нечего и мечтать.

— Рада за них. Но причем тут я? — Ольга пожалала плечами.

Антон помолчал, сказал уклончиво:

— Пока не причем. Но если продолжишь заниматься, тебя можно будет продвинуть на соревнования. Сперва низовые, среди местных, ну а потом и региональные, и даже больше...

В потоке размышлений зародилось воспоминание, смутное, с трудом различимое, но ощутимо важное, оно некоторое время мелькало, силясь предупредить о некой опасности, словно скрытая рябью воды серебристая рыбка, но вскоре исчезло, так и не проявившись полностью. Ольга поморщилась, сказала:

— Антон, я понимаю, у тебя в клубе недостаток клиентов, особенно девушек, но не удерживать же их такой откровенной ложью.

Тренер вскочил, воскликнул с возмущением:

— Да при чем тут!.. Любой тренер жаждет «вырастить» хоть одного достойного спортсмена. — Помолчав, добавил уже спокойнее, с ноткой вины: — Мужиков у всех навалом, в каждом захудалом клубе, да таких, что хоть сейчас на соревнования. На этом попроще конкуренция такая, что мне и рыпаться не стоит. Но с девушками дело совсем другое. Их мало, ходят редко, на соревнования почти не ездят, Но, если, по счастливому стечению обстоятельств, такая попадается, то, считай, половина дела сделано. И в этом, ты права, мой шкурный интерес и заключается.

— Выигрывает, не кто лучший мастер, а у кого материал под рукой? — перефразировала Ольга.

— Точно! — Антон шлепнул кулаком в ладонь с такой силой, словно в помещении взорвали петарду.

И вновь в глубине души заворчалось что-то смутное, на этот раз приняв форму сомнения, словно подобное уже когда-то было, давно, совсем в другой жизни. Ольга помолчала, сказала, подбирая слова:

— Знаешь, Антон. В свое время я уже занималась спортом, и даже достигла некоторых

результатов. Но, с тех пор прошло уже достаточно времени, и я сомневаюсь, что пройдя по пути раз, вновь стоит на него ступать.

Антон подошел ближе, сказал с жаром:

— Да ты что! О чем вообще речь? Ты детский сад вспоминаешь, ясли? Тебе же сейчас шестнадцать, восемнадцать от силы! Самое время попробовать себя на достойной стезе.

Тренер говорил столь убежденно, и с таким напором, что Ольга заколебалась, сказала замедленно:

— Мне приятно, что я так хорошо выгляжу, хотя и допускаю, что, в попытках меня убедить, ты слукавил, но неужели на эту роль нет кого-нибудь более подходящего? Я же не так давно видела здесь одну — двух девушек.

Лицо Анатолия приняло скорбное выражение.

— Когда давно? Две недели назад, три? Они приходят не тренироваться, мужиков посмотреть! Или из любопытства. И хватает всего на пару раз, ну, максимум месяц, с одним посещением в две недели.

С облегчением отметив, что не одна она такая озабоченная, Ольга сказала:

— Постой. Одна из девушек, я точно помню, отличалась не слабой комплекцией. Да и вторая, если честно...

Анатолий отмахнулся, сказал с досадой:

— Переманили. Даже говорить об этом не хочу.

В теле и голосе тренера Ольга ощутила некую натянутость, но, желая закончить мысль, не обратила внимания, сказала:

— В любом случае, Анатолий, никаких гарантий я не дам. У меня есть работа, которую я пока менять не собираюсь, хоть и неудачный, но опыт в спорте. К тому же всплеск интереса к бодибилдингу может пройти также внезапно, как и возник. — Глядя, как омрачилось лицо тренера, Ольга добавила ободряюще: — Но одно могу обещать, пока будет нравиться — буду исправно носить деньги. Ну а там, глядишь, может и в соревновании каком поучаствую, если в плато не упрусь.

Лицо Анатолия озарилось, он сказал поспешно:

— Конечно, конечно. Я ж не заставляю — объясняю ситуацию. Ты должна меня понять тем более, что уже занималась спортом, выступала, и не понаслышке знакома с пьянящим ощущением победы.

— Ну вот и договорились. — Чувствуя, как от близости здорового мужчины желание вновь зарождается мощной волной, Ольга поспешно повернулась к двери, взялась за ручку.

Антон шагнул ближе, мягко коснулся плеча.

— Подожди. Еще пару моментов. То что ты не восприняла мое предложение как дикость обнадеживает. Другие убегали, едва я заикался о соревнованиях... — Он усмехнулся воспоминаниям. — К тому же у тебя есть все задатки. Поэтому, со следующего занятия, если не возражаешь, я составлю для тебя индивидуальный график, а по ходу занятий буду помогать и корректировать.

— Есть что? — Ольга вопросительно изогнула бровь.

Антон кивнул.

— Есть. Сделать нужное количество повторений, когда уже нет сил — эффективно, но не эффективно. Я объясню почему.

Ольга пожала плечами, откликнулась:

— Хорошо. Надеюсь, график не окажется чрезмерно плотным. Не хотелось бы излишне

отдаваться спорту, а на следующий день на работе падать от бессилия.

Покивав, Антон добавил:

— Ну и последнее. Раз по этому вопросу у нас полное взаимопонимание, возьми...

Тренер нагнулся, одним движением вытащил из сумки пластиковую коробку в яркой упаковке, протянул. Ольга осторожно взяла, мазнув взглядом по исписанной мелким шрифтом табличке, поинтересовалась:

— Что это?

— Анаболики, — ответил Антон коротко.

Припоминая, Ольга сказала с сомнением:

— Насколько я слышала, они не очень полезны для организма.

Антон отмахнулся, сказал с досадой:

— Меньше смотри телевизор. Там такого понараскажут. Две таблетки съел — в мутанта превратился, ага.

— То есть безвредные? — Ольга взглянула требовательно.

Тренер помялся, сказал неохотно:

— Ну, как сказать. Есть конечно противопоказания, но для особо тяжелых случаев, если килограммами жрать и все такое. А этот мизер, исключительно для стимуляции мышц. Попробуй, результат увидишь. — Видя, что сомнение не покидает лица собеседницы, добавил поспешно: — Если что-то почувствуешь не то, тут же бросай. Мало ли, аллергия какая...

Ольга некоторое время пристально смотрела Антону глаза, затем чуть заметно кивнула, неспешно вышла из кабинета. Едва за ней захлопнулась дверь, лицо тренера стало сосредоточенным, он сел за стол, отпер дверцу шкафа, пошерудив, извлек блокнот, и принялся писать, заполняя пустое пространство страницы аккуратными строчками.

Успевшее позабыться тошнотворное состояние вновь напомнило о себе. Разболелась голова, мышцы заломило, а внутренние органы скрутило так, словно их ненадолго вынули, перемешали, после чего забросили обратно. Сперва Ольга терпела, ожидая, что недомогание отступит, но вскоре самочувствие стало невыносимым. По стеночке доковыляв до шкафа, Ольга извлекла остатки лекарств, заправив в шприц двойную дозу, сделала укол, откинулась на диван, ожидая результата.

Из соседней комнаты подошел Ярослав, присел рядом. Превозмогая слабость, Ольга повернула голову, взглянула искоса. Ярослав повертел в руках шприц, затем взял ампулу, некоторое время разглядывал.

С трудом растянув губы в улыбке, Ольга произнесла:

— Осуждаешь?

Ярослав пожал плечами, сказал с заметным неодобрением:

— Ничего не могу сказать, но если помогает — пользуйся.

Ольга пошевелилась, пытаясь сесть, получилось лишь с третьей попытки, сказала:

— Не от хорошей жизни. Рада бы по-другому, да не выходит.

Ярослав повернул голову, взглянул в оставшийся распахнутым шкаф, на полочку с яркой пластиковой коробкой, сказал с укоризной:

— А это зачем? Если то что прописал доктор помогает пережить приступы, то к чему нужны стероиды?

Порой, в заботе о ее здоровье, Ярослав становился невыносим. И, хотя, она не раз объясняла предназначения анаболиков, друг оставался непоколебим в своем недоверии к продукции мировой фарминдустрии. Сдерживая раздражение, Ольга произнесла:

— Это для стимуляции. Я ведь уже говорила. Занятия спортом, даже непрофессиональные, требуют подпитки организма.

Ярослав кивнул, хотя, было заметно, что ему есть что возразить, сказал примирительно:

— Ладно, не сердись. Просто, не могу спокойно смотреть, как ты пичкаешь себя химией. К тому же это странное увлечение бодибилдингом. Ведь не женское дело — штангу ворочать.

Лекарство начало действовать. Ольга качнула головой, ощущая, как улечиваются болезненные симптомы, сказала отстраненно:

— Сама удивляюсь. Действительно, тяжести не для женщин, да я никогда и не интересовалась, но что-то потянуло. Не отказывать же себе в удовольствии, лишь из-за распространенных стереотипов.

— В удовольствии ли? — Ярослав покачал головой.

— Конечно! — с жаром ответила Ольга. — Это непередаваемое ощущение, когда мышцы исполнены силой так, словно вот-вот взорвутся. Да и обстановка там... успокаивающая.

— Уж не знаю, где ты там успокоение нашла. — Ярослав вновь поморщился. — Был я в тренажерке, и не раз: железо, теснота, музыка по ушам. Все пропитано застарелым запахом пота.

Вполуха слушая ворчание друга, Ольга встала, осторожно прошлась вдоль комнаты, анализируя внутренние ощущения, подводя итог, произнесла:

— Хорошая физическая форма лишней не бывает. К тому же, в случае чего, поможет защититься.

Глаза Ярослава полезли на лоб, он поинтересовался с сарказмом:

— Это от кого ты собралась защищаться, да еще с помощью мышц?

— Ну, мало ли. — Ольга пожала плечами, добавила ехидно: — Конечно, я понимаю, можно не утруждаться в спортзале, пистолет эффективнее... если он есть.

Ярослав протянул с заметной досадой:

— А, ты об этом... но я ведь тебе объяснял, что к чему.

Ольга кивнула. В тот раз, случайно обнаружив пистолет в куче вещей, она поинтересовалась, не возникает ли у Ярослава сложностей с ношением. На что тот отреагировал довольно своеобразно. Сперва он все отрицал, а когда, не поленившись, Ольга перетряхнула одежду и принесла кобуру, с досадой признался, что взял ненадолго у знакомого, но вовремя не отдал.

В тот раз эпизод особых переживаний не вызвал, но теперь Ольга ощутила раздражение. Мало того, что Ярослав, испугавшись непонятно чего, вел себя как ребенок, отрицая очевидное, так теперь еще и пеняет ей, выискивая опасности на ровном месте, подобно не в меру строгим мамам, что выговаривают расшалившемуся малышу по самому пустяковому поводу.

Ощущая, что закипающее внутри раздражение вот-вот выплеснется наружу в виде скандала, Ольга поспешно принялась собираться. Стараясь не встречаться взглядом с Ярославом, она оделась, сдвинув с видного места лекарства вглубь шкафа, тщательно притворила дверцу и вышла в коридор.

Когда она взялась за ручку входной дверцы, позади скрипнули половицы.

— Решила прогуляться?

Ольга замедленно повернула голову, взглянула на Ярослава, замершего в проеме с обиженным видом, стараясь не выказать раздражения, сказала замедленно:

— Немного свежего воздуха не повредит. Мне по-прежнему не очень хорошо.

— Не поздно? — Ярослав покосился на часы.

— У нас спокойный район, ничего страшного не произойдет, — выдавила Ольга и стремительно вышла из квартиры.

Улица встретила морозом, и уже через пару минут Ольга ощутила, что впопыхах оделась недостаточно тепло, но возвращаться не стала. Внутри, переполняя, словно пар в перегретом чайнике, клокотало раздражение. Пытаясь успокоиться, Ольга шла, не разбирая дороги, но раздражение не проходило, наоборот, в памяти начали всплывать придирки Ярослава по разным мелочам. И если раньше они не выглядели важными, воспринимаясь, как обыденные шероховатости совместной жизни, то сейчас казались до невозможности обидными, побуждая вновь и вновь обращаться про себя к виновнику с исполненной гнева, яростной тирадой.

Ольга пошла быстрее, затем побежала, выдавливая недовольство усиленной нагрузкой. Пробегка сказалось благотворно, раздражение заметно спало, и хотя не ушло совсем, затаилось глубоко внутри злым колючим шаром. Замедлив шаг, Ольга осмотрелась, с удивлением обнаружив, что находится возле входа в парк, окружающий старый кинотеатр.

Память услужливо выдала картинку последнего посещения парка. Губы сами собой растянулись в нехорошей ухмылке. Агрессивно настроенные незнакомцы, попавшиеся в прошлый раз, сейчас оказались бы как нельзя более кстати. Колючий шар внутри

содрогнулся, запульсировал, предвосхищая момент, когда ситуация позволит вновь разрастись, заполнив собой тело, выплеснуться во всеокрушающем яростном вихре.

Вдохнув воздух полной грудью, Ольга двинулась вперед. Ноги мгновенно утонули в снегу по щиколотку, судя по всему дворники не баловали окружающие кинотеатр аллеи особым вниманием. Впереди забрезжили тусклые пятна фонарей, и Ольга ощутила досаду, мягкий сумрак парка успокаивал и навевал мечтательное настроение.

Достигнув фонаря, Ольга обратила внимание на дорожку. Ранее сливающийся в нечто серое и бесформенное, снег весело заискрился, распался на тысячи блесток. Но взгляд не обратил внимания на сказочное величие зимнего покрывала, прикипел к цепочке следов. Мельком оглядев испещренную отпечатками подошв поверхность снега, Ольга двинулась вперед, ощущая азарт преследующего добычу охотника.

Освещенное пространство закончилось вместе с рабочими фонарями, и аллея вновь погрузилась во тьму. Ольга еще некоторое время всматривалась в снег под ногами, но вскоре махнула рукой. Поплутав по парку, она вышла на знакомую площадку к зданию кинотеатра. На этот раз снег не шел, и площадка открылась, как на ладони.

Возле стены темнеют силуэты людей, доносятся отголоски речи. Ольга обратилась в слух, одновременно втянула носом воздух. Негромкая, речь то и дело прерывается смешками, слышны женские голоса. В воздухе разлит тонкий запах алкоголя и ароматизированных сигарет. Раздражение почти улеглось, но не настолько, чтобы предпочесть уединение общению. Постояв в раздумии, Ольга двинулась в сторону людей.

Выглянула луна. Голоса стихли, а люди начали поворачиваться. Сперва оглянулся один, за ним другой, и вскоре все смотрели в ее сторону. Ощущая на себе испытывающие взгляды, Ольга приблизилась. От группы отделился один из парней, раскинув руки, шагнул вперед, воскликнул:

— Кто к нам пришел!

Узнав Александра, Ольга улыбнулась, сказала с подъемом:

— Здравствуй, здравствуй. Давно не видались.

Навстречу выдвинулся Валерий, заглядывая в глаза, произнес искательно:

— Какими судьбами? После того раза я думал ты... — Он запнулся, не решаясь продолжить.

— Забуду суда дорогу? — ехидно поинтересовалась Ольга. — Из-за такой мелочи?

— Ни фиги себе мелочь, — присвистнул один из парней. — Твоих свалила, как делать нечего.

Ольга покосилась на говорившего, смутно припоминая, что во время потасовки он также присутствовал, сказала серьезно:

— Я польщена вашим вниманием, но давайте уже сменим тему, а то подружки ваши, — она мотнула головой на притихших девушек, — уже волком смотрят.

Сашка отмахнулся, сказал со смешком:

— Хоть медведем. После небезызвестных подвигов тебе слова поперек никто не скажет. Самоубийц нет.

Валерий спохватился, сказал поспешно:

— Ведь ты так не сказала, просто гуляешь, или пообщаться пришла?

Ольга ответила с ноткой сомнения:

— Вообще-то просто, но, раз встретились, можно и поговорить.

Не смотря на молодость и некоторую бестолковость собеседников, Ольга ощутила что

пристальное внимание ребят приятно щекочет самолюбие, давно на нее не смотрели с таким откровенным восторгом. Девушки хоть и косились с подозрением, но в бросаемых на Ольгу взорах сквозила скорее зависть чем неприязнь. Возникло давно забытое ощущение души компании, когда ловят каждое слово, ожидая похвалы, или очередной удачной шутки. Захотелось, чтобы народу вокруг стало больше, и не зеленой молодежи, что горазда лишь заглядывать в рот и поддакивать, а людей постарше, располагающих устоявшимися взглядами на жизнь.

Оглядев компанию, Ольга поинтересовалась с ноткой разочарования:

— Что-то не больно-то вас много. А говорили, тусовка — о-го-го! — Она покосилась на Александра.

Тот воскликнул, защищаясь:

— Кто ж знал, что ты заявишься. Было бы больше. Да и не вечер еще, придут, может быть. Тут все же не кружок по интересам. Народ свободный, приходят, когда хотят.

Валера, что в ходе разговора всматривался куда-то в сторону, растянул губы в улыбке, сказал:

— А вот и остальные.

Все завертели головами. Повернулась и Ольга, взглянула на возникшие на выходе одной из аллей, и теперь неторопливо приближающиеся фигуры. Взгляд выхватывает из сумрака силуэты: двое, трое, четверо... Слух улавливает смешки и обрывки слов. Внутри, вместе с привычной настороженностью, рождается радость. Приближающаяся раскованной походкой группка молодежи ощутимо старше присутствующих детей, голоса ниже, речь свободнее.

Вечер заиграл новыми красками, а губы растянулись в улыбку. Среди подошедших Ольга заметила Геннадия. Старый знакомый двигается неторопливо, рядом, держась за руку, идет невысокая полная девушка с брезгливой гримаской на лице. Геннадий высокомерен, то и дело сплевывает на снег, но в обращенных на шагающих рядом парней взглядах мелькает уважение, если не сказать больше.

Ольга сместила взгляд, осматривая остальных. Трое парней шагают первыми, отстав на пару шагов, стайкой следуют подруги. В отличие от девиц одежда на парнях не броская, но добротная, подбитые мехом длинные кожаные куртки, выглаженные в стрелку брюки, высокие зимние ботинки на толстых подошвах, аккуратные кепочки.

На фоне разношерстно разодетой компании парни смотрятся чужеродно, словно к стайке резвящихся детей за какой-то надобностью подошли родители. Ольга смутно удивилась, какой интерес могут представлять подростки для этих солидных ребят? Парни подошли ближе, замедлили шаг. Ольга ощутила на себе заинтересованные взгляды. Особенно пристальный взгляд принадлежит стоящему в центре невысокому парню, что, не смотря на скромные габариты, друзья по обе стороны шире в плечах и на голову выше, явно не последний в группе, а, возможно, и первый.

Парень открыто улыбнулся, сказал:

— Вижу, у нас пополнение.

Его голос, едва слышный, вызывал улыбки на лицах товарищей, а Сашка подскочил, словно подброшенный пружиной, сказал подобострастно:

— Это она, ну, та самая, которая...

Парень недовольно поморщился, отчего Сашка тут же замолк, втянув голову в плечи, шмыгнул в сторону.

Один из парней хохотнул, сказал насмешливо:

— Ген, это же она тебя... ну, ты помнишь.

Лицо Геннадия перекопилось, но он лишь сказал сдержанно:

— Было дело.

— Что ж ты такая суровая, — поинтересовался третий, — за яйца хватаешь, по лицам бьешь?

Ольга ответила в тон:

— Чистая случайность, не более.

Главарь, как уже окрестила про себя Ольга невысокого парня, покачал головой, сказал все также тихо:

— От таких случайностей закономерности не возникает? Скажем, в общении с правоохранительными органами.

Пытаясь понять, к чему клонит незнакомец, Ольга сказала осторожно:

— К стражам порядка обращаюсь лишь в крайнем случае, и сугубо по необходимости. У вас по-другому?

Парни переглянулись, один сказал с непонятной интонацией:

— Похожая ситуация. Только мы и по необходимости не... — Он поперхнулся, ощутив на себе неодобрительный взгляд «главаря», закончил поспешно: — В общем, стараемся не утруждать полицию ненужной работой.

Будто ничего не произошло, «главарь» произнес:

— Меня зовут Леонид, это мои хорошие товарищи: Борис и Тимур. С Геннадием ты уже знакома... — Он помолчал, пережидая насмешливые шепотки, отчего лицо Геннадия пошло пятнами, продолжил: — Ну и девочки наши: Ася, Маша, Лиза, Света.

Не обратив внимания на презрительные взгляды девушек, Ольга представилась:

— Ольга.

— Какое приятное имя, — мгновенно отозвался Борис, широко улыбнувшись. Но, услышав позади сдавленное шипение подруги, добавил поспешно: — Однако, заговорились мы, а стоять-то не жарко. Может, пройдемся, а по пути послушаем, каким ветром Ольгу к нам занесло?

Мороз заметно окреп, услышав предложение, народ обрадовано зашевелился, двинулся нестройной толпой к ближайшей аллее. Вместе со всеми пошла и Ольга. Подростки двинулись первыми, сбившись в тесную кучку, пришедшие девушки замешкались, заметно приотстав, и Ольга оказалась неподалеку от новых знакомых. Сперва парни о чем-то негромко переговаривались, искоса поглядывая на Ольгу, но вскоре догнали, пошли рядом.

Леонид поинтересовался:

— Дети рассказали мне о том что произошло в прошлый раз... Это правда?

Ольга взглянула на собеседника: высокий лоб, невыразительные скулы, мирное интеллигентное лицо, но, не смотря на полуопущенные веки, и вроде бы ленивый взгляд, в глазах поблескивают опасные искры, ответила вопросом:

— Что именно тебя интересует?

Леонид терпеливо пояснил:

— Драка. Разговоры — ваше дело, тем более, о чем можно беседовать с подростками? Но вот драка...

— Говорят, ты просто ас-рукопашник! — весело добавил Тимур. — Хотя, уж прости за откровенность, верю с трудом.

— И правильно делаешь, — откликнулась Ольга.

— Это значит меня обманули? — На лице Леонида отразилось недоверие.

— Скорее, приукрасили. — Спутники выжидательно замолчали, и Ольга пояснила: — Гуляла в парке, нашла ребят, поболтали. Под конец повздорили с какими-то подростками. Не так, чтобы сильно, но пришлось немного помахать руками.

— Немного помахать, это за полминуты раскидать четверых мужиков? Сашка давал руку на отсечение, что не врет, — задумчиво произнес Леонид.

В последних словах Леонида прозвучало явное недовольство. Ольга вздохнула, по хорошему, Сашке не мешало всыпать за излишне длинный язык, ведь просила, чтобы не рассказывал! сказала:

— Хорошо. Помахала не так, чтобы совсем немного, да и не только руками.

Борис оживился, бухнул гулко:

— Во! Наш человек. Может, продемонстрируешь приемчик — другой? А то я тоже занимаюсь. Глядишь, спарринг бы организовали, научила бы чему.

Судя по выражению лица, Леонид хотел сказать товарищу что-то нелицеприятное, но Ольга успела раньше, произнесла с прохладцей:

— Это было давно. Я ничего толком и не помню. Да и не получилось бы спарринга.

— Это почему же? — поинтересовался Борис с заметным сарказмом.

Ольга окинула оценивающим взглядом массивную фигуру спутника, сказала с запинкой:

— Ты значительно больше меня, и тяжелее минимум в два раза.

Борис осклабился.

— Так я в полную силу и не предлагаю. Так, помахаться чуток...

Пропустив фразу мимо ушей, Ольга закончила жестко:

— Таких противников учили вырубать с тычка.

Глядя на обескураженную физиономию Бориса, парни заржали так громко, что с заснеженных тополей неподалеку вспорхнула стая ворон, а ушедшие далеко вперед подростки начали испуганно оглядываться.

— Допонтовался? — едко поинтересовался Леонид.

С трудом сдерживая гнев, Борис выдавил:

— Языком все трепать горазды. Когда же до дела доходит...

Ольга ощутила, как внутри вновь зашевелился колючий шар раздражения, сказала сухо:

— Никогда не понимала, почему любой, хоть немного знакомый с рукопашным боем, тут же рвется продемонстрировать свои навыки на окружающих. Особенно, если это мужчина. И чем моложе, тем желание яростнее.

— Возможно, в этом есть некий биологический контекст, — произнес Леонид, с интересом присматриваясь к собеседнице.

— Конечно. — Ольга кивнула. — Мужчины на то и мужчины. Только, порой, это изрядно раздражает. Почему-то никто не рвется показать, как хорошо умеет строить, или учить, даже если навык на высшем уровне. Но лишь дай возможность выбить друг другу сопля — отбоя не будет.

Тимур сказал уважительно:

— А ты умная, для девки. Уж извини за прямоту. От наших такого и не слышал.

Борис хмыкнул, пробасил:

— Когда за слова ответить не можешь, чего б не посвистеть. Базар всякий может развезти, а как по соплям дадут, тут же язык в жопу втягивает.

Леонид нахмурился, сказал неодобрительно:

— Борис, следи за словами. Ты сегодня излишне груб.

Борис взорвался:

— А чего я-то, я чего? Это ты ей скажи. Она ж меня в грязь макает, знает, что в рожу дать не могу! — Он повернул голову, рявкнул: — Слышь, девушка. Я, конечно, парень воспитанный, но лучше не доводи. Хорошим не кончится.

Колючий шар внутри, что на протяжении вечера то спадал на нет, то вновь разрастался, напряжился, вспух, и... взорвался. Из глубины пошла, стремительно расширяясь, темная волна ярости. Мышцы закаменели, а челюсти свело так, что Ольга прошипела, с трудом выдавливая слова:

— Хочешь драчки? Сейчас будет.

Пытаясь загасить разгорающийся конфликт, Тимур примирительно произнес:

Ребята, ну что вы, в самом деле, как маленькие? Из-за какой-то мелочи и ругаться.

Леонид промолчал, не найдя слов, а может, просто ожидая продолжения. Зато Борис оскалился, довольно прогудел:

— Вот, это я понимаю. Сейчас и посмотрим, кто что-то может по настоящему, а кто лишь языком горазд.

С трудом сдерживая захлестывающее с головой бешенство, Ольга недвижимо стояла, наблюдая, как будущий противник поспешно снимает шапку, куртку, складывает вещи на ближайший куст, начинает разминаться.

Их действия привлекли внимание. Подтянувшись, остановились неподалеку девушки,

вернулись и ушедшие вперед, скупчились, с испугом глядя на непонятные приготовления. Тимур нахмурился, сказал, обращаясь к Леониду:

— Может, стоит остановиться? Я, конечно, не знаю, что умеет Ольга, но весовая категория немного не та, не находишь?

Леонид замедленно повернул голову, сказал мягко:

— Насколько я успел заметить, наша новая знакомая разумная девушка, и она бы не решилась на подобное, не имея в рукаве козыря.

— Если только у нее топор в рукаве, или обрез. Тогда конечно... — проворчал Тимур в сомнениях. — Но, по-моему мнению...

Маска спокойствия слетела с Леонида, оскалившись, он прошипел:

— Засунь мнение себе в задницу, и отойди. После разберем.

Схватив товарища за руку, он потащил его в сторону, освобождая пространство для боя. Качая головой, и что-то бурча под нос, Тимур нехотя поплелся следом. Они остановились возле девушек, что перешептывались, и негромко хихикали, указывая на Ольгу руками. Тимур вздохнул, взглянул туда, где, отделенные пространством с бойцами, скупчились подростки.

— Ну что, я готов, — произнес Борис бодро. Не дождавшись ответа, процедил: — Молчание — знак согласия. — Танцующей походкой двинулся на сближение.

Ольга не сдвинулась ни на сантиметр. Глаза замедленно скользят по «болельщикам». Девушки стоят со скучающим видом, на лицах, прикрытая деланным безразличием, радость от предстоящего унижения соперницы. Тут же расположились парни, морщится лишь Тимур, Леонид с Геннадием замерли в ожидании: Геннадий с мстительной улыбкой, Леонид с болезненным любопытством. С противоположной стороны толчется молодежь, глаза широко раскрыты в предвкушении зрелища.

В поле зрения возникает фигура противника, подсвеченная луной и далеким фонарем, четко выделяется на фоне заснеженных деревьев. Лицо сосредоточено. Похоже, он и вправду чем-то там занимался, движения мягкие, глаза следят неотрывно. Что ж, тем лучше. Чем враг сильнее — тем победа приятнее.

Руки подрагивают от переполняющей яростной силы. Мысли исчезли, уступив место инстинктам. Зверь внутри шевельнулся, готовясь к схватке, не той, что представляют себе насмотревшиеся телевизора парни, эффектно пиная грушу и принимая вычурные позы перед зеркалом, а настоящей, когда враги стремительно схлестываются, выплескиваясь в убийственном ударе, после которого на ногах остается лишь один.

Пропали звуки, зрители исчезли за периферией зрения, мир сузился до фигуры врага. Отсекая лишние детали, сознание сконцентрировалось на противнике. Могучий самец, притопывая, перемещается взад-вперед, красиво помахивает ногами. Улыбаясь товарищам, отводит взор в сторону, ненадолго, всего на мгновение, но этого достаточно. Красивые жесты и поединки по правилам устраивают на потребу толпе, зарабатывая деньги или теша самолюбие, но настоящий бой не таков.

Улучшив момент, зверь прыгнул. Мгновенное напряжение сил, когда за доли секунды тело смещается к цели, покрывая разделяющее расстояние в безудержном рывке. Удар ногой в уязвимую точку, туда, где нет костных наростов, а мышцы отступают, оголяя незащитный сустав. Нога противника подламывается, сворачивается под неестественным углом. Замедленно, словно влипнув в густую смолу, он поворачивает голову. Нервные волокна еще не успели передать сигнал боли, и в глазах удивление. Враг обездвижен, но все еще опасен.

Натренированные упражнениями, его мышцы достаточно сильны, чтобы сдвинуть, сломать, расплющить хрупкое тело противницы.

Еще удар. В центр лица, снизу-вверх, туда, где наименее укрепленная, и, одновременно, наиболее болезненная часть, в нос. Сминаемый, под костяшками пальцев хрустит хрящ. Алые брызги взмываются фонтаном. Но, стоящий враг — опасный враг. Колено с силой выстреливает, врезаясь в грудь противнику. Ногу простреливает болью отдачи, а противник, вздрогнув всем телом, заваливается навзничь.

Не в силах сдерживаться, тело изгибается в экстазе. Зверь внутри бьется, исполненный яростной радости, пьянящее чувство победы захлестывает с головой, окрашивая мир в багровые оттенки, а из горла рвется животный рык. Мгновения счастья тянутся и тянутся, но, рано или поздно, всему приходит конец. Мир возвращается скачком, уши наполняются шорохами, а в поле зрения выплывают испуганные лица.

Мышцы еще подрагивают, тело возвращается к привычному состоянию не сразу. Испачканные мокрым, пальцы прихватывает мороз. Ольга подняла руку, с удивлением взглянула на багровые, в плохом освещении парка, почти черные капли, безотчетно слизнула. Солоноватый привкус с нотками сладости и чем-то терпким несколько мгновений держался на языке, затем истаял, разбавленный мощной порцией слюны.

Ольга обвела взглядом спутников: застывшие лица, распахнутые рты, испуганные глаза, сказала сухо:

— Пожалуй, я попрощаюсь. Прогулка себя исчерпала, да и у вас найдутся дела поважнее. — Она кивнула на поверженного, что, конвульсивно подергиваясь, слепо шарил руками вокруг, щедро орошая снег кровью.

Ольга развернулась, ни на кого не глядя, двинулась в обратном направлении. Перед ней расступились. Не прозвучало ни единого слова. И лишь когда компания скрылась из виду, отрезанная плотной стеной заснеженных елок, до слуха долетели крики ужаса, среди которых отчетливо выделялся мужской голос, отдающий короткими звучными распоряжениями.

Ольга некоторое время вслушивалась, пока, приглушенные расстоянием, голоса не смешались, превратившись в едва слышимый шум, после чего прибавила шаг, пошла, более не отвлекаясь. В душе царил умиротворение, мучавший на протяжении всего вечера колючий шар исчез, а голова казалась пустой и легкой, лишь где-то глубоко внутри, едва осознаваемое, угнездилось нечто неведомое, но опасное.

Ольга некоторое время прислушивалась к себе, пытаясь понять природу ощущения, но вскоре отвлеклась, а немного позже исчезло и ощущение, вытесненное привычным водоворотом мыслей.

Когда она вернулась домой, Ярослав вышел в коридор, некоторое время смотрел со странным выражением, но, так ничего и не сказав, ушел обратно. Из прихожей Ольга напрямую прошла в ванную, ополоснула руки. Комкая в руках полотенце, взглянула в зеркало: покрасневшие щеки, сияющие глаза, припухшие губы... Прогулка отразилась на внешности самым лучшим образом, омолодив и значительно добавив привлекательности.

Ольга покачала головой. Приятное изменение внешности, пусть и временное, не могло ни радовать, но со стороны должно быть выглядело двояко. Вспомнив выражение лица, с каким ее встретил Ярослав, Ольга ощутила укол совести. Переполюнявивший до прогулки гнев полностью выветрился, накатила усталость, захотелось устроиться где-нибудь в уютном месте, ощутив живое тепло, задремать под убаюкивающую мелодию неспешного разговора.

Затворив за собой дверь в ванную, Ольга прошла по квартире в поисках товарища.

Ярослав сидел на диване, переключая каналы, но, судя по рассеянному выражению лица и отвлеченному взгляду, мыслями пребывал далеко от мелькающей на экране картинке. Услышав шорох, он повернулся, увидев Ольгу, растянул губы в улыбке, сделал приглашающий жест.

Ольга тихонько приблизилась, села. От друга повеяло такой защищенностью, что она прижалась теснее, опустила голову ему на плечо, ощущая ухом едва уловимые толчки сердца, закрыла глаза. Ярослав усмехнулся, отложив пульт, потрепал рукой волосы, отчего стало совсем-совсем хорошо, так что захотелось замурлыкать. Ольга вздохнула, сказала чуть слышно:

— Извини. Что-то последнее время я нервная стала. Даже не знаю с чем связано.

Продолжая теревить волосы, отчего по телу волнами разбегались мурашки удовольствия, Ярослав ответил:

— Ничего. У всех, раньше или позже, чаще или реже, такое бывает.

— Даже у тебя? — поинтересовалась Ольга чуть слышно.

Ярослав пожал плечами, отчего голова, в такт движению, мягко поднялась и опустилась, ответил:

— А чем я лучше? Порой, накатывает такое... Думаешь — на кой оно нужно? Вечные поездки, когда сутками перед глазами лишь трасса, постоянная спешка — быстрее, быстрее! Сон урывками, боль в пояснице, и въевшийся в руки, от постоянной починки мотора, мазут.

Ярослав разволновался, от плеча пошел жар. Успокаивая, Ольга погладила друга по руке, сказала мечтательно:

— А мне всегда казалось, что дальнобойщик романтическая профессия. Бесконечная дорога, проплывающие за окном города, веселые попутчики... Разве не так?

Успокаиваясь, Ярослав несколько раз глубоко вздохнул, ответил:

— Как сказать. И да, и нет. Как и в любом деле, есть свои плюсы и свои минусы. Хотя, конечно, не будь это моим, давно бы уже бросил, тем более, что в последнее время дела у нашей конторы идут не важно.

Он замолчал, послышался шорох, обоняния коснулась волна сладкого запаха, отчего в носу засвербело. Ольга невольно открыла глаза, перед глазами маячит яркое пятно, чуть отодвинув голову, сфокусировала зрение. Яркая конфета-леденец в прозрачной обертке.

Конфета помоталась перед глазами, послышалось недовольное:

— Так ты будешь? А то сам съем, мне не долго.

Ольга осторожно взяла конфетку, маленькая, с ноготь большого пальца, сладость напоминает пуговку, освободив от обертки, забросила в рот. По языку растеклась кислинка, а рот наполнился свежестью, будто она перенеслась на летнюю лесную поляну, вдохнула наполненного запахом пыльцы и ароматами разнотравья воздуха.

Закрыв глаза, Ольга прошептала:

— Как вкусно!

— Понравилось? — в голосе Ярослава мелькнула гордость. — Уж не помню где и купил. Захочешь еще — бери, тут хватит.

Неподалеку загремело, словно трясли металлическую коробку со стеклянными шариками. Ольга ощутила мгновенное желание посмотреть, но перелазить через Ярослава не хотелось, и она лишь пошевелилась, устраиваясь, сползла с плеча. Голова удобно устроилась на ноге у друга, а спустя мгновение сверху опустился плед. Ощущая бесконечное блаженство, Ольга задышала ровнее. Ярослав еще что-то говорил, но слова пробивались в сознание с

трудом, убаюкивали, сливаясь в журчащий ручеек. Последние крошки леденца распались сладкими каплями, и она мягко погрузилось в царство снов.

* * *

С утра Ольга подхватила, взглянув на часы, ахнула. Без четверти девять. Через пятнадцать минут необходимо быть на рабочем месте, а она даже не вышла из дома! Она встала, двинулась в ванную. Не смотря на яростно бьющуюся мысль — опоздала — тело повинуется с трудом: ноги заплетаются, глаза закрываются с такой силой, словно на них подвесили гири. Хочется прилечь, хотя бы ненадолго, всего на чуть-чуть.

Позыв ко сну оказался столь силен, что Ольга заколебалась, остановилась на середине пути, с сомнением глядя назад. Но чувство долга пересилило. Чувствуя, как рвутся связавшие за ночь с кроватью невидимые узы, Ольга добралась до ванны, кое-как, на ощупь, нащарила кран, переключив на душ, полезла в ванную.

Вода полилась сперва теплая, усилив и без того сонное оцепенение, но вскоре охладела, а потом и вовсе из душевого распылителя посыпалось ледяное крошево. Ольга замычала, преодолевая сильнейшее желание выброситься из ванной вместе с полупрозрачной защитной шторкой прямо на твердые плитки кафеля. Когда казалось, что вместо воды из душа течет сжиженный азот, а тело промерзло до самой сердцевины, Ольга повернула ручку, с трудом выбралась наружу.

Наскоро обтеревшись, Ольга вышла из ванной, в очередной раз убедившись в живительных свойствах холодной воды, двинулась на кухню. Прошло всего пять минут, но торопиться смысла не было. До работы — минимум полчаса, и то, если повезет, а если нет, можно добираться и час.

Чайничек, что она поставила прежде чем пойти в ванную, весело засвистел. Ольга открыла шкаф, рука потянулась к пачке кофе, но не дошла, остановилась раньше. По опыту Ольга знала, что кофе в подобной ситуации приносит больший эффект, но почему-то сильно захотелось чая. Плюнув на эффективность, Ольга вытащила пакет с украшенной иероглифами картинкой, сполоснув чашку кипятком, сыпанула содержимое, тут же залила, с интересом наблюдая, как скрученные в шарики, чайники начинают набухать, расправляться, стремительно увеличиваются в объеме.

Прикрыв чашку крышечкой, Ольга села, прислушалась к ощущениям. Не смотря на ледяной душ, тело так и не проснулось, движения заторможены, мысли движутся замедленно, словно засыпающие на зиму мухи, а предметы, на которых останавливается взгляд, расплываются, и требуется время, чтобы контуры обрели привычную четкость.

Воздух наполнился тонким ароматом. Ольга подвинула чашку, сняла крышечку. Потягивая обжигающую, насыщенную терпкими нотками жидкость, Ольга пыталась понять причину столь странного состояния. Но на ум, кроме вечернего происшествия, ничего не шло. Короткая потасовка, да и вся прогулка в целом, казались окутанными густым туманом, и при попытке вспомнить, смешивались и расплывались, превращаясь в нечто нечеткое.

Так ничего и не решив, Ольга отставила опустевшую чашку, решительно двинулась одеваться. Спустя пять минут она уже выходила из квартиры, а еще через минуту уже стояла на остановке в ожидании транспорта.

Не смотря на обилие транспорта, нужный маршрут упорно не подходил. Ольга стала

прикидывать, как добраться на перекладных, когда неподалеку бибикнуло, затем еще и еще, явно привлекая чье-то внимание. Люди начали вертеть головами, шушукаться. Когда бибикнуло в пятый раз, не выдержала и Ольга, повернулась, в раздражении отыскивая глазами неугомонного водилу.

Взгляд наткнулся на стоящую поодаль иномарку. Плавные обводы, отмытый до зеркального блеска корпус, из-за приспущенного стекла высовывается физиономия водителя, кривит в улыбке губы. Взгляд по инерции прошел дальше, осматривая припаркованные следом машины, рывком вернулся назад. Вспышкой мелькнуло понимание. Владимир!

Заметив, что его узнали, Влад зашевелил губами яростнее, догадавшись, что его не слышно, выпростал руку, замахал. Ольга поспешно двинулась к машине, не в силах сдержать улыбку, произнесла:

— Привет! Вот уж не ожидала.

— Сам удивляюсь, — ответил Влад в тон. Окинув Ольгу взглядом, поинтересовался: — На сегодня взяла отгул, или проспала?

Ольга развела руками, сказала уныло:

— Прospала. Но, ко всему прочему, еще и транспорта нужного нет.

Владимир покачал головой, сказал скептически:

— Так что ж ты тогда стоишь, разговоры разговариваешь?

Ольга моргнула, спросила непонимающе:

— А что мне нужно делать?

Влад закатил глаза, сказал со вздохом:

— Вот ведь непонятливая. Садись, подброшу!

Ахнув, Ольга стремительно влетела в салон. Едва за ней захлопнулась дверца, машина тронулась, рванула, набирая обороты.

Поглядывая в зеркало заднего вида, Владимир вырулил на крайнюю полосу, погнал, играючи обходя попутки. Ловко подрезав очередную легковушку, он сказал с улыбкой:

— Давно не виделись. Как у тебя дела?

С некоторым опасением наблюдая за маневрами водителя, Ольга откликнулась:

— Завал, как обычно. Хотя, по сравнению с новогодними праздниками, намного, намного легче. — Спohватившись, поинтересовалась: — А у тебя что? На работе не появляешься, в гости не заходишь. Уволился?

Сбросив скорость, Влад крутанул руль, вжимаясь в узкое пространство между машинами, вновь газанул, ответил:

— Все там же, и даже повышение получил.

— Поздравляю. — Ольга улыбнулась. — И как тебе на новой должности, сытно?

— Сытно-то сытно, только работы прибавилось, раза в два, и беготни... в четыре. Гоняют по объектам, присесть некогда. — Он мельком обернулся, сказал с улыбкой: — А ты чего позади сидишь, как не родная? Перелазь сюда, все говорить удобнее.

Ольга вздрогнула, сказала поспешно:

— Знаешь, мне и здесь неплохо. Места больше, да и обзор шире.

— Как знаешь. — Владимир пожал плечами. — Некоторые сзади сидеть не могут.

— Я не из таких, перетопчусь как-нибудь, — заверила Ольга с улыбкой.

Став серьезным, Владимир поинтересовался:

— Кстати, как у тебя со здоровьем?

— Вроде, в порядке. А что такое? — спросила Ольга с удивлением.

Пристально взглянув на спутницу в зеркало заднего вида, Вадим сказал:

— Доктор интересовался. Ну, помнишь, знакомый мой. Недавно его видел.

Ольга подалась вперед, спросила с живейшим любопытством:

— И что он говорил? Что-то конкретное, или так, в профилактических целях.

Водитель сказал с запинкой:

— Ну, разное. Терминами сыпал, я не разобрался толком.

Обеспокоенная его тоном, Ольга нахмурилась, сказала сердито:

— Влад, не тяни. Если что-то не так, говори прямо. Я не девочка, чтобы в обморок падать.

Спутник помолчал, сказал нехотя:

— Он сильно извинялся, и наговаривал на себя, но... В общем, как показали последние исследования, лекарство, что он тебе давал, обладает сильнейшими побочными эффектами.

Чувствуя, как в животе похолодело, Ольга пробормотала:

— Побочными эффектами... — В памяти мгновенно всплыли все, даже самые мелкие неприятности со здоровьем, включая и нынешнее состояние.

Словно ощутив происходящее в душе спутницы, Влад сказал поспешно:

— Не переживай. Ему нужно тебе что-то сказать, или дать, я не понял точно.

— Сильные побочные эффекты, говоришь... — пробормотала Ольга чуть слышно.

Усилив воли согнав возникший ступор, сказала с деланным подъемом: — Раз я еще на ногах, значит не все так плохо. Ты что-то говорил? Прости, не расслышала. Повтори, если не сложно.

Наблюдая в зеркало заднего вида за сменой эмоций на лице пассажирки, Влад покачал головой, сказал подчеркнуто медленно:

— Он хочет с тобой встретиться. Подробности не знаю. Спрашивал, но он не ответил, просил, чтобы сама заглянула. — Он посопел, сказал обиженно: — Вообще, хорош товарищ. Нет, чтобы напрямую сказать. С этой работой безумной, я ж не знаю, когда пересечемся. А если что серьезное? Мучайся потом...

Ольга слабо улыбнулась.

— Так ты меня специально караулил, чтобы предупредить?

Водитель помолчал, сказал с неловкостью:

— Ну, вроде того. Хотя и не без собственной выгоды. У меня тут дела рядом.

Ольга подалась вперед, чмокнула спутника в щеку, сказала с чувством глубокой благодарности:

— Влад, в который раз ты меня выручаешь.

Спутник поморщился, отмахнулся.

— Ладно, ладно. Засмущаешь сейчас, сверну не туда. А к врачу обязательно сходи. Чем скорее, тем лучше. Кстати, — его лицо озарилось, — а не сходить ли тебе к нему прямо сейчас?

Ольга опешила, откликнулась эхом:

— Прямо сейчас... А как же работа?

Влад дернул головой, сказал с ноткой раздражения:

— Все равно опаздываешь. Ну, придешь на четверть часа позже, что изменится? — Заметив на лице спутницы сомнения, добавил: — Хотя, делай как знаешь. Если тебе здоровье не нужно, что тут сказать. Да и чего я, в самом деле, бегаю, жду, договариваюсь?... Был бы толк.

Ощувив, что Влад обиделся, Ольга смутилась, память услужливо выдала все случаи, когда спутник проявлял участие в ее судьбе, осторожно подбирая слова, сказала:

— Пожалуйста, не обижайся. Просто, я очень серьезно отношусь ко всему, что связано с работой, ведь на текущий момент это моя единственная возможность для самовыражения и источник дохода. К тому же, то, что она у меня есть, во многом, да что там, почти во всем, твоя заслуга! И я не хочу, чтобы мои недочеты негативно отражались на тебе, пусть даже и не напрямую.

Влад вздохнул, сказал с пониманием:

— Ладно, что уж там. Я ж знаю — насильно мил не будешь, но, всякий раз спотыкаюсь со своей не нужной помощью.

Ольга секунду помолчала, взвешивая ситуацию, сказала:

— А вообще ты прав. Самоубийство не входит в мои планы, поэтому, если еще не передумал, подбрось к своему товарищу, ну, или высади, где ближе.

Ощувив в ее голосе деловые нотки, Владимир мельком обернулся, блеснул белозубой улыбкой, сказал с подъемом:

— Во! Совсем другое дело. А то — работа, работа... А жить-то когда?

Он крутанул руль, так что машину ощутимо занесло, погнал, перестраиваясь. Свернули на небольшую улочку, затем вообще заехал в какие-то дворы. Ольга с интересом ожидала, когда наконец они попадут в тупик, или застрянут в непролазных сугробах. Но Влад, похоже, знал местность, как свои пять пальцев. Покрутившись по закоулкам, они выехали на проспект, а через минуту уже стояли возле витрины со знакомым лицом на вывеске.

Ольга взялась за ручку, произнесла с благодарностью:

— Спасибо. Ты, наверное, не жди меня. И так время потратил.

Влад отмахнулся, сказал с досадой:

— Постою, не рассыплюсь. Коль ввязался, буду мучиться до конца. — Заметив, что спутница хочет что-то сказать, замахал руками, добавил поспешно: — Иди — иди, быстрее зайдешь, быстрее выйдешь.

В холле тепло и тихо, воздух наполнен запахами лекарств. Сидящая за пластиковой стенкой справочной девушка подняла глаза, взглянула с вежливым ожиданием. Ольга приблизилась, поинтересовалась:

— Я к доктору Пахомову, он... у себя?

Девушка кивнула, сказала приветливо:

— Конечно. У него сейчас пациент, но это не займет много времени. Проходите, раздевайтесь.

Ольга кивнула, отошла к гардеробу. Избавившись от верхней одежды, она нацепила бахилы, подошла к диванчику. Сидеть не хотелось, и Ольга двинулась вдоль коридора, поглядывая на многочисленные плакаты и схемы, во множестве развешанные по стенам. Когда она пошла на третий круг, скрипнула дверь, послышались голоса. Ольга повернулась, дождавшись, когда пациент, дородный мужчина с крупным, мясистым лицом, выдвинулся из кабинета, гулко хохотнув, с довольным видом направился к выходу, подошла к двери.

Доктор не успел захлопнуть дверь, и с неопределенным выражением лица смотрел вслед мужчине, заметив нового посетителя, улыбнулся, дежурно произнес:

— Вы ко мне? Заходите, пожалуйста.

Повернувшись, он зашагал вглубь кабинета. Ольга зашла, притворив дверь, произнесла с запинкой:

— Простите, у меня немного времени, но... Влад сказал, вы хотели встретиться.

Врач повернул голову, несколько мгновений всматривался, воскликнул с чувством:

— То-то я думаю, лицо знакомо! Конечно, конечно, проходите, присаживайтесь.

Ольга спросила с подъемом:

— Полагаете, новость лучше выслушать сидя?

Доктор натянуто улыбнулся, сказал поспешно:

— Да, да, конечно. Влад, наверное, вам уже передал. И, не исключено, что приукрасил.

Пристально глядя в лицо врачу, Ольга с расстановкой произнесла:

— Не знаю, насколько он приукрасил, но услышанное мне, мягко говоря, не понравилось.

Под ее взглядом доктор виновато съежился, сказал:

— На самом деле не все так страшно, но... давайте я расскажу, как есть. Мне кажется, вы поймете правильно.

Ольга задумалась. Происходящее нравилось все меньше, но врач вызывал доверие, к тому же, в любом случае, хочется того или нет, информацию необходимо выслушать, пусть даже самую неприятную, а уж что делать с полученным знанием она решит после. Решившись, Ольга присела, сказала кротко:

— Хорошо, я слушаю.

Врач кивнул, словно и не ожидал иного, прошелся по кабинету, заложив руки за спину, сказал:

— Видите ли, несмотря на невероятный, по сравнению другими отраслями наук,

прогресс, обусловленный насущной необходимостью человечества и, соответственно, достойным материальным обеспечением, медицина не застрахована от ошибок. На выделенные для исследований деньги создаются огромные институты, подбираются специалисты высочайшей квалификации, используется самое последнее оборудование, но даже это не может полностью исключить досадных просчетов.

Ольга дернула плечом, сказала со сдержанным нетерпением:

— Это все очень интересно, но нельзя ли ближе к теме?

— Да, да, конечно. — Врач заторопился, помолчал, собираясь с мыслями. — Лекарство, что я вам прописал, надо сказать, довольно редкое и дорогое, разрабатывалось и производилось для внутренних нужд военных структур. Каких — не скажу, не важно, да и вряд ли точно вспомню. Само собой, что подобные препараты, прежде чем запускаются в производство, проходят особо тщательную проверку: сперва на животных, затем на добровольцах. Наблюдения и анализы записывают, подопытных сопоставляют, анализируют.

В общем, не буду утомлять перечислением маловажных деталей... Надеюсь, вы уже поняли, что я злоупотребил вашим временем не от пустой прихоти. Экспериментальная база данного препарата такова, что мне даже в голову не пришло сомневаться в его качестве!

Ольга кивнула, показывая, что слушает, сказала кратко:

— И что же?

Врач всплеснул руками, воскликнул:

— А то, что я давал это лекарство не только вам! Уж простите за сравнение, но если вы можете вот так, спокойно, выслушать, то есть люди, которых не интересует, что это вина производителя, вернее, разработчика. Они придут ко мне, и потребуют ответа в самой жесткой форме. — Он рванул ворот рубахи, словно в комнате вдруг стало очень душно, сдавленно произнес: — Простите, это мои личные дела к вопросу не относящиеся.

Ольга качнула головой, сказала замедленно:

— Я понимаю ваши опасения. Доводилось иметь дело с подобными людьми. Но все же прошу, не отвлекайтесь. Я опаздываю на работу.

Собравшись с силами, доктор продолжил:

— Благодарю. Что-то я сегодня излишне взволнован, надо принять успокоительное. Так вот, не далее чем позавчера мне приходит информация. Естественно, не из первых рук. Что у принимающих препарат людей начались проблемы со здоровьем. Проблемы разной степени сложности. Но это только начало. Что будет дальше — никто не знает.

Пытаясь осмыслить услышанное, Ольга осторожно произнесла:

— Простите мою бестолковость, я так и не поняла о каких проблемах речь. Не могли бы вы описать симптоматику, хотя бы в общей форме?

Врач взмахнул руками, воскликнул:

— Ах! Я и так уже сказал слишком много. Не хочется запутывать вас терминологией и попусту пугать. Давайте лучше вы мне расскажете о своем здоровье, начиная с момента, когда стали принимать препарат. Я же пойму, есть ли в организме отклонения, и определюсь с реабилитирующими препаратами.

Ольга помедлила, припоминая, после чего, стараясь не путаться, по порядку перечислила все, что, по ее мнению, могло заинтересовать врача. Доктор внимательно слушал, качал головой, что-то записывал в журнал, порой, просил объяснить подробнее, не пропуская мелочей.

Сперва Ольга собиралась поведать лишь о самом важном, но уютная атмосфера

кабинета расслабляла, а врач слушал с таким живейшим интересом, что, разохотившись, рассказала почти обо всем. Ускользящие от внимания в обычной жизни, но откладывающиеся на подкорке, из глубин памяти всплыли многочисленные детали: мышечные боли, приступы слабости, резкие смены настроения...

Рассказывая, Ольга удивлялась, насколько много, оказывается, изменений произошло в ее организме за последнее время. Не приученная пугаться болезней, она всегда спокойно реагировала на недомогания, не спеша набивать желудок лекарствами, и тело отвечало взаимностью. Простуды, едва начавшись, проходили сами собой, грипп обходил стороной, а проблемы с кожей, столь характерные для подросткового возраста, и вовсе казались надуманными: глядя на измученных борьбой с угрями подружек, Ольга лишь пожимала плечами.

И вдруг, оказалось не все так гладко, недомогания нахлынули лавиной, а организм изнемогает от неведомых болезней. И все же, не смотря на сонм перечисленных симптомов, в плачевное состояние собственного здоровья Ольга верила с трудом. Редкие приступы страха, головокружение и ломота в мышцах еще не повод жаловаться. Что же до ухудшения здоровья людей в неведомой стране... Мало ли что, и в каких количествах они принимали за свою жизнь, помимо указанного препарата.

Ольга замолчала, вопросительно взглянула на врача. Тот еще некоторое время заполнял журнал, затем отложил ручку, мельком проглядел записи, после чего поднял голову, сказал с чувством:

— Благодарю. Вы мне очень помогли. Действительно, симптомов достаточно много, чтобы делать однозначные выводы, но кое-какие вещи все же совпадают.

— Я буду жить? — поинтересовалась Ольга с подчеркнутой серьезностью.

Врач всплеснул руками, воскликнул:

— Что вы! Конечно будете. Все не настолько плохо, да и не так долго вы принимали препарат, чтобы... — Заметив озорные искры в глазах собеседницы, он прервался, сказал с виноватой улыбкой: — Видите, совсем замотался. Уже и юмора не могу различить. Сейчас, минутку...

Ольга с интересом наблюдала, как врач вытащил из ящичка стола связку ключей, отошел к дальнему шкафу, погромел, выбирая нужный. Отперев дверцу, он некоторое время копался, перебирая коробки, выбрав одну, вернулся.

— Это мне? — поинтересовалась Ольга, принимая коробочку.

Присев на краешек стула, доктор подался вперед, сказал доверительно:

— Это мощный препарат. Этой порции хватит, чтобы гарантированно остановить запущенные в организме разрушительные процессы. Единственно, что, в отличие от прошлого, этот вам придется ставить ежедневно, желательно, перед сном.

Ольга чуть встряхнула коробку, внутри булькнуло, сказала:

— Так же, как и раньше, внутримышечно?

— Да — да, — доктор закивал, — все то же самое. Ставьте, пока не кончится.

— А что потом? — Ольга взглянула пытливо.

Доктор развел руками, сказал, заметно смутившись:

— Это очень дорогой препарат. Одну коробку я вам дарю в качестве компенсации, но больше, уж извините.

— Но вы же сказали, этого должно хватить?

На этот раз Ольга смотрела уже требовательно, так что врач ответил сухо:

— Скорее всего хватит. Сто процентной гарантии я дать не могу, по-разному бывает. Но ничто не помешает вам приобрести еще, если останутся какие-то неприятные ощущения, или просто в качестве профилактики.

Ольга повертела в руках коробочку, сказала с сомнением:

— Что ж, будем надеяться, что ошибка окажется последней, и мне не придется тратить половину зарплаты на новый антидот, после очередной «непредвиденной» информации.

Лицо врача пошло пятнами, но он сдержался, мягко произнес:

— Я тоже на это очень рассчитываю. Еще раз извиняюсь, и, если у вас не осталось вопросов...

Поняв, что прием окончен, Ольга встала, попрощавшись кивком, вышла из кабинета. Когда она покинула клинику, машина Владимира стояла на прежнем месте. Ольга подошла к автомобилю, взялась за ручку. Едва за ней захлопнулась дверца, машина тронулась, мягко качнувшись, отошла от тротуара. Водитель выдохнул, сказал с уважением:

— Серьезно он за тебя взялся. Я уж думал, помру в ожидании. — Не услышав ответа, Влад покосился в зеркало заднего вида, спросил чуть громче: — Как прошло-то?

Оторванная от мыслей, Ольга вздрогнула, поспешно ответила:

— Прости пожалуйста, задумалась.

— Как прошло, говорю? — Влад вновь глянул в зеркало, добавил с усмешкой: — Чем вы там вообще занимались, ты едва шевелишься?

Ольга отмахнулась.

— Так, поболтали немного. Он все больше о медицине говорил.

Владимир с интересом ждал продолжения, даже разок обернулся, но, заметив, что спутница вновь впала в раздумья, лишь покачал головой, и больше не задавал вопросов.

Глядя на проплывающие за окном заснеженные кустарники, Ольга задумалась. Поведение врача вызвало определенные сомнения, но, в целом, выглядело естественно. Подчеркнутая заботливость, с какой он отнесся к случайной пациентке, поначалу настораживала, но после оговорки о «серьезных людях» все стало на места. Ольга улыбнулась, вспоминая, как внимательно доктор слушал и конспектировал ее сумбурную речь, по всей видимости, подготавливая почву для общения с более суровыми и менее расположенными к разговорам пациентами.

Определенные сомнения вызывало и подробное объяснение об истоках препарата, излишнее, для далекого от медицины человека, способное, скорее, напугать, чем поддержать и ободрить. Ольга некоторое время размышляла на эту тему, но, так ни к чему и не пришла, в

итоге списав избыточность информации на повышенную нервозность врача. Осталось решить, когда именно начинать принимать противоядие и начинать ли вообще. Испуг врача хоть и произвел определенное впечатление, но окончательно все же не убедил.

Прислушавшись к себе, и не почувствовав ничего необычного, Ольга взглянула на кругляш часов приборной панели, сказала с досадой:

— Однако, заболтались мы с доктором. Это уже не на опоздание тянет — на прогул.

Влад ободрил:

— Ради здоровья можно. — Помолчав, добавил вкрадчиво: — Ну, раз не хочешь посвящать в подробности, твое право, скажи хоть, как прошло в целом, ничего страшного? Уж больно он напряженно держался, когда последний раз виделись.

Ольга ответила кротко:

— Не без причины. Но, это больше его проблемы, чем мои.

Владимир покивал, сказал задумчиво:

— И я также подумал. Ответственная у врачей работа, чуть что не так — виноват. Больные ругаются, родственники приходят, штрафом грозят, а то и судом.

— Не у них одних, — чуть слышно отозвалась Ольга.

Не услышав, или не обратив внимания на фразу, Влад продолжил с подъемом:

— Недавно передачу смотрел, о новейших достижениях генетики. Рассказывали и показывали такое, что в голове не укладываются: расшифровывают геном, растят мутантов, клонируют животных. — Он помолчал, добавил уже менее восторженно: — Хотя и ошибки там намного опаснее, а последствия серьезнее, и, главное, гораздо быстрее.

— Например?

— Например, выпишут человеку какой-нибудь не прошедший достаточную проверку препарат. Он, довольный, примет. Вроде и симптомы пройдут, и легче станет. И все бы хорошо, он уже и забыл о лечении, а в один прекрасный день вдруг почки откажут, или отекает начнет, или еще что похуже. — Влад передернул плечами, сказал с отвращением: — Показывали там, в качестве примера. У одного после лечения кожа слезла, лежит на столе ободранный, жилами оплетенный, и дышит. У другого что-то с кишечником случилось, желудок сам себя переварил, окружающие ткани, мышцы, кожу... Так и задумаешься. С одной стороны прогресс, вроде бы и хорошо, а с другой — стоит ли торопиться, с такими-то побочными эффектами?

Ольга нахмурилась, перед глазами вновь возникло напряженное лицо доктора с затаившимся в глубине глаз страхом, а в ушах зазвучало предостережение, сказала сердито:

— Влад, тема очень интересная и как-нибудь мы это обсудим, но сейчас я очень сильно опаздываю и не расположена к беседе.

Влад сказал натянуто бодро:

— Да чего уж, считай, приехали.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Он переложил руль, добавил газу, и до конца поездки больше не проронил ни слова, лишь изредка, поглядывая в зеркало заднего вида, укоризненно смотрел на Ольгу. Когда машина затормозила возле ворот фирмы, Ольга сказала с раскаянием:

— Извини за резкость. Что-то не в настроении сегодня, к тому же опоздание это... Еще раз спасибо.

Она вышла, засемила к воротам, оставляя в свежесвыпавшем снегу, до которого еще не успела добраться лопата дворника, глубокий след. Понимающе улыбаясь, Влад проводил ее

взглядом. Когда фигурка попутчицы скрылась за ограждением двора, улыбка истаяла, а лицо водителя приняло отстраненное выражение. Рывкнул мотор, машина сорвалась с места, исчезла, оставив за собой лишь облачко взвихрившегося снега.

Вернувшись домой к вечеру, Ольга отперла замок, но дверь не отворилась. Ольга несколько секунд непонимающе дергала ручку, пока не вспомнила, что, уходя из дома, Ярослав обычно запирает оба замка. Недоумеваемая, куда он мог деться на ночь глядя, Ольга отперла второй замок, зашла в квартиру.

В кухне, на столе, рядом с завернутой в полотенце кастрюлькой, откуда аппетитно тянуло чем-то вкусным, обнаружилась записка. Пробежавшись взглядом по строчкам, Ольга вздохнула. Ярослава отправили в рейс, поставив в известность всего за пару часов, о чем он и сообщил в записке, вместе с признанием в любви и указаниями в каком именно месте искать свежкупленные продукты.

Ольга замедленно обвела взглядом кухню. Готовить не хотелось, к тому же источающая аромат кастрюлька тянула словно магнитом. Ощущая, как во рту стремительно скапливается слюна, Ольга заглянула внутрь. Три котлетки, прикрытые кустиками салата, посыпанная красным перцем горка гречневой каши, пара поджаренных хлебцев. Все еще теплое, не успевшее остыть, что, значит, Ярослав ушел не больше часа назад, не дождавшись подругу совсем немного.

С трудом подавив желание наброситься на пищу, Ольга пошла мыть руки, затем отправилась раздеваться. Вернувшись в кухню, она помыла овощи, вытащила из шкафчика столовые приборы, достала хлеб и специи, после чего аккуратно выложила приготовленное Ярославом блюдо на тарелочку, и лишь тогда села за стол.

Подготовка к ужину, что на деле заняла не больше пяти минут, казалась вечностью. Первые две ложки Ольга себя контролировала, но голод превозмог. Давясь и чавкая, она забросала пищу в рот, уничтожив ужин так, словно за столом сидели еще минимум пару помощников. Ложка заскребла по дну тарелки, а взгляд зашарил по столу, отыскивая остатки. Не найдя больше ничего съедобного, Ольга заглянула в холодильник, обнаружив обрезок колбасы и кусок масла, сделала несколько бутербродов. И лишь когда последний бутерброд упокоился на дне желудка, пришло долгожданное чувство насыщения.

Ольга встала из-за стола, принялась убирать посуду, но вместе с сытостью пришла вялость, и она ограничилась лишь тем, что сгрузила посуду в умывальник. Заглянув в ванную, где, сваленное в беспорядке, ожидало стирки белье, Ольга мгновение колебалась, ощущая слабые позывы совести, но лишь махнула рукой. Ярослав уехал почти на неделю, так что с уборкой можно было не торопиться.

Добравшись до зала, Ольга опустилась на диван, блаженно откинулась на спинку. Рука нащупала пульт, пальцы привычно защелкали по кнопкам. Менять каналы быстро наскучило. Оставив одну из программ, Ольга убавила звук, так что пламенная речь ведущего превратилась в успокаивающее бормотание, погрузилась в раздумья.

Последнее время она уже не раз порывалась обдумать свою жизнь, но находились более насущные дела, и Ольга каждый раз откладывала, отвлекаясь на домашнюю работу, общение с Ярославом, либо, еще не остыв от работы, составляла схему действия на ближайший трудовой день. Сытый желудок не располагал к раздумьям о работе, а одиночество позволяло спокойно разобраться в себе, не отвлекаясь на разговоры.

Все эти месяцы она жила с надрывом, с головой бросаясь в работу, обустроивала дом, бралась за любое дело, упираясь так, что свободного времени почти не оставалось. Даже

клуб тяжелой атлетики, ставший привычным элементом в напряженном ритме жизни, подспудно служил той же цели.

В телевизоре замаячило яркое, внимание отвлеклось, переключаясь на мельтешащие картинки, рука потянулась к пульту, добавить звук. Ощувив, что увлекается происходящим на экране, Ольга нахмурилась, усилием воли двинула палец чуть дальше и в сторону. Мигнув, экран погас. Однако, внимание тут же переключилось на доносящиеся со двора звуки. Осознав, что разум пытается избежать неприятных размышлений, отвлекаясь на все подряд, Ольга стиснула челюсти, отбросив посторонние мысли, вернулась к размышлениям.

Поддаваясь давлению, из хранилищ памяти заструились воспоминания. Сперва тоненьким ручейком, затем хлынули потоком, словно где-то там, в голове, рухнула плотина. Пред глазами замелькали знакомые, и не очень, лица: четкие, с малейшими деталями, словно человек только что был рядом, и расплывчатые, с едва намеченным контуром.

Одни образы вызывают в душе сильнейший отклик, отчего холодеет в животе, а пальцы сжимаются в кулаки, другие просто проплывают мимо, ничего не значащие, холодные, пустые. Словно гигантская панорама, перед глазами развернулось полотно жизни, уходящее в бесконечность, потянулось, замедленно прокручиваясь.

Кровавой вспышкой смертельного боя обозначилась точка отсчета, последнее, что отложилось в памяти перед затяжным небытием, ни единой мысли, лишь отстраненное созерцание, зависшее над кипящим котлом телесной ярости и боли. Мелькнуло и пропало лицо шефа, чью истинную суть она поняла слишком поздно, когда ничего уже нельзя было изменить. Вереницей проплыли лица Валериана Петровича со всем семейством. Бывший хозяин и наниматель, не смотря на вспыльчивость и возникающие в ходе работы мелкие разногласия, оставил в душе глубокий след.

Хороводом завертелись образы соратниц по тренировочному лагерю, где особо выделялось суровое лицо начальницы отряда. Чередой промелькнули изнурительные тренировки, зыбкие тени соперниц, выпуклые фигуры наставников. Светлым пятном вспыхнули недели безмятежной жизни, которые, сменив место жительства, она провела в небольшом городке, устроившись в уютной квартирке под самой крышей. Веселые дни на рынке, улыбочивые коллеги — продавцы.

Панорама на мгновение замедлилась, картинка сменилась, вызывая щемящее чувство где-то глубоко внутри. Вот она среди подруг по ремеслу. Улыбочивые лица с подведенными тушью ресницами и пунцовыми губами, яркая, вызывающая одежда, запах духов. До боли знакомые стены базы, где она провела столько бессонных ночей. Послышался сухой голос разводящей, вдалеке, на самой границе слуха, привычно заурчал мотор микроавтобуса, а спустя секунду протаял и сам образ, вместе с неунывающим водителем, Славой.

За искристой мишурой бесконечного праздника, шумных застолий и похотливых клиентов возникло волевое лицо с тяжелым подбородком и глубоко затаенной грустью в глазах, заполнило собой пространство, отодвинув остальное на второй план. Человек, сыгравший в ее судьбе немалую роль, чье трепетное отношение и безвозмездная помощь вызвали удивление до тех самых пор, пока, силой обстоятельств, не открылось невероятное сходство между... Ольга вздрогнула. Простенькая деревянная рамка, короткая надпись аккуратным подчерком с тыльной стороны, и до боли знакомые черты лица, глядящего с черно-белой фотографии.

Образ отодвинулся, ушел в тень, сменившись другими, что в свое время были дороги и близки. Грустный взгляд любимого, погибшего так нелепо, добрые глаза тренера, чьи советы

запомнились на всю жизнь, подружки по спортивной секции. Веселые вечера в компании сокурсников, высокие потолки аудиторий, интересные лекции... И наконец те, предтечей к кому явилась вся вереница воспоминаний, такие близкие, и, одновременно, далекие, оставившие незаживающие раны на сердце, но все равно любимые, те, чья забота и любовь взрастила, позволив жить в этом невероятном мире.

Панорама остановилась, картинка замерла. Воссозданные памятью, родители взглянули, словно живые, ласково и укоряюще одновременно. Ольга задохнулась, ощутив, как из глубины, скрытые до поры, сминая воздвигнутые разумом барьеры, рванулись переживания, захлестнули с такой силой, что потемнело в глазах.

Выгнувшись от невыносимого страданья, Ольга замычала, до боли стиснула зубы, чтобы не закричать в полный голос, выплескивая скопившуюся душевную боль. Тело затрясло, а глаза наполнились слезами. Несколько мгновений она боролась с собой, с трудом сдерживая переполняющие чувства, но вскоре не выдержала, рухнула на диван, сотрясаясь от охватившей тело дрожи.

Ма-мо-чка... Через перехваченное спазмом горло с трудом проталкиваются слоги, складываются в слово. Ма-мо-чка... Вместе со слезами наружу рвется боль обреченности. Обреченности, что испытывает отвергнутый родителями ребенок, лишенный любви и оставленный один на один с суровым, полным опасности миром. И от сковывающего конечности холодом бесконечного ужаса не спасает ни что, ни прожитые годы, ни накопленные боевые навыки, ни высокооплачиваемая работа. Даже надежный тыл из любимого человека и уютной квартиры, где можно расслабиться после напряженного дня — ничто, если плечо не греет незримая рука, а из окутанного теплом и заботой детства не смотрят добрые глаза единственного по настоящему любящего человека, кого не сможет заменить никто и ничто в этом мире: единственной, любимой и родной — матери.

Прошедшие с момента расставания годы растянулись на столетия. В мозгу вспыхнуло безудержное желание, затмив собой все остальное: вернуться, взглянуть в глаза, прижаться всем телом, ощутив давно забытые, но столь желанные тепло, ласку и любовь. Не осознавая что делает, Ольга поднялась, шатаясь, направилась в комнату. Руки лихорадочно зашарили, сбрасывая в кучу самое необходимое: теплая кофточка, брюки, носки. Взгляд заметался по комнате, а в мыслях из разрозненной мозаики начал складываться план.

Еще не поздно. На последнем автобусе добраться до вокзала, дождавшись попутного поезда, сесть, чтобы мчатся навстречу, а там, в родном городе, где знакома каждая улица, можно пойти, добежать, долететь. Подняться по лестнице, чтобы постучаться в дверь, за которой любят, надеются, ждут...

Замедленно, отстав от остальных, всплыло воспоминание о расставании. Глухой голос отца, всхлипывания матери на заднем плане, и обжигающие космическим холодом ужасные слова — «Никогда больше не появляйся у нас в доме. С этого момента у меня нет дочери». Картинка разом выцвела, осыпалась, закружившись невесомыми хлопьями. В глазах потемнело, уши забило ватой, лишь гулкие удары сердца, тихие и редкие, как затухающий огонек надежды. Пахнуло холодом, стук прервался, с шипеньем угас огонек.

Ольга лежала на диване, бездумно провожая взглядом скользящие по потолку, словно бледные привидения, отсветы фар проезжающих по дороге машин. Мысли ворочались с трудом, медлительные, как влипшие в мед мухи. Паника исчезла, страх прошел, и теперь, разбитая, ощущая сильнейшую головную боль, Ольга пыталась разобраться в чувствах.

Тоска по родителям, с кем расстались столь нелепо, порой прорывалась воспоминаниями, отчего в сердце щемило, а глаза увлажнились, превращая окружающий мир в размытое марево. В глубине души лелея мечту однажды вернуться, Ольга отдавала себе отчет, что пока не готова. Собраться, одеться, взять билет на поезд или автобус было делом одного часа, жизнь давно приучила ее легко покидать насиженное место. Прийти, постучать в дверь родной квартиры, и, вместо счастливых улыбок и душевного приема наткнуться на застарелое отчуждение... Ольга боялась, что не выдержит. И, не смотря на перенесенные невзгоды, укрепившие дух и закалившие тело, мечта по-прежнему оставалась мечтой.

Во дворе библикнули. Неожиданный звук неприятно резанул по ушам, отдался зудом в желудке. Мысли сменили направление. Вспомнился прием у врача и последующий рассказ Владимира. Сходящая кожа, едкий желудочный сок... Настойчивые уговоры проколоть антидот предстали в новом свете. И хотя Ольга по-прежнему скептически относилась к подобным страшилкам, мысль показалась разумной. Ведь не обязательно все должно происходить, как в фильме ужасов, когда у пораженного неведомой болезнью человека отваливаются конечности, изо рта льется зеленая слизь, а тело на глазах преобразуется, обрастая жуткими отростками. Протекающие в организме смертельные процессы могут незаметно делать свою разрушительную работу, пока, однажды, совершенно непредсказуемо, вдруг откажут почки, или остановится сердце.

Словно живой, зазвучал голос лектора, преподающего физиологию высшей нервной деятельности, о том, что в неблагоприятной среде сперва страдают наиболее сложные органы, в первую очередь головной мозг. И не удивительно, что от простого воспоминания так скрутило. К тому же непонятное обострение обоняния и слуха в последнее время хоть и не вызывали неприятных ощущений, скорее, даже наоборот, все же воспринимались с опаской, а подчас и вовсе казались пугающими.

Ольга поднялась, не включая свет, двинулась в сторону спальни, морщась от пронзительного скрипа половиц, в ночной тишине звучащих оглушительно. На фоне светлой обивки дивана сумка выделяется черным пятном. Ольга вытащила коробочку с лекарствами, покрутила в руках, открыв, некоторое время всматривалась в надписи на ампулах. Не смотря на висящую напротив окна полную луну, благодаря которой комната залита бледным сиянием, буквы разглядеть не удалось. Возиться с иглами, выщеливая в полумраке собственные ягодицы, тоже не хотелось. Включив светильник, Ольга достала из шкафа все нужные принадлежности, набрав лекарство в шприц, еще некоторое время раздумывала, но лишь махнула рукой.

Игла кольнула голодным комаром, мышца мгновенно напряглась, и тут же расслабилась. Ольга прошлась по комнате, разминая мышцы. Лекарство оказалось почти безболезненным и минутой спустя о процедуре напоминали лишь пустая ампула с отломанным носиком, да использованный шприц.

Сон, подкрадывающийся последние пару часов, отступил. Ольга ощутила прилив

бодрости. Мышцы зазудели от наполняющей силы. Возникло сильнейшее желание куда-то бежать, что-то делать. Ольга пробежалась по комнате, крутанула сальто, раз, другой, провела серию жестких приемов, вбив воображаемого противника по уши в пол, после чего замерла, раздумывая, чем еще занять жаждущее разрядки тело.

Пройдясь по комнате, она остановилась у окна. Взгляд прикипел к заснеженному пространству двора. Ольга покосилась на часы. Маленькая толстая стрелка остановилась на двойке. Не самое уместное время для прогулок. Ольга вновь повернулась к окну, расставила руки пошире, оперевшись на подоконник. Звякнуло, в костяшки пальцев правой руки уперлось холодное. Не поворачивая головы, Ольга тронула вещь. Пальцы пробежались по предмету, ощупали со всех сторон. Но любопытство пересилило. Ольга скосила глаза.

Квадратная металлическая коробочка с ярко раскрашенными стенками. Ольга подцепила коробку, легонько потрянула, прислушавшись, потрянула вновь. Вспомнив звук, с улыбкой открыла. Память не подвела. Внутри оказалось полно завернутых в блестящую упаковку разноцветных леденцов. Ноздри заполнил сладкий щекочущий запах. Ольга достала конфетку, развернув, забросила в рот. Знакомый, чуть приторный вкус. Ярослав угощал ее именно этими конфетами, а уехав, оставил приятный презент на подоконнике, рассчитывая, что рано или поздно подруга отыщет. И не ошибся.

Леденец оказался таким вкусным, что зубы невольно сжались, перемолов сладкую пуговку в мелкое крошево. Ольга забросила в рот еще один и еще, двинулась в сторону спальни, где и принялась одеваться. Одевшись, Ольга критически осмотрела себя в зеркало, вышла в прихожую. Рука потянулась к сапогам, но, прежде чем пальцы коснулись обуви, взгляд наткнулся на россыпь грязных пятен позади, ближе к пятке.

Недоумевая, где она могла так выпачкаться посреди сугробов, Ольга подхватила сапоги, направилась в ванную. Закончив с обувью, и вновь оказавшись в прихожей, она с облегчением выдохнула, принялась одеваться, но руки никак не хотели вдеваться в рукава, а пальцы путались в пуговицах. Помучившись, Ольга таки оделась, но, взявшись за ручку двери, ощутила, что гулять больше не хочется. Незаметно потянуло в сон, захотелось, завернувшись в одеяло, уютно устроиться в кровати, а мысль о том, что вместо этого придется бродить по выстуженной улице показалась неуместной и дикой.

Ольга еще немного постояла возле двери, ожидая, не изменится ли настроение, но спать хотелось все сильнее, а от завываний ветра плечи лишь зябко передергивались. Махнув рукой, она быстро разделась, вернулась в спальню, и, едва голова коснулась подушки, провалилась в глубокий сон.

Будильник раз за разом издает пронзительные трели, но сон огородил непробиваемой, глухой стеной. Наконец, не выдержав безумной настойчивости машины, тишина лопнула, опала невесомыми лохмотьями вместе с остатками сна. Ольга продрала глаза, с трудом села. Голова как будто забита ватой, в ушах гудит, а на языке привкус вчерашних конфет, только трансформировавшийся за ночь в неузнаваемую мерзость.

Ольга замедленно встала. Комната дрогнула, качнулась, некоторое время стены колебались, но вскоре встали на место. Выключив будильник, Ольга прошла в ванную. Под холодную воду лезть не было никакого желания, и она на полную открыла ручку горячего крана. Ожидая, пока вода прогреется, Оля стояла, начиная вновь погружаться в сон.

В плече кольнуло. Рука дернулась, чтобы почесать, но лишь чуть колыхнулась, бессильная со сна. Кольнуло вновь, но уже в другом месте, зазудело яростно. Собравшись с силами, Ольга подняла руку, почесалась. Зуд прекратился, но, спустя секунду, возобновился

вновь, уже в другом месте. Ольга чертыхнулась, принялась яростно драть себя ногтями, ощущая, что начинает просыпаться.

Тем временем вода нагрелась, от бьющей из крана тугой струи пошел пар. Не переставая чесаться, Ольга крутанула ручку холодной, проверив результат пальцем, полезла в ванную. Вода охватила тело блаженным теплом. Вскоре прекратился и зуд. Ощущая, что еще немного, и она вновь заснет прямо в ванной, Ольга поспешно закрутила кран, завернувшись в полотенце, вылезла из ванной. Все вокруг от горячих испарений покрылись тоненькой пленочкой воды. Отворив дверь, чтобы проветрить, Ольга принялась вытираться, закрыв глаза, что никак не хотели держаться открытыми, а когда наконец вытерлась, вновь открыла, и в ужасе замерла. Влага из ванной улетучилась, зеркало очистилось, отразив девушку, с головы до ног испятнанную красными рубцами.

Она опустила голову, всмотрелась в зловеще багровеющие рубчики, не веря, выскочила в кухню, включив свет, завертелась, осматриваясь. Затем принялась ощупывать, осторожно дотрагиваясь до отчетливо выделяющихся на фоне остальной коже отметин. Зрение не обмануло, пальцы повсюду натыкались на припухлости, что отвечали легким зудом.

Сон как рукой сняло. Мысли понеслись вскачь, а в груди образовался холодный ком. От чего такое могло случиться? На что организм отреагировал столь странно? Ближайшие несколько дней промелькнули перед глазами. Все как обычно, тот же темп жизни, то же питание. Из привычного ритма приема пищи и различного рода добавок выбивались лишь две вещи: анаболические подпитки Андрея и «противоядие» доктора, но если анаболики она употребляла уже больше месяца, то лекарство доктора приняла лишь единственный раз — прошлым вечером.

Осталось понять, препарат ли вызвал столь мощное органическое неприятие, или это произошло от параллельного употребления стероидов. Хотя, не исключено, что решающую роль сыграло нечто третье, не заметное при первом взгляде. Ольга побродила по квартире, но время поджимало, и она отложила решение задачи на потом, усилием воли выдавив волнение на периферию сознания, откуда оно благополучно исчезло, вытесненное мыслями о работе.

Время на завтрак почти не осталось. Обнаружив в холодильнике какие-то съедобные остатки, Ольга быстро забросала добычу в желудок, давясь, и обжигаясь наспех заваренным чаем, принялась одеваться. Для того, чтобы наложить макияж, не испачкавшись в тених и без потерь в виде сломанных щеточек и выбитого глаза, пришлось ненадолго замедлиться, оставив чашку и через силу заставляя себя не смотреть на часы. Но лишь только последний мазок лег на свое место, время потекло в ускоренном темпе.

Закончив с чаем уже на выходе, когда верхняя одежда, а, главное, сапоги были надеты, Ольга оставила чашку возле двери и поспешно покинула квартиру. Лестница пронеслась под ногами стиральной доской. От с силой бьющих в ступеньки металлических набоек каблуков по подъезду заметалось гулкое эхо. Шарахнулся сидящий у соседской двери кот, от ужаса бросившись прямо под ноги, отчего поход на работу едва не закончился в самом начале. С проклятьем перемахнув кота, Ольга пронеслась оставшиеся два пролета, пулей выметнулась во двор. Выпавший за ночь снег отнюдь не добавил проходимости и, чтобы не сбавлять скорость, пришлось бежать высокими прыжками.

Ощущая себя козой на выгуле, провожаемая насмешливыми взглядами обгоняемых людей, Ольга миновала двор, добежав до остановки, взлетела в отходящий автобус, тяжело дыша, поинтересовалась в пространство:

— Это семнадцатый?

Сидящий рядом старичок с благообразной внешностью повернул голову, сказал с улыбкой:

— Совершенно верно, вы не ошиблись.

Расположившийся за ним мужик поморщился, сказал с недоумением:

— А глаза разуть, прежде чем в маршрутку кидаться, не судьба?

— Глазастые пешком ходят, — выдохнула Ольга зло.

Мужик хотел еще что-то добавить, но, взглянув в лицо собеседницы, отразившее готовность к склоке, передумал. Скучный завтрак, зудящие рубцы и бег по пересеченной местности привели психику в состояние близкое к взрыву, и Ольга безумно жаждала, что кто-нибудь их столпившихся вокруг пассажиров даст повод, чтобы, не мучаясь совестью, выплеснуть скопившееся раздражение, грозящее разорвать на мелкие клочки. Но, не то люди еще толком не проснулись, и не набрались сил для скандала, не то каким-то шестым чувством ощутили исходящую от хрупкой на вид девушки опасность, но все замерли, покачиваясь в такт движениям автобуса, и даже недовольный мужик воротил рожу, с подчеркнутым вниманием рассматривая что-то за окном.

Мерное покачивание успокоило, а от спертго воздуха потянуло в сон, и Ольга едва не проспала, опомнившись, когда автобус уже отходил от остановки, и выбравшись лишь благодаря застрявшему в дверях полному мужчине с огромной сумкой, что никак не мог втиснуться, то оставляя снаружи сумку, то едва не вываливаясь сам. Усилено работая локтями, Ольга протиснулась к выходу, дождавшись, когда между мужчиной и дверью на миг образовалась щель, скользнула наружу, заспешила в сторону работы.

Распахнув дверь кабинета, Ольга быстро разделась, под ехидным взглядом Николая прошла на свое место, нажала кнопку системного блока. Пока компьютер неспешно загружался, взгляд метнулся к лежащей на столе стопке бумаг. Заметив, что она потянулась к документам, Николай сказал со смешком:

— Тебя уже обыскались. Товаровед приходила, один из водил, даже шеф что-то хотел. И ведь, как назло, всего-то на четверть часа и опоздала.

Ольга покосилась на часы, нахмурилась, не смотря на все старания, вовремя прийти не вышло, сказала сдержанно:

— Что-то со здоровьем неважно, едва встала...

Пропустив следующий комментарий Николая мимо ушей, она углубилась в просмотр документов. Листы сменяются один за другим, глаза мельком просматривают содержание, а пальцы откладывают бумаги в сторону, деля на две неравные части: справа срочное, слева то, что может подождать. Как всегда, правая стопка выходит на порядок больше.

Накладная, накладная, заявление на отгул, уведомление о почте... Взгляд зацепился за одну из строк, число полученного товара вызвало смутное сомнение. Пока мозг ускоренно обрабатывает информацию, отыскивая, анализируя, сопоставляя, пальцы листают дальше. Стоп! Так дело не пойдет. Еще немного, и мысль потеряется, сметенная лавиной информации.

Компьютер наконец-то загрузился. Отложив документы, Ольга запустила базу данных. Несколько щелчков мышкой, и вот перед глазами нужная строчка. Короткий взгляд в накладную, затем обратно, в монитор. Так и есть! Число не сходится. Не на много, всего на чуть-чуть. Она бы и не обратила внимания, если бы не отложившиеся в памяти легкие для запоминания цифры — двести двадцать две единицы. А в накладной значится двести

двадцать.

Ольга нахмурилась. Принимать товар входило в обязанности Валентины со склада, и если с накладной возникают нестыковки, то... Хотя, возможно, ошибку допустил заполняющий базу человек. В любом случае, разобраться не сложно, нужно лишь позвонить соответствующему поставщику и уточнить. Сделав заметку в электронном календаре, ярким мерцающим пятном висящему в правом углу экрана, Ольга продолжила разбирать документы.

Замотавшись, Ольга и думать забыла об утренних сомнениях, но, когда пришло время обеда, и, отрешившись от дел, она отодвинулась от рабочего стола, чтобы пойти к холодильнику, взгляд наткнулся на мерцающее пятно календаря. От непрерывной четырехчасовой работы болела голова, к тому же голодно завывал желудок, но до перерыва оставалось еще пять минут и Ольга решительно подвинула к себе телефон.

Динамик долго гудел, и Ольга уже собралась положить трубку, когда послышался утомленный голос:

— Слушаю вас.

Улыбнувшись, судя по интонациям, собеседник рассчитывал на обеденный перерыв с не меньшей, а то и гораздо большей надеждой, Ольга произнесла:

— Евгений, привет, это Ольга с «Транссоба». Если не сложно, проверь пожалуйста заказ под номером четыре тысячи сто семнадцать. Сколько единиц вы отгрузили?

В голосе собеседника промелькнули нотки страдания, когда он ответил:

— И приспичило тебе... — Но Ольга выжидательно молчала, и он сказал примирительно: — Ладно, ладно. Сейчас.

Прислушиваясь к шуршанию и щелканью клавиш, Ольга открыла таблицу, пальцы зависли над клавиатурой, готовые исправить ошибку, но так и остались висеть. Услышав ответ, Ольга переспросила еще раз, удостоверившись, что не ошиблась, произнесла:

— Хорошо, Евгений, благодарю.

Отодвинув телефон, она некоторое время сидела, барабаня пальцами по поверхности стола, затем подняла трубку, набрала номер, но, услышав короткие гудки, положила, замедленно встала.

Глядя, как она с сосредоточенным видом одевается, Николай поинтересовался:

— Может, все же на перерыв? Все дела не переделать, да и мне веселее будет.

Ольга отмахнулась, буркнула:

— Я быстро.

Проводив ее взглядом, Николай неодобрительно покачал головой. Он не считал себя лентяем, но заниматься работой в ущерб собственному здоровью целесообразным не находил. Встав из-за стола, он подошел к холодильнику, где, дожидаясь употребления, хранились принесенная из дома пища и магазинные полуфабрикаты.

Ольга спустилась по лестнице, вышла наружу, ощущая голодные позывы, поспешно прошла через двор. На складе полутьма, ближайšie ко входу фонари не работают. Пока глаза привыкали, она успела наступить в лужицу масла, поскользнувшись, едва не упала. Раздосадованная, Ольга прошла вдоль сетки — заборчика, отгораживающего «сокровища» склада от зоны разгрузки, остановилась у дверей.

Сразу за дверью заваленный бумагами столик, потертое кресло с накинутым на спинку пледом. Вокруг ящики, баночки, коробки: распакованные, надорванные, и просто помятые. Судя по всему, товаровед собрала у входа «возврат» — испорченный при доставке товар. Телефон лежит тут же, на столе, со сдвинутой трубкой, доносятся чуть слышные гудки.

Повертев головой, и не обнаружив никого поблизости, Ольга позвала:

— Валентина. — Не дождавшись ответа, позвала громче.

В глубине склада зашуршало. Донеслись быстро приближающиеся легкие шаги, и несколько секунд спустя из-за высоченной стопки коробок вышла товаровед. Застегивая халат и глупо улыбаясь, она неторопливо направилась к своему месту. Ольга молча ждала, чувствуя, как внутри начинает ворочаться недоброе. Мало того, что вместо звонка пришлось лишний раз тащиться, так еще и товаровед идет — не торопится.

Подойдя ближе, Валентина стерла с лица блаженную улыбку, застегнув последнюю пуговицу, поинтересовалась:

— Что-то хотела?

Ольга выразительно взглянула на телефон, продолжающий нудно гудеть. Товаровед ахнула, поспешно поправила трубку, повернулась. Ольга поморщилась, настолько неестественным показался вздох удивления, молча протянула накладную. Валентина взяла, мельком взглянула, затем вновь подняла глаза, взглянула вопросительно.

— Все верно? — поинтересовалась Ольга холодно.

Товаровед вновь взглянула в листок, сказала с запинкой:

— Что-то не так?

— Товар, его должно быть больше, — произнесла Ольга сухо.

— Ты ошибаешься. Приняла столько, сколько привезли.

Голос Валентины чуть дрогнул, едва заметно, почти на пределе слуха, но Ольга уловила изменение интонации, улыбнулась уголками губ. Одновременно с этим раздался шорох в глубине склада. Товаровед не повернула головы. Ольга улыбнулась шире, несмотря на растушую злость, сказала обманчиво мягко:

— Кстати, пользуясь случаем, правила пользованием склада не напомнишь?

— Зачем тебе? — нахмурившись, поинтересовалась Валентина.

— Любопытно. Что полагается за нарушение правил, и какая может быть связь между недостаточей товара и свободным перемещением чужих людей по территории склада.

Товаровед стояла, кусая губы, на ее лице отражалась борьба эмоций. Наконец, она растянула губы в улыбке, сказала подобострастно:

— Послушай, ну что ты придираешься. Сколько там, одной единицы не хватает, двух? Это ж копейки. Спишем в брак, и дел-то.

Ольга некоторое время смотрела, ощущая в душе смесь жалости и презрения, сказала холодно:

— Готовься к смене работы. И будет лучше, если напишешь по собственному.

— Да что ты о себе возомнила! Шоферам отгулы не даешь, за копейки готова уволить. Тебе больше всех надо что ли? Сиди себе в кабинете, кнопочки нажимай. Тут горбатишься, сутками сидишь на сквозняке, а в итоге — ни здоровья, ни зарплаты. Еще и ходят, копейками попрекают!

Глядя на искажившееся обидой лицо Валентины, ее дрожащие губы и сжимающиеся кулаки, Ольга ощутила, как испаряется жалость, а презрение сменяется раздражением, что, в свою очередь, быстро превращается в нечто темное и безжалостное. Замедленно, проговаривая каждую букву, она жестко произнесла:

— Что же ты мучаешься, себя изводишь? Иди, никто не держит, скорее, даже наоборот.

— А ребенка я, по-твоему, на что кормить буду? — прошипела товаровед. — Или, думаешь, в наше время матери-одиночке легко устроиться? Да и одеваться хочется хорошо, тряпки покупать, парфюм. Сама, гляжу, не в обносках ходишь. Не иначе, от большого расположения руководства. Не зря ведь по вечерам задерживаешься. Что, нечем крыть?

Нечто темное внутри дрогнуло, рывком увеличилась, вытеснив собой остатки внушенных с детства запретов, ярость накрыла с головой. Рядом, скаля зубы, беснуется агрессивное животное: омерзительное, раздражающее, опасное. Рука взметнулась, ударила наотмашь. От хлесткой пощечины Валентину шатнуло. Ее глаза расширились, а лицо приняло обиженное выражение. Ладонь ударила вновь, на этот раз с другой стороны.

Товаровед вскрикнула, на щеках проступили багровые пятна. Выставив перед собой руки, она с воплем бросилась на обидчицу, норовя вцепиться в волосы. Ольга отступила в сторону, легко уйдя от нападения, вновь ударила. От жгучей боли товаровед завывала, повернулась. Дикий взгляд, лицо перекошено ненавистью и болью, рот распялен в крике. Она расставила руки, собираясь сгрести противницу в охапку, но Ольга успела раньше.

Милая, привлекательная девушка, с кем они, бывало, перебрасывались веселыми шутками, исчезла, уступив место отвратительной фурии. Где-то на задворках сознания остатки разума бессильно призывают остановиться, сдержать рвущийся изнутри гнев, не выплескивая на беспомощную женщину, виноватую лишь в том, что позволила себе нечестным путем ненамного увеличить скромный доход. Ведь можно решить по-другому, договориться, вынести предупреждение, лишить премии, наконец. Но все попытки тщетны. Пробудившийся зверь глух к доводам рассудка. Поднявшийся в душе вихрь ярости не укротить, лишь выплеснуть в убийственном танце, повергнуть, подчинить посмевавшееся противиться превосходящей воле существо.

Шаг навстречу. Лицо соперницы рывком приближается. Рука выстреливает без замаха, лишь в последнее мгновение, сжатые в кулак, пальцы распускаются, чтобы звонко впечататься в кожу лица открытой ладонью. Не разрушительный для внутренних тканей, но болезненный и унижительный удар, каким старшие награждают младших, провинившихся, но еще не достойных настоящего проявления силы.

Руки мелькают, раз за разом нанося хлесткие удары, хлопки пощечин сливаются в сплошной шум, а лицо противницы меняет цвет, наливаясь бардовым. Ее руки дергаются вверх, стремясь прикрыть голову, защититься от унижительной экзекуции. Два сильных шлепка, и они стремительно отдергиваются, повисают бессильными плетями, пока голова продолжает мотаться из стороны в сторону.

Ярость уходит, а вместе с ней успокаивается зверь, удовлетворенный произошедшим. Ощущая, как горят ладони, Ольга поднесла руки к лицу, кожа покраснела, в двух местах

пламенеют оставленные заколками ссадины, несколько мгновений всматривалась, затем опустила руки, перевела взгляд на соперницу.

Валентина стоит рядом, поникшая и несчастная. Лицо неотвратимо распухает, по щекам слезы проложили блестящие дорожки. Полуопущенные, веки дрогнули, замедленно поднялись, из глаз плеснуло такой горькой обидой и непониманием, что Ольга отшатнулась, не в силах выдержать исполненного немого укора взгляда.

— За что? — еле слышно выдохнула Виктория, с трудом шевеля распухшими губами.

Ощущая глубоко внутри слабое шевеление засыпающего зверя, Ольга подняла выпавшую во время схватки, и теперь лежащую сиротливым лоскутком на грязном полу накладную, указав взглядом на бумагу, сказала холодно:

— С этим вопрос закрыли. Но, на будущее, хорошенько подумай, прежде чем решишь поправить семейный бюджет подобным образом. Так легко уже не отделаешься.

Провожаемая испуганным взглядом товароведа, Ольга вышла из здания склада. Вернувшись, она застала Николая в самый разгар обеда. Вооружившись ложкой, он аккуратно, стараясь не расплескать, черпал из коробки с завтраком быстрого приготовления какие-то мутные ломтики. Услышав, как отворяется дверь, он воздел коробку над собой, воскликнул с подъемом:

— Лапшичка — объедение! Если поторопишься, так и быть, угощу.

Ольга прошла мимо, бросила не глядя:

— Обед закончен.

Николай возмутился:

— Как закончен, всего десять минут прошло?

— Будем спорить?

Желая возразить, Николай повернул голову, но, наткнувшись на предупреждающий взгляд Ольги, передумал, быстрее заработал ложкой, отчего, хлебнув лишнего, подавился. Наконец, прокашлявшись, он пробурчал:

— Я понимаю, зарплата от сделанного зависит, но и работать не жравши тоже как-то...

Он замолчал, уставился в монитор, послышался быстрый перестук клавиш. Недоеденный обед, забытый, остался стоять по правую руку, пока, случайным движением, Николай едва не расплескал остатки, после чего с недовольным ворчанием отнес коробку в мусорный бачок. Увлеченная работой, спустя минуту Ольга уже забыла о Николае, а немногим позже и о случившемся на складе конфликте. О произошедшем напоминало лишь смутное чувство вины, но и оно вскоре исчезло, вытесненное мыслями о работе.

Когда за окном стемнело, и в глазах от постоянной смены цифр в мониторе начали прыгать чертики, Ольга замедленно встала, прошла по кабинету, разминая затекшие мышцы спины. Взгляд метнулся к висящим на стене часам. Без четверти семь. Рабочий день закончился сорок пять минут назад. Чуть позже, стараясь не шуметь, ушел Николай, выскользнув из кабинета настолько тихо, что, погруженная в работу, Ольга заметила его отсутствие лишь задав вопрос и не получив ответа.

Она вернулась к столу, взглянула в монитор. Осталось несколько незаконченных дел, но работать расхотелось. Воздух в помещении к концу дня ощутимо сгустился, так что нужно либо открывать окно, и сидеть в холоде, ожидая, пока хоть немного посвежеет, либо сворачивать дела. Поразмыслив, Ольга остановилась на втором.

Устало вздохнув, выключился компьютер, вспыхнув на прощание, погас свет. Тщательно замотавшись в шарф, и набросив на плечи пальто, Ольга заперла дверь. Покинув

здание, она двинулась к выходу, с удовольствием вдыхая свежий морозный воздух. Днем, из-за выхлопов множества грузовых машин, над двором висело плотное облако смога, входя в которое, Ольга каждый раз содрогалась. Вечером же воздух очищался, многочисленные здания складов погружались во тьму, и территория фирмы превращалась в наполненный загадочными тенями покинутый город.

Попрощавшись с охранником, выглянувшем из окошечка на проходной, Ольга пошла к остановке. Не смотря на пропущенный обед, есть не хотелось, и даже наоборот, переполненное энергией, тело требовало разрядки, словно и не было утомительного рабочего дня.

Немного поколебавшись, Ольга пропустила идущий в сторону дома автобус, зашла в следующий, на котором и доехала почти до дверей спортивного клуба. Тренер встретил укоризненным взглядом. В ответ Ольга развела руками, виновато улыбнувшись, скользнула в зал. Последняя неделя на работе выдалась напряженная, и Ольга, хоть и собиралась, так и не смогла выкроить время для тренировок, что, само собой, не могло порадовать Антона, имевшего виды на ее участие в соревнованиях.

Знакомая терпкая смесь из запахов металла и мужского пота ударила в ноздри. Сердце застучало сильнее, кровь быстрее заструилась по жилам, а губы сложились в улыбку. Ольга двинулась по залу, кивая знакомым, и присматривая свободный тренажер. Одна из скамей для жима оказалась свободна. Ольга устремилась к цели, когда один из атлетов, до того с натугой ворочающий штангой, вдруг бросил снаряд, и удобно устроился на скамье.

Она едва успела остановиться, чтобы не врезаться в рифленое, как кора древнего дуба, плечо, сказала с досадой:

— Ты же бицепс качал. Чего бросил?

Парень повел в ее сторону глазами, процедил насмешливо:

— Залом не ошиблась? Фитнесом занимаются по соседству.

Ольга смолчала, прошла дальше, где, возле стены, на специальной стойке, выстроились ровным рядком множество гантелей. Подобрал подходящую пару, она принялась разминаться, разогревая мышцы перед серьезной нагрузкой. Когда, закончив, Ольга повернулась, скамья оказалась свободна, а парень, багровея лицом, вновь качал руки. Обрадованная, она двинулась к скамье, но, едва сделала шаг, парень вновь бросил штангу, удобно расположил ее на прежнем месте.

Ольга ощутила, как каменеют скулы, спросила напряженно:

— Ты издеваешься?

Парень удивленно вздернул брови, поинтересовался с жалостью:

— Ты все еще здесь? Не смогла найти выход, бедная?

С трудом сдержав рвущееся с языка острое словцо, Ольга прикрыла глаза, чтобы не выдать злым блеском мгновенно вскипевшее недовольство, повела головой, осматривая зал. Свободных тренажеров не появилось, парень же явно не торопился, наслаждаясь ситуацией. Взгляд упал на лежащую неподалеку свободную штангу. Решение пришло мгновенно.

Отвернувшись, чтобы не вызвать подозрения косою ухмылкой, Ольга мельком оценила вес, после чего принялась свинчивать лишние «блины». Завинтив гайку зажима с одной стороны, Ольга потянулась к соседней. Пальцы обхватили ребристую поверхность металла, попытались повернуть, но гайка, словно живая, выскользнула, мелькнула серебристой рыбкой, отскочив в сторону.

Ольга насторожено осмотрелась, не заметил ли кто, но, отягощенные весами, атлеты

следили лишь за собственным состоянием, не обращая на происходящее вокруг никакого внимания. Удовлетворившись осмотром, Ольга несколько раз присела, разминая ноги, взялась за гриф, рывком забросила штангу на плечи. Набранный вес не вызывал привычного напряжения, но для задуманного этого и не требовалось. Повернувшись так, чтобы сторона с «забытым» зажимом оказалась напротив занявшего скамью парня, Ольга принялась приседать.

Ноги расслабляются, проседая под тяжестью штанги, тело несется вниз, на мгновение замирает в нижней точке. Мышцы вспухают, волна напряжения прокатывается по бедрам, упруго выталкивая отяжелевшее тело наверх, туда, где можно на мгновение расслабиться, отдыхая от тяжелой нагрузки. Вместе с ногами ощутимо напрягается спина и руки, удерживая, направляя, балансируя.

Приседание со штангой — тяжелейшее из упражнений, требующее высочайшей концентрации и напряжения всего тела. Малейшая неточность в исполнении, секундное расслабление одной из десятков напряженных мышц, и неминуема травма, тем более, что лежащий на плечах вес равен, а зачастую ощутимо превосходит массу собственного тела.

Истосковавшись по нагрузке, тело с упоением отдалось движению, и лишь выполнив с десяток повторений, Ольга с трудом оторвалась от процесса, вспомнив, что она планировала на самом деле. Завершая движение, когда тело почти достигло вертикального положения, левая нога предательски дрогнула. Ольгу повело. Охнув, она качнулась, штанга перекосилась на одну сторону, как раз ту, что оказалась без крепления.

Грохот ссыпавшихся на пол блинов перекрыл дикий крик боли. Лежащий на скамье парень, за мгновение до того насмешливо взиравший на Ольгу, изогнулся в жуткой позе. Тело изломано под нелепым углом, руки тянутся вниз, туда, где, облаченные в изящные кроссовки, широко расставленные для лучшего упора, расположились ступни.

Осторожно опустив штангу, Ольга мельком осмотрела парня, перевела взгляд ниже. Ближайшая ступня атлета придавлена грузом, ткань кроссовка стремительно темнеет, пропитывается кровью. Секунда, другая, и вот красные капли пробиваются наружу, собираются в небольшую алую лужицу, что с каждым мгновением увеличивается, раздается в стороны.

Загрохотали шаги, раздались взволнованные голоса. Вокруг образовался живой затор из атлетов. Послышался громкий голос:

— Разойдитесь, да разойдитесь же, черт подери!

Мужчины начали оглядываться, раздались в стороны. К скамье пробился Антон, мельком осмотрев пострадавшего, нахмурился, деловито произнес:

— Ты, ты и ты. Аккуратно берем его за плечи и бедра, и выносим в коридор.

Указанные мужчины мгновенно выступили вперед, подхватили, потянули наверх. Парень завыл, скривился от боли. Мягко, стараясь лишней раз не дергать, и не причинять дополнительных мук, его унесли, и вскоре лишь лужица крови на полу, да хмурые лица мужчин напоминали о происшествии.

Один из атлетов взглянул на Ольгу, сказал неодобрительно:

— Что ж ты, подруга, зажим не проверила?

Ольга прижала руки к груди, сказала с болью:

— Потому что дура! Задумалась, отвлеклась, и вот... такое несчастье.

Другой мужчина покачал головой, сказал сдержанно:

— Не убивайся. Со всеми бывает. Но, на будущее, будь внимательнее.

Удивляясь себе, естественность в чувствах далась легко, словно она и впрямь сожалела о произошедшем, Ольга сказала упавшим голосом:

— Я понимаю, понимаю... но, все равно обидно. Человек пришел улучшить здоровье, а в результате...

Стоящий рядом низкий, но широченный в плечах мужик потрепал ее по плечу, сказал ободряюще:

— Ладно, ладно. Никто тебя не винит, не убивайся. Сам виноват. Видел я, как он тебя от скамьи оттирал — ухмылялся.

Другой мужик произнес в тон:

— И то верно. — Окинув Ольгу оценивающим взглядом, добавил со смешком: — Но, ты уж, будь добра, прежде чем продолжать, успокойся, а то еще кого ненароком придавишь.

Оживленно обсуждая происшествие, мужчины разошлись. Ольга ощущала на себе внимательные взгляды, некоторые настороженные, некоторые откровенно враждебные, но большинство смотрели понимающе, и где-то даже с сочувствием. Сохраняя скорбное выражение лица, Ольга ощутила ликование. Недавнее раздражение улеглось, сменившись подъемом — соперник наказан за высокомерие, и в качестве назидания проведет дома пару-тройку недель, получив отличную возможность поразмыслить над своим поведением, она же может беспрепятственно воспользоваться скамьей, нужно лишь убрать кровь.

Ольга двинулась к выходу, рассчитывая взять у тренера необходимые для уборки инструменты, но тот уже шел навстречу с тряпкой в руках. Ощувив на себе укоризненный взгляд, Ольга виновато развела руками, потупилась. Но Антон, не задерживаясь, прошел мимо, тщательно промокнул кровавое пятно, после чего несколькими быстрыми мазками вытер остатки, и молча покинул зал.

Ольга вернулась к скамье, не дожидаясь пока мышцы остынут, продолжила упражнение. Теперь, вместо штанги, под ней удобная скамья с блоком для проработки ног. Несмотря на большую естественность движений со свободным весом штанги, тренажер выигрывает по удобству. Гораздо проще сосредоточиться, когда не нужно следить, чтобы от неверного движения тело не повело, а груз не упал на занимающихся бок о бок людей.

Ноги удобно уперлись в блок, размерено выпрямляются и сгибаются, в такт мысленному счету. Бедра вспухают, преодолевая массивный вес груза, от небольшого усилия вначале, к максимальному, до боли, сокращению в конце. Но это приятная боль, заставляющая повторять движение снова и снова, чтобы в очередной раз насладиться щемящим острым чувством, пока ноги не откажут, не в силах сделать очередное повторение. И тогда можно отдохнуть, поднявшись, побродить на негнущихся ногах, разминая забитые продуктами метаболизма мышцы.

Ольга встала со скамьи, прошла, дотрагиваясь до бедер, и с удовольствием ощущая

под пальцами тугую, упругую плоть. Не смотря на редкие посещения спортзала, мышцы не только не убавились в размерах, но, казалось, лишь увеличились, стали ощутимо крепче и сильнее. Веса, с которых она начинала пару месяцев назад, теперь казались смешными, а могучие мужчины вокруг, хоть и не утратили ореола величия, но уже не выглядят всесильными титанами, способными на любые подвиги.

Порой, сравнивая веса с массой бодибилдера, Ольга с удивлением ловила себя на мысли, что соотношение используемых ею отягощений к собственному весу не намного хуже, а иногда и лучше, чем у окружающих спортсменов. Наблюдение вызвало гордость, и способствовало занятиям, усиливая и без того приятные ощущения от занятий до уровня радости.

От размышлений отвлек голос тренера.

— Разогрелась? Тогда приступим.

Ольга повернула голову. Антон стоит рядом, высокий и могучий, словно воин из древних сказаний: мощный волевой подбородок, холодная синева суровых глаз, руки скрещены на груди, бугрятся мышцами. Воображение дорисовало доспехи и густую, длинную бороду, так что Ольга прыснула в кулак, сказала приветливо:

— Приступим. Хотя, боюсь, я уже немного подустала, так что полной выкладки не обещаю.

В лице тренера промелькнуло замешательство. Слишком не вязалось радостное лицо девушки со случившимся четверть часа назад происшествием. Он нахмурился, сказал в полголоса:

— У тебя все в порядке, может отложить до следующего раза?

Ольга взглянула удивленно, но, перехватив брошенный Антоном взгляд на пол, где виднелись несколько засохших бурых капелек, посерьезнела, сказала:

— Нет, все хорошо. Я не пьяна, и в отличном состоянии, просто... решила последовать умному совету — не портить себе настроение тем, что уже не изменишь.

Антон несколько мгновений вглядывался Ольге в лицо, но собеседница смотрела серьезно, и он лишь пожал плечами, протянул со странной интонацией:

— Что ж, тем лучше, нет угрызений — нет проблем. Пойдем, — он указал рукой на противоположную часть зала, — там как раз стойка освободилась. Да и места больше, в случае чего.

В последних словах тренера послышалась скрытая досада, но она не стала переспрашивать, послушно двинулась следом. Тем более, что в словах Антона присутствовал свой резон, в дальней части зала тренажеры стоят не так густо и места действительно больше. Антон остановился возле стойки со штангой, взглянул вопросительно. Ольга встала рядом, свинтила по «блину» с каждой стороны, примерилась. Вес оказался значительно больше обычного, но мышцы успели достаточно разогреться, чтобы не бояться травмы, к тому же после удачной расправы над противником она ощущала значительный душевный подъем.

Отбросив сомнения, Ольга встала под штангу, взявшись крепче за гриф, выпрямилась. На плечи надавало, спина ощутимо напряглась. Мелкими шагами она отошла от стойки, глубоко вздохнула. Тренер встал рядом, и чуть позади, спросил негромко:

— Уверена? Вес небывало высок.

Ольга раздраженно дернула щекой, выдохнула:

— Не шепчи под руку...

И вновь приседания, но уже совсем, совсем другие. Один. Вес неумолимо давит на плечи, вжимая в пол. Два. Суставы поскрипывают, мышцы гудят от перенапряжения. В ушах стремительно нарастает гул, а перед глазами мелькают красные мушки, что становятся все больше, ярче, злее. Три, четыре... Мир колеблется в такт движениям, начинает плыть, размываться.

Откуда-то сверху, сквозь шум, пробивается взволнованный голос тренера:

— Ты держись? Ольга! Я снимаю штангу.

— Нет!

Крик протеста через пересохшие губы, что, кажется, разносится на весь зал, но на деле едва слышен. Она должна доделать упражнение сама, без помощи. Перед внутренним взором всплывает лицо тренера по легкой атлетике, первой и единственной, кто заложила основы отношения к спорту, что в дальнейшем распространились и на остальную жизнь. Взятая — держись. Если же ноша не по силам, держись не смотря ни на что, зубами, ногтями! Не для других, для себя, чтобы уметь верно оценить ситуацию. Ведь далеко не всегда можно отложить неподъемное, отбросить утомительное, отказаться от взятых обязательств. Потому что ценой подобной слабости может стать слишком многое, в том числе и жизнь.

Десять! Пошатываясь, она шагнула вперед. Лязгнув, штанга легла на подпорку. Ольга повисла на грифе, чувствуя, что если отпустит, неминуемо рухнет на пол. От перенапряжения мышцы потеряли чувствительность, грудь ходит ходуном, со свистом втягивая воздух, которого вдруг стало непривычно мало. Наверное, так себя чувствует выброшенная на берег рыба.

Отлепившись от штанги, Ольга сделала пару шагов, чувствуя, как рассеивается мутная пелена перед глазами, а в ушах затихает шум, повернулась к тренеру, сказала с бледной улыбкой:

— Как видишь, взяла. Но ты был не далек от истины. Вес действительно великоват.

Антон покачал головой, в его глазах отразилось восхищение, произнес ободряюще:

— Молодец! Лишний раз убедился, что не ошибся с выбором. — Он подмигнул, намекая на недавний разговор, добавил заговорщицким тоном: — Если так пойдет дальше, боюсь представить, какие перспективы тебя ждут на соревновательном поприще.

Ольга глубоко вдохнула, ощущая, как тело начинает оживать, сказала с кривой ухмылкой:

— И даже не думай. Я, конечно, молодец, и все такое, но в ближайшем будущем подобных подвигов не жди.

Защищаясь, Антон выставил ладони перед собой, сказал сокрушенно:

— Конечно — конечно. Какие могут быть подвиги? Разок попробовала и хватит.

Взглянув на его довольное лицо, вовсе не соответствующее трагичному тону, Ольга лишь покачала головой, отвернулась. Не смотря на достигнутый рекорд, тренироваться столь интенсивно не входило в ее планы. В свое время она уже работала в подобном темпе, и отлично помнила чем это сопровождается: растянутые мышцы, долгий, необходимый для восстановления, сон, нехватка времени.

Такое позволительно, когда тебе шестнадцать, энергия бьет фонтаном, а, помимо учебы, других обязательств нет. Но, годы идут, появляются новые увлечения, время игр и ветра в голове проходит, сменяясь серьезным подходом взрослого человека. Былые ценности пересматриваются, многие исчезают, остальные трансформируются в более приземленные, повседневные, бытовые.

Нить размышлений спуталась, прервалась. Ольга отогнала неуместные воспоминания, шевельнулась, прислушиваясь к телу. Ощувив, что отдохнула, она повернулась к Антону, сказала бодро:

— Что ж, эскутор, продолжим.

Едва серия упражнений закончилась, Ольга повалилась на скамью, ощущая, что если немедленно не приляжет, то на этом ее «спортивная карьера» прервется, вместе с мыслями, сознанием, и, возможно, жизнью. Когда дыхание восстановилась, шум в ушах исчез, а зал перестал расплываться, она замедленно повернула голову, с удивлением обнаружив, что в помещении почти никого не осталось. Лишь в дальнем углу субличного вида парень сосредоточенно поднимает гантели, да негромко переговариваются пару человек возле входа, что явно закончили занятие, но, увлеченные беседой, никак не разойдутся.

С трудом пошевелившись, Ольга села. Мелькнуло мгновенное непонимание, что она забыла поздно вечером в душном тренажерном зале, но, усилием воли, Ольга задавила слабость, нетвердой походкой двинулась к выходу, переступая разбросанные повсюду груза и задевая тренажеры. Мужчины на мгновение прервались, проводили ее оценивающими взорами, но сил не осталось совсем, и Ольга даже не повела в их сторону взглядом.

В коридоре попался Антон. Оглядев ее скептическим взглядом, тренер произнес:

— Да, выглядишь неважно. Ты, наверное в душ? Искупишься, не забудь, зайти на пару слов.

Говорить не хотелось, и Ольга лишь механически кивнула, прошла мимо, с трудом волоча ноги. В предбаннике никого не оказалось. Сбросив одежду, Ольга зашла в душевую, на полную вывернула ручку крана. Когда прохладные струи обрушились на плечи, она едва не застонала от наслаждения, настолько приятным и освежающим оказалось купание после изнурительной тренировки. Не обращая внимания, что волосы начинают намочать, она уперлась руками в стену, и долго — долго стояла, время от времени уменьшая напор горячей воды, и добавляя холодную.

Ощущение, что она находится на последней стадии издыхания, прошло, сменившись приятным расслаблением, а затем и бодростью. Ольга завернула кран, наскоро выжав волосы, покинула душевую.

Она уже стояла возле гардероба, когда вспомнила о просьбе Антона. Идти не хотелось, но Ольга пересилила себя, направилась к комнате тренера. Сидя за столом, Антон что-то сосредоточенно писал в журнале. Заслышав скрип двери, он поднял глаза, кивнул, указывая на диванчик. Ольга секунду сомневалась, но диванчик призывно манил округлыми формами, и она сдалась, присела, ощущая, как по телу разливается блаженство — после жестких скамей тренажеров скрытая под тканью поролоновая прослойка показалась мягче любой перины.

Закончив писать, Антон отложил журнал, взглянув Ольге в лицо, произнес с уважением:

— Поздравляю, сегодня ты выложились на сто... нет, на все двести! Это успех.

Ольга отмахнулась.

— Если и успех, то весьма сомнительный. Я же завтра ходить не смогу. Да и сегодня, — она шевельнула головой, ощущая, как в спине неприятно кольнуло, — уже с трудом.

Тренер нахмурился.

— Что-то потянула? Где именно болит?

Услышав в его голосе озабоченность, Ольга ответила устало:

— Спина немного, и плечи... В общем, ничего особенного. Зачем звал?

Антон покачал головой, судя по нахмуренным бровям и сосредоточенному выражению лица, он опасался за состояние здоровья подопечной едва ли не больше ее самой.

— Хотел поговорить о добавках. С такой нагрузкой, то что я тебе дал в прошлый раз, это слону дробина. Но об этом чуть позже, а пока покажи спину, не было бы что серьезного.

Он подошел, встал рядом. Подниматься не хотелось, но Антон смотрел требовательно, и Ольга нехотя подчинилась. Поднявшись, она повернулась спиной, указала саднящие места. Антон потер ладони, прикоснулся, с силой провел вдоль позвоночника. Стоять ровно не было сил, и от каждого прикосновения Ольгу шатало, так что в конце тренер не выдержал, сказал с досадой:

— Будь добра, стой крепче, или упрись. Болтаешься как...

Мысль о малейшей нагрузке казалась кощунством. Мгновение подумав, Ольга легла на диван, сказала с удовлетворением:

— Давай лучше так. По крайней мере, не упаду.

Пальцы тренера уверенно пробежались по спине, ощупывая, надавливая и разминая. Ощущая, как под уверенными движениями рук Антона кожа стремительно разогревается, а по мышцам разбегаются огненные ручейки, Ольга расслабилась, полностью отдавшись процессу. Активно двигая руками, Антон разогрелся, от него пошел ощутимый жар. Ноздрей коснулся запах мужского пота, защекотал, растревожил.

Ольга ощутила, как глубоко внутри возникло и принялось стремительно разрастаться желание. Последнее время желание возникало сразу же, едва она переступала порог зала, когда ноздрей касался крепкий запах пота, а взгляд натыкался на полураздетых, разгоряченных мужчин с раздутыми от тренировки мышцами. Двигаясь по залу, она буквально впитывала глазами и носом окружающих, с трудом сдерживалась, чтобы не наброситься на ближайшего спортсмена, сорвать остатки одежды, повалить, прижаться всем телом...

Лишь приступив к тренировке, она постепенно успокаивалась, переключаясь в рабочий режим, отстранялась от окружающего. Желание утихало, а бушующая в теле энергия направлялась на борьбу с отягощениями, беспощадной металлической массой неумолиможимающими в пол. И сейчас, присутствие рядом распаленного могучего мужчины вновь вызвало желание к жизни, усилило, напитало энергией.

Ольга охнула, застонала. Не в силах сдерживаться, зарычала, словно дикий зверь, ужом вывернувшись из-под рук, развернулась. Озадаченное лицо, распахнутые в удивление глаза тренера, замершие на середине движения руки. Он до сих пор не почувствовал ее состояния, или просто боится реагировать, отвечая на чувственный импульс?

Ольга рванулась вперед с такой силой, что Антон покачнулся от толчка, обвила руками плечи, впилась губами в губы, ощущая, как тело сотрясается от ничем не сдерживаемой страсти. Толчок. Покачнувшись, тренер мягко заваливается на спину. Под руками трещит и рвется ткань спортивного костюма. Пальцы дрожат от нетерпения, стремясь добраться до мужского естества, что уже обозначилось под остатками одежды, с каждым мгновением становясь сильнее.

Последние куски ткани летят в сторону, руки касаются горячего, хватают, мнут в нетерпении. В груди зарождается рычание, а перед глазами плывет. Быстрее, еще быстрее! Низ живота пронзает жаром, а в голове вспыхивает огненный шар, когда в трепещущую от вожделения плоть вклинивается несокрушимое, могучее, мужское. Сознание истаивает, а мир исчезает, остаются лишь древние инстинкты, могучие и яростные, что, исполненные

безумной силы, причудливо переплетаются, наполняя тело кипящим пламенем.

Страсть угасла. Из тела медленно утекают последние струйки огня, оставляя после себя приятную усталость и расслабленность. Рассудок очищается, сбрасывая наложенные плотью оковы. Ольга осмотрелась, холодно оценивая обстановку. Рядом в расслабленной позе лежит мужчина, разметавшись в обнаженном великолепии. Но зрелище уже не вызывает страсти, просто обнаженный мужчина, отличающийся от прочих лишь могучим телом, не меньше, но и не больше.

Ольга встала, принялась одеваться. Антон зашевелился, открыл глаза, некоторое время следил за ее движениями, но не выдержал тишины, выдохнул с восторгом:

— Невероятно! Никогда не занимался сексом так...

— Как? — поинтересовалась Ольга отстраненно.

— Эмоционально, страстно, яростно. — Антон завозился, приподнялся на локте. — Как правило, женщины почти не проявляют себя, порой, просто лежат, иногда стонут. Но, чтобы так...

— Ты что-то хотел сказать? — Застегивая бюстгальтер, Ольга взглянула выжидательно.

Ошарашенный ее холодностью, ведь еще пару минут назад эта девушка билась в его объятьях с яростью тигрицы, Антон промямлил:

— Да... Я хотел... В общем, тебе нужно начать принимать дополнительные анаболики.

— Нужно ли?

Ощув в голосе собеседницы сомнение, тренер заговорил сбивчиво:

— У тебя очень большой потенциал. А учитывая, как ты занимаешься... можешь заниматься, это просто кладезь возможностей. С такими данными и упорством сделать карьеру на почве бодибилдинга — плевое дело! Единственно, нужно немного подстегнуть организм, помочь ему с нагрузками, подкормить.

Слушая вполуха, Ольга раз за разом ловила внутри некое смутное ощущение, пока то наконец не проявилось ярче, оформившись в понимание. В голосе тренера не было убеждения. Освободившись от оупляющей пелены желанья, чувства стали острее, и неуверенность в голосе тренера проявилась как никогда отчетливо. Откровением это не стало.

За последние несколько лет, после знакомства с изнанкой жизни, с глаз спала розовая пелена детских представлений о мире. Ольга убедилась, что люди обманывают часто, гораздо чаще, чем об этом принято говорить и думать, не обременяя себя угрызениями совести, а уличенные, лишь пожимают плечами, легко оправдываясь социально одобряемыми мотивами, от «лжи во спасение», до «меньше знает — крепче спит».

Оставалось понять, чего именно Антон хотел добиться, обманывая ученицу. Были ли это далеко идущие корыстные цели, или разовая небольшая ложь, а быть может вызванное спонтанным сексом ощущение обязательства, исходя из которого мужчина должен чем-то «отблагодарить» подарившую ему себя женщину.

Прямо взглянув в глаза тренеру, Ольга сказала кротко:

— Я не понимаю.

Антон подскочил, забегал по комнате, собирая, и суетливо натягивая на себя разбросанную повсюду одежду. Закончив, он нагнулся к шкафику, покопавшись, вынул несколько пластиковых баночек с яркими кричащими наклейками с изображением могучих

мужчин, мелодично звякнувшую картонную коробку, сложив горкой на стол, подвинул к Ольге.

— Это необходимый минимум. Будь добра, принимай вместе с тем, что я дал раньше, по той же схеме. — Видя, что собеседница открыла рот для вопроса, поспешно добавил: — Про цену не беспокойся. Это не очень дешево, но, учитывая мои планы на тебя, включу в стоимость занятий. Было бы свинством, нагружать тебя еще и оплатой добавок.

Глядя на его заискивающую улыбку, Ольга сдержала готовые вырваться слова сомнений, молча взяла баночки, с особым тщанием подхватила коробочку с хрупким содержимым, без сомнения, ампулами препарата, и, кивнув на прощание, вышла в коридор.

Оставшись один, Антон прошелся по комнате. На его лице отражалась явная борьба чувств, губы то расплывались в блаженной улыбке, то сурово поджимались, брови непрерывно двигались, а кожа на лбу то собиралась в глубокие складки, то распускалась, отчего лицо становилось расслабленным и отрешенным. В конце концов лицо окаменело, желваки угрожающе выдвинулись. Чеканным шагом он подошел к столу, вытащил из ящика записную книжку и принялся неторопливо заполнять пустую страницу, при этом его глаза заледенели, а губы искривились в нехорошей ухмылке.

* * *

Дни потянулись одинаковые по содержанию, и внешне почти не отличимые, как кадры затянувшегося сериала. С утра Ольга шла на фирму, где с головой окуналась в работу, выныривая лишь к вечеру, когда солнечный свет сменялся спрятанными за изящными абажурами лампами освещения, во дворе затихало рычание двигателей, а в глазах начинало мутиться от утомления.

Порой, приходилось заходить в гараж, но о ссоре не вспоминали. Время от времени Ольга ловила на себе недобрый взгляд Варвары, но дальше молчаливого неодобрения товаровед не шла, и о стычке забыли. На тренажерный зал не хватало времени и сил. После рабочего дня хотелось расслабиться, а не тягать железо, к тому же последняя тренировка измотала так, что Ольга почти сутки ощущала себя выжатой, как лимон, а мышцы болели и того дольше, и при ходьбе она то и дело морщилась от острой простреливающей боли в бедрах.

Секс с Антоном не оставил почти никаких воспоминаний, и Ольга лишь смутно удивлялась столь острому приступу желания, которому не помешало даже сильнейшее утомление после тренировки. Выданные тренером препараты она принимала исправно. Незадолго до ужина Ольга вытряхивала из баночек нужное количество капсул, не жуя, глотала, после чего запивала специальным питательным раствором на основе смеси аминокислот. Стероиды, требующие внутримышечного введения, оставались на вечер.

Пужинав, она недолго смотрела телевизор, затем, взяв одну из многочисленных книг, ровным рядком выстроившихся на полках шкафа, устраивалась на диване. Изредка прерываясь, она вытаскивала из оставленной Владимиром коробочки леденец, хрустела фантиком, и вновь возвращалась к книге, ощущая на языке терпкий привкус сладости. Когда читать надоедало, а глаза начинали слипаться, Ольга откладывала книгу и сверялась с блокнотиком, где расписала план приема лекарств, которому следовала неукоснительно. Пугающая реакция на лекарство больше не повторялась, и, успокоившись, что доктор выдал

нечто «не то», или «не в тех целях», она раз за разом вводила себе препарат, после чего усиленно растирала оставшуюся от укола болезненную шишечку.

На пятый день, вечером, придя домой, Ольга поужинала, сделав инъекцию препарата, походила, растирая саднящее место, подошла к шкафу. Рука привычно потянулась к книжной полке и... опустилась, не коснувшись корешков. Желания читать не было. Ольга постояла в раздумье, присела в кресло. Пальцы легли на металлическую коробочку, машинально открыли, но наткнулись на пустоту. Леденцы закончились прошлым вечером. Ольга вновь встала, прошла по комнате, прислушиваясь к себе. С интересом отмечая, как уходит сонное оцепенение, в котором она пребывала все эти дни.

Словно в пасмурный день, сквозь затянувшие небо тучи, прорвалось солнце, заливая все вокруг яркими лучами. Мир заиграл красками, стали слышны далекие звуки, протаяли до того едва ощутимые запахи, налились силой. Будто вместе с окончанием рабочей недели спала невидимая пелена, обострившая чувства.

Из окна донеслись далекие вопли, кто-то кричал, хохоча через слово, ему вторили. Мелодичными колокольчиками рассыпался женский смех. То стихая, то вновь усиливаясь, зазвучала популярная мелодия. Пространство квартиры вдруг показалось непривычно тесным, стены и потолок навалились, начали давить. Нахлынуло сильнейшее желание выйти во двор, на свежий воздух, где, ничем не сдерживаемый, ветер носится меж домами, завывая от избытка сил и безраздельной свободы.

Ольга еще немного побродила по комнатам, но ощущение не только не улеглось, но лишь усилилось, заполнило мысли, подчиняя разум и властно требуя воплощения. Ольга принялась было выбирать одежду, но бросила, натянула первое, что попало на глаза, и вышла из квартиры, преисполненная небывалого подъема.

Уличный воздух окутал свежестью. Ольга встряхнулась, с наслаждением вдохнула полной грудью. Не смотря на ощутимый мороз и толстое снежное одеяло, чувствовалось приближение весны. Воздух насытился ароматами, еще слабыми, едва ощутимыми, ожил после мертвящего дыхания зимы. Сугробы потемнели, в открытых для солнца местах покрылись серой коростой льда, заметной даже в сумерках.

Висящий над подъездом фонарь, обычно заливающий двор мертвенным бледным светом, не горел, что оказалось весьма кстати. В сумраке ночи крылась своя прелесть. И хотя полноценной тьмы в городе, и, тем более, освещенном окнами многочисленных квартир, дворе достичь вряд ли было возможно, царящих вокруг серых теней хватило с избытком.

Неподалеку, за деревьями, разговаривали, и Ольга крадучись двинулась в направлении звука, ощущая непривычный азарт. Напрямую мешал пройти огромный сугроб, и она пошла в обход. Пробираясь по пересекающим двор узким тропкам, то и дело меняя направление, Ольга ощущала себя выслеживающей дичь охотницей. И если сперва это казалось увлекательной игрой, то под конец она настолько прониклась состоянием, что стала бояться излишне громким вздохом или скрипом снега выдать свое расположение.

Казалось, грохот хрустящего под ногами ледка разносится по всему двору, и уже все вокруг, включая случайных прохожих за пределами двора, с насмешкой наблюдают за ее действиями, но продолжают делать вид что ничего не происходит. Наконец, она подошла почти вплотную к беседующим, остановилась за деревом. Разговор не заинтересовал, но интонации одного из собеседников показались знакомыми. Ольга задумалась, вспоминая, а секундой позже шагнула вперед.

Стоящие за деревом парни продолжали разговаривать, словно не замечая возникшей за

спинами девушки. Ольга немного постояла, но, так и ничего и не дождавшись, кашлянула, привлекая внимание. Парни в голос ойкнули, отшатнулись. Во тьме протаяли бледные овалы лиц, широко распахнувшись, глаза с подозрением вглядываются в фигуру позади, тела изогнулись, не то принимая защитные стойки, не то готовясь убежать, если опасность окажется слишком велика.

С трудом сдержавшись, чтобы не фыркнуть, Ольга произнесла зловещим шепотом:

— Кошелек или жизнь!

Один из парней шумно выдохнул, сказал с заметным облегчением:

— Ну ты маньячка.

Второй, не успев оправиться от испуга, лишь хватал ртом воздух, готовясь выразить недовольство. Не дожидаясь, пока парень соберется с силами, Ольга произнесла с улыбкой:

— Привет, Сашок. Чего так напугались, шибко страшная?

Александр улыбнулся, сказал приветливо:

— Скорее, внезапная. Хоть бы снегом скрипнула, или кашлянула, а то подкрадываешься, как кошка. Не гавкни над ухом, я бы и не заметил. — Он хлопнул товарища по плечу, сказал с подъемом: — Познакомься, это та самая девчонка, что Бориса срубила. Ну, помнишь, я рассказывал.

Парень окинул Ольгу оценивающим взглядом, сказал неверяще:

— Шутишь? Эта, мелкая, да против Бориса...

Ольга улыбнулась, а Сашка сказал серьезно:

— Нет, ты, конечно, можешь проверить на себе, но я бы настоятельно не рекомендовал. — Он взмахнул руками, одновременно указывая на обоих, с важностью произнес: — Познакомьтесь, это Ольга, сокрушительница челюстей, а это Степан, мой старый знакомый.

Приветливо улыбнувшись, Ольга кивнула, Степан же лишь едва дернул головой, сказал с сомнением:

— По-моему, все-таки ты приукрашиваешь. — Добавил поспешно: — Но, конечно, проверять не буду. Не любитель я рожу бить, тем более девушкам.

Ольга произнесла подчеркнуто серьезно:

— И это правильно. Выбитые зубы, сломанные челюсти, кровь повсюду... Потом разборки с полицией, очные ставки, грязные КПЗ. — Глядя, как с каждым словом испуганно расширяются глаза собеседника, не выдержала, сказала со смешком: — Ладно — ладно, шучу. Действительно, порой приходится вести себя не совсем по-женски, но Сашок явно преувеличил мои подвиги, хотя, мы на эту тему договаривались...

Ощувив на себе пристальный взгляд собеседницы, Сашок поспешно сказал:

— Понял, заткнулся. Да и не говорил я ничего особенного, так, в общих чертах.

Степан с явной опаской переводил взгляд с одного на другую, и было непонятно, что его встревожило больше, шутливая фраза Ольги, или чересчур поспешное согласие товарища, обычно не отличавшегося покладистостью.

Переводя тему в безопасное русло, Александр поинтересовался:

— А ты чего по кустам рыщешь, да еще так поздно?

Ольга пожала плечами.

— Дома не сидится. А здесь хорошо, свободно... — Она шумно вдохнула, добавила: — Да и воздух вкуснее. На работе, в затхлом помещении, не шибко надышишься.

— А проветрить? — поинтересовался Степан осторожно.

Сашок отмахнулся, сказал с подъемом:

— Какой проветрить, ты на нее посмотри внимательнее. Хищница — одно слово. Какое уж тут дома сидеть. — Александр мгновение размышлял, отчего на лбу залегли глубокие складки, затем произнес деловито: — Слушай, раз ты все одно гуляешь, может, составишь компанию? Мы как раз собирались до наших пройтись, пообщаться.

— «Ваших», это каких? — поинтересовалась Ольга насмешливо. — Тех восторженных юнцов с невнятными подружками?

Сашок поморщился, сказал с обидой:

— Чего сразу юнцов? Ну да, будут, но не они одни. Там и постарше кто, ну, из тех, что в прошлый раз были, когда вы с Борисом... — Заметив нехороший блеск в глазах собеседницы, он ойкнул, поспешно закончил: — В общем, те, что были в прошлый раз. Ты должна помнить.

Ольга кивнула, сказала отстраненно:

— Я помню.

— Вот и отлично. Значит, пойдем вместе. Пообщаемся, а по пути защитишь, если что. А то ведь, мы такие мирные, такие мирные, что всякий встречный обидеть норовит. — Он хмыкнул, подхватив Ольгу под руку, потащил за собой, двигаясь к выходу из двора. Степан пошел следом.

Ольга позволила себя увлечь. Особой разницы, где именно гулять, она не видела, а предстоящая встреча обнадеживала, суля хоть какое-то развлечение в виде новых знакомств и общения с интересными людьми.

Покинув двор, вышли на проспект, но вскоре свернули на одну из прилегающих узких улочек. Не смотря на близость к дому, бывать в этих местах еще не приходилось. Ольга с интересом вертела головой, всматриваясь во встречающиеся дома старинной архитектуры и небольшие, занесенные сугробами дворики. Однако, фонари в этом районе попадались не часто, или Александр специально выбирал наиболее темные закоулки, и кроме тусклых квадратов окон да белесых пятен сугробов разглядеть хоть что-либо стоило большого труда.

Ольга осматривалась все реже, запоминая лишь общее направление, а вскоре и вовсе перестала, углубившись в мысли. Поэтому, когда Александр остановился, бросив короткое — «пришли», невольно вздрогнула, оторванная от размышлений, подняла голову. Звучащий на заднем плане шум оказался музыкой, доносящейся из машины неподалеку. Тут же, в подсвеченном пятне фар второй машины, неспешно двигаются фигуры людей. Кто-то танцует, покачиваясь в такт ритму, кто-то бесцельно бродит, остальные стоят рядом, негромко переговариваются.

Ольга всмотрелась, несколько лиц показались знакомыми, произнесла вполголоса:

— Кое-кого узнаю, но немногих.

Сашка откликнулся со смешком:

— Ближе подойдем — узнаешь. Да и не все на улице, кто-то по машинам сидит, кто-то отошел.

Они двинулись вперед. По мере приближения слова Александра подтвердились. Неподалеку, за кустами, протаяли еще силуэты, а в салонах машин, подсвеченные огнями приборных панелей, проявились тени людей. Их заметили, стали поворачиваться, махать руками. Дверцы ближайшей машины распахнулись, из салона вышли двое, распахнув руки, двинулись навстречу. Ольга узнала лица. Знакомые по последней, закончившейся столь некрасиво, встрече — Тимур с Леонидом.

Лицо Тимура озарилось радостью, когда он приветственно произнес:

— Какие люди! Не могу поверить, что это ты.

Леонид кивнул, сказал чуть более сдержанно:

— Действительно, приятная неожиданность. Каким ветром?

Ольга пожала плечами, ответила беззаботно:

— Как всегда. Проходила мимо.

— А эти, — Тимур кивнул на спутников, — тоже проходили?

— Эти, между прочим, едва до вас дорогу наши, — ответил Сашка обиженно. — Забрались к черту на рога, ближе места не было?

Тимур улыбнулся, сказал примирительно:

— Шучу. Это очень хорошо, что вы подошли. Идите к остальным, а мы с Ольгой парой слов перекинемся, и подойдем следом.

Не задавая вопросов, парни двинулись вперед. На лице Степана застыла благожелательная улыбка, Сашка же хмурился, но перечить не решился. Проводив парней глазами, Леонид предложил:

— Думаю, тебе уже поднадоело шастать по морозу. Если не возражаешь, можно пойти к машине, в комфорт и тепло.

Ольга покачала головой, ответила:

— Мороз не настолько сильный, а на улицу вышла не за комфортом — воздухом подышать.

Леонид взглянул на товарища. Тот сказал с широкой улыбкой:

— Никто и не сомневался. После вашего общения с, гм, Борисом, я не удивлюсь, даже если узнаю, что ты спишь на снегу и охотишься на медведей с голыми руками. Кстати, — он оживился, — с Борисом все в порядке. Сидит дома, лечит ногу.

— Разумно с его стороны, но не скажу, что меня это сильно интересует, — сухо ответила Ольга.

Леонид мягко произнес:

— Вижу, воспоминания не доставляют тебе удовольствия, и это странно. Учитывая разницу в весовых категориях, на твоём месте любой был бы горд победой.

Ольга ощутила раздражение, сказала сдержанно:

— Возможно, я должна быть необычайно рада, что победила в схватке, от которой вы не смогли, да и не особо пытались удержать своего товарища. Но, вынуждена вас расстроить, это не так. И если вы собираетесь говорить об этом весь вечер, пожалуй, я дальше подгулять в одиночестве.

Парни переглянулись. Тимур сказал натянуто бодро:

— Сдаюсь, сдаюсь. Не будем ворошить старое. Вообще-то мы собираемся поехать в кафе. Приятная музыка, расслабляющая атмосфера, выдержанное вино... Естественно, не только мы с Леонидом. Там, в машине, еще девушки, парни. Будем рады, если ты составишь нам компанию.

— А Александр со Степаном? — поинтересовалась Ольга, заранее зная ответ.

Леонид поморщился.

— Думаю, им и здесь неплохо. Не тащить же с собой всю компанию. У них свои интересы, у нас свои. Так ты согласна?

Ольга прикинула варианты. С одной стороны, прогулка в одиночестве по пустым улицам, где ветер пронизывает холодным дыханием, с другой, столик в уютном кафе с возможностью хоть ненадолго выбиться из привычной рутины будней. Учитывая, что гулять уже надоело, а впереди предстояло два выходных дня, особо выбирать не пришлось.

Ольга кивнула. Парни одновременно улыбнулись, Тимур сделал приглашающий жест, двинулся к машине первым. Леонид пошел рядом, сказал чуть слышно:

— Нам действительно очень приятно что ты здесь, особенно мне. Прошлый раз ты оставила неизгладимое впечатление. Я себя потом долго корил, что не догадался узнать координаты.

Ольга сказала с улыбкой:

— Все мое время: не получилось в прошлый раз, получится как-нибудь в другой.

Леонид улыбнулся в ответ.

— Будем надеяться, он уже наступил. Не хотелось бы ждать еще месяц.

Тимур остановился возле первой машины, бросил, обращаясь к товарищу:

— «Кинаро», или в «Часовню» поедем?

— Еще не решил, определимся по ходу.

Леонид предупредительно отворил дверцу, пропуская Ольгу в салон, хлопнув, обошел машину, занял водительское место. Кондиционер работал во всю, и Ольга ощутила, как согреваются руки, озябшие сильнее всего. Глядя, как она подставляет ладони под выходящий из направляющих сеток теплый воздух, Леонид улыбнулся, крутанул регулировочную ручку,

отчего кондиционер зашумел громче, а поток воздуха стал ощутимо сильнее, тронул ключ зажигания. Под шинами закрипел снег, дома за окном качнулись, сдвинулись. Мгновением позже позади полыхнули огнями фары, поплыли следом, не отставая, и не приближаясь — Тимур четко выдерживал дистанцию.

Ольга откинулась на сиденье, отстраненно созерцая сгустки сумрака за окном. Когда ее последний раз приглашали в кафе... полгода назад, год? Мутные, подернутые хмарью, словно из прошлой жизни, воспоминания напозлали одно на другое, мерцали потускневшей позолотой былого, так и не успев проявиться, истаивали.

Голос попугайчика отвлек от размышлений. Сморгнув, Ольга повернула голову, вопросительно взглянула на Леонида, пытаясь ухватить ускользнувший смысл. Заметив непонимание в лице спутницы, он улыбнулся, повторил:

— Извини за навязчивость, но... я бы хотел вернуться к теме. Ваш... — он запнулся, подыскивая слово, — ваше соревнование с Борисом... Я так и не успел понять, что произошло. Да что там я, никто не успел!

Ольга спросила с сарказмом:

— Именно поэтому ты не стал вмешиваться? Реакции не хватило?

Леонид не обиделся, ответил ровно:

— Видишь ли, я считаю необходимым позволить людям отвечать за слова. А вы в тот вечер наговорили друг другу... достаточно.

Ольга усмехнулась.

— А если бы он меня убил? Для людей моей комплекции достаточно хорошего удара.

— До этого бы не дошло.

— Откуда такая уверенность? — Ольга иронически изогнула бровь. — Сам ведь сказал — никто не успел понять. Хотя, думаю, дело в другом.

Леонид помолчал, сказал с расстановкой:

— Борис, конечно, грубоват, но убивать бы не стал, не стал бы даже калечить.

— Звучит обнадеживающе.

Леонид повернул голову, сказал серьезно:

— Все немного не так, как видится. Я неплохо разбираюсь в людях, и могу сказать наверняка, пустышка ли передо мной, или человек действительно из себя что-то представляет. Ошибаюсь очень и очень редко.

Ольга вздохнула. Разговоры о достоинстве и силе, ласкающие самолюбие обычным людям, давно не радовали. Слишком хорошо она знала цену превосходства над окружающими.

— Да, да, конечно.

По-своему расценив ее реакцию, Леонид сказал с нажимом:

— Ты — один из редких случаев, когда я засомневался. — Он всплеснул руками, воскликнул с показным пренебрежением: — Мелкая девчонка, с огромным самомнением и невероятной наглостью, что она из себя представляет? — Продолжил серьезно: — Но, как я уже говорил, что-то было не так. Некое несоответствие. Из-за чего я и позволил ситуации зайти так далеко.

Ольга вновь погрузилась в раздумья. Хватило бы у Леонида влияния вмешаться, чтобы предотвратить стычку, а главное, захотел бы он это сделать, даже будучи полностью уверен, что после «спарринга» ее вынесут ногами вперед, особого значения не имело. Любопытство вызывало лишь одно — для чего он затеял этот разговор: оправдаться в ее глазах, поднять

свой статус, что-то еще...

— Так все-таки? — Леонид вернулся к вопросу, прервав затянувшуюся паузу.

Ольга вздохнула, нехотя ответила:

— Обучалась одно время. — Предотвращая последующие вопросы, добавила с нажимом: — Где — не важно, чему — тоже. Но, если вкратце, примерно тому, на что меня спровоцировал Борис в прошлый раз.

Теперь замолчал Леонид. Его лицо приобрело озадаченное выражение, а в бросаемых на спутницу взглядах мелькало нечто странное. Не дождавшись продолжения, Ольга вновь вернулась к мыслям. Привлекая внимание, впереди сверкнула кровавая искра вывески «Часовня». Припарковав машину на свободное место, Леонид заглушил мотор, сказал с удовлетворением:

— Ну вот и на месте. Пойдем?

Ольга вышла, с интересом осмотрелась. Вокруг вздымаются запорошенные снегом старинные домики, удивительно опрятные, словно безжалостное время пощадило архитектурные памятники, взамен отыгравшись на чернеющих поодаль серых пятиэтажках. Лишь взглядевшись пристальнее, Ольга поняла — домики недавней постройки, к тому же сложены из новейших материалов, но задекорированы настолько умело, что создается полное впечатление старины и надежности.

Домики примыкают к зданию кафе вплотную, так что кажутся единым массивом. Но, удивление от невероятной виртуозности, с какой здание кафе вписали в свободное пространство, быстро рассеялось, стоило лишь взглянуть в мерцающие за затемненными стеклами окон вспышки. Ольга лишь покачала головой, представив, сколько денег должно было быть вложено в проектировку и воплощение роскошного жилого комплекса, на деле являющегося обычной забегаловкой.

Прошуршали шины, рывкнул мотор. Ольга скосила глаза, отмечая, как из подъехавшей машины вышел Тимур, за ним выдвинулись две девицы и парень. Девицы оказались знакомыми. В памяти всплыла прогулка по парку: идущие рядом, Леонид, Тимур, Борис и смазанные женские лица где-то на заднем плане. Парень оказался незнаком, но Ольга уже потеряла к присутствующим всякий интерес, двинулась в сторону кафе.

В дверях путь перегородил здоровенный охранник. Придав лицу невинное выражение, Ольга вопросительно взглянула снизу вверх. Охранник без интереса мазнул по ней взглядом, отступил на полшага. Усмехаясь про себя, Ольга прошмыгнула мимо. Судя по всему, охранник нес в основном декоративную функцию, отпугивая попрошайек, и своей массивной фигурой поддерживал имидж серьезного и безопасного заведения.

Едва она вошла, по ушам ударила ритмичная мелодия, а ноздри наполнились множеством запахов, где, среди ароматов пыли и дешевой парфюмерии, ощущались приторные нотки съестного, отчего тут же засосало под ложечкой. Ольга было двинулась к гардеробу, но, вспомнив, что пришла не одна, к тому же по приглашению, умерила пыл, застыла, терпеливо поджидая спутников.

Ее догнали, подхватили под руки, и уже все вместе подошли к гардеробу. Избавившись от верхней одежды, девушки принялись крутиться возле зеркала, прихорашиваясь, и строя друг другу глазки. Парни отошли в сторону, принялись о чем-то совещаться, то и дело бросая взгляды в направлении входа на танцпол.

Оказавшись вне сферы внимания спутников, Ольга незаметно отошла в сторонку, двинулась вглубь кафе, отмечая расположение дверей, крепкие фигуры охранников, и

спрятанные в ажурных украшениях лепнины глазки камер слежения. Минуту спустя она спохватилась, обозвав себя дурой, тряхнула головой. Выработанные, будучи телохранителем, привычки держались крепко, и понадобилось неоднократное целенаправленное усилие, чтобы, отбросив настороженность, воспринимать окружающее таким, каким оно и задумывалось — бесцельное времяпрепровождение, в клубах ароматного дыма, под пленяющий ритм и завораживающие вспышки цветомузыки.

Пройдя короткий коридор, Ольга остановилась в замешательстве. Просторный зал, в центре десяток — другой людей размеренно двигаются под музыку, вдоль стен, в живописном беспорядке, расставлены столики. Ближе к углам располагаются проходы в соседние помещения. Стены завешаны тяжелой мягкой тканью, отчего помещение приобретает сходство со зрительским залом небольшого театра. У потолка крутятся стробоскопы, наполняя зал мерцающим сиянием.

Приглашая ее в «кафе», парни явно лукавили, не то опасаясь отказа, не то желая сделать сюрприз. Ольга усмехнулась. Сюрприз удался. Растущее возбуждение требовало выплеска и удобный танцпол в уютном клубе оказался как нельзя кстати. Пока она раздумывала, направиться ли к барной стойке, или сразу пойти танцевать, рядом возникли спутники. Ее подхватили под руки, потащили, усадили за один из свободных столиков.

Девушки расположились рядом, тут же принялись вертеть головами. Ольга улыбнулась краешком губ. Судя по горящим глазам, и бросаемым по сторонам, исполненным любопытства, взглядам, их сюда приглашали не часто. Парни встали возле стола. Тимур поинтересовался:

— Какие будут заказы?

— Мне чего-нибудь сладкого, — томно прошептала одна из девушек, стройная блондинка с круглым личиком и наивным взглядом широко распахнутых глаз.

— А мне коктейль, и покрепче, — произнесла вторая, фигуристая шатенка, выгнувшись так, что ткань платья разошлась, наполовину обнажив тяжелые полукружья груди, отчего парни, как один, повернули головы в ее сторону.

Веселясь про себя бесхитростным методом, каким девушки усиленно производили впечатление на парней, Ольга сказала просто:

— А мне тарелку пельменей. Ну, или, что тут дают съестного?

Лица девушек вытянулись. Они понимающе переглянулись, скорчили презрительные гримасы. Тимур кивнул, двинулся в сторону стойки, Леонид пошел следом, а третий парень произнес с подъемом:

— Пока товарищи выполняют заказ, предлагаю не терять время даром и немного размяться. Кто со мной?

Блондинка захлопала в ладоши, прошептала:

— Отлично! Ты просто читаешь желания.

Парень кивнул, обвел взглядом остальных.

— А вы что скажете? Марина, Ольга?

Шатенка пожалала плечиками, сказала с запинкой:

— Вы идите, а я пока посижу, проникнусь атмосферой. Да и сумки кто-то должен охранять.

Парень понимающе кивнул. Судя по жадному взору, вопрос касался в основном Марины. Однако, шатенка явно нацелилась на кого-то из ушедших. Незаметно вздохнув, он перевел взгляд на Ольгу, сказал просительно:

— Ну уж ты-то не откажешься? По глазам вижу — хочешь танцевать. Кстати, меня Марат зовут.

Ольга легко поднялась, ответила с чувством:

— Ты абсолютно прав. Пойдем. А кто не хочет — пусть поработает охранником... посторожит. — Покосившись на ошарашенное лицо Марины, Ольга направилась к центру зала, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать танцевать тут же.

Музыка подхватила, повела. Тело задышало, принялось жить какой-то своей, отдельной от сознания жизнью, двигаясь и изгибаясь сообразно идущему изнутри ритму. Зажигательная мелодия завораживает, преломляясь где-то глубоко внутри, возвращается причудливым мотивом. Мысли ушли, вытесненные могучей чувственной волной, разум отступил, бессильный противиться, притаился, словно дикий зверь.

Музыка затихла, сознание вернулось, неохотно принимая бразды правления. Ощущая, как колотится сердце, а мышцы гудят от усталости, Ольга двинулась назад. Но, едва дошла до столика, музыка заиграла вновь. Так и не присев, она двинулась назад. И вновь непрерывное движение, где тело соединяется с душой, сливаясь в необузданном танце в единое целое.

Разгоряченная, она наконец вырвалась из плена мелодии, вернулась, чувствуя во всем теле приятную усталость. Подойдя к столу, Ольга обнаружила сидящих в одиночестве девушек. Она повертела головой, но парней не заметила. Лишь возле дальнего входа на мгновение почудилась фигура Леонида, но человек исчез так быстро, что нельзя было сказать наверняка.

За время ее отсутствия на столе возникли тарелочки со съестным, открытые бутылки разных размеров и цветов, бокалы. Ольга присела, подвинула к себе ближайшую тарелочку с горкой мелких бутербродов, настолько вкусных на вид, что она едва не подавилась слюной. Игнорируя лежащую под рукой вилочку, Ольга забросила в рот сразу несколько бутербродиков, жадно разжевала, ощущая, как хрустят на зубах хлебцы, а по языку растекается немного приторный, но от того лишь сильнее разжигающий аппетит, рыбный привкус.

Покосившись на девушек, с отвлеченным видом созерцающих мужчин за соседними столиками, Ольга поинтересовалась с набитым ртом:

— А где наши мужчины?

Не поворачивая головы, Шатенка бросила:

— Куда-то ушли.

— Все разом? — Ольга удивилась.

Блондинка всплеснула руками, сказала с восторгом:

— Здесь просто потрясающе! Нужно будет обязательно прийти еще. — Перехватив озадаченный взгляд Ольги, она наморщила лоб, отчего лицо сразу приняло обиженное, детское выражение, сказала с грустью: — Мальчики нас бросили. Куда-то ушли со своими друзьями. Не то поговорить, не то еще что-то.

Ольга кивала в такт словам, продолжая насыщаться. За бутербродиками последовал салат, затем кисло-сладкая подливка с кусками каких-то фруктов. Рука потянулась к тарелочке с креветками, но в этот момент слух царапнула последняя фраза. Ольга нахмурилась. «Пойти поговорить» на мужском жаргоне может означать вовсе не то, что обычно вкладывается в эти слова, совсем не то.

Не меняя интонации, Ольга поинтересовалась:

— А сколько было друзей, и куда они пошли, не заметила?

— Туда, — блондинка махнула в сторону выхода.

— А зачем тебе? — Шатенка развернулась, взглянула пристально.

Ольга пожала плечами, не выказывая эмоций, произнесла:

— Просто, интересно.

— Прямо так и просто? — едко поинтересовалась Марина.

Ольга дожевала салат, сказала задумчиво:

— Пожалуй, прогуляюсь и я. Что-то местная пища уж очень быстро усваивается...

Она встала, неторопливо двинулась в сторону входа, провожаемая исполненным негодования взглядом шатенки. Но ревность случайной знакомой волновала меньше всего. В душе зародился охотничий азарт. Разум настоятельно рекомендовал вернуться за стол, прекратив никому ненужные поиски. Что может случиться с тремя здоровыми мужчинами в ночном клубе, а если и может, не все ли ей равно? Случайное знакомство, отсутствие обязательств, спонтанное приглашение... По-хорошему, она должна развлекаться, выслушивая комплименты за бокалом вина, а не рыскать по клубу, отыскивая малознакомых мужчин, что, вероятно, просто отлучились в туалет.

Доводы рассудка поколебали уверенность. Шаги замедлились, с новой силой потянуло назад, туда, где люди кружатся в бесконечном танце, подчиненные силе ритма. Уже бесцельно, по инерции, Ольга вышла в холл, осмотрелась, больше для порядка, чем рассчитывая увидеть нечто важное. Взгляд привлекла фигура одного из охранников. Могучий настолько, что даже под пиджаком угадывается невероятный массив мышц, охранник стоит возле двери туалета, заложив руки за спину. Стоит расслабленно, ни чем конкретно не занимаясь, но это лишь на первый взгляд.

Сомнения испарились. Ольга вновь ощутила азарт. Охранник здесь не просто так, что бы он ни старался продемонстрировать случайному взгляду. Фигура заметно напряжена, желваки едва заметно пульсируют, глаза сканируют пространство холла, мгновенно реагируя на любого, кто появляется в зоне видимости. Охранник явно прислушивается к чему-то происходящему поблизости, то и дело чуть поворачивая голову.

Позади охранника дверь в мужской туалет. Возникла стойкая уверенность, что цель поиска находится именно там. Повинуясь наитию, Ольга двинулась к охраннику, что при ее приближении заметно напрягся. Изобразив на лице испуг, она остановилась возле, сказала дрожащим голосом:

— Простите, вы не подскажете, где я могу найти охрану?

Мужчина спросил отвлеченно:

— А в чем дело?

Глядя, как он пытается поддерживать беседу, и, одновременно, продолжает прислушиваться, Ольга усмехнулась про себя, сказала с жаром:

— За соседним с нашим столиком назревает драка.

Охранник скривился, делать два дела одновременно явно не получалось, спросил со вздохом:

— Вы уверены?

— Да, да! — Ольга шагнула ближе, осторожно коснувшись плеча, произнесла с нажимом: — Там несколько мужчин, они ведут себя крайне развязно.

— В зале дежурит охрана. — Собеседник поморщился.

— Никого нет! — с трепетом воскликнула Ольга. — Вернее, были, и даже подходили, но их послали матом!

Охранник наконец перестал прислушиваться, обратив все внимание на Ольгу, поинтересовался сердито:

— Вам точно не показалось?

— Нет, нет, что вы! — Ольга едва не плакала. — Они кричали, ругались, упоминали какого-то... — она опустила глаза, незаметно мазнув по прикрепленному на груди собеседника бейджу с именем, — Вадика. Грозилась его не то упустить, не то еще что-то... я точно не поняла.

Лицо охранника потемнело, а от фигуры потянуло такой угрозой, что Ольга с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться. Цедя слова сквозь стиснутые зубы, охранник поинтересовался:

— Где, говорите, сидят эти... — он с трудом сдержал вертящееся на языке слово, — ребята?

— Возле прохода в левый зал. Только не уверена, что они еще там. Когда я уходила, один из них как раз предлагал пройтись по клубу — размяться.

— Сейчас будет им разминка, — прорычал охранник, двигаясь в сторону танцпола.

— Только вы осторожнее, парней четверо, и слабыми они не выглядят! — крикнула Ольга вслед. Но охранник уже исчез, лишь качнулись потревоженные портьеры.

Ухмыльнувшись, Ольга двинулась к туалету, дойдя до двери, замерла, прислушалась. Из туалета, с трудом различимый за звучащей из зала музыкой, доносится гулкий голос. Слова неразборчивы, но, судя по угрожающим интонациям, происходящее явно не теплая беседа старых товарищей.

Мельком оглянувшись, на предмет лишних глаз, Ольга потянула ручку, решительно вошла в туалет. Сразу за дверью небольшой предбанник с раковиной и сушилкой, чуть дальше комната туалета, по правую руку очередь писсуаров, по левую — кабинки. Белая плитка стен, спускающиеся сверху, выполненные в виде цветков, витиеватые плафоны, изящная лепнина потолка. Но не это привлекло внимание.

Впереди, загораживая проход спиной, в расслабленной позе стоит мужчина, а чуть дальше... Ольга нахмурилась. Тимур с Маратом замерли у стены, фигуры исполнены напряжения, лица бледны. Перед ними прохаживаются двое, но за перегородившей обзор спиной детали не видны.

Донесся незнакомый хриплый голос:

— Да вы отрабатывать запотеете, хребты надорвете, моральный ущерб компенсировать!

Раздался дрожащий от напряжения голос Тимура:

— Ребята, ну мы же извинились. Кто знал, что...

Невидимый оратор взвился, перебил грубо:

— Знал — не знал, по барабану!

Контрастом прозвучал тихий вкрадчивый голос:

— Чувствовать должен, на кого пасть разеваешь.

— Как чувствовать-то? — жалобно проблеял товарищ Тимура.

— Жопой!

Две глотки одновременно исторгли гогот, одобряя шутку. Вкрадчивый же добавил:

— А если не знаешь как, мы научим. Прямо сейчас и начнем. Поворачивайся!

Позади грохнуло. Не до конца закрытая, дверь туалета захлопнулась под давлением сквозняка. Хлопок получился столь резкий и неожиданный, что разговор мгновенно оборвался, а стоящий в проходе мужик заметно вздрогнул, живо развернулся. На его лице промелькнул испуг, но тут же исчез, сменившись сперва непониманием, а затем угрозой.

Вздыхнув про себя, дверь привлекла внимание раньше необходимого, Ольга расплылась

в улыбке, глупо хихикнув, поинтересовалась:

— А я, похоже, ошиблась дверью!

Стоящий в проходе мужик поморщился, угроза исчезла с лица, сменившись брезгливостью, сказал с отвращением:

— Влад, мудака, куда-то слинял. А ведь обещал стоять...

Ольга подалась вперед, пьяненько икнув, спросила с интересом:

— А у вас тут мальчишник? Можно я тоже поприсутствую? Никогда не была на мальчишнике.

Мужик вытянул руку, растопыренной пятерней преграждая путь, сказал сердито:

— Иди, иди, нечего тут делать.

— Ну пожа-алуйста, — протянула Ольга плаксиво. — Я и не помешаю вовсе. Посижу себе в уголке.

Мужик озлился, процедил сквозь зубы:

— А ну пошла, пока по шее не дал. Сука пьяная.

Ольга произнесла с сарказмом:

— А ты груб. Мама в детстве вежливости не учила?

Глядя, как лицо собеседницы становится сосредоточенным, а взгляд леденеет, мужик сперва удивился, затем нахмурился, но понимание пришло слишком поздно. Ольга ухватила за пальцы руки, нажала, заламывая. Мужчина побледнел, принуждаемый болью, пригнулся, а затем и вовсе опустился на колени. Удерживая пальцы, Ольга заставила охранника попятиться, используя в качестве живого щита, шагнула следом.

Препятствие исчезло, и она наконец смогла рассмотреть оставшихся двоих. Взгляд пробежался по фигурам. Все предсказуемо, мощные подбородки, приплюснутые носы, лица исполнены пренебрежения, фигуры мощные, но в меру, ничего подобного стоявшему перед дверью громиле. Удовлетворившись осмотром, Ольга поинтересовалась:

— Я не помешала?

Ближайший, низкий мужик, с полными губами и глубоко утопленными свинячьими глазками, зверски перекосил рожу, прорычал с удивлением:

— Ты кто, подруга?

— Кто я — не важно, но эти, — Ольга мотнула головой, указывая на товарищей, — со мной.

— Эти уроды? — Мужик вытаращил глаза. — Да они ж...

— Подбирай слова, — перебила Ольга холодно. Повернулась к спутникам, по-прежнему стоящим в ступоре, бросила: — А вы выходите.

— А ну стоять! — рявкнул второй, высокий, ухоженный мужчина с аристократическими чертами лица. — Только дернитесь, по стене размажу. А ты, Пашок, чего слюни распустил, бабу увидал — кровь от мозгов отхлынула?

Первый мгновенно стушевался, сказал примирительно:

— А я что, я ничего. Удивился просто...

Второй нехорошо ухмыльнулся, сказал чуть слышно:

— Слышь, подруга, уходи, пока я добрый. И, на будущее — не лезь в дела мужчин. Здоровья не хватит.

Не обращая внимания на говорящего, Ольга повторила с нажимом:

— Ребята, выходите. Я не собираюсь тут стоять вечно.

Парни отлепились от стены, затрусили к выходу, обходя сторонкой опасных соседей.

Высокий задохнулся от ярости, прошипел сдавленно:

— Стоять!

От мощного толчка Тимур отлетел назад, сполз по стене, его спутник согнулся от удара в живот, кулем осел на пол.

Ольга покачала головой, сказала зло:

— Ладно, пусть будет так.

Она выпустила плененную ладонь, освобождая руки, но за мгновение до этого сухо хрустнуло. Плененный мужик побледнел, начал заваливаться набок, его кисть застыла в неестественном положении. Сдерживаемая до последней секунды ярость вспыхнула, наполнив тело злой силой. Оттолкнув стоящего на коленях, отчего тот нелепо взмахнул искалеченной рукой, не удержавшись, опрокинулся, с глухим звуком ударившись о стену, Ольга рванулась вперед.

Рука выстрелила, целя в уязвимую точку горла, однако, противник среагировал вовремя, и удар не достиг цели. Получив ощутимый удар по руке, отчего тело повело влево, Ольга не стала сопротивляться, добавив силы движению, крутанулась, выстрелив левым локтем.

Рука заныла. Не обращая внимания на боль, Ольга рванулась, завершая разворот, ударила с правой. Клацнув зубами, мужик покачнулся, его шатнуло. Не дав передышки, Ольга почти без остановки всадила каблук в челюсть противнику, проследив за телом, перевела взгляд на последнего.

Тот встал в стойку, сказал поспешно:

— Эй, эй, полегче. Я против тебя лично ничего не имею.

— Я имею, — выдохнула Ольга.

Нога взметнулась, имитируя удар. Защищаясь, мужик вскинул руки, на мгновение перекрыв себе обзор. Это оказалось единственной и последней ошибкой. Ольга быстро присела, оказавшись почти под ногами противника, ударила вперед и вверх, один раз, второй, третий. Сверху обрушилось тяжелое, так что она с трудом успела вывернуться, чтобы не оказаться придавленной.

Мужик повернул голову, в его заполненных болью глазах застыл вопрос, прошептал чуть слышно:

— За что?

— За компанию, — сухо бросила Ольга.

Потеряв всякий интерес к поверженным, она повернулась к спутникам, но те уже поднимались, морщась от боли и держась за ушибленные места. Ольга молча ухватила обоих за руки, потащила за собой. Пострадавший меньше, Тимур с интересом разглядывал распростертые тела, а возле последнего даже остановился, потянулся рукой.

Ощувив задержку, Ольга обернулась, сказала зло:

— Мало досталось, хочешь еще?

Тимур вздрогнул, поспешно произнес:

— Нет, нет. Просто, заинтересовало...

Ольга перебила с яростью:

Не можете за себя постоять, так хоть не мешайте!

Тимур выпрямился, его щеки запылали, но смолчал. Зато Марат выдохнул с обидой:

— Вообще-то мы и не просили...

Ольга ухмыльнулась, сказала злорадно:

— Вот и договорились. Там, за дверью, стоит слон — приятель этих, — она мотнула

головой назад, — когда выйдем, я пойду танцевать, ну а вы объяснитесь на здоровье.

Парень выпучил глаза, замахал руками, но Ольга уже отвернулась, распахнула дверь.

Пружинистым шагом Ольга вышла из туалета, хищно оглянулась. Но знакомого охранника не оказалось. Она с шумом выдохнула, ощутив смутное облегчение. Не смотря на бушующую в груди злую силу, схлестываться с подобным противником не хотелось — слишком велик, чересчур силен. Такого ни пробить, могучие мышцы, словно панцирь, ни уронить, вес великана таков, что понадобятся трое подобных ей, чтобы хотя бы пошатнуть, да и то мало вероятно.

Спутники было двинулись в сторону танцпола, но Ольга преградила дорогу, прошипела:
— Куда?

— Надо предупредить девушек, — произнес Тимур.

— И сообщить охране, — взволнованно добавил Марат.

— Девушек я предупрежу, а к охране не суйтесь. Вернут и добавят.

Она двинулась ко входу, но Тимур окликнул:

— Я не очень понял, что происходит, но... что делать нам?

— Ждите в машине, — бросила Ольга, не оборачиваясь.

Парни еще что-то спрашивали, но она уже не слушала, быстро прошла в зал, протолкавшись через танцующих, направилась к столику. Девушки оказались на месте, а рядом с ними, как ни в чем не бывало, восседал Леонид. Ольга ощутила, как от сердца отлегло. Искать разбежавшихся по залу спутников хотелось меньше всего.

Она подошла к столку, сказала:

— Собираемся и уходим. Только быстро.

Леонид вскинул голову, спросил с удивлением:

— А в чем, собственно, дело?

В его голосе Ольга ощутила некую натянутость, но, поглощенная наблюдением за бродящими по залу охранниками не обратила внимания, ответила сдержанно:

— Вопросы потом. Время поджимает.

— Уже уходим? — блондинка всплеснула руками, — но мы же только пришли!

Следом открыла рот Марина, собираясь что-то сказать, но Ольга опередила. Упершись руками в столешницу, она подалась вперед, так что стоящие вокруг бокалы жалобно звякнули, рывкнула:

— Встали, пошли. Быстро!

Девушки вскочили, испуганно заморгали. Судя по саркастическому выражению лица, Леонид явно хотел что-то сказать, но удержался от комментариев, пожав плечами, встал, неспешно двинулся в сторону выхода. Девушки затрусили вдогонку, время от времени бросая опасливые взгляды на Ольгу, но та не обращала внимания, шла следом, напряженно оглядываясь.

Подошли к гардеробу, получили одежду. Глядя, как девушки топчутся возле зеркала, рассматривая свое отражение, и не спеша одеваться, Ольга ощутила, как мир погружается в красное. Она шагнула вперед, готовая выплеснуть ярость на спутниц, что, вместо того, чтобы скорее выйти, неторопливо припудривают носки, но в этот момент послышались тяжелые шаги. Похолодев, Ольга чуть повернула голову.

Позади двигается массивная фигура. Лица не видно, но, судя по размерам, вернулся тот самый охранник. Не поворачивая головы, Ольга следила за перемещением мужчины

боковым зрением. Едва фигура скрылась за дверью туалета, она мгновенно перевела взгляд, возвращаясь к прерванному действию, но возле зеркала оказалось пусто, а девушки и Леонид стояли возле входа.

Ольга быстро прошла к дверям, поторопила спутников, за что заслужила полные ненависти взгляды девушек. Вместе вышли на крыльцо. Леонид достал сигарету, принялся хлопать карманы, отыскивая зажигалку. Его шаги замедлились. Ольга повернула голову, сказала с нажимом:

— Леонид, потерпи до машины, немного осталось.

Спутник пожал плечами, но хлопать по карманам перестал, зашагал дальше. При их приближении Тимур с Маратом вышли из автомобиля, двинулись навстречу. Испуг в их лицах сменился облегчением. Но Ольга сделала резкий жест, и парни будто наткнулись на невидимую стену, остановились, затем попятились. Девушки величаво прошли к услужливо распахнутым дверям, подчеркнуто неторопливо загрузились, успев бросить на Ольгу уничтожающие взгляды.

Дождавшись, когда дверцы машины закроются, Леонид подошел ближе, спросил негромко:

— Ты уверена, что это действительно необходимо?

Ольга сказала с досадой:

— Я сильно похожа на шутницу?

Леонид покачал головой.

— На кого угодно, только не на нее.

Они сели в машину. Рывкнул мотор, красная искра вывески начала удаляться, потускнела, а вскоре и совсем пропала, скрытая стеной дома, и лишь тогда Ольга позволила себе отвлечься. Закрыв глаза, она откинулась на спинку сиденья, ощущая, как мышцы расслабляются, а в груди оседает взмученный схваткой яростный вихрь.

Проехав несколько кварталов остановились. Не заглушая мотор, Леонид вышел. Ольга наблюдала, как он подошел ко второй машине, что припарковалась чуть позади, перебросился парой фраз, затем вернулся, занял свое место. Перехватив вопросительный взгляд спутницы, Леонид сказал:

— Ребята собираются в другое кафе. Я не был уверен, что ты согласишься, поэтому сказал, чтобы ехали.

Ольга кивнула, сказала одобрительно:

— Правильно сказал. Что-то мне расхотелось развлекаться.

— Тогда домой? — Леонид взглянул вопросительно.

Ольга пожала плечами.

— Можно и домой.

Леонид приподнял бровь, спросил с удивлением:

— Ты так говоришь, словно нет разницы?

Ольга вздохнула, ответила:

— Сегодня меня не ждут, так что действительно нет.

Собеседник побарабанил пальцами по рулю, поинтересовался с запинкой:

— Так может быть... еще покатаемся, поговорим, или пройдемся? Конечно, если ты не против.

Ольга взглянула на собеседника, в его глазах, плохо скрытое, горело желание, задумалась. Короткого посещение клуба с избытком хватило, чтобы выплеснуть энергию, и

продолжать прогулку не хотелось, но и сидеть одной, в четырех стенах, листая книжку, или просматривая осточертевший телевизор, хотелось еще меньше. Перспектива же провести ночь с мало знакомым мужчиной уже давно не вызывала не только страха, но даже сколько-нибудь заметного волнения.

Ольга кивнула, сказала:

— Почему бы и нет.

Леонид удовлетворенно улыбнулся, тронул машину. Огни домов замерцали в причудливом танце, а желтые точки фонарей слились в сплошную дорожку. Ольга залюбовалась зрелищем. Уже давно не приходилось вот так, бездумно, смотреть на сонный город из салона машины. Мысли ушли далеко, и слова спутника остались без внимания. Лишь когда Леонид повторил в третий раз Ольга вернулась к реальности, взглянула вопросительно.

Спутник покачал головой, сказал отстраненно:

— Похоже, мое предложение все же не своевременно. Ты спишь на ходу.

Ольга улыбнулась.

— Просто задумалась. Ты что-то спросил?

— Хотел поинтересоваться, что же все-таки там произошло, в клубе.

Ольга отмахнулась, сказала устало:

— Ничего особенного. Какие-то уроды к Тимуру с Маратом пристали, утащили в туалет на разборки... Собственно, ты должен знать. Девчонки сказали — вы были вместе.

Леонид поморщился, сказал с досадой:

— Я застал начало разговора, но вскоре отошел. Так чем кончилось? — Он взглянул пытливо.

— Пришлось отыскивать, — ответила Ольга нехотя.

— Ты что, вот так, запросто, прошла в мужской туалет? — Леонид взглянул ошарашено.

— Не так, чтобы совсем запросто, но прошла.

— И что было дальше?

Ольга дернула щекой, болезненное любопытство спутника начало вызывать раздражение, сказала кратко:

— Мы вышли.

Собеседник покачал головой, сказал, тщательно подбирая слова:

— Пытать не буду, вижу, не расположена, но, ты поражаешь меня все больше: зайти в мужской туалет, устроить драку, вытащить товарищей, и даже не похвастать. Так не бывает.

Ольга сказала со вздохом:

— Бывает намного хуже, но рассказывать об этом хочется еще меньше.

Ощувив, что терпение спутницы на исходе, Леонид сказал примирительно:

— Согласен. У каждого есть темы, на которые он не хочет распространяться. Но, не будем об этом. Как ты относишься к предложению остановиться вон там, возле парка, и немного погулять?

Ольга пожала плечами, ответила задумчиво:

— Знаешь, на сегодня я, пожалуй, нагулялась. Хочется отдохнуть в спокойной обстановке, попить чаю. Поэтому предлагаю сразу пойти к тебе. Конечно, если это планировалось.

Леонид взглянул испытывающе, пытаясь понять, не шутит ли спутница, но лицо Ольги осталось бесстрастным, и он вновь перевел взгляд на дорогу, прибавил скорости. Четверть

часа спустя машина остановилась. Ольга вышла, посмотрела по сторонам. Обычный двор, каких десятки, неприметные серые высотки, машины у подъездов, испещренные дорожками следов сугробы. Вид оживляет лишь далекая полоска реки с редкими точками фонарей вдоль набережной, да испещренный огнями, словно новогодняя гирлянда, кусочек моста.

Леонид неслышно подошел, сказал с чувством:

— Любуешься... Я тоже, порой, вот так, вечером... — Он вздохнул, добавил с грустью: — Ужасные дворы, серые здания, унылая жизнь. Не на чем взгляд остановить.

Ольга покосилась с подозрением, слишком уж контрастировал романтический пафос спутника с его обычным поведением, сказала:

— Действительно. Так мы идем?

— Да, да. — Леонид заторопился.

Они прошли к подъезду. Электронный замок коротко пискнул, освобождая дверь. Поднялись по лестнице. Леонид отпер дверь, жестом предложил войти, но Ольга покачала головой, отступила. Спутник пожал плечами, шагнул в проем, Ольга же стояла в сторонке, дожидаясь, пока хозяин шуршит впотымах. Она не понаслышке знала женщин, предпочитающих везде входить первыми, но не понимала их. Бродить в темноте по чужой квартире представлялось сомнительным удовольствием, а разбросанная по прихожей обувь, или вертящиеся под ногами домашние животные превращали обычно простой набор действий в опасное предприятие.

Наконец щелкнуло, прихожую и часть лестничной площадки залил мягкий желтоватый свет. Дождавшись, пока хозяин освободит достаточно места, Ольга вошла, притворила дверь. Удобная задвижка с резной ручкой привлекла взгляд, но рука привычно потянулась к головке замка, крутанула. В привычку давно вошло разбираться с замком при входе, чтобы, в случае непредвиденных обстоятельств, не терять время на выходе.

Леонид разделся первым, пошел по дому, включая свет и грохоча чем-то невидимым, исчез на кухне. Ольга прошла по комнатам, разглядывая интерьер, и краем уха прислушиваясь к доносящемуся звону посуды. Небольшая двухкомнатная квартира, но обставлена изыскано, мебель из дорогих сортов дерева, на стенах роскошные бра. Мягкий диван, роскошные кресла, на полу ковер, ноги по щиколотку утопают в ворсе.

Отдельная стена отведена под аппаратуру: массивные столбы колонок по углам, в центре, на уровне груди, широченный, и, в то же время, плоский телевизор, что больше напоминает картину, чем привычный бытовой прибор. На полу стеклянная стойка, на полочках, точно друг над другом, возвышаются металлические блоки с множеством кнопочек и дисплеев, из которых Ольга смогла распознать лишь усилитель и проигрыватель дисков.

Послышалось шуршание. Ольга обернулась. В проем, пятясь, вдвинулся Леонид, таща за собой нечто дребезжащее и позвякивающее. Он дошел почти до середины комнаты, после чего изящным движением развернулся, с видом фокусника воскликнул:

— А вот и угощение!

Ольга улыбнулась. Запах пищи она ощутила гораздо раньше, чем Леонид подобрался к комнате со своим передвижным столиком, но, не желая обижать хозяина, воскликнула:

— Вот это да!

Обрадованный, Леонид широко улыбнулся, сказал с подъемом:

— Присаживайся где удобнее, я подкачу столик и... наслаждайся ужином. Ты ведь так и не поела.

Ольга шагнула к дивану, села. Пока она устраивалась, Леонид подвинул столик, присел рядом. Чпокнула пробка, терпкий запах вина нахлынул волной, на мгновение перекрыв ароматы пищи, пробудил задремавший было голод. Рот наполнился слюной, а под ложечкой засосало с такой силой, что Ольга невольно сглотнула. Appetit разыграл настолько мощно, что она с трудом удержалась, чтобы не сгрести с ближайшей тарелочки салат прямо руками.

Вооружившись вилкой, Ольга подцепила верхушку бело-зеленой горки, образованной, по беглой оценке, из горошка, нашинкованных яиц и еще каких-то непонятных, но весьма аппетитно выглядящих золотистых кусочков, забросила в рот. Челюсти задвигались, размалывая пищу в кашу, что, распадаясь на мельчайшие части, растеклась по языку, и лишь усилила голод.

Пока рука тянется за новой порцией, глаза обшаривают стол, осматривая, оценивая, примечая. Вон, бликуя на свету, дрожит и переливается горка холодца, в полупрозрачной глубине, словно рыбы, затаились кусочки мяса. Чуть дальше, осколком зимы расположился шмат сала, кристаллики соли остро поблескивают, округлыми глазками желтеют ломтики чеснока. Обжаренные хлебцы, тарелочка с икрой, вареные креветки... Не желая напугать хозяина, от страстного голода хотелось мычать и пихать в рот все подряд, Ольга закрыла глаза, принялась жевать подчеркнуто неторопливо, а глотать замедленно. Но, не смотря на все усилия, получалось плохо.

Ноздрей коснулся терпкий аромат, Ольга невольно приоткрыла глаза. Возле, кровавой каплей завис бокал, содержимое чуть покачивается, переливаясь через край невидимым потоком богатейшего букета запахов. Она осторожно взяла бокал, пригубила. По глотке прокатилась волна тепла, ушла внутрь. Вкус пищи неуловимо изменился, обогатился новыми оттенками.

Наблюдая за лицом гостя, Леонид поинтересовался:

— Нравится?

Ольга кивнула, промычала с набитым ртом:

— Очень. Изумительный вкус.

Хозяин дома покачал головой, сказал с некоторым удивлением:

— Не думал, что понравится. Обычно, женщины предпочитают что послаще, полусладкое, или просто сладкое вино.

— Что ж ты сплеховал? — Ольга усмехнулась. — Или решил — перебьюсь?

— Что ты! — Леонид замахал руками. — Я б с удовольствием, но, как назло, сладкое кончилось.

— Быстро уходит? — Ольга понимающе усмехнулась. Заметив, что Леонид открыл рот для возражения, добавила примирительно: — Не объясняй. Это твое дело, как часто водишь домой женщин. А насчет вина — ты прав. Сладкое легче пить, приятнее, и не нужно мучиться, разбирать вкусовой букет. Сахар забивает все.

Ольга продолжила ужин, чувствуя, как отступает голод, а в желудке образуется приятная тяжесть. Леонид продолжал расспросы, порой, что-нибудь рассказывал сам, заразительно смеялся, не забывая подливать вина, лишь только бокал пустел. Вилка двигалась все медленнее, поддевая лишь самые вкусные куски, съесть все и сразу больше не хотелось.

По телу разлилось тепло, а в голову ударило. Ольга с интересом следила за ощущениями, чувствуя, как замедляется реакция, комната начинает плыть, а сидящий рядом мужчина становится все более привлекательным. Наконец, вилка легла на стол. Закрыв

глаза, Ольга откинулась на спинку дивана, с удовлетворением вздохнула.

Скрипнул диван, на плечо надавило. Щеку обожгло дыханием, а по шее мягко пробежались пальцы, сперва опасно, но, не встречая сопротивления, осмелели, двинулись ниже, забираясь под одежду, все дальше и дальше. Ольга ощутила, как по телу пробежал разряд, вздрогнула. Внутри пробудился огонек страсти, разросся, охватывая горячей волной. Не противясь желанию, она выгнулась, застонала.

Леонид замычал, не в силах совладать с застежками, рванул. Ткань затрещала, но выдержала. Ольга отстранилась, пробежалась пальцами по замочкам, принялась сбрасывать одежду. Пока она снимала кофточку и рубашку, Леонид сидел неподвижно, лишь тяжело вздымалась грудь, да раздувались ноздри, выдавая клокочущую внутри страсть, но едва очередь дошла до бюстгальтера, не выдержал, рванулся вперед, обхватил, сдавил с силой.

Ольга охнула, ощутила как в сосок впивается горячее, ласкает, возбуждая все сильнее. Она зарычала, потянула на себя, не в силах дождаться проникновения. Леонид мычал, копался внизу, уже не контролируя себя, болезненно прихватывал пальцами. Но боль не сбивала страсть, наоборот, усиливала. Наконец, когда желание стало нестерпимым, Леонид рывком вошел, задвигался, наращивая ритм.

Низ живота запылал огнем. Внутри возник и начал закручиваться тугий вихрь энергии. Перед глазами поплыло, а в голове застучало. Ольга безотчетно обхватила партнера руками, впиалась ногтями, с остервенением вбивая в себя, чувствуя, как с каждым движением океан энергии внутри бушует все сильнее, властно требуя выхода. Наконец, заслоны рухнули. Освободившись, энергия рванулась наружу, заслонив собой мир.

В глазах перестало двоиться, а в уши пробился шум. Чувствуя, что не может дышать, Ольга шевельнулась, повернула голову, встретившись взглядом с Леонидом. Тот с шумом выдохнул, сказал хрипло:

— Ну что ж, с почином. А теперь давай займемся этим без спешки...

Проснувшись, Ольга некоторое время лежала недвижимо. Большая часть ночи прошла бурно, и в теле ощущалась приятная расслабленность. Рядом, разметавшись во сне, лежит Леонид. Ольга скосила глаза, окинула взглядом фигуру: скромная, в меру нескладная комплекция, на животе и ягодицах жирок, бледная, не тронутая солнцем кожа.

Ольга отвела взгляд, удивляясь, чем так сильно возбудил этот ни чем не примечательный мужчина. Или, дело вовсе не в нем? Она некоторое время раздумывала, пытаясь понять причину, но мысли шевелились нехотя, то и дело сбивались, отвлеченные малозначимыми мелочами.

Вздыхнув, Ольга откинула одеяло, мягко поднялась, стараясь не разбудить хозяина дома, двинулась в ванную, переступая через разбросанные повсюду вещи. Ненадолго задержавшись возле столика, она подняла с пола тарелочки, сброшенные случайным ударом, когда сплетясь в объятиях, они кружили по комнате, сложив стопочкой на место, пошла дальше.

Приняв душ, Ольга неспешно прошлась по комнатам, разглядывая интерьер, вдоволь насмотревшись, вернулась к дивану, но хозяин по-прежнему спал. Мгновение поразмыслив, Ольга оделась, вышла из квартиры. Замок не защелкнулся, но дверь затворилась настолько плотно, что даже самый пристрастный осмотр не обнаружил бы, что квартира открыта.

Пока она возилась в квартире, а затем спускалась по лестнице, тело постепенно пробуждалось, когда же кожи коснулась морозная свежесть улицы, Ольга ощутила, что окончательно пришла в себя. Она покинула двор, пошла к остановке, когда в поле зрения попала вывеска супермаркета. Вспомнив, что в холодильнике почти не осталось припасов, Ольга сменила маршрут, устремилась навстречу гостеприимно распахнутым створкам.

Магазин встретил приглушенным гудением. Пользуясь выходными, люди закупались на неделю вперед и, не смотря на просторные залы, приходилось следить, чтобы не ударить спящих вокруг покупателей корзиной, или не наступить кому-нибудь на ногу. Просторные площади, разбитые на отдельные секции, превращали процесс покупки в увлекательное путешествие. Двигаясь прогулочным шагом, Ольга с интересом рассматривала многочисленные полки с невероятным количеством баночек, пакетиков и бутылок призывно сверкающих привлекательными картинками упаковок.

От ярких цветов вскоре зарябило в глазах, а от непрерывной рекламы, прокручиваемой через закрепленные под потолком динамики, заболели уши. К тому же часть покупателей, увлеченных процессом выбора, не обращали на окружающих внимания, скучивались, создавая заторы, а то и вовсе резко останавливались, или бросались в сторону, расталкивая окружающих.

В очередной раз получив болезненный тычок плечом, Ольга ощутила, еще немного, и накопившееся раздражение выплеснется яростной тирадой, излившись на первого, кто подвернется под руку, и хорошо, если дело ограничится только перепалкой. С трудом уложив в корзину, где почти не осталось свободного места, несколько пачек творога, Ольга развернулась, двинулась в сторону касс. Внутри жалобно пискнуло, требуя и дальше оставаться среди этого изобилия продуктов, которые, судя по дивным картинкам и привлекательным названиям, должны быть невероятно вкусны, но, Ольга волевым усилием подавила постыдное желание, заняла место в очереди.

С двумя огромными пакетами в руках она вышла из магазина, и, хотя на глаза попался

очередной магазин, с дразнящими платьями на подсвеченной огнями витрине, неуклонно зашагала к остановке. Дождавшись автобуса, Ольга зашла в салон, присев на свободное место, сгрузила сумки на колени. Подошла кондуктор, взглянула вопросительно. С трудом удерживая на пакеты коленях, Ольга полезла в сумочку, шаря в поисках мелочи.

Глядя на ее мучения, кондуктор сочувственно произнесла:

— Да вы поставьте на пол, уроните ведь.

Ольга покосилась под ноги. Ставить пакеты в раскисшую кашицу грязного снега не хотелось. В этот момент, сидевший рядом мужчина встал, отошел к двери. Решение пришло мгновенно. Ольга сложила пакеты рядом, заняв место целиком, протянула деньги.

— Два билета, пожалуйста.

Кондуктор покачала головой, сказала понимающе:

— Ладно уж, одного хватит. Что ж теперь, за пакет платить, раз пол в грязи.

Ольга сказала упрямо:

— Нет уж, дайте два. Не обнищаю, зато доеду со спокойной совестью.

Кондуктор пожал плечами, выдала билеты и отправилась к своему месту. Ольга расположилась удобнее, прикрыла глаза. Из динамика вкрадчивый женский голос объявил название остановки. Щелкнули, распахиваясь, двери, принесся вместе с волной холодного воздуха уличные шумы, затворились, автобус тронулся. Затопали вошедшие пассажиры, зашуршали деньгами.

К поскрипыванию и сопению добавился шорох. Ольга чуть повернула голову, взглянула искоса. Возле сиденья горой возвышается массивная женщина, рядом стоит ребенок, розовощекий, округлый в талии, лицо налито здоровьем. Женщина смотрит в сторону, рукой же незаметно подталкивает ребенка, втискивая на сиденье, так что пакет постепенно сползает в сторону.

Ольга с интересом смотрела, как пакет накреняется все больше. Наконец пакет рухнул. Ребенок хихикнул, а женщина скосила глаза, в предвкушении зрелища. Однако, за долю секунды до того, как продукты хлынули вниз, Ольга выбросила руку в сторону, удерживая вещи от неминуемого падения, поправила пакет.

На лице женщины отразилось разочарование. Поджав губы, она произнесла язвительно:

— Чтобы вещи не падали, нужно на коленях держать.

— Благодарю за совет, в следующий раз обязательно воспользуюсь, — ответила Ольга учтиво.

Похоже, женщина ожидала другого ответа и ненадолго оторопела, но ребенок призывно засопел, и она опомнилась, сказала недовольно:

— Что мешает воспользоваться хорошим советом прямо сейчас?

Не меняя тона, Ольга ответила:

— Нынешнее местоположение пакета меня более чем устраивает.

— Зато не устраивает меня! — рывкнула женщина, разом превращаясь в разъяренную фурию. — А ну сдвигай шмотки, место ребенку уступи!

Ольга усмехнулась, сказала сухо:

— И не подумаю.

Услышав подобную дерзость, женщина задохнулась, и некоторое время хватала ртом воздух. На них начали оглядываться. Почувяв скандал, пассажиры с интересом смотрели, сперва искоса, как бы случайно, но вскоре перестали стесняться, и даже начали давать советы: кто-то одобрительно кивал, другие, наоборот, смотрели с отвращением.

Не найдя слов, женщина обратилась к окружающим за поддержкой, воскликнула:

— Нет, вы только посмотрите! Мало того, что вещи разложила, да еще и грубит.

Ольга вздохнула, не успев начаться, развлечение успело утомить: слишком предсказуемо, чересчур просто, отвернулась к окну.

Тем временем женщина продолжала вещать, распаляясь все больше, грозила карами, требовала высадить на ближайшей остановке, а лучше оштрафовать. Осторожные замечания кондукторы, что место оплачено, остались незамеченными. Воспользовавшись шумом, ребенка было попытались втиснуть на сиденье вновь, но Ольга сделала такую страшную рожу, что парнишка шархнул, заверещал в испуге.

После этого даже пассажиры, что смотрели с одобрением, поджали губы, стали отворачиваться, вздыхать. Атмосфера в салоне накалилась, послышались раздраженные замечания, а то и вовсе оскорбления. Ольга сидела с отстраненным лицом, но внутри неотвратимо поднималась мутная волна, темной, глухой злости на всех этих людей, что сейчас больше напоминают взбесившихся животных, стараются уязвить, ужалить, даже не пытаясь разобраться.

Когда напряжение достигло пика, и от криков звенело в ушах, один из мужчин, невыразительный, с серым лицом, производящий едва ли половину общего шума, вскочил, бросился, угрожающе размахивая руками. Дождавшись, когда крючковатые пальцы почти коснулись плеча, Ольга вскинула руку, перехватив кисть, резко дернула вниз.

Взвизгнув, мужик выгнулся, упал на колени. В автобусе мгновенно воцарилась тишина. Изумленные лица, расширенные глаза, распахнутые рты. Люди непонимающе смотрели, как мужик под давлением неведомой силы опускается все ниже, а его рука, которую так мягко держит эта хрупкая девушка, выгибается под неестественным углом.

Ольга продолжала давить, с брезгливым любопытством наблюдая, как, повизгивая от боли, мужик опускается все ниже, пока совсем не лег, ошеломленный и сломленный. Наконец, Ольга выпустила руку, замедленно обвела взглядом окружающих. Люди отворачивались, отводили глаза, не в силах выдержать пронзительный взгляд, исполненный ярости. Воздух сгустился от липкого, почти осязаемого страха. Ни вдоха, ни шепотка, лишь гудит мотор, да поскрипывают под задницами сиденья.

Ольга перевела взгляд на зачинательницу скандала, что по-прежнему стояла рядом. Ощувив на себе взгляд, та отшатнулась, попятилась, закрываясь ребенком, как живым щитом. Ольга нехорошо прищурилась, поманила пальцем. Женщина ойкнула, стала быстро-быстро пробираться к дверям. Уже не в силах сдерживать ярость, Ольга прошипела:

— Куда же ты, иди, мы не договорили.

В этот момент автобус остановился, и женщина с воплем выметнулась наружу, волоча за собой ребенка, остановившись поодаль, взмахнула руками, заголосила, выплескивая испуг. На нее косились с удивлением, обходили по широкой дуге, пугливо оглядывались. Но двери хлопнулись, отрезая звуки, автобус тронулся, и потерпевшая исчезла вдали.

Ощущая, как в груди теснится невыраженная злость, Ольга вновь обвела салон взглядом, страстно желая наткнуться на вызов в чьих-то глазах, или, хотя бы, его отдаленное подобие. Но все лица, словно по волшебству, исчезли. Люди смотрели в окна, о чем-то перешептывались, подчеркивая миролюбивым поведением, что ничего не произошло. Осмотрев с десятков затылков, Ольга злобно фыркнула, отвернулась, глядя сквозь проплывающие мимо дома. Ярость улеглась, но чувство незавершенности осталось, неприятно зудело неугомонным червячком.

Дождавшись нужной остановки, Ольга вышла, двинулась к дому. Свежий воздух оказал благотворное действие и остатки раздражения быстро испарились. Она обогнула здание магазина, зашла во двор. В глаза бросилась полицейская машина, стоящая напротив подъезда. Ольга продолжала идти, с подозрением поглядывая на автомобиль, и почти не удивилась, когда прямо перед ней выскочил полицейский, загородив дорогу, произнес:

— Инспектор Сорчик. Пожалуйста, пройдемте с нами, к вам есть вопросы.

Ольга скептически оглядела полицейского, поинтересовалась:

— Так и пойдем, нагруженные пакетами?

Тот улыбнулся, ответил:

— Зачем же идти, поедем. Машине без разницы: пакетом больше, пакетом меньше.

— То есть, вы не пропустите меня домой? — больше для формы, чем рассчитывая на положительный ответ поинтересовалась Ольга.

Инспектор развел руками, сказал виновато:

— Уж извините, должен доставить в отделение. — Добавил бодро: — Но, вы не волнуйтесь, привезем обратно в целости и сохранности.

Не разделяя оптимизма инспектора, Ольга сказала ворчливо:

— Хорошо, освобождайте место.

Довольный, что все прошло так легко, полицейский распахнул перед Ольгой дверцу, и даже придержал за руку, помогая загрузиться в салон, после чего запрыгнул сам и машина тронулась. Покачиваясь в такт движению автомобиля, Ольга гадала, что привлекло внимание полицейских на этот раз. Однако, кроме прецедента в ночном клубе на ум ничего не шло, и, немного подумав, она отвлеклась, отбросив пустые размышления.

Вскоре за окном обозначилось уже знакомое здание отделения полиции. Машина остановилась неподалеку. Инспектор выскочил, распахнув дверцу, сделал приглашающий жест. Ольга выбралась, двинулась в сторону входа. Вдвоем они миновали дверь, прошли по первому этажу, свернули на лестницу. Когда инспектор остановился возле двери со знакомой табличкой «М.Б. Курыгин» Ольга ничуть не удивилась.

Инспектор постучал, отворив дверь, застыл выжидательно. Предвкушая очередной утомительный разговор, Ольга зашла в кабинет и застыла. Со стоящего у окна кресла на нее смотрел не кто иной, как аристократического вида мужчина, один из участников стычки в клубе. Заметив ее, он осклабился, губы изогнулись в нехорошей усмешке, а глаза мстительно вспыхнули. Подчеркнуто игнорируя Ольгу, он произнес, обращаясь к хозяину кабинета:

— Да, да, эта та самая девушка.

Сидящий за столом, уже знакомый полицейский, деловито произнес:

— Что ж, я так и думал. Вы свою миссию выполнили, можете быть свободны. С другими потерпевшими мы поговорим позже, а вот с девушкой прямо сейчас.

Глядя, как предвкушающе полицейский потирает руки, Ольга нахмурилась. Она постороилась, когда мимо, глядя прямо перед собой, и едва не толкнув ее плечом, прошел «пострадавший», помедлила, раздумывая как поступить. Но полицейский заметил ее сомнения, указал на стул, сопроводив жест приторной улыбкой.

Ольга поставила пакеты возле стены, присев, откинулась на спинку, некоторое время сверлила полицейского тяжелым взглядом, наконец поинтересовалась:

— Что вы хотели?

Тот усмехнулся, ответил проникновенно:

— Сушью безделицу — признания. Говорите честно, и на суде вам зачтется. Ха-ха.

Шутка!

Ольга брезгливо поморщилась, спросила:

— Что именно вы хотите знать?

— Что произошло сегодня ночью в клубе «Часовня».

Удивившись прямоте вопроса, Ольга пожала плечами.

— Я там была.

— Подробнее.

Не успев начаться, разговор уже стал утомлять. Ольга произнесла сухо:

— Там происходило много что, и у меня нет желания все это обсуждать. Ближе к делу.

Собеседник покачал головой, сказал вкрадчиво:

— Желаете сотрудничать? Что ж, похвально. Меня интересует драка, которую учинили вы с друзьями.

Ольга в удивлении изогнула бровь. Не смотря на жизненный опыт, что призывал с осторожностью относиться к общению со стражами порядка, подспудно она ожидала утомительных расспросов, скрупулезное упоминание всех деталей, для того чтобы... восстановить справедливость. Но, похоже, ей предлагали совсем другое.

— Драку начали не мы, — произнесла Ольга холодно.

— А потерпевшие говорят другое. — Полицейский расплылся в улыбке. — Они говорят, что вы вели себя вызывающе, задирали окружающих, и, в конце концов, спровоцировали их на драку. А в частности вы, — его палец ткнул в сторону Ольги, — нанесли нескольким людям телесные повреждения. После чего те вынуждены были обратиться в больницу.

Ольга сделала отстраняющий жест, сказала жестко:

— Уж извините за откровенность, но вы заставляете меня усомниться в ваших умственных способностях. И дело даже не в том, кто организовал драку, и кто в итоге отделался повреждениями. Я не пойму одного, как девушка, тем более моей комплекции, может кому-то что-то причинить?

Против ожидания, полицейский не удивился, сказал:

— Понимаете вы что-то, или нет — не важно. Свидетельские показания решают.

— И кто же свидетели? — взорвалась Ольга. — Три наемных бойца, выколачивающих темными ночами деньги из припозднившихся прохожих?

— Почти весь коллектив охранников клуба в количестве десяти человек. Плюс, с десяток свидетелей из гостей. Показать отчет освидетельствования очевидцев с подписями?

Ольга стиснула челюсти, так что скрипнули зубы. Голова загудела от напряжения, в попытках осмыслить, кто, каким образом, а, главное, для чего, смог организовать подобное. Пока Ольга размышляла, полицейский встал, неспешно прошелся по комнате. Углубившись в раздумья, она не услышала, как щелкнул замок двери, лишь когда на плечо опустилась рука, вздрогнула. Послышался вкрадчивый голос.

— Не морщи попусту лобик. Все равно не догадаешься, как фабрикуются подобные вещи. А если и догадаешься, это не поможет.

— А что поможет? — выдохнула Ольга.

Над ухом громко сглотнуло, задышало надсадно. Второе плечо ощутило касание, а по шее прошлось колючим.

— Небольшая услуга. Можно даже сказать, пустячок.

— Что именно? — осторожно поинтересовалась Ольга, хотя поняла о чем пойдет речь прежде, чем задала вопрос.

— Ничего сложного. Уделишь мне немного своего времени, совсем чуть-чуть. В качестве... женщины.

— А взамен? — вновь спросила она, не мене осторожно.

— Взамен я замну дело.

— Так просто? — Ольга добавила в голос сарказма. — А какие гарантии, что это не выльется в «дружеский минет» без обязательств?

— Мое слово, — хохотнул собеседник, — чем не обязательство? — Добавил серьезно: — Ничего сложного, схема обкатана до блеска. Дело откладывается в долгий ящик, а там спускается на тормозах. Такие расследования нам без надобности, а виновникам, ха-ха, в радость.

Ольга замедленно развернулась, некоторое время пристально смотрела на полицейского, отчего тот на мгновение опешил, а в глубине глаз метнулось нечто напоминающее страх, после чего протянула руку, прихватила ему промежность, чуть сжала. Лицо мужчины расплылось от удовольствия, рот приоткрылся, а глаза пошли поволокой. Довольный, он прохрипел:

— Да, да, вот так. Умничка...

Полицейский закрыл глаза, и уже не видел, как в глазах девушки зажглось тяжелое темное пламя.

Белая простынь потолка, плавно переходящая в стены. Взгляду не за что зацепиться, ни щербинки, ни трещинки, словно кто-то тщательно покрыл все поверхности густым слоем шпакатурки, отполировал, покрасил... А может это плывет в глазах, что, утомленные холодным сиянием голубых ламп, слезятся, не в силах различить мелкие детали.

Напротив, в стене, почти под самым потолком, небольшое оконце. Голубой прямоугольник, единственное живое пятно в этом царстве мертвенного света и безукоризненных линий. Взгляд вновь и вновь обращается туда, не в силах оторваться от манящего свободой пятна. На фоне пронзительной голубизны черными иголочками выделяются вершинки елей, а чуть ниже, грязно-серая, проходит бетонная полоса, не то соседнего строения, не то ограждающей стены.

Тело ощущается с трудом, наполненное тупой болью, не откликается на сигналы разума. Конечности недвижимы, невозможно шевельнуть ни единой мышцей. По обеим сторонам возвышаются блестящие металлические стойки с раздутыми шарами пакетов. Пакеты змеятся прозрачными трубочками, через которые медленно движется зеленоватая жидкость. Куда она движется, зачем?

Замедленно, через силу, глаза поворачиваются. Поле зрения расширяется. Становится видна простыня, с проступающими контурами тела. Трубки тянутся к простыне жадными щупальцами, подныривают, теряясь под непрозрачным пологом. В черепе крутятся осколки мыслей, вращаются, сталкиваясь, и вновь разлетаясь, не в силах собраться в единое целое. Где-то далеко, на периферии сознания, мелькают воспоминания, расплывчатые и невнятные.

Вокруг что-то меняется. Сквозь накатывающую волнами дрему пробивается чувство опасности, усиливается, крепнет. Глаза обшаривают пространство, выискивая противника, вновь и вновь натываются на раздутые, как брюшка насекомых, мешки. Что-то не так, что-то изменилось. Цвет! Бледно-зеленая, почти прозрачная жидкость, наполняющая мешки, стремительно меняет цвет, темнеет, наливается пурпуром. И вот это уже не пакеты, а сердца. Четыре зловещих пульсирующих сердца, что гонят по сосудам кровавую жидкость, накачивая ее в...

Паника взрывается ослепительной вспышкой, а спина покрывается холодным потом. Ведь это в нее сейчас заливают неведомую гадость, чтобы... Что? Мысли суматошно мечутся в поисках ответа и... не находят. Ужас сжимает сердце ледяными ладонями. Нужно прекратить это все немедленно, прямо сейчас. Сорвать с себя щупальца-присоски, бежать, звать на помощь!

Сердце колотится, грозя выпрыгнуть из груди, мышцы сжимаются и разжимаются, рот раскрывается в беззвучном крике. Но, тщетно. Ни движения, ни крика, лишь расплывающийся по телу липкий страх. Жуткие пакеты-сердца содрогаются все сильнее, распространяя багровое сияние, отчего воздух вокруг густеет, пропитывается кровью. Череп раскалывается от боли, дикий, животный страх пронзает всю сущность, заставляя рваться в бесплодных попытках спастись от надвигающегося неведомого ужаса.

Грудь пронзает невыносимой болью, в глазах чернеет. Мир начинает расплываться, истаивать дымкой, а сознание распадется, более не способное отличить реальность от грез. Некоторое время вокруг еще плавают жутки серые лоскутья, вяло шевеля лапами-

лохмотьями, но вскоре и они исчезают, смешиваются с надвигающейся чернотой, непроглядной, мертвой, абсолютной.

Ольга открыла глаза, глубоко вздохнула. Сердце бьется с грохотом, промокая от пота, простыня прилипла к спине, дыхание вырывается со свистом. Сон забылся почти сразу, но тягостное ощущение еще ощущается, покалывает грудь, пробегает капельками холодного пота.

Ольга поднялась, осторожно ступая, перешагнула через Ярослава, прошла в кухню, привычно приглушая слух, чтобы не вздрагивать от чудовищного скрипа половиц. На подходе к кухне пришлось приглушить и обоняние, так как лежащие в мусорном ведре остатки рыбы испортились и невыносимо воняли.

Она выпила воды, отворив дверцу холодильника, некоторое время созерцала содержимое, раздумывая, не съесть ли чего. Однако, запах рыбы напрочь отбил всякий аппетит, и Ольга отошла от холодильника, облокотившись на подоконник, задумалась. Кошмары повторялись с завидной периодичностью, и, несмотря на то, что воспоминания испарялись сразу же после пробуждения, неприятный осадок оставался. Рассудок молчал, но чувства подсказывали, что жуткие сны каким-то образом связаны между собой: слишком натуральны ощущения, чересчур подробны детали.

Порой, возникала мысль, что все это лишь отголоски воспоминаний когда-то пережитого, но, сколько Ольга не рылась в памяти, ничего подобного припомнить не удавалось. На ум пришла услышанная где-то гипотеза о проникновении переживаний из прошлой жизни в нынешнюю, но Ольга лишь поморщилась, слишком фантастично и надумано.

Задумавшись, она забылась, вновь начала дышать носом. Отвратный запах ударил по ноздрям, смешал мысли. Ольга распахнула форточку, поспешно ушла в комнату, затворив за собой дверь. Однако, вонь добралась и туда, вездесущая, проникла сквозь щели, обволокла незримой пеленой. Ольга зарылась головой в подушку, попыталась отрешиться, но запах упорно действовал на нервы.

Обострившееся неведомым образом обоняние сделало жизнь привлекательнее. Стало приятнее есть. Качественно приготовленная еда обогатилась ароматами, так что, прежде чем приступить к трапезе, Ольга некоторое время принюхивалась, насыщаясь запахами. Особенно сильные ощущения приносило вино. Аромат предложенного Леонидом вина надолго засел в памяти, и, едва представилась возможность, Ольга приобрела бутылку в ближайшем винном, воспользовавшись советом консультанта и выбрав подороже. Откупорив бутылку, она ощутила сильнейшее потрясение. Букет ароматов оказался настолько сложен, что Ольга надолго застыла возле бокала, разбираясь в ощущениях, а когда опомнилась, поспешно заткнула горлышко пробкой, чтобы умопомрачительный запах не выдыхался, после чего убрала бутылку в шкаф.

Обогатились и прочие запахи. Выходя на улицу, Ольга с удовольствием вдыхала воздух, ощущая множество тончайших ноток, на которые раньше не обращала никакого внимания. И с приближением весны запахов становилось все больше. Ольга в нетерпении ожидала теплых дней, с замиранием сердца представляя, насколько чудесно должно быть станет в лесу, или парке, когда зазеленеют первые листочки, и воздух наполнится ароматами пробуждающейся природы.

Однако, возникли и неудобства. Запах выхлопных газов, до того почти незаметный, стал ощутимо сильнее. И если раньше, двигаясь по улице, она лишь морщилась, когда

проносящаяся мимо машина вдруг обдавала едким облаком дыма, то теперь, даже при переходе дороги, от запаха начинало тошнить, а уж если приходилось долго стоять на остановке, вдыхая дым проходящего мимо транспорта, становилось и вовсе невыносимо.

Не меньше угнетал и «аромат» парфюмерии. Ольга никогда особо не злоупотребляла духами и дезодорантами, но в последнее время прекратила пользоваться совсем. Запах даже дорогих духов начал раздражать, а от более дешевых представителей химической промышленности и вовсе мутило. Случайно натыкаясь в толпе на шлейф «аромата», оставленного какой-нибудь надушенной дамой, Ольга на мгновение замирала, оглушенная, после чего ускоряла шаг, стремясь быстрее выбраться из зоны «поражения».

И сейчас, омерзительные гнилостные нотки, витающие в воздухе, не давали заснуть. Выходить не хотелось. Но, полежав еще немного, Ольга пересилила себя, встала, накинув халат, вытащила пакет с мусором и вышла на лестницу. Подъезд встретил угрюмой тьмой. Судя по всему, кто-то выключил свет в целях экономии. Притворив дверь, Ольга спустилась по лестнице, касаясь рукой перил и ощупывая ногами пространство впереди, выбросив пакет в мусоропровод, постояла, прислушиваясь к несущемуся из глубины трубы гулкому эху.

Когда вновь установилась тишина, она двинулась назад, но, с каждой пройденной ступенькой, шла все медленнее, пока, наконец, совсем не остановилась. Черный зев подъезда, поначалу казавшийся бездонной глоткой, приобрел некое очарование, подобное тому, что появляется в неглубоких пещерах, когда неподалеку располагается выход, но освещения почти нет, и глаза слепо шарят вокруг, пытаясь различить проходы в конгломерате искривленной породы.

Прислушиваясь к малейшим шорохам, Ольга спустилась вниз, ненадолго останавливаясь на каждом этаже, затем вернулась. Короткая прогулка по подъезду взбодрила. Сон прошел, возникло непреодолимое желание вдохнуть свежего воздуха. Ольга зашла в квартиру, тихо, стараясь не разбудить Ярослава, оделась и вышла, мягко притворив за собой дверь.

Улица встретила морозцем. Не смотря на приближение весны, особенно сильно ощутимое в дневное время, ночью по-прежнему было холодно, словно зима никуда и не уходила. Поднимаясь с каждым днем все выше, солнце насыщало воздух теплом и пробуждало природу к жизни. Выросшие за зиму сугробы заметно просели, покрылись темной коркой. Сочащиеся отовсюду ручейки с веселым журчанием собирались в мелкие лужицы, а те, в свою очередь, сливались в более крупные, с черной, непрозрачной водой.

Но с наступлением темноты зима возвращалась. Мир выцветал, отчего сугробы приобретали прежнюю однотонную окраску, лужицы леденели, превращаясь в подобие миниатюрных катков, веселое пение птиц сменялось тишиной, и лишь ветер уныло завывал в по-прежнему голых, словно кости скелета, ветвях.

Ольга неторопливо брела меж домов, прислушиваясь к похрустыванию ледка под подошвами. Она двигалась, стараясь избегать дорог с их извечным шумом и освещенных площадок. Шагать в сумраке, невидимой для случайного взгляда, доставляло неизъяснимое удовольствие. Сливаясь всем своим естеством с тишиной ночи, она шагала подчеркнута мягко, чтобы случайным хрустом не нарушать сложившуюся идиллию.

Но, не смотря на все старания, под ногами жутко хрустело, а одежда поскрипывала так громко, что, казалось, она идет не одна, а в компании пятерых нетрезвых мужчин, что громко пыхтят, загребают ногами и поминутно сталкиваются друг с другом. Однако, как оказалось, весь этот невероятный шумовой концерт слышала лишь она одна. Случайные прохожие не то не придавали значения, не то на самом деле не улавливали звуков,

погруженные в себя, проходили мимо, не замечая движущейся на периферии зрения серой тени.

Ольга некоторое время специально шла за попавшейся девушкой, с интересом гадая, как скоро ее обнаружат, но та так и не повернулась. Когда случайная спутница наскучила, Ольга свернула за двумя мужчинами, идущими наперерез, затем постояла рядом с парнем, мающимся под балконом дома и шепотом зовущего какую-то «Юлю». Простояв вплотную несколько минут, Ольга с удовольствием убедилась — ее не замечают. Шорох шагов, скрип одежды, свист выдыхаемого воздуха — столь явственные для нее, окружающими подобные звуки не воспринимаются.

Разохотившись, она принялась бродить по улицам с удвоенным рвением, выясняя границы возможностей скрытного передвижения. Она проскальзывала мимо такси, где, в ожидании заказа, томились усталые таксисты, заглядывала в окна, следовала за людьми, зачастую подходя почти вплотную. Как оказалось, оставаться незамеченной не составляло труда. Поначалу, она старалась не шуметь, шагая как можно мягче, но вскоре перенесла внимание на поведение людей. Идущие в одиночку, прохожие время от времени оборачивались, опасливо озирались. Сперва подгадать не удавалось, и приходилось прятаться в самый последний момент, но некоторое время спустя Ольга уже безошибочно определяла, сейчас человек обернется, и отступала в тень на секунду раньше.

Наконец, прогулка утомила. Охотничий азарт начал угасать. Ольга остановилась, размышляя, каким путем можно быстрее добраться до дома, когда внимание привлек негромкий разговор. Определив направление, Ольга двинулась к источнику звука. Неподалеку, возле припаркованных у подъезда машин, разговаривали двое. Используя автомобиль, как ширму, она подошла ближе, остановилась.

— И как успехи с поиском? — поинтересовался сиплым голосом первый.

— Да никак! — басом ответил второй. — Девки все, словно провалились. У одной телефон не отвечает, другая в деревню уехала, третья в работе... У меня скоро сперма из ушей польется.

Первый сказал со смешком:

— Остепенился бы уже и не мучался. Если приспичит — подруга всегда рядом, засадил и успокоился.

— Ну уж нет, — раздраженно откликнулся второй. — Пока я один — сам себе хозяин, а чуть сдружишься, начинаются поползновения. К тому же я люблю разнообразие. А для семьи разнообразие смерть.

— Что ж так-то, — сиплый обиделся. — Вот я на днях Иринку подловил в туалете. И ничего, поломалась, но дала.

— И твоя в курсе? — насмешливо поинтересовался обладатель баса. Не дождавшись ответа, произнес: — То-то и оно. Узнает — проблем не оберешься. Не надо мне такого.

— Ну, кому что, — примирительно произнес первый. — Меня вполне устраивает.

— А меня нет, — рявкнул второй. — Воскликнул в ярости: — Да что ж делать-то, у меня сейчас яйца лопнут. Пойти, что ли, снять кого...

Продолжая слушать, Ольга ощутила возбуждение. Сперва слабое, едва заметное, оно с каждой минутой разрасталось, становилось сильнее, подчиняя разум. Низкий, вибрирующий голос задевал внутри некие струнки, отчего в животе начинало жечь, а скулы сводило спазмом. Фантазия мгновенно нарисовала статную фигуру атлета, широкие плечи, узкая талия, могучие, перевитые мышцами руки, что сгребают, мнут, тянут к себе, чтобы...

не застонать, Ольга зажала рот ладонями, впилась зубами в кожу.

Первый хихикнул, сказал со вздохом:

— Ладно, пойду я. А то объясняй потом, где шлялся. Ну а ты давай, решай свои вопросы, ха-ха.

Заскрипел снег. Одна из фигур удалилась, скрылась за углом дома. Ольга стояла оглушенная, чувствуя, как в висках стучит кровь, когда оставшийся мужчина, до того стоявший недвижимо, вдруг развернулся, быстро зашагал в ее сторону. Разрываемая противоречивыми чувствами, она промедлила, не успев вовремя отойти, и незнакомец вышел прямо на нее.

Едва не врезавшись, он резко остановился, сказал зло:

— Какого черта ты... — Вглядевшись, он поперхнулся, произнес уже совсем другим тоном: — Что делает такая симпатичная девушка ночью на улице, одна?

От звучных бархатных ноток приятно заныло в груди, и Ольга с трудом выдавила:

— Гуляю.

Мужчина шагнул ближе, взяв за подбородок, приподнял голову, всмотревшись в лицо, прошептал:

— Пожалуй, я составлю тебе компанию.

Он обхватил ее рукой за голову, прижал, впившись губами в губы. Ольга ощутила, как закружился мир, а низ живота раскалился. Она невольно застонала. Почувствовав отдачу, мужчина зарычал, стиснул ее крепче, прижал так, что внутри хрустнуло. Несколько мгновений он ее яростно целовал, наконец отстранился, потащил к дому.

— Куда? — потеряно пробормотала Ольга.

В ответ раздалось сдавленное:

— До подъезда. Не на улице же...

Скрипнула дверь, пахнуло теплом и сыростью. Холодное пространство двора сменилось уютной темнотой подъезда. В ноги бросились ступеньки, с силой ударили. Ольга едва успевала шагать, затуманенное страстью, сознание плохо реагировало на происходящее, а перевозбужденный воздержанием, спутник рвался вперед, словно от этого зависела его жизнь.

Поднявшись на два пролета, мужчина остановился, обхватил Ольгу руками, с силой вдавил, вжал в стену. Она хрипло застонала, отчего спутник распалился еще больше. Руки зашарили по телу, пытаясь проникнуть по одежду. Замочки угрожающе заскрипели, грозя рассыпаться, ремень натянулся. Ольга попыталась помочь, но партнер отпихнул ее руки, прорычал сдавленно:

— Не лезь!

Ремень ослабел, брюки соскользнули, обнажая тело, по животу жадно заскользили пальцы, спустились ниже, надавили. Ольга вскрикнула, попыталась прижаться, но ее грубо развернуло, притиснуло к стене. Партнер некоторое время возился, одной рукой сминая ей ягодицы, а другой помогая себе. Наконец, он справился. Ольга ощутила, как внутрь вонзилось твердое, ритмично задвигалось, наращивая темп, от чего по телу поплыли волны истомы, а пальцы судорожно сжались, прочертив ногтями глубокие дорожки в штукатурке стены.

Мужчина рычал все сильнее, все чаще двигался, напирал с такой силой, что захватывало дух, болезненно сдавливал пальцами. Мелькнула слабая мысль, что возникшие синяки как-то придется объяснять Ярославу, но тут же пропала, сметенная страстью. В глубине начал

зарождається огнений вихрь, расти, порабощая волю и сознание, пока не выплеснулся ярчайшей вспышкой. Ольга впиалась зубами в рукав, заглушая рвущийся из глубины крик счастья. Одновременно, закончил и партнер. Сдавлив ее так, что хрустнули кости, он коротко дернулся, на мгновение застыл, после чего объятья ослабли, он обмяк, тяжело дыша, сполз по стене.

Ольга стояла, ощущая, будто ее разом лишили сил. Перед глазами плывет, стены мягко покачиваются, в ушах тоненько пищит, а ноги подкашиваются, словно она пробежала несколько километров. Рядом, привалившись к стене, тяжело дышит доставивший ей радость мужчина. Поддавшись чувствам, Ольга повернула голову, спросила тепло:

— Как хоть звать тебя?

Ответ прозвучал на удивление сухо:

— Тебе не все равно?

— Мне было приятно, — честно призналась Ольга.

— Было, да сплыло, — донеслось раздраженное в ответ. — Перепихнулись и ладно. Я тебе ничем не обязан. И не вздумай просить денег. Перебьешься.

Не успев оправиться от страстной вакханалии, сознание работало с перебоями. Ольга непонимающе спросила:

— Что-то случилось? Почему ты так...

Ответ прозвучал, словно хлесткая пощечина.

— Потому, что с блядьми подзаборными не о чем говорить. Радуйся, что понравилось, обычно я не церемонюсь. — Он зашевелился, принялся застегивать ширинку.

Остатки очарования испарились. Мир встал на свое место, такой, каким он и был, холодный и безжалостный. Глядя на мужчину, что минуту назад страстно любил ее, а теперь лишь холодно усмехается, Ольга ощутила, как внутри зарождается недоброе. В слабой надежде, что ошиблась, она спросила:

— Но ведь мы только что... были близки.

Незнакомец ухмыльнулся, подавшись вперед, так что оказался совсем близко, процедил:

— Ты что, тупая? Мне нужно было слить в подходящую дырку, я это сделал. Попалась ты — хорошо, была бы другая — еще лучше.

Темный ком внутри разросся, зло запульсировал. Ольга подтянула штаны, медленно застегнула ремень. Рядом, глумливо усмехаясь, стоит мужчина... нет, существо, одним своим присутствием вызывающее омерзение. Ослепленное собственной значимостью, существо не чувствует опасности, бессмысленное, безмозглое, бесполезное. Подобные твари годны лишь на одно, стать жертвами.

Черная тень внутри встала на дыбы, беззвучно зарычала. Словно получив команду, тело отреагировало. Рука взметнулась. Отставленный и напряженный, большой палец погрузился в глазницу до основания, столь же быстро вышел обратно. Ударил вновь, целя в оставшийся глаз.

Бледное, в слабом отблеске проникающего через небольшое окошечко света фонарей, лицо мужчины преобразилось, из насмешливой личины превратившись в окаменелую маску ужаса: рот полуоткрыт, язык бессильно повис, с кончика тоненькой струйкой стекает слюна, вместо глаз черные провалы, с бегущими по щекам черными дорожками крови.

Мгновенное наслаждение хлестнуло бичом, непривычное и сладкое, словно оргазм. Глумящаяся минуту назад, тварь застыла бессильной куклой, беспомощная и побежденная. Тело рванулось, завершая начатое. От удара по ногам мужчина упал на колени. Руки мягко легли на голову, нежно обхватили, даря прощальную ласку. Рывок. Негромко хрустнуло, а секундой позже, безжизненное, с гулким стуком тело завалилось на бок.

Ольга некоторое время стояла, раздувая ноздри и учащенно дыша, затем присела на корточки, с интересом осмотрела того, кто еще минуту назад глумливо усмехался, не подозревая о своей печальной судьбе. Тщательно обтерев перемешанные с мозгом остатки глаз об одежду мертвеца, она пытливо всматривалась в его побледневшее, залитое кровью лицо. Гнев улегся, а интерес угас. Она поднялась, одернула одежду, измятую во время любовной борьбы, и покинула подъезд.

Зайдя домой, Ольга разделась. После прогулки безумно хотелось пить. Сбросив остатки одежды, она зашла в кухню, порывшись в холодильнике, извлекла пакет яблочного сока, плеснула в стакан. Сок растекаясь по горлу приятной кислинкой, проник в желудок, утолив жажду. Убрав пакет назад, Ольга вышла из кухни и... нос к носу столкнулась с Ярославом.

От неожиданности она вздрогнула всем телом, замерла. Зевая и почесывая грудь, Ярослав произнес:

— Все пути ведут в кухню. Что-то жажда замучила. Тебя тоже?

Не смотря на сонный вид и скрипучий голос, его глаза смотрели внимательно. Промычав нечто невнятное, Ольга посторонилась, скользнула в комнату, подхватив вещи, что так и лежали, сброшенные кучкой. Скорее всего, Ярослав только проснулся, и даже не догадывался о ночных путешествиях подруги, а пристальный взгляд дорисовало чувство вины, но Ольга ощущала себя неуютно до тех пор, пока не заняла свое место, с головой укутавшись одеялом и предварительно забросив вещи на кресло.

Ярослав долго не шел, из кухни доносился стук, шорохи, один раз что-то громко звякнуло, наконец вернулся, лег рядом. Ольга напряглась, ожидая вопроса. Голова раскалилась от усилий придумать более-менее убедительную версию. Однако, вопросов не последовало. Ярослав немного поворочался, устраиваясь удобнее, несколько раз глубоко вздохнул, и вскоре уже дышал ровно, как обычно дышит спящий человек.

Ольга еще некоторое время ожидала, до звона в ушах вслушиваясь в дыхание спящего мужчины, но вскоре успокоилась. После прогулки тело налилось приятной тяжестью, глаза закрылись, и вскоре она уже спала.

* * *

На рабочее место Ольга пришла в отличном настроении. Несмотря на высокую загруженность последних недель, все удавалось сделать к сроку. Конечно, приходилось задерживаться, а иногда и оставаться до глубокой ночи, но усилия заслуженно вознаграждались. К фиксированному окладу, помимо означенных в договоре премиальных, прибавлялись приятные суммы, что шеф выдавал лично в руки, предварительно вызвав к себе в кабинет.

Вот и сегодня, не успела она зайти в здание, в коридоре возникла грузная фигура директора. Дождавшись, пока Ольга подойдет ближе, он буркнул:

— Пойдем ко мне, пока не отбыл. А то день начнется — на части разорвут, уже не вспомню.

Не оглядываясь, уверенный, что подчиненная идет следом, директор прошел к своему кабинету, вошел, чуть придержав дверь. Ольга вдвинулась следом, в ожидании остановилась у порога. Предполагалось, что она должна сесть, но в движениях хозяина кабинета проглядывалась напряженность, а бросаемые на настенные часы взгляды лишь подтвердили

догадку — директор торопится.

Он подошел к сейфу, похрустел замком. Негромко щелкнуло, дверца отворилась. Хозяин кабинета некоторое время копался в сейфе, чем-то шуршал. Звякнуло вновь. Директор вернулся, сжимая в руке конверт, сказал с ноткой извинения:

— Присесть не предлагаю, уж извини. Времени нет. Держи премиальные, и дуй на рабочее место. Подробнее поговорим после, есть у меня кое-какие вопросы...

Ольга взяла конверт, поблагодарив кивком, молча вышла. Не так давно она бы не преминула рассыпаться в благодарностях, но эти времена прошли. Она научилась ценить себя и не считала необходимым благодарить за само собой разумеющиеся вещи. А денежное вознаграждение за качественную работу являлось именно такой вещью.

Николай поприветствовал ее из-за монитора кивком. Ольга заметила, что лицо коллеги несколько бледнее обычного, но не придавала значения. Поздоровавшись, она разделась, прошла на свое место. Пока компьютер загружался, Ольга разбирала бумаги, сортируя по степени срочности.

За соседним столом пару раз кашлянуло, привлекая внимание. Ольга чуть повернула голову, спросила:

— Что-то хотел?

Николай помялся, сказал сдавленным голосом:

— Знаешь, тут звонили ребята, что заказывали станок...

Ольга напрягла память, сказала с запинкой:

— Металлообработка, Борщев?

— Да, да, — поспешно подтвердил Николай, — он самый.

Вернувшись к бумагам, Ольга отвлеченно поинтересовалась:

— Что хотят?

— Требуют возврат денег и компенсации.

Сложив документы в три аккуратных стопки, Ольга сказала:

— Задержка не по нашей вине. Я ему уже дважды объясняла ситуацию...

— Да, но он требует! — взволнованно перебил Николай. — Угрожает!

Ольга пожалала плечами.

— Может расторгнуть договор в одностороннем порядке. Седьмой пункт.

Николай помялся, сказал напряженно:

— Я сказал тоже самое, но он раскричался, обматерил меня.

Ощувив в голосе собеседника недосказанность, Ольга поинтересовалась:

— И?

— Грозился приехать — разобраться, — сглотнув, закончил Николай.

— Значит приедет, — Ольга поставила в разговоре точку, — ни первый, ни последний.

Николай помолчал, сказал чуть слышно:

— Мне бы твою уверенность. Он ведь уже у нас был... Давно, еще до того как ты устроилась. На два дня доставку задержали, так он приехал с ребятами, устроил погром. Тогдашний наш логист, Серега, потом неделю на больничном сидел, синяки залечивал.

Ольга в удивлении заломила бровь, спросила:

— А полицию уже отменили?

Николай отмахнулся.

— Он не совсем простой мужик. У них, с главным, какие-то свои дела. Мало того, что полицию не вызвали, так еще и с Сереги взыскали, за неуважительное отношение к клиенту.

Ольга промолчала. Рассказанное Николаем уж слишком напоминало страшную байку. Конфликты случались часто. Постоянно находились недовольные: кого-то не устраивала цена, кого-то время, некоторые обнаруживали на упаковке вмятины и, при сохранности товара, требовали компенсацию, другие, из-за ошибок отправителя, получали совсем не то, что заказывали и грозили судом. Но, так или иначе, все улаживалось. И даже если кто-то и оставался недоволен, то никаких притязаний к фирме не предъявлял, ограничиваясь бурчанием о «неудовлетворительном качестве» в кругу семьи.

Не исключено, что когда-то, кто-то в фирме и позволил себе лишнее, чем вызывал скандал и даже рукоприкладство, но подобные вещи происходили настолько редко, что забивать голову страхами, отвлекаясь от работы, было в высшей степени неуместно. Отбросив ненужные мысли, Ольга погрузилась в работу.

Время пролетело незаметно, настало время обеда. Ольга свернула окошечко с базой данных, и собиралась сделать последний звонок, когда дверь с грохотом распахнулась. На пороге возник мужчина, невысокий, но полный, он загородил собой проход, обвел кабинет злобным взглядом. Пухлые щеки пылают огнем, не то румяные с мороза, не то побагровевшие от ярости, челюсть угрожающе выдвинута, брови сошлись на переносице.

Несоответствие комплекции и застывшей на лице угрозы смотрелось комично. Уголки губ невольно поползли в стороны, но, заметив, как испуганно вжался в стул Николай, Ольга передумала улыбаться.

— Где этот сучонок? — рявкнул гость.

— Вы кого-то ищите? — осведомилась Ольга вежливо.

— Где этот щенок?! — воскликнул мужчина.

— Мы не держим в офисе собак, — по-прежнему вежливо, но уже с холодком произнесла Ольга. — Вы ошиблись дверью.

Гость повернул голову, вошел в кабинет, сжимая кулаки и буравя взглядом Ольгу. Он уже открыл рот, собираясь что-то сказать, когда стул под Николаем громко скрипнул. Мужчина резко повернулся. На его лице протаяла радость, но это оказалась радость заметившего добычу аллигатора. Он резко сменил направление, шагнув к столику Николая, прорычал:

— Так это был ты, погань?!

Влипнув в стул еще больше, Николай пролепетал:

— Извините, возможно, я подобрал не те слова, но...

— Ты вообще понимаешь, с кем говоришь? — Голос гостя упал до свистящего шепота, затем вновь взмыл: — У меня производство стоит, деньги уходят! Я должен был получить станок уже три дня назад. Три! Куда Мишка смотрит? Понабрал уродов, работу не делают — жопы протирают.

Дождавшись, когда гость сделает паузу, чтобы набрать в грудь воздуха, Ольга произнесла:

— Если у вас претензии, обращайтесь ко мне, у него, — она указала в сторону Николая, что замер, ни жив ни мертв, — другая работа.

— Ах, вот значит как... — зловеще произнес гость.

Глядя, как «колобок» двигается в ее сторону, Ольга все же не удержалась от улыбки, чем привела гостя в неопишуемую ярость. Видя, как тот раздувается, собираясь излить очередную тираду, она произнесла с нажимом:

— Уважаемый, если у вас есть претензии, потрудитесь изложить человеческим языком,

иначе я буду вынуждена попросить вас покинуть кабинет.

Мужчина застыл, словно натолкнулся на стенку, открыл и закрыл рот, но из перехваченного спазмом горла вырвался лишь хрип. Скрипнула дверь, на пороге обозначились два дюжих парня: толстые, как у быков, шеи, выдвинутые вперед, массивные челюсти, мясистые губы.

Один из парней пророкотал:

— Шеф, все в порядке?

Гость извернулся ужом, завопил:

— Вы где шляетесь, тунеядцы? Мне дерзят, выдворить грозятся, а вы!..

Рожи парней мгновенно посуровели, челюсти выдвинулись еще дальше, набычившись, они шагнули внутрь, выискивая взглядами обидчика. Ощувив, что глаза мордovorотов остановились на нем, Николай пискнул, сполз под стол. От немедленной расправы его спас лишь окрик гостя:

— Да не этот. Девка дерзит.

Парни остановились, повернулись к Ольге. На их лицах отразилось смешанное с презрением недоумение. Хрупкая девушка явно не представляла из себя угрозы, но хозяин стоял тут же, всем своим видом вопия о возмездии, и парни качнулись к столу. Чувствуя боевой азарт, Ольга улыбнулась, сказала дружелюбно:

— Мальчики, вы что-то хотели?

Ошарашенные подобным радушием, парни озадаченно остановились. Один, что покрупнее, покосился на хозяина, пробасил:

— Ты это, подруга, пока есть возможность, извинись. А не то...

— А не то что? — поинтересовалась Ольга вкрадчиво.

— А не то придется немного поучить, — ответил парень сурово.

Заломив руки, Ольга воскликнула с мольбой:

— У вас поднимется рука на девушку?

Парень засопел, сказал раздраженно:

— Девушка, не девушка, но за языком надо следить.

— Да что ты с ней разговариваешь? — рявкнул второй. — Сука издевается!

Ольга вдохнула, сказала с нарочитой грустью:

— Суки и щенки, щенки и суки. Как в зоопарке, честное слово. — Окаменев лицом, она произнесла звякнувшим сталью голосом: — Повеселились и хватит, а теперь пошли вон, пока я не вызывала полицию.

Парни ухмыльнулись, а их хозяин вдруг успокоился, словно речь пошла о чем-то рутинном, сказал со вздохом:

— С полицией уж мы как-нибудь утрясем. Так что, зови.

— Если успеешь, — гоготнул один из громил.

— Или можешь вызывать потом, когда уйдем, — зло сказал второй. — Только, боюсь, это будет скорая помощь.

Ольга пожала плечами, сказала буднично:

— Не бойтесь полиции — тем лучше. Обойдемся своими силами.

В предвосхищении боя сердце забилось сильнее, мышцы напряжились, а рефлексy обострились, отчего незаметные ранее детали вышли на первый план. Ближайший противник стоит правым боком вперед, что значит, скорее всего, левша. Второй, при взгляде на что-либо, поворачивает голову правой стороной, не сильно, но достаточно, чтобы понять — левый глаз поврежден, и видит хуже правого. Хозяин прячется сзади, и немного в стороне. Комплекция не позволит ему вступить в уверенный бой, но вполне может ударить в спину, значит, спиной не поворачиваться...

Ближайший громила шагнул ближе, оперевшись на стол руками, снисходительно процедил:

— Ну что, коза, куда щемиться будешь?

Ольга не ответила. Тело вошло в форсированный режим, из которого крайне тяжело разговаривать, но легко действовать. Руки метнулись к ершащейся писчими принадлежностями подставке, выхватили по остро отточенному карандашу каждая. Короткий размах. Правый кулак с силой опускается на стол, врезаясь в левую ладонь противника. Карандаш легко пронзает плоть, хрустнув, застревает в столе.

Прыжок. Тело взлетает, переносится через стол. Руки отталкиваются, используя замершего в пароксизме боли врага, как опору. Удар. Правая нога с силой бьет второго противника в лицо. Тот отшатывается, гулко ударяется об стену. На его лице возникает недоумение, что тут же сменяется яростью. Слишком велик, чересчур крепок, одного удара недостаточно.

Ноги касаются пола. Поворот. Резкий, насколько это возможно, пока враг не успел опомниться, чтобы не помешал, не нарушил ход отточенной комбинации. Тело ввинчивается в воздух штопором, в ушах завывает, а левая рука, выстрелив точно в срок, ни мгновением раньше или позже, припечатывает грудь противника в верхнюю левую часть. Тот дергается защититься, но промахивается, чуть-чуть, совсем немного, но этого хватает, чтобы отточенный кусок дерева глубоко вошел в мышцы.

Рывок. Рука рвется в сторону, легко переламывая карандаш, так что большая часть остается в ране. И, в завершение, толчок двумя руками, прямой, с выдохом, в полную силу, так что противника отбрасывает к стене. Ударившись вторично, он медленно сползает на пол, зажимая рану на груди.

Бесформенным овалом маячит фигура хозяина, единственный, кто остался на ногах: глаза в удивлении распахнуты, рот приоткрылся, руки тянутся к внутреннему карману, где спрятан... нож, кастет, пистолет? Это уже не важно, потому как вытащить оружие он вряд ли успеет, а если и успеет...

Раздался гневный голос.

— Что здесь происходит?

Вопрос прозвучал дважды, прежде чем пробился в разгоряченное боем сознание. С трудом умерив гнев, уже готовый выплеснуться на оставшегося противника, Ольга остановилась, повернула голову. В дверях, с ужасом взирая на происходящее, застыл директор. Перекосив лицо в кривой ухмылке, Ольга выдохнула:

— Ничего особенного. Обычное общение с клиентами.

Дальнейшее она помнила смутно. Директор кричал так, что звенело в ушах. Со всех

кабинетов сбежались работники: кто-то стоял, ошеломленный происходящим, кто-то вызывал «Скорую». Одна из девушек-бухгалтеров, с застывшим от ужаса лицом, оттирала платочком кровь со стены, другая бестолково металась, не зная, кому помогать и что делать.

С трудом сдержавшись, чтобы не ответить резкостью директору, обвиняющему ее во всех смертных грехах, Ольга оделась, поспешно покинула здание. Остатки ярости жгли огнем, и она долго гуляла, расплескивая сапогами грязные зеркала луж, пока не успокоилась. Заглянув в попавшееся кафе, она со вкусом пообедала, после чего, окончательно успокоившись, вернулась на работу.

Против ожидания, в коридоре никого не оказалось, судя по всему, под влиянием чувств, она немного «загулялась», пропустив основное действие. Ольга зашла в кабинет, осмотрелась. Все на своих местах: стулья стоят ровно, бумаги аккуратно разложены, сбитая во время потасовки вешалка вернулась на место.

Раздевшись, Ольга прошла к своему месту, присела. Взгляд привлекла чернеющая вмятина. Она нагнулась, некоторое время всматривалась в оставленное карандашом углубление: острые зубчики щепок, испятнанные красным неровные края... Ольга выпрямилась, поинтересовалась:

— Чем кончилось дело?

Николай, до того сидевший безмолвно, охнул, сказал с трепетом:

— Ты не представляешь, что тут было! Генеральный метался по офису и орал так, что с трудом выдерживали уши. Грозился всех уволить, матом крыл. Девчонок из бухгалтерии перепугал так, что...

— С клиентами что? — Ольга прервала поток красноречия.

Николай поперхнулся, сказал:

— Ушли. Тот что поменьше, отчитал нашего, как мальчишку. Ну, а амбалы в основном молчали, лишь один, которому ты руку пробила, сказал, что... — Он сглотнул, закончил чуть слышно: — Что тебе не жить.

Ольга невесело усмехнулась. Сколько раз она уже слышала подобные «угрозы», и уже давно перестала придавать значение словам. Говорит тот, кто не может сделать, в отличие от слабого, сильный не сотрясает попусту воздух, доказывая собственное превосходство совсем другим способом. Намного хуже оказалась выволочка, какую низкорослый клиент прилюдно устроил шефу, что говорило о немалом влиянии, и... не могло не отразиться на виновнице самым непосредственным и скорым образом.

Покинув, она повернулась к монитору, мгновение сидела, вспоминая, на чем оборвала работу. Взгляд прикипел к строчкам базы данных, а пальцы забегали по клавиатуре, набивая ключевые слова. Повернувшись через минуту за документом, Ольга перехватила внимательный взгляд Николая, поинтересовалась:

— Что-то еще?

Тот сглотнул, спросил потрясенно:

— Ты так спокойно продолжаешь работать, будто ничего не случилось?

Ольга пожала плечами, ответила:

— Что случилось — то случилось. Что же теперь, работу останавливать?

— Но как ты смогла? Ведь эти жлобы не то что девушку, мужика сомнут в два счета!

Ольга хотела ответить жестко, но Николай смотрел столь умоляюще, что она лишь усмехнулась, сказала мирно:

— Не стоит судить по размерам. Масса — не самый важный критерий в бою. К тому же

они совершили критическую ошибку.

— Какую? — чуть слышно выдохнул Николай.

— Недооценили противника, — бросила Ольга, сопроводив слова столь жутким оскалом, что Николай отшатнулся, спрятался за монитор.

Работа поглотила с головой, происшествие забылось. Когда на пороге возник директор, увлеченная делом, Ольга сперва не поняла, отчего лицо шефа темнее тучи, но тут в памяти возникли события дня и все встало на свои места.

Увидев, что его заметили, директор бросил хмуро:

— Зайди ко мне.

Хлопнула дверь, директор исчез. Ольга еще некоторое время сидела, заканчивая расчеты, затем свернула таблицу, встала из-за стола. Николай оторвался от работы, сказал ободряюще:

— Ничего, может еще обойдется.

Ольга усмехнулась.

— Ты его лицо видел? Обойдется, конечно, только уже без меня.

Когда Ольга зашла в кабинет, директор шуршал бумагами. Заслышав скрип двери, он указал на стул, не поднимая глаз, буркнул:

— Садись.

Ольга воспользовалась приглашением, удобно устроилась в кресле, без вызова, но и без ненужной робости, застыла в ожидании. Хозяин кабинета некоторое время перебирал документы, морщил лоб, хмурился, но под конец не выдержал, с заметным раздражением спросил:

— Что сегодня произошло?

— О чем именно речь? — поинтересовалась Ольга отстраненно.

Голос директора стал угрожающим.

— Ты знаешь о чем. Об избитых тобой клиентах.

— Я защищалась, — ответила Ольга кротко.

Хозяин кабинета набычился. Его лицо побагровело, а челюсть выдвинулась. Он прорычал:

— Защищалась так, что у одного пробита кисть, у второго дыра в груди и вывих ноги, а третий едва не схватил инфаркт от волнения?

Ольга пожала плечами.

— Защищаясь, я не ставлю целью сохранить здоровье противнику.

Директор грохнул по столу так, что звякнул сервиз за дверцами шкафчика, заорал:

— Какой, к черту, противник! Ты вообще отдаешь себе отчет, где находишься? Это не бойцовский клуб, не притон, не военная организация. Мы не избиваем посетителей, даже если они ведут себя некорректно. Мы с ними работаем. И кому, как тебе этого не знать!

Ольга спокойно выслушала, хотя собеседник взрыкивал и орал так, что капельки слюны разлетались далеко вокруг, попадая в том числе и на лицо, сказала, осторожно подбирая слова:

— Вы хотите сказать, что, если вдруг, по ужасающему стечению обстоятельств, клиент захочет ограбить, или, того хуже, убить меня, нужно продолжать работать, словно ничего не произошло?

Директор закрыл глаза, с шумом выдохнул, сказал устало:

— Да с чего ты взяла, что кто-то пытался тебя ограбить, или, тем более, убить?

— У меня есть соответствующий опыт, и в подавляющем большинстве случаев я могу отличить пустые слова от реальной угрозы. Сегодня угроза была реальной. — Заметив, что собеседник собирается возразить, Ольга сказала с нажимом: — И, даже если это было не так, я не намерена ждать, пока мне начнут ломать кости, чтобы ответить соответственно.

Хозяин кабинета некоторое время сидел недвижимо. Его брови сошлись на переносице, желваки вздулись, а пальцы стиснули край стола так, что побелели костяшки. Он прорычал:

— Разговор закончен. Можешь искать другую работу. Свободна.

Ольга немного посидела, с интересом вглядываясь в лицо собеседника. Не смотря на крайнюю ярость, хозяин кабинета избегал смотреть в глаза, словно чего-то боялся. Вот только чего... Так и не найдя ответа на вопрос, Ольга поднялась, вышла с гордо выпрямленной спиной, мягко притворила дверь.

Николай встретил выжидательным взглядом, но, едва заметив выражение лица Ольги, поник, спросил больше для формы:

— Чем кончилось?

Ольга усмехнулась.

— Продолжительным отдыхом. Надеюсь, не надо уточнять чьим?

— Не надо, — уныло протянул Николай. — В принципе, это было ясно сразу, но я до последнего надеялся, что благо фирмы перевесит.

Ольга отмахнулась, сказала тепло:

— Не унывай. Возьмут другого логиста, поумней да посноровистей.

— Не знаю, не знаю, — Николай фыркнул, — где возьмут умнее, а уж про сноровистее и не говори. Я сегодняшней день как вспомню, так вздрогну. Если бы не твои, твое... короче, если бы ты их не утихомирила, боюсь представить, во что они превратили бы офис, да и меня, до кучи.

Хлопнула дверь, раздался бодрый голос:

— Привет работникам умственного труда!

Ольга с Николаем разом повернули головы. В дверях, уперев руки в бока, возник Владимир.

— Здорово, — буркнул Николай.

— И тебе привет, — с улыбкой откликнулась Ольга.

— А чего хмурые, работа не радует? — хохотнул Владимир.

— У нас небольшое ЧП с большими последствиями, — кисло процедил Николай.

— Не преувеличивай. От потери работы еще никто не умирал, — произнесла Ольга с подъемом.

Владимир переводил глаза с Ольги на Николая и обратно, в его взгляде читалось непонимание. Не дожидаясь вопроса, Николай объяснил:

— Шеф Ольгу уволил.

Лицо Владимира вытянулось, он вдруг стал очень серьезен, поинтересовался:

— С этого места, пожалуйста, поподробнее.

Ольга нетерпеливо дернула уголком губ, сказала:

— Влад, ничего интересного. Грубо обошлась с клиентом. Шефу не понравилось. Собственно, и весь рассказ.

Ольга ненадолго отвернулась, а когда повернулась, Владимир исчез. Ольга прислушалась. Слуха коснулись удаляющиеся шаги, затем грохнула дверь, и все стихло.

— Чего это с ним, живот прихватило? — поинтересовался Николай. — Вылетел, словно

боялся до сортира не добежать.

Призывая к молчанию, Ольга сделала отстраняющий жест. В воцарившейся тишине донеслись едва слышимые, но, с каждой секундой все более громкие, голоса. Один из голосов принадлежал Владимиру, а во втором Ольга со все возрастающим удивлением узнала шефа.

Николай некоторое время прислушался, сказал недоверчиво:

— Это Влад с шефом ругается?

— Похоже на то, — ответила Ольга в тон.

Николай покачал головой, произнес задумчиво:

— Подобная смелость, конечно, заслуживает уважения. Я бы никогда не решился разговаривать с начальством так... но, по-моему, это уже перебор.

Ольга хотела ответить, но в этот момент крики прекратились. Где-то с грохотом хлопнула дверь, из коридора донеслись шаги, а мгновение спустя в кабинете возник Владимир: побледневшее лицо, вздутые желваки, яростный блеск в глазах. Он прорычал:

— Чертов идиот, у него, видите ли, обязательства перед важными людьми... — Заметив на себе удивленные взгляды, он поперхнулся, сказал тоном ниже: — Извините, что-то я не в настроении сегодня. Сам себе удивляюсь.

Николай сказал потрясенно:

— Вы так кричали... Он тебя, случаем, не уволил?

Владимир ухмыльнулся, на мгновение его лицо приняло хищное выражение, что тут же исчезло, уступив место озабоченности, обратился к Ольге:

— К сожалению, шефа убедить не удалось. Стоит на своем. Хотя, я уверен, в произошедшем нет твоей вины.

Ольга пожала плечами.

— Его можно понять. С другой стороны, вполне вероятно, что я немного перегнула палку, можно было обойтись и менее... — она запнулась, подбирая слова, — кардинальным решением. Но, что сделано, то сделано.

Глядя, как она отключает компьютер и собирает документы, Влад воскликнул:

— Но, тебе нельзя отсюда уходить!

Ольга подняла глаза, спросила удивленно:

— Это еще почему?

Влад открыл и закрыл рот, на его лице отразилось секундное замешательство.

— Во-первых, ты отлично делаешь работу, во-вторых, тебя сюда устроил я, а не кто-то другой, ну и в-третьих... Без денег в наше время тяжело, а накопления, даже если они есть, имеют свойство заканчиваться.

Ольга улыбнулась, с благодарностью произнесла:

— Мне приятно, что ты с таким трепетом относишься к моей судьбе, но, если вдуматься, ничего страшного не произошло. Без протекции я сюда все равно бы не попала. Считаю, несколько месяцев пользовалась незаслуженными благами. Такое не длится вечно.

Насчет накоплений ты прав, они расходятся быстро, но я умею экономить, поэтому, ближайший месяц — два, о деньгах можно не беспокоиться. Работы вокруг много, подберу что-нибудь. К тому же, я за последнее время подустала, будем считать, что получила незапланированный отпуск.

Николай вздохнул, сказал печально:

— Что ж, успехов. Если будешь рядом — заглядывай. Поболтаем.

Ольга оделась, подошла к Николаю, звонко чмокнув в щеку, с чувством произнесла:

— Обязательно!

На пару с Владимиром, они вышли из кабинета. Дойдя до выхода, Влад остановился, сказал:

— Ладно, пока не суетись, и куда попало не кидайся. Я посмотрю, что можно сделать.

Ольга ответила со смешком:

— Не надо, я и так тебе уже должна слишком много. Боюсь, расплатиться не смогу.

Владимир пропустил слова мимо ушей, сказал, обращаясь больше к себе, чем к собеседнице:

— Телефон твой у меня есть, в ближайшее время позвоню. Все, счастливо. Рад бы подвести, да надо задержаться, поговорить кое с кем...

Его лицо потемнело, и Ольга в очередной раз поразилась, каким сосредоточенным и суровым может быть ее случайный товарищ, которого она привыкла видеть совсем в другом амплуа.

— Что ж, счастливо и тебе.

Она помахала рукой, и вышла из здания.

Покинув территорию базы, Ольга вздохнула с облегчением. Не смотря на неприятный разговор с шефом, виноватой она себя не ощущала. Этика этикой, но при переходе некой грани клиент теряет статус желанного гостя, а давешние посетители эту грань перешли с лихвой. Повторись ситуация, она поступила бы также, не раздумывая. Как бы ни была ценна работа, и сколько бы за нее не платили, самоуважение, а, тем более, здоровье, располагались в иерархии ценностей на ступень выше. Конечно, подобную работу придется еще поискать, и не факт, что в ближайшее время удастся, все же не каждый день на голову сваливаются дружелюбные мужчины с заманчивыми предложениями, но все это будет после, а сейчас...

Перешагивая лужи, Ольга наслаждалась свободой. Забытое чувство, пьянящее сильнее вина. Она не отказывала себе в потребностях и раньше, но мысли о работе вызывали внутреннее напряжение, не позволяя расслабиться даже на выходных. И лишь теперь, разом лишившись всех обязательств, Ольга ощутила, как расслабляется тело, не стянутое более невидимыми, но чрезвычайно прочными путами разума.

Дышалось легко. Насыщенный ароматами пробуждающейся природы, свежий весенний воздух струей вливался в легкие, будоражил чувства, отчего сердце начинало биться сильнее, а губы расползались в улыбку. Животворящее дыхание весны обновило тело, наполнило душу радостью, вернув забытые ощущения детства. Чувствуя себя ребенком, Ольга прыгала через лужи, наблюдала за снующими по кустам воробьями, надолго останавливалась, высматривая в небе рыхлые туши облаков, складывающиеся в фантастические фигуры.

Переливчатая трель мобильного вернула к реальности. Со вздохом отвернувшись от скамейки, где, угнездившись на небольшом сухом пяточке, важно восседал кот, Ольга достала телефон, мельком взглянув на дисплей, сказала приветливо:

— Здравствуй, Леонид.

Собеседник хмыкнул, сказал:

— Привет, привет. Вижу, ты в отличном настроении. Произошло что-то хорошее?

Ольга сказала со смешанным чувством:

— Это, смотря как оценивать. Но, да, произошло. Ты что-то хотел?

Леонид предложил:

— Знаешь, а не прогуляться ли нам вечерочком? Последняя наша встреча произвела на меня... глубокое впечатление.

Ольга сказала насмешливо.

— Так ты прогуляться хочешь, или... обновить глубокое впечатление?

— Не буду кривить душой, не откажусь обновить, но и просто прогулкой буду доволен.

Ольга отняла мобильник от уха, взглянула на дисплей, вновь поднесла.

— Сейчас половина пятого. Во сколько ты хочешь встретиться?

— Вероятно, после окончания рабочего дня. Я-то свободен, но вот ты...

— Я тоже. Предлагаю не откладывать, и встретиться прямо сейчас, — подытожила

Ольга.

Не скрывая удовлетворения, собеседник откликнулся:

— Что ж, отлично. Значит, возле «Победы». Ты ведь знаешь, где находится кинотеатр?

— Знаю.

Убрав мобильник, Ольга двинулась к остановке. Она не испытывала особого желания

встретаться с Леонидом, но в свете последних событий образовавшийся избыток времени нужно было куда-то использовать. Автобус довез до кинотеатра быстрее ожидаемого. Не обнаружив спутника, Ольга зашла в холл, принялась с интересом рассматривать афиши. Яркие, бросающиеся в глаза плакаты призывно пестрят со стен, завлекая сочной картинкой. Ольга вспомнила, что не заходила в кинотеатр уже несколько лет. Она никогда не была поклонницей подобного вида творчества, безжизненной картинке экрана предпочитая живую игру актеров театра, посещая кинотеатр лишь изредка, когда в прокат выходил какой-нибудь особенно хороший фильм.

Взгляд скользнул по плакатам, выхватывая имена актеров: одно, второе, третье... Глаза бежали по буквам, не задерживаясь. Ни одной знакомой фамилии. На экраны вышло новое поколение актеров, а, быть может, не востребованные, из памяти стерлись даже следы воспоминаний былых имен. Ольга прошлась по вестибюлю, постояла возле кассы, и уже потянулась к телефону, когда за стеклами входных дверей обозначился Леонид.

Ольга подошла к выходу, остановилась, ожидая, что спутник заметит, но тот, хоть и вертел головой по сторонам, упорно не желал оглядываться. Леонид напоминал потерявшегося ребенка, что высматривает родителей прямо перед собой, не догадываясь, что мать стоит за плечом, и стоит лишь обернуться... Вздохнув, Ольга вышла на улицу, кашлянула, привлекая внимание.

Леонид обернулся, сказал удивленно:

— Так ты уже здесь! А я-то по сторонам смотрю, даже и не подумал, что успеешь раньше меня.

— Куда поедем? — поинтересовалась Ольга.

Леонид помялся, сказал:

— Знаешь, такая отличная погода сегодня, может, пройдемся? К тому же, я не на машине...

Ольга пожала плечами, взяв спутника под руку, легко согласилась:

— Как скажешь.

Они прошли через парк, двинулись вдоль одной из улочек. Леонид говорил не переставая, смеялся, жестикулировал. Ольга слушала вполуха, порой кивала, поддакивала, особенно не стараясь вникнуть в смысл разговора. Голос спутника действовал умиротворяюще, подобно журчанию ручья, и Ольга погрузилась в себя настолько, что опомнилась лишь когда ее с силой потянуло назад. Сморгнув, она вернулась к реальности, непонимающе огляделась.

Напротив поблескивают подсветкой дымчатые стекла витрины кафе, Леонид стоит рядом, в глазах застыл вопрос. Ольга поморщилась, произнесла:

— Извини, я немного задумалась. Ты что-то спросил?

Леонид улыбнулся, сказал:

— Ничего страшного. Я тоже хорош, заболтался совсем, не заметил, что ты заскучала. Предлагаю исправить упущение хорошим ужином.

— Тогда пойдем.

Ольга сделала шаг в сторону кафе, но Леонид забежал вперед, сказал поспешно:

— Я не хочу испортить впечатление от вечера плохим обслуживанием. Подожди минутку, зайду — посмотрю, что и как.

От неожиданности Ольга остановилась, спросила непонимающе:

— Ты серьезно полагаешь, что обслуживание может быть плохим настолько, что даже

не стоит заходить?

Леонид ответил уклончиво:

— Знаешь, я бывал в разных местах, о чем не хочу сейчас вспоминать. Но, поверь на слово, в некоторые заведения лучше не заходить даже на мгновение.

Пока Ольга размышляла над сказанным, Леонид развернулся, быстрым шагом достиг входа и скрылся за дверью. Поведение спутника казалось странным. Оставлять девушку у порога, а самому заходить внутрь, словно это не обычное кафе, а бандитский притон... Возможно, Леонид действительно когда-то не совсем удачно сходил в одно из подобных мест, и теперь, не желая повторять неприятный опыт, излишне перестраховывается. Но, скорее всего, он просто решил произвести на нее впечатление, для чего выбрал столь необычный способ.

Стоять без дела быстро наскучило и Ольга подошла ко входу, но, едва коснулась ручки, дверь резко отворилась. Ольга едва успела отшатнуться, в гнев развернулась, но слова замерли на языке. Из входа, пятясь, вышел Леонид, за ним следом вывалились двое мужчин. Судя по суровому выражению лиц, мужчины были настроены решительно и весьма агрессивно.

Ольга замерла, удивленная прозорливостью спутника. Способность лишь по внешнему виду кафе предсказать предстоящий конфликт представлялась фантастической, если не сказать больше. Ольга отступила на шаг, с интересом ожидая развития событий.

Один из мужчин, что повыше, процедил:

— По-моему, мы уже это обсуждали, но ты вновь и вновь возвращаешься к вопросу.

Второй, пониже, добавил:

— И ведь в прошлый раз ничем хорошим не кончилось.

Леонид отступил, защищаясь, произнес сдавленно:

— Я вам уже говорил, и повторю снова: меня не устраивает такое решение вопроса.

— Придется смириться, — усмехнулся первый.

— Или предпочитаешь по-плохому? — в тон поинтересовался второй.

Леонид обернулся, обнаружив спутницу в шаге позади, вновь взглянул на мужчин, но Ольга успела заметить, как неуловимо изменилось его лицо. Испуг уступил место высокомерию, а губы изогнулись в нехорошей усмешке. Преисполнившись презрения, Леонид процедил:

— Ребята, похоже, вы не отличаетесь умом, а главное, не отдаете себе отчет, с кем связались. Не понимаете слов, придется объяснить делом.

Мужчины переглянулись. Столь разительная перемена в поведении собеседника насторожила. Они некоторое время оглядывались, подозревая подвох, но, кроме случайных прохожих на противоположной стороне улице, вокруг никого не было. Не обнаружив спешащих на помощь наглецу противников, не считать же за серьезного бойца стоящую рядом девушку, мужчины ухмыльнулись, протянули руки. Но, за мгновение до того, как его сгребли за грудки, Леонид отпрыгнул, оказавшись за плечом у Ольги, воскликнул зло:

— Не хотите по хорошему? Придется по плохому!

Парни ухмыльнулись шире. Тот, что повыше, произнес:

— Ну, наконец-то. Этого мы и добиваемся уже битых пять минут. Только чего ты отходишь-то?

— Или, считаешь, места маловато? — хмыкнул второй. — Так нам много места не надо. Дотянуться бы.

Леонид зло прошипел:

— Дотянетесь сейчас, секунду дел. — Добавил трагичным голосом: — Ольга, ребята не внемлют. Боюсь, без применения силы не обойтись.

Ольга взглянула с удивлением, но внимание отвлек ближайший из мужчин. Он бросил грубо:

— Ну все, хватит разговоров. А ты, подруга, отойди, отойди. Под горячую руку попадешь — зашибем ненароком.

Он протянул руку, попытался отодвинуть Ольгу с дороги, но вдруг ахнул, согнулся, опустившись на колени. Второй мужчина на мгновение опешил, но, заметив, что именно заставило его товарища принять столь неподобающее положение, нахмурился, сказал зло:

— Неплохо для девчонки. Но, все же, предупреждаю последний раз, лучше отойди. Не хочу портить такую хорошенькую мордашку. А ведь придется.

Не отпуская руку незадачливого бойца, Ольга произнесла холодно:

— У меня хорошее настроение, поэтому можем обойтись малой кровью. Условия просты, ты извиняешься, и вы оба исчезаете с глаз.

Мужчина несколько секунд смотрел неверяще, затем выдохнул в ярости:

— Я предупреждал. Сама напросилась...

Договорить он не успел. Крылом ворона взметнулась пола пальто. Мелькнула и исчезла нога в изящном сапожке. Раздался негромкий хруст. Мужчина покачнулся, схватившись за горло, замедленно осел на ступеньки, а затем и вовсе завалился на бок.

— А вас предупреждали, — победно хмыкнул Леонид. — Ведь предупреждали же!

Ольга повернула голову, недолго вглядывалась в лицо спутнику, где, глубоко в глазах, гасли искры ненависти, сказала тихо:

— Полагаешь, до этого стоило доводить?

Леонид сплюнул, сказал зло:

— Еще как стоило. Этих уродов убить мало, не то что... — Спихватившись, добавил мирно: — А вообще, ты права, права... Жестокость не лучшая добродетель. А если подумать, то и не добродетель вовсе. Но, бывает, попадают такие, с которыми лучший выход вот так, рожей в грязь. Чтобы впредь неповадно было.

Он с силой пнул мужчину, что по-прежнему пребывал в нелепой позе, удерживаемый за кисть, отчего тот опрокинулся на спину. Ольга едва успела разжать пальцы, чтобы не упасть, увлекаемая весом противника.

— Пойдем до следующего кафе, или зайдём в это? — поинтересовалась Ольга, искоса наблюдая за лицом спутника.

Леонид беспечно пожал плечами, но, опомнившись, нахмурился, сказал с озабоченностью:

— Нет, нет. Пойдем в другое место. Не думаю, что эти осмелятся сунуться вновь, но не хотелось бы омрачать вечер, ужиная рядом с...

Не договорив, он подхватил Ольгу за руку, повлек вдоль улицы, уводя от места столь неожиданной, хотя и краткой, схватки. Долго бродили по улицам, подыскивая подходящее кафе, но, как назло, попадались только забегаловки, где, торопливо глотая куски, утоляли голод угрюмого вида люди.

Солнце зашло, похолодало. Ветер уже не бодрил свежестью. Став холоднее и жестче, он обжигал щеки, гудел в ушах, забирался в щели одежды, вызывая желание забиться куда-нибудь в тепло и поскорее завершить прогулку. Проходя мимо остановки, Ольга замедлила

шаг, а затем и вовсе остановилась. Леонид повернулся, взглянул с удивлением.

— Что-то не так?

— Мне надоело. — От очередного порыва ветра Ольга зябко передернула плечами. —

Пожалуй, на сегодня прогулку закончим.

На лице спутника промелькнуло облегчение, мгновенное, едва заметное, но Ольга успела отследить блеснувшие в глазах искры радости, что тут же исчезли, уступив место озабоченности. Нахмурившись, Леонид произнес:

— Конечно, конечно. Я понимаю, ты устала на работе, к тому же этот ветер... Жаль, не получилось с кафе. Надо же такому случиться, наткнуться на этих уродов. Давай, я посажу тебя на транспорт, а лучше — провожу.

Ольга с трудом сдержала усмешку. Несмотря на все старания, голос и мимика выдавали спутника с головой: не в силах изображать скорбь, губы заметно подрагивали, а интонации сменяли друг друга, выходя далеко за диапазон «полосы уныния». Она сделала отрицательный жест, сказала:

— Провожать не нужно, все равно в автобусе не поговорить. А посещение кафе можно отложить на потом. Скажем, на выходные, или, еще лучше, перенести на следующую неделю.

Леонид оживился, закивал.

— Прекрасная мысль. Я как раз думал об этом.

— Я ощутила, — ответила Ольга, улыбнувшись уголками губ. — Кстати, вот и мой маршрут, счастливо.

Не дожидаясь ответа, она шагнула к подкатившему автобусу, вошла в салон. Когда автобус тронулся, Ольга повернула голову. Леонид стоял на прежнем месте. Улыбка исчезла с его лица, сменившись сосредоточенным выражением. Автобус набрал скорость, и силуэт растворился, потонув в сумраке надвигающейся ночи.

Квартира встретила мощной волной аромата. Принюхавшись к букету запахов, Ольга ощутила мощный позыв голода, отчего тут же свело скулы, а под ложечкой неприятно заскребло. Раздевшись, она прошла в ванную, вымыла руки, а когда зашла на кухню, остановилась на пороге. Все пространство кухни оказалось погружено в клубы пара, в глубине которого что-то угрожающе шкворчало и потрескивало.

Громко хлопнуло, потянуло холодом, поток свежего воздуха в миг очистил помещение. Возле плиты колдует Ярослав. Одетый в фартук на голое тело, небритый, с огромной поварешкой в руке, словно алхимик в тайной лаборатории, он целиком сосредоточен на процессе приготовления. Одна рука помешивает поварешкой варево, а другая, раз за разом подбрасывает специй. На столике кучки очисток, пустые пакетики, скорлупа яиц.

Ольга смотрела на мужчину, что за полгода совместного проживания стал привычным и родным, со смешанным чувством. Все эти месяцы Ярослав вел себя подчеркнуто корректно. Ольга не помнила, чтобы он позволил себе повесить на нее голос, или, того хуже, ударить. Но, не смотря на замечательные, на первый взгляд, отношения, последнее время Ярослав начал вызывать раздражение. Сперва незаметное, оно постепенно накапливалось, порой, усиливаясь настолько, что Ольга с трудом сдерживалась, чтобы не устроить скандал. Несколько раз она пыталась анализировать, копалась в себе в поисках причин, но каждый раз отступала в бессилии. Не смотря на все попытки, разум пасовал, отступая перед мощным велением тела, где, в самой глубине, направленные против спутника жизни, все чаще зарождались злые искры ярости.

Вот и теперь, несмотря на уютную домашнюю обстановку и готовящийся ужин, в груди заворчалось недоброе. Несколько раз глубоко вздохнув, Ольга подавила гнев, выплескивая остатки раздражения, рявкнула:

— Гав!

Ярослав вздрогнул, обернулся так резко, что Ольга опешила. Настолько не вязалась скорость движений и мелькнувший в глазах холодный блеск с привычной неторопливостью дальнобойщика. Но, узнав подругу, Ярослав тут же успокоился. Губы растянулись в улыбке, а глаза сверкнули радостью. Он произнес с улыбкой:

— Вот напугала! А я, видишь, готовлю. Задумался, даже не слышал, как вошла.

— Повелитель тарелок и кастрюль священнодействует в родной стихии! — чмокнув товарища в щеку, бодро произнесла Ольга.

— Да, да, — Ярослав закивал, — надоело, знаешь, бутербродами питаться, решил сделать что-нибудь достойное.

Ольга взглянула на плиту, спросила с интересом:

— И что же это, если не секрет? Минуту назад тут было не продохнуть от дыма.

— Не от дыма, а от пара, — произнес Ярослав назидательно. — Закрыл форточку, вот и напарило. Хорошо, порывом ветра распахнулась, а то я и не сообразил вовремя.

— И все-таки, что ты готовишь? — Ольга взглянула лукаво.

Ярослав напустил на себя таинственный вид, сказал:

— Как приготовлю, так узнаешь. — Добавил зловеще: — И вообще, нечего под ногами путаться, процессу мешать. Брысь из кухни. Как приготовлю — позову.

Ольга фыркнула.

— Ну и пожалуйста. Не хочешь говорить — не надо. К тому же, наверняка это будет готовиться еще часа полтора, а я от голода погибаю. Пойду — наемся анаболиков, все пользы больше. Будешь сам свое варево потом есть.

Глядя, как она, надув губы, разворачивается, чтобы уйти, Ярослав спохватился, сказал примирительно:

— Ну ладно, ладно, что ты. Не обижайся. Готово будет через пять минут, а что — узнаешь, когда за стол сядешь. Будет сюрприз. Разве это плохо?

Ольга вздохнула, сказала со слабой улыбкой:

— Нет, конечно. Сюрприз — хорошо. Да и не обижаюсь я. Просто, что-то с настроением последнее время не то... — Она несколько раз с силой втянула ноздрями воздух, добавила ехидно: — А чтобы устраивать сюрпризы, надо квартиру лучше проветривать, а лучше вообще готовить в другом месте. С первого этажа по запаху можно догадаться — пельмени варишь.

Ярослав тяжело вздохнул, сокрушенно развел руками.

— И ничего-то от тебя не скроешь. Ладно, сам виноват.

Он отвернулся к плите, но Ольга уловила в прощальном взгляде хитрый блеск, словно Ярослав припрятал в рукаве некий козырь. Пожав плечами, она вышла из кухни. Раздевшись, Ольга побродила по комнате. Есть хотелось все сильнее, а желанного зова по-прежнему не было слышно. Подойдя к шкафу, она распахнула дверцу, задумчиво взглянула вглубь. На полочке, напротив глаз, рядками выстроились многочисленные пластиковые баночки. Прямоугольные и цилиндрические, большие и не очень, украшенные яркими наклейками и скромные, почти без надписей, выставленные рядком, баночки заняли почти всю полку. В каждой полный набор ценнейших аминокислот, необходимых любому, а уж тяжелоатлетам нужных как воздух.

Сразу за банками пакеты с белесым порошком — протеином, с которым так хорошо делать питательные коктейли к завтраку. Чуть глубже, подальше от опасного края, тускло поблескивают ампулы с анаболическими стероидами: самые совершенные, но и самые опасные стимуляторы. Тут же, свернутые лентой, покоятся упаковки со шприцами. И в самой глубине, возле задней стенки, коробочка с остатками «антидота», который, не ощущая опасных симптомов, она так и не проколола полностью.

Рука потянулась к ближайшей баночке, пальцы ухватили, крутанули, снимая крышку. Вытащив десяток капсул, Ольга убрала баночку на место, взяла следующую, затем еще и еще. Когда на ладони, согнутой ковшиком, почти не осталось места, и капсулы едва удерживались, грозя рассыпаться на пол, она разом забросила получившуюся кучку в рот, хлебнула воды из заранее припасенной бутылочки.

Капсулы растаяли, растеклись по языку. Проглотив питательную кашу, Ольга еще раз отпила воды, после чего затворила дверцу и отошла от шкафа. Протеины давно стали неотъемлемой частью питания. Кое-что она покупала в спортивном магазине, через дорогу, но большую часть поставлял Антон. Доверяя тренеру, Ольга не особо вдавалась в состав и действие таблеток и порошков, тем более, что негативных эффектов не ощущала, а цены у Антона всегда были более чем доступные.

Ольга пару раз прошлась перед зеркалом, напрягая и распуская мышцы, удовлетворенная результатом, присела на диван. Мышцы стали заметно крупнее и ощутимо тверже. И если раньше она казалась самой себе хрупкой, то теперь фигура обрела явно видимую крепость, хотя и по-прежнему осталась изящной. Листая журналы бодибилдинга,

Ольга часто задавалась вопросом, на что надеется Антон, взяв ее в подопечные. Не смотря на значительные успехи, до изображенных на картинках могучих женщин ей было также далеко, как и до начала «качки».

Возможно, не видимые остальным, Антон разглядел в ней некие задатки, а может, ослепленный жаждой славы, схватился за первую подвернувшуюся возможность, и теперь, не смотря на сомнительные успехи, упорно пытался достигнуть результата. В любом случае, проведенное в спортзале со штангой время нельзя назвать пустым. Энергии стало больше, тяжелые ранее, объемистые сумки ныне казались невесомыми, а мышцы стали намного прочнее, отчего даже при самых сильных ударах на теле не оставалось синяков. Оставалось лишь восхищаться, вспоминая, как раньше, от малейшего неловкого столкновения с чем-либо хоть немного твердым, на коже расплывались огромные желтоватые синяки, что вскоре наливались фиолетовым, заставляя прятать пораженные места под одеждой.

Взгляд упал на небольшую, пестро раскрашенную металлическую коробочку, руки потянулись сами собой, пальцы ухватили, принялись крутить. Мысли о спорте улетучились, вновь вернувшись к непосредственным потребностям. Горсть протеина не утолила голод, наоборот, лишь разожгла. Доносящиеся из кухни ароматы дразнили, вызывая поток слюны во рту и спазмы в желудке.

Ольга открыла коробочку, принялась к сладкому духу с нотками мяты. Лежащие внутри, завернутые в прозрачный целлофан разноцветные леденцы призывно блестели. Продолжая принимать, Ольга зачерпнула конфетки, поиграла с ними, пересыпая из ладони в ладонь. Однако, перебивать аппетит сладким не хотелось, к тому же, после конфет почему-то неудержимо клонило в сон. Поиграв с конфетками еще немного, она с сожалением высыпала блестящие, словно драгоценные камни, леденцы обратно, поставила коробочку назад.

За спиной едва слышно скрипнули упрятанные глубоко под линолеум половицы, так тихо, что обычный человек не обратил бы внимания. Она бы и сама не обратила внимания, всего лишь полгода назад, но сейчас... Казалось, по соседству, в комнате, кто-то набросал сухих сучьев, и теперь по ним с жутким треском пробирается медведь. Улыбаясь кончиками губ, Ольга отслеживала перемещение человека, для верности закрыв глаза.

Вот он осторожно ступил одной ногой, затем еще, постоял настороженно. Изображение тут же нарисовало замершую с вороватым видом фигуру. Шаг. Еще шаг. Скрип все ближе. Вот человек подошел почти вплотную, замер угрожающей тенью.

Ольга мгновенно развернулась, гавкнула, что есть силы, залилась смехом. Ярослав, отскочивший, как испуганный кот, стоял с ошарашенным видом, после чего взялся за грудь в области сердца, помассировав, сказал укоризненно:

— Вот что ты за манеру взяла, людей пугать?

— Это я-то взяла? — возмутилась Ольга. — А подкрадывался кто? И явно с гнусными намерениями.

Ярослав отмахнулся, сказал обиженно:

— Ну, какие гнусные намерения? Ужин доделал, хотел позвать. А ты задумалась, вот и решил подойти тихонько, чтобы не отвлекать.

— Это нынче называют тихонько? — Ольга презрительно скривилась. — Да ты пер, как стадо слонов, от сотрясения чуть цветы с подоконника не попадали!

Ярослав взглянул как-то странно, сказал с сомнением:

— Вообще-то я шел тихо, действительно тихо. Уж и не знаю, как ты услышала.

Ольга вздохнула, сказала примирительно:

— Но, в общем, не в этом суть. Если хочешь подойти незамеченным, вымой предварительно руки. От тебя специями несет, как из китайской лавки.

Ярослав замахал руками, сказал тоном не терпящим возражений:

— Ладно, ладно. Понял. Прокололся. Но, пока мы будем состязаться в ухищрениях скрытого перемещения, ужин замерзнет.

Ольга пожала плечами.

— Если и остынет чуток — не беда.

— Ну уж нет. Я не для того старался, чтобы потом давиться холодным, — рявкнул Ярослав, подхватывая Ольгу под ругу и волоча в кухню.

Ольга для порядка поупиралась, но, так как голод сжимал желудок холодными лапами, быстро сдалась, и в кухню заскочила первой. Осмотрев стол, откуда исчезли все пакеты и обрезки пищи, но ничего не прибавилось, Ольга разочаровано протянула:

— Если это шутка, то совсем не смешная.

Ярослав указал на табурет, с таинственным видом прошел к плите, ловким движением снял крышку с кастрюли. Ольга только сейчас обратила внимание на странную форму кастрюли: высокая, состоящая из трех сегментов, с парой небольших ручек на каждом. Она с интересом наблюдала, как Ярослав сделал неуловимый жест и верхний сегмент с громким щелчком распался, развернулся полосой, обнажив четыре крупные, пельменеподобные булки. Булки переключались на тарелку, а так, в свою очередь, оказалась на столе.

Пока Ольга принюхивалась, захлебываясь слюной, Ярослав повторил действия, разобрал второй сегмент, и выложив на вторую тарелку точно такие же булки. Покопавшись в памяти, Ольга вспомнила название — манты. Рядом с тарелкой возникли солонка, перечница, бутылочка с уксусом. С мелодичным звоном Ярослав выложил пару ножей и вилок, усевшись напротив, сделал приглашающий жест.

От одуряющего запаха закружилась голова. Со всхлипом втянув слюну, Ольга трясущимися руками сыпанула перца, так что манты враз приобрели красивый красно-коричневый оттенок, плеснула на край тарелки уксуса и, разрезав мантик на несколько частей, положила один из кусочков в рот.

Горячий сок растекся по языку, обволакивая рецепторы, заставил замычать от удовольствия. Еще прежде, чем кусок провалился в пищевод, Ольга закинула в рот еще один, а затем еще. Обжигаясь, и тряся головой, Ольга забрасывала в рот все новые куски, почти не жуя, глотала, ощущая невероятное наслаждение. Глядя, как один за одним манты исчезают с тарелки подруги, Ярослав лишь скромно улыбался. Когда же Ольга заскребла вилкой, собирая бульон и оставшиеся крошки, он покачал головой, забрав тарелку, распустил очередной сегмент кастрюли.

Еда оказалась такой вкусной, а аппетит столь силен, что Ольга опомнилась, лишь когда тарелка опустела вторично. Скрупулезно собрав оставшиеся мясные кусочки, она отодвинула тарелку, повернувшись к стене спиной, откинулась, устроившись поудобнее, с удовлетворением произнесла:

— Обалденно.

Ярослав улыбнулся, сказал:

— Рад что тебе понравилось. Специально старался подгадать ко времени возвращения.

Ольга покачала головой, сказала со вздохом:

— И самое удивительное, что получилось.

— Манты — штука такая, чуть остынут — считай пропали: ни вкуса, ни запаха... — Он встрепенулся, спросил: — Прости, не понял. Что ты имела в виду?

Ольга помолчала, задумчиво произнесла:

— Стечение обстоятельств. Я ушла с работы гораздо раньше обычного, потом гуляла. То, что вернулась в обычное время — случайность.

Ярослав убрал грязную посуду в раковину, вытирая стол, поинтересовался:

— Мало работы, или праздник какой?

— Праздник освобождения и примирения, — ответила Ольга с ухмылкой. Добавила, отвечая на невысказанный вопрос: — Называется — освободись от работы, примиришься с этим.

Движения Ярослава замедлились, вглядываясь подруге в лицо, он спросил неверяще:

— Это ты так шутишь, или...

— Это такова жизнь, — сказала Ольга со вздохом.

— Тому есть причины? — Руки Ярослава двигались все медленнее, пока совсем не остановились.

— Всему есть причины, — бросила Ольга отстраненно.

— Это понятно. Я хотел сказать — произошло что-то из ряда вон, или ты ушла намеренно?

Ольга поморщилась.

— Произошло. Не сказала бы, что из ряда вон. Поставила зарвавшихся клиентов на место. К сожалению, у шефа другое видение ситуации и он не одобрил.

Ярослав натянуто усмехнулся.

— Даже и представить не могу, что там у вас случилось. Ну не зубы же ты им повыбивала...

Ярослав смотрел выжидательно, но Ольга оставалась серьезной, и улыбка сползла с его губ. Заметив выражение лица друга, она улыбнулась, сказала с подъемом:

— Ладно, не бери в голову. А то, по лицу вижу, вообразил невесть что. Поскандалили немного, пошумели, вещи пораскидали. Ничего страшного.

Ярослав звучно выдохнул, враз повеселев, произнес:

— Вот и хорошо. Но, надо отдать тебе должное, умеешь создать атмосферу. Я на минуту даже испугался.

Ольга покивала, демонстрируя, что оценила внимание, но, едва Ярослав обернулся, чтобы поставить чайник, вновь стала серьезна. Немного посидев, она встала, коснувшись плеча друга, сказала:

— Пойду, прилягу. Объелась так, что сидеть тяжело. Очень уж вкусно готовишь.

Чмокнув его в щеку, она двинулась в комнату. Проводив подругу взглядом, Ярослав вновь повернулся к плите. Руки продолжали автоматически расставлять посуду, но взгляд затуманился, а над переносицей залегли глубокие складки, отчего его лицо приобрело озабоченное выражение.

Несколько дней Ольга наслаждалась бездельем, спала до полудня, после чего долго валялась в постели, не торопясь вставать. Ярослав в очередной раз уехал в рейс, и теперь никто не мешал проводить время в праздности. Когда лежать уже не было сил, она вставала, делала завтрак, и, устроившись возле телевизора, неторопливо утоляла голод.

Расправившись с завтраком, и насмотревшись телевизор, Ольга брала книгу, с удобством расположившись в кресле, принималась читать. Приключения героев романа затягивали, страницы сменяли одна другую. Погружаясь в чудесные миры, сознание выпадало из реальности, а когда возвращалось, Ольга с удивлением замечала, что уже темнеет.

Когда в глазах начинало рябить от строчек, а сознание с трудом улавливало сюжет, Ольга откладывала книгу и шла на кухню. Ощущая голодные позывы, но, не желая утруждаться сложными блюдами, она готовила омлет, добавляя ко взбитым яйцам немного зелени, и наструганное кусочками замороженное мясо. Утолив голод, она убирала посуду и возвращалась в комнату, чтобы продолжить читать, или, по настроению, вновь включала телевизор.

На третий день, отложив книгу, Ольга поняла, что если прямо сейчас не устроит себе разминку, взорвется от переизбытка сил. Преисполнившись энергией, мышцы требовали разрядки, и над вопросом, чем именно заняться, долго думать не пришлось. Забросив в рот горсть капсул с аминокислотами, Ольга быстро оделась, и вскоре уже шла в сторону остановки, прислушиваясь к звонкому похрустыванию заледеневших лужиц под подошвами.

Уже на подходе к спортклубу Ольга ощутила привычный задор. Знакомая вывеска, стоящий у входа могучий бодибилдер и тонкий, едва уловимый запах крепкого мужского пота, сочащийся сквозь щели утопленных в асфальт окон подземного помещения.

Атлет оказался незнаком, и без интереса мазнул по ней взглядом, но сразу за дверью попались двое «старичков», уже закончивших тренировку и стремящихся на свежий воздух. Они улыбнулись, приветливо покивали, отчего настроение поднялось еще выше и Ольга устремилась вниз, ведомая желанием как можно скорее оказаться в привычной атмосфере зала.

Антон встретил укоризненным взглядом. Заметив недовольство тренера, Ольга втянула голову в плечи, попыталась проскочить мимо, но Антон сдвинулся на шаг, полностью перекрыв проход, сказал сурово:

— Я понимаю, что посещение спортивных секций занятие не обязательное, но, в свете нашего договора, могла бы заходить и почаще.

Ольга помялась, сказала с чувством вины:

— Антоша, извини. Я была несколько занята. То да се, на работе проблемы... Но, как только смогла, тут же выбралась.

Тренер вздохнул, сказал примирительно:

— Ладно, прощаю. Но впредь, надеюсь, будешь приходить по расписанию.

— Я постараюсь, — сообщила Ольга без всякой уверенности.

Антон нахмурился, но отошел, освобождая путь. Ольга шмыгнула в зал. Проводив ее взглядом, тренер некоторое время стоял недвижимо, на его лице отражалась борьба чувств. Наконец борьба закончилась, лицо закаменело. Кивнув мыслям, он круто развернулся,

направился к себе в комнату.

Ольга упивалась тренировкой. Последние пару недель, загруженная работой, она не появлялась в тренажерном зале. Соскучившись по нагрузке, тело воспринимало штангу едва ли не с большей радостью, чем проголодавшийся человек роскошный обед. Мышцы вздувались от притока крови, перекатывались под кожей, как сытые змеи, легче обычного справляясь с привычными весами.

Поглядывая на Антона, что перемещался по залу от одного атлета к другому, Ольга начинала работать лишь более истово. Несмотря на отсутствие формального договора, она чувствовала перед тренером определенные обязательства, и усиленной тренировкой пыталась загладить непреднамеренное нарушение расписания.

Увлеченная упражнениями, Ольга не заметила, как народ разошелся, а когда обратила внимание, в зале осталось всего несколько человек, да и те явно заканчивали. Удивленная, она улучила момент, когда Антон проходил возле, поинтересовалась:

— Сегодня сокращенный день, или... что происходит?

Антон отмахнулся.

— Последнюю неделю почти каждый день такое. Ходила б чаще — не спрашивала бы.

Ольга виновато развела руками, вновь взялась за штангу. В голосе тренера она ощутила некую неуверенность, но, увлеченная делом, не обратила внимания. Тем временем последние спортсмены покинули зал, а вместе с ними удалился и тренер. Ольга осталась одна. Закончив упражнение, она замедленно двинулась вдоль стены, тяжело дыша и восстанавливая силы.

Бродить между пустых тренажеров было непривычно, и настроение незаметно изменилось. Не смотря на возможность выбрать любое удобное место и множество свободных снарядов, пыл, с каким она приступила к занятиям, начал угасать. Толпящиеся вокруг атлеты создавали определенный настрой, заражали желанием, одним своим присутствием вызывая на спортивный поединок. Теперь же, находясь среди мертвого железа, Ольга ощутила, как стремительно улетучивается запал.

Доделав упражнение, она отложила штангу, двинулась к выходу из зала, в надежде, что уж тренер-то должен остаться в этом царстве мертвого железа. В тренерской Антона не оказалось. Ольга вышла в коридор, беспомощно оглянулась. Мелькнула дикая мысль, что, обидевшись на ее длительное отсутствие, Антон мстил, спрятавшись где-то в недрах спортклуба, и не желая показываться на глаза.

Ольга поморщилась, удивляясь глупости предположения. Подобную мотивацию можно было приписать юнцу-воздыхателю, но для тренера это было бы верхом идиотизма. Однако, непривычная пустота обычно насыщенного людьми клуба вызывала смутные подозрения. Ольга погрузилась в раздумья, но шорох шагов вывел из размышлений.

В коридоре, двигаясь по направлению от входа, появился Антон. Судя по нахмуренным бровям и вздувшимся желвакам, тренер размышлял о чем-то очень серьезным. Увидев Ольгу, он едва заметно вздрогнул, замедлив шаг, натянуто улыбнулся, сказал:

— Закончила?

В голосе тренера Ольга не уловила заинтересованности, лишь плохо скрытое напряжение, однако, не придавала значения, сказала бодро:

— Конечно нет! Но, как-то все ушли, ты тоже. А одной заниматься скучно. Всегда считала, что будет хорошо, если все эти конкуренты на тренажеры разом уйдут, а оказалось совсем не так.

Антон покивал, сказал отстраненно:

— Да, да. Бывает...

Ольга взглянула вопросительно.

— Может, пойдем вместе? Оценишь, что и как, поправишь, посоветуешь?...

Тренер сказал рассеянно:

— Да, да, пойдем. Только, давай-ка я сперва в каморку зайду. Да и ты тоже заходи.

Не слушая ответа, он быстрым шагом двинулся к тренерской, исчез за дверью. Озадаченная, Ольга двинулась следом, вошла в комнатку. Антон стоял лицом к столу и увлеченно рылся в сумке. Остановившись в дверях, Ольга окинула взглядом фигуру тренера, отметив излишнюю напряженность в мышцах спины, словно Антон ожидал нападения. Она постояла, но тренер продолжал занятие, и Ольга прошла к диванчику, присела, чувствуя, как тело охватывает блаженство. Не смотря на отличную форму, тренировка изрядно вымотала, и непродолжительный отдых оказался весьма кстати.

Не поворачиваясь, Антон поинтересовался:

— Ты, наверное, пить хочешь?

Расслабившись, Ольга закрыла глаза, наслаждаясь приятной усталостью мышц, услышав вопрос, ответила:

— Было бы не плохо.

Что-то щелкнуло, зашуршало, послышалось бульканье. Скрипнули подошвы, над ухом раздалось:

— Возьми.

Глубоко вздохнув, Ольга открыла глаза. Возле дивана стоит Антон, на ладони наполненный водой граненый стакан. Благодарно улыбнувшись, Ольга протянула руку, обхватила стакан пальцами, потянула на себя. На мгновение сосредоточившись на лице тренера, взгляд расфокусировался, ушел в сторону... но, секунду спустя, сфокусировался вновь. Ольга ощутила смутный дискомфорт. Как будто что-то вокруг неуловимо изменилось. Мысли по-прежнему двигались едва-едва, но тело напряглось, ощутив угрозу.

Сбросив оцепенение, Ольга попыталась осознать, что происходит. Все так же, как всегда, привычная комнатка, могучий мужчина, с кем они уже не раз предавались буйной страсти прямо здесь, на диванчике, уже привычный, пропитавший все вокруг, запах пота. Она несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь справиться с непонятным чувством. Пальцы руки дрогнули, ощутили сопротивление. Заметив, что по-прежнему сжимает в руке стакан, Ольга покачала головой.

Прохладная поверхность стекла коснулась губ, рука сдвинулась, наклоняя стакан, когда взгляд в очередной раз коснулся лица Антона. Ольга с трудом сдержалась, чтобы не вздрогнуть. Лицо тренера окаменело, губы белы от напряжения, сошлись в тонкую полоску, глаза не мигая смотрят на стакан в ее руке, а по виску медленно катится капля пота. И запах... Она только сейчас поняла, что именно вызывало тревогу. Слабая, среди мощных ароматов пота, едва заметная нотка. Так пахнет страх.

Здесь, в привычной комнатке, с девушкой наедине, чего может испугаться владелец клуба, могучий мужчина, опытный тренер? И этот взгляд... Рука поднялась выше, вода коснулась губ, полилась в рот. Ольга механически сделала глоток, затем еще и еще. Лицо Антона расслабилось, а губы расползлись в улыбке. Глубоко вздохнув, он выпрямился, сказал с веселым возбуждением:

— Ну вот и хорошо. — Заметив недоуменный взгляд Ольги, пояснил: — Хорошо, что

клуб опустел, сейчас я доделаю кое-какие дела, и мы пойдём заниматься.

Отвернувшись, он вышел, притворив за собой дверь. Ольга несколько мгновений сидела недвижимо, прислушиваясь к удаляющимся шагам, затем рванулась к стоящему у стены цветку в огромном горшке, засунув пальцы до упора в глотку, с силой нажала на корень языка. Внутри возник неприятный, тянущий спазм, затем еще. Тело дернулось, и желудок изверг поток мутной жидкости. Содрогаясь от отвратительных ощущений, Ольга давила еще и еще. Мысли отступили, испуганные происходящим, осталось лишь холодное понимание, нужно успеть избавиться от содержимого желудка, и чем быстрее, тем лучше.

Пальцы продолжали давить на корень языка, тело содрогалось в конвульсиях, но из глотки вытекали лишь скудные ручейки слюны, тянулись тонкими нитями. В голове возник гул, комната зашаталась. Чувствуя, как кружится мир, Ольга на подгибающихся ногах вернулась обратно. Диван метнулся навстречу, встав на дыбы, мягко ударил.

Замедленные, гулкие удары, словно где-то очень далеко бьют тяжелым молотом в стену. Обычно яркий, мир потускнел, звуки смешались в невнятное бормотание, а запахи склеились в нечто неразличимое и мутное. Серое пятно вдали дрогнуло, поплыло. Ольга с трудом распознала появившийся из-за двери человеческий силуэт. Силуэт приблизился, навис, закрывая собой мир. Сперва по лицу, а потом и по телу пробежалось легкое, будто кто-то большой и мягкий коснулся кожи невесомой лапой. Силуэт рывком отодвинулся, замаячил поодаль.

Слуха уловил звуки. С трудом удерживая ускользящее сознание, Ольга вслушивалась в знакомые, но с трудом понятные слова.

— Да, это я... Товар готов. Можете забирать... Нет. Свидетелей не будет... Как договаривались... Все.

Речь прекратилась, силуэт исчез, но в голове еще долго бродили отзвуки голоса, возбуждая непонятные чувства и смутные воспоминания. Мысли распались осколками, не позволяя осмыслить услышанное, но внутри возникло и разрослось ощущение неминуемой потери, столь сильное, что захотелось завывать, бежать, не разбирая дороги, до тех пор, пока ноги не подкосятся от усталости.

Руки уперлись в диван, напряглись, пытаюсь поднять потяжелевшее тело, но, бессильные, подломились. В голове зашумело, а перед глазами поплыли черные точки. Дождавшись, когда ощущения схлынут, Ольга попыталась еще. Сжав челюсти так, что скрипнули зубы, она медленно, сантиметр за сантиметром, перемещала себя до тех пор, пока не приняла сидячее положение.

Измученные усилием, мышцы занемели, в боку закололо, а в висках заломило, но Ольга продолжала движение, и, наконец, превозмогла, встала, для большей устойчивости уперевшись в стену. Шаг. Перед глазами плывет, а мышцы жжет так, что хочется кричать. Еще шаг. Зрение на мгновение выключается, сердце стучит с надрывом. Рывок.

Ожидая, что вот-вот умрет, она дошла до стола, остановилась на передышку. Восстановив дыхание, сделала еще несколько шагов. Перед глазами прояснилось, грохот в висках сменился тоненьким писком, лишь сердце по-прежнему работает с надрывом, прогоняя через себя вязкую, от принятого наркотика, кровь, да покалывает в области печени.

Накатила слабость. Ольга вцепилась пальцами в бедро, сдавила так, что показалась кровь. Боль заставила зашипеть, дернуться, но придала сил, и слабость отступила. Отворив дверь, Ольга сперва выглянула, а затем и вышла в коридор. Слуха коснулся глухой звон металла. Она двинулась на звук, дойдя до зала, осторожно заглянула. Неподалеку, на одном

из тренажеров лежит Антон, ноги расставлены для большего упора, руки подпирают штангу, что равномерно поднимается и опускается на грудь. Судя по количеству «блинов» — тренер работает с критическим весом.

Ольга ощутила, как верхняя губа поползла вверх, обнажая зубы в хищном оскале. Убежденный в беспомощности жертвы, в ожидании ловцов, охотник решил скоротать время за привычным занятием. А быть может, мучимый сомнениями, вытесняет голос совести напряжением тела. Сейчас это уже не важно.

Двигаясь по возможности мягко, Ольга приблизилась к цели. Мужчина лежит головой от входа, взгляд направлен точно вверх. Подкравшись как можно ближе, Ольга рванулась вперед. Мышцы дрогнули, ее повело, но, невероятным усилием выправив движение, Ольга достигла цели: ноги оплели талию атлета, а руки уперлись в грудь.

Охнув от неожиданности, Антон вздрогнул, едва начав подниматься, штанга упала на грудь, вызывая на лице тренера болезненную гримасу.

С трудом сохраняя равновесие, Ольга выдохнула:

— Поговорим?

В лице тренера промелькнул испуг, глаза расширились, но, заметив плавающий взгляд Ольги, ее дрожащие руки, он усмехнулся, процедил:

— Можно и поговорить. Только, позволь, я отложу штангу...

— Поговорим так, — резко бросила Ольга. — Я не в той форме, чтобы позволять тебе...

Она покачнулась. Губы Антона раздвинулись шире, он сказал насмешливо:

— Вижу, вижу. Что ж, почему бы ни удовлетворить желание девушки. Спрашивай.

— Кому, и почему? — выдохнула Ольга.

Антон поиграл бровями, сказал:

— Кому — вряд ли скажу, эти люди о себе не информируют. К тому же скоро сможешь узнать сама. — Он хмыкнул. — А почему... У меня довольно скромный достаток, и лишние деньги никогда не помешают.

— А как же соревнования, спорт, тренировки? — Ольга взглянула неверяще. — Все ложь?

Антон поморщился, немалый вес штанги продолжал давить на грудь, сказал с досадой:

— Видишь ли, спортивная сфера это большие деньги, и просто так туда не пускают. Будь у меня хоть десять претенденток с идеальными формами, без должного отката кому нужно, это не сыграет никакой роли.

Борясь с головокружением, Ольга процедила:

— И в результате ты решил пойти простым путем.

— Конечно, — беззаботно отозвался Антон. — Тем более, мне не приходится делать чего-то из ряда вон выходящего. Все то же самое: поиск достойной кандидатуры, улучшение спортивной формы, снабжение стимуляторами... Ну и отправка в свободное плавание.

Зрачки Ольги сузились, она произнесла отстраненно:

— Значит, вместо соревнований твои девочки попадают к... мясникам.

Тренер пожал плечами, насколько позволяло положение, сказал с ноткой раздражения:

— Куда они попадают — значения не имеет. По крайней мере, для меня. Живем один раз и надо пользоваться моментом. К тому же, их никто не принуждает, сами ловятся. Вспышки фотоаппаратов, призовые места, богатые поклонники — каждая мечтает в силу своей испорченности. — Заметив, что Ольга не отвечает, и сидит с закрытыми глазами, он резко посерьезнел, сказал сурово: — Ладно, мы с тобой заболтались. Пора заканчивать. Да и

заказчики скоро приедут. Надо б подготовиться.

Он рванулся, могучим толчком воздев штангу над собой. Но в тот момент, когда гриф почти лег на подставку, Ольга открыла глаза, шепнула:

— Ты прав. Пора заканчивать.

Коротко взмахнув руками, она с силой ударила костяшками пальцев Антону в ребра, туда, где в мощном мышечном панцире кроются уязвимые точки нервных пучков. Тренер дернулся. Его лицо исказилось болью, а в расширенных от ужаса глазах мелькнуло понимание неминуемого. Лишенные чувствительности, руки опали. Ничем более не поддерживаемая, следом рухнула и штанга.

Закрыв глаза на долю секунду раньше, чем металл коснулся плоти, Ольга услышала хряск, а на лицо плеснуло теплым. Несколько раз конвульсивно дернувшись, тело тренера застыло.

Ольга провела ладонью по лицу, лизнула пальцы. Солоноватый, терпкий привкус, намного более концентрированный, чем разлитый в воздухе запах, что становится все сильнее. Несмотря на дурноту и головокружение нахлынула радость. Она спрыгнула на пол, прошлась, ощущая, как от перевозбуждения колотится сердце. Чувствуя, что сейчас взорвется от переполняющих чувств, Ольга вскинула голову, закричала, выплескивая теснящиеся в груди эмоции.

От напряжения перед глазами поплыло, желудок скрутило. Согнувшись в рвотном спазме, Ольга со стоном извергла лужицу едкой жидкости. Опустившись на пол, и прижавшись лбом к опоре тренажера, она некоторое время сидела, не в силах сдвинуться. Идущий от металла холод пригасил бушующее в черепе пламя, придал сил. Шевелиться не хотелось, но в памяти раз за разом прокручивались слова Антона — «товар готов, можете забирать», и, сцепив зубы, Ольга поднялась, покачиваясь, двинулась к выходу.

Одевшись, она прошла по коридору, в очередной раз удивившись полному безлюдью, столь не характерному для спортклуба. Однако, на выходе загадка разъяснилась. На дверях, с внутренней стороны стеклянной вставки, висела табличка. Уже догадываясь, что увидит, Ольга повернула табличку. Чуда не случилось. В преддверии сделки тренер позаботился о безопасности, заблаговременно выгнав потенциальных свидетелей.

Повесив табличку на место, Ольга отодвинула засов, нажала. С протяжным скрипом дверь нехотя отошла, сдерживаемая тугой пружиной. Замерев в проходе, Ольга несколько секунд вглядывалась в пространство вокруг, затем выскользнула наружу, быстро прошла к соседнему дому.

Послышался шум мотора. Ольга скользнула к ближайшему дереву, встав так, что тень от ствола скрыла ее полностью. Прошуршали покрышки. Напротив клуба остановилась легковушка с тонированными стеклами, хлопнули дверцы. Не желая выдать себя случайным звуком, Ольга замешкалась, а когда выглянула, неизвестные уже заходили в клуб.

По здравому размышлению нужно было уходить, как можно быстрее. Примчавшиеся по зову тренера «деловые люди» прибыли явно не затем, чтобы преподнести ей цветы, да и сам Антон в качестве тела с проломленной грудной клеткой и раскученной, не без ее участия, шеей представлялся не лучшим соседством. Однако что-то останавливало. Впав в ступор, Ольга продолжала стоять, ожидая непонятно чего.

Отравленное неизвестным препаратом, подсыпанным в воду Антоном, тело реагировало замедленно, и Ольга едва не пропустила момент возвращения «деловых людей». Скрипнула дверь клуба, раздались быстрые шаги. С трудом фокусируя зрение, Ольга до боли в глазах всматривалась в мелькающие силуэты. Не будь прикреплен над дверями яркий фонарь, она бы не увидела вообще ничего. Но и свет не сильно помог. В глазах плыло, а мужчины двигались настолько быстро, что взгляд выхватывал лишь смазанные движения.

Когда первый стремительно исчез в машине, Ольга ощутила разочарование. Но в этот момент удача улыбнулась. Второй мужчина ненадолго остановился. Словно ощутив поток внимания, он повернулся, напряженно всмотрелся, прожигая глазами послужившее защитой дерево. Вжавшись в шершавую кору ствола Ольга затаила дыхание, но, не в силах отвести глаз, продолжала смотреть.

Несколько секунд они пронзали друг друга взглядами, наконец, мужчина рывком

отворил дверцу, исчез в салоне. Взвизгнули покрышки. Сорвавшись с места, машина унеслась вдаль. Ольга продолжала стоять, и только минуту спустя отлепилась от спасительного ствола, жадно вдохнула, лишь сейчас ощутив, что все это время не дышала.

Она побрела вдоль улицы. Мысли метались в черепе, как подхваченная ветром опавшая листва. Она совершила очень серьезную ошибку. Нельзя вести наблюдение прямым взглядом. Только боковым зрением, глядя напрямую лишь по необходимости, не дольше одной-двух секунд, после чего тут же отводить глаза. Погруженный в привычные мысли, обыватель может и не заметить слезки, но спец ощутит прямой взгляд очень быстро, и не замедлит воспользоваться, поспешив скрыться, или нанести превентивный удар.

Лоб горел, а виски покрылись испариной, от осознания того, насколько близко она была к опасности. Мужчина ощутил ее присутствие, быть может, даже увидел, но почему-то ничего не сделал. Возможно, она накручивает, и это был случайный взгляд, или все намного сложнее, и ответный ход не замедлит последовать. Чувствуя, что еще немного, и голова взорвется от напряжения, Ольга принялась глубоко дышать.

Как всегда, практика помогла. Сердцебиение замедлилось, а давящая боль в висках отступила. На фоне ушедших в тень панических мыслей всплыло забытое ощущение, возникшее в момент наивысшего напряжения. Этого мужчину она видела не впервые. Лица было не разглядеть, да и двигался он слишком быстро, но что-то смутно знакомое протаяло в фигуре, манере двигаться, даже в повороте головы.

Ольга вновь и вновь прокручивала перед внутренним взором картинку, по мелким деталям пытаясь восстановить образ, достроить недостающее, но так ничего и не прояснила. Ни лица, ни фигуры, лишь смутное ощущение, на которое в обыденной жизни люди так часто не обращают внимания, принимая за глупые причуды, но, которое, зачастую оказывается единственно верным, по сравнению с любыми, даже самыми отточенными выводами и стройными гипотезами.

Вернувшись домой, Ольга, не раздеваясь и не снимая обуви, направилась в кухню, вытащила ящичек стола, где, аккуратно разложенные, хранились упаковки с лекарствами. Пропустив неуместные сейчас болеутоляющие, взгляд остановился на перетянутой резинкой пачке упаковок активированного угля. Ольга принялась быстро-быстро разрывать бумагу, одну за другой давя таблетки пальцами и высыпая получившуюся крошку в стакан. Искрошив три стандарта, она плеснула в стакан воды, размешала ложечкой, и в несколько глотков выпила жидкость. Затем повторила процедуру еще и еще, пока угольная муť полностью не перешла в желудок.

Когда на доньшке остались лишь несколько особо крупных комочков, Ольга отставила стакан, тяжело поднявшись, вернулась в прихожую. Избавившись от верхней одежды, она поплелась в спальню, по-прежнему ощущая дурноту и вялость. Постель приветливо замаячила светлым пятном. В голове один за другим выстраивались планы действия, но, едва дойдя до кровати, Ольга рухнула, и почти сразу провалилась в сон.

Проснувшись, она некоторое время лежала, прислушиваясь к себе. Наполненные тянущей болью, мышцы неприятно ноют, в животе ощутимо покалывает, во рту непонятный металлический привкус, а голова словно наполнена ватой, отчего мысли движутся с трудом, а малейшее движение отзывается в глубине черепа неприятным зудом.

С ощущением, что совершает подвиг, Ольга замедленно встала, стараясь не делать резких движений, побрела в ванную. Похоже, перенервничав, тренер не рассчитал дозы, и, призванное усыпить подопечную, лекарство превратилось в яд. Ольга содрогнулась,

представив, что бы произошло, не распознай она план Антона вовремя. Скорее всего ее бы уже не было в живых. Если же, каким-то чудесным образом, остатки жизни по-прежнему теплились в теле, то сознание вряд ли бы вернулось, уничтоженное ударной дозой агрессивной химии.

Приняв душ, Ольга заварила чай, после чего принялась рыться в холодильнике. Лежащие на видном месте пара недоеденных пирожных не вызвали интереса, зато замеченный в укромном уголке кусочек имбиря, при одном лишь взгляде, вызывал обильное слюноотделение. Нарезав имбирь, Ольга выложила получившиеся кусочки на тарелочку, взяла чашку и направилась в зал.

Телевизор привычно мигнул, зажурчал умиротворяюще, на экране замерцали кадры новостей. Ольга положила в рот кусочек имбиря, раздавила зубами. Едкий сок растекся по гортани, взбодрил. Разогнав горечь по языку, Ольга глотнула чай, откинулась на спинку кресла, ощущая, как тело наливается силой, а из головы улетучиваются остатки вязкого тумана.

Краем зрения отслеживая события на экране, Ольга задумалась над происходящим. То, что тренер клуба подыскивал спортсменов для дальнейшей перепродажи не вызывало особого удивления. Она неоднократно слыхала, как людей увозят в далекие страны, где делают рабами, или, того хуже, продают на органы, превращая в своего рода резервуары, когда, из еще живых, в нужное время вырезают нужные части. Гораздо более странным оказался выбор пола. Чтобы набрать девушек на гарем какому-нибудь восточному султану, существовало множество намного более простых путей: сулящие высокий заработок фирмы, появляющиеся неожиданно и исчезающие в один день, конкурсы красоты, после которых победительницы уезжали не в призовой круиз, а в обшарпанные подвалы местечковых князьков.

Забрасывая в рот кусочки имбиря, и осторожно прихлебывая чай, Ольга продолжала размышлять. Однажды она уже попала в подобную историю, с той лишь разницей, что особого выбора ей не предоставили, да и обучение началось после, а не до момента «доставки». По-хорошему, следовало поговорить с Антоном, а лучше — с приехавшими по звонку мужчинами, не пришлось бы сейчас мучиться неведением.

Она вздохнула, досадливо дернула плечом. И как она не догадалась сразу?! Непривычно пустой зал, заметно нервничающий тренер... Интуиция должна была сработать задолго до того, как отравленный напиток коснулся губ. Или она все же сработала, но, увлеченная эмоциями, Ольга не обратила внимания на предупреждающий звоночек, за бурей чувств пропустила настойчивый зов внутреннего стража.

Закусив губу, Ольга смирила поднявшийся было гнев, тяжело вздохнула. Как бы то ни было, она справилась с ситуацией, едва не стоившей жизни, и вышла невредимой. Ведь что бы она о себе ни думала, перебитый мышцами, горообразный Антон представлял из себя очень серьезного противника, а насколько опасными были примчавшиеся на его зов мужчины оставалось лишь предполагать.

Неожиданно накатил страх, захотелось с кем-нибудь немедленно поговорить, поделиться, спросить совета. Ольга принялась лихорадочно оглядываться, отыскивая мобильник, обнаружив, вскочила, приблизилась едва не бегом. Подхватив телефон, она принялась перебирать имена, отыскивая старых знакомых. Но, чем дальше по списку продвигался ползунок, тем меньше оставалось уверенности, и тем медленнее двигался палец. Наконец, палец замер, а телефон лег на прежнее место.

Задавив панику, Ольга вернулась назад, вновь расположилась в кресле. Посвящать в подробности происшествия кого-то из знакомых не стоит. Если это случайность, помощи уже не потребуется, единственный свидетель скончался в результате «несчастливого случая», если же нет, и за ней ведут целенаправленную охоту, тем более. Никто из ее нынешних друзей даже отдаленно не имеет касательства к силовым органам, чтобы привлечь к делу соответствующие структуры без лишней огласки. А затевать разговор, лишь для того, чтобы после отвечать на бесчисленные вопросы и успокаивать собеседника...

Ольга покачала головой, скептически усмехнувшись, отхлебнула чаю. Недавняя паника казалась нелепой и смешной. Словно наяву представилось лицо Ярослава, как, услышав из ее уст устрашающий рассказ, его глаза широко раскрываются, челюсть отвисает, а щеки бледнеют. Что может посоветовать испуганный человек: быть впредь осторожнее, «залечь на дно», или, что еще хуже, пойти с повинной в полицию?

Ольга хмыкнула, представив, как она приходит в полицейский участок с невероятной историей. Тайнственные похитители, торгующий людьми тренер, вода с усыпляющим порошком, и... ни единого свидетеля. Да ее поднимут на смех! И хорошо, если дело кончится столь безобидно. У знакомых Антона вполне могут оказаться связи в полиции, и тогда за нее возьмутся всерьез. Свидетели не нужны никому.

В груди шевельнулись липкие щупальца страха. Перед внутренним взором вновь промелькнули черты похитителей, за короткие секунды наблюдения врезавшиеся в память: рослые фигуры, скупые движения, и высокая слаженность действий, с головой выдающие мастеров своего дела. Ольга нахмурилась. С профессионалами связываться хотелось меньше всего. Для них это работа, а на работе не рискуют понапрасну, предпочитая закономерный результат случайной удаче. И все же, кто был тот смутно знакомый мужчина?...

Рука в очередной раз потянулась к тарелочке, но пальцы нащупали пустоту. За размышлениями она и не заметила, как съела завтрак. Смахнув оставшиеся крошки в рот, Ольга вздохнула. Пирожных явно не хватило. К тому же тяжелые мысли лишь усилили желание, и сладкого хотелось еще сильнее.

Идти до магазина не хотелось. Лелея смутную надежду, Ольга направилась в кухню, рассчитывая, что на полках, не замеченное, завалилось что-нибудь еще. Однако, надеждам сбыться не пришлось. Досконально осмотрев содержимое шкафчиков и полок холодильника, Ольга поняла, что поход неизбежен.

Она неспешно прошла в прихожую, постояла, всматриваясь в зеркало. Придирчиво изучив лицо на предмет появившихся прыщиков и незамеченных ранее морщин, Ольга принялась одеваться. Результаты осмотра удовлетворили, и она вышла из дома в приподнятом настроении.

Едва ступив на улицу, Ольга с удивлением огляделась. От солнца остался лишь окрашенный багрянцем краешек, тени деревьев невероятно вытянулись, а в углах домов и ближайшем переулке сгустился плотный сумрак. Она достала мобильник, неверяще взглянула на часы. Так и есть. Уже наступил вечер. На всякий случай переспросив время у идущей мимо женщины, Ольга задумалась. Открытие неприятно поразило. Судя по всему, невольно принятое накануне снотворное оказалось очень сильным препаратом, ведь она даже не поняла, что проспала ночь, а затем еще и весь день. Оставалось надеяться, что кроме избыточного сна отравы не отразится на организме каким-нибудь гораздо более неприятным образом.

Исполненная сомнений, Ольга двинулась в сторону магазина, но едва свернула за угол,

вздрыгнула. В десятке метров, напротив соседнего дома, светлеет пятно полицейской машины. Огни не горят, мотор заглушен, но в глубине мрак, не понять, на месте ли хозяева, или вышли по служебной необходимости. Сердце забило сильнее, а в горле образовался комок. Неужели нашелся свидетель, и за ней приехали! Конечно, еще нужно доказать, что Антон уронил на себя штангу не без помощи подопечной. Ведь рядом никого не было, а видеонаблюдения в зале нет. Или все же есть?

Терзаясь сомнениями, Ольга двинулась дальше, не замедляя, и не ускоряя шаг. Машина приближается с каждым мгновением. Вот протаяли невидимые до того опознавательные знаки, тьма внутри сгустилась, обрела невнятные очертания. Прямым взглядом не понять, но боковым зрением явно угадываются силуэты. Шаг. Сердце стучит все сильнее. Другой. В глазах мутнеет от напряжения, а в висках колотятся молоточки. Хочется повернуться, броситься в противоположную сторону. Но, если пришли за ней, то будет лишь хуже.

Машина проплывает мимо, скрывается из поля зрения. По-прежнему ничего не происходит. Сжатые до состояния камня мышцы расслабляются, из груди вырывается вздох облегчения, а губы трогает улыбка. Как вдруг... Глухой щелчок двери, скрип подошв, и звенящий сталью суровый голос.

— Патрульный Новоязов, четвертое городской отделение. Девушка, постойте.

Внутри оборвалось. Ощущая, как в животе холодеет, Ольга замедленно повернулась, вежливо поинтересовалась:

— Чем могу помочь?

Не отрывая взгляда от ее лица, полицейский произнес:

— Предъявите, пожалуйста, документы.

Ольга мгновение всматривалась в глаза стража порядка, размышляя, стоит ли устроить скандал, но в душе по-прежнему тлела надежда, что это всего лишь случайность, и рука потянулась к сумочке. Пальцы нащупали пластиковую корочку, потянули. Полицейский принял паспорт, мельком мазнув взглядом по фотографии, произнес:

— Приношу извинения, но вам придется проехать с нами.

— А в чем дело? — Оттягивая неизбежное, поинтересовалась Ольга.

— Вам все объяснят в отделении.

Полицейский говорил спокойно и терпеливо, но что-то в его интонациях подсказывало, не дай она согласия, стражи порядка применят силу. Прислушавшись к себе, Ольга поняла — ни бежать, ни, тем более, сопротивляться желания нет, и послушно сказала:

— Хорошо.

Полицейский кивнул, словно и не ожидал ничего другого, посторонившись, указал в салон. Ольга протянула руку. Дождавшись, когда полицейский вернул документ, она подчеркнуто неторопливо спрятала паспорт в сумочку, после чего шагнула к машине. Чуть просев, скрипнуло сиденье, негромко хлопнула дверца, и почти сразу вспыхнула панель приборов. Рывкнув, завелся двигатель, зашуршали крышки, машина плавно выехала на дорогу, понеслась, набирая обороты.

До отделения доехали быстро, но Ольга уже успела успокоиться, и, когда машина остановилась, вышла с отстраненным выражением лица. Полицейский помог ей выйти, пригласил следовать за собой. Уже знакомым маршрутом они проследовали по коридорам, поднявшись на второй этаж, остановились возле дверей. Как и в прошлые разы, сопровождающий осторожно постучал, и, лишь получив ответ, повернулся к спутнице, сделал приглашающий жест.

Взглянув на прибитую к двери табличку, Ольг чуть заметно усмехнулась, толкнула дверь. С прошлого посещения ничего не изменилось, тоже убранство: кресло, шкафы, стол, лишь лицо хозяина кабинета как будто немного обрюзгло, или это из-за того, что одна из ламп в люстре перегорела?... Ольга подошла к столу, присев, взглянула выжидательно.

Полицейский некоторое время изучал лежащие на столе бумаги, рылся в ящиках, хмыкал, наконец поднял голову, сказал, словно только заметил:

— А вот и вы! — Закрывшись ладонями, добавил с показным испугом: — И не надо на меня так смотреть. Виной нашей встречи — обстоятельства.

Ольга закусила губу, чтобы не высказать вертящиеся на языке колкие слова, спросила сдержано:

— Чем обязана?

Полицейский сказал с приторной улыбкой:

— Возникли непредвиденные осложнения.

— Разве мы не утрясли все осложнения в последний раз? — хмуро поинтересовалась Ольга.

— В последний раз — да, но ситуация изменилась. — Он замолчал, взглянул испытывающе.

— Насколько сильно?

Полицейский помялся, сказал, растягивая гласные:

— Не так, чтобы сильно критично, но... необходимы дополнительные телодвижения.

— Так сделайте их.

Хозяин кабинета расплылся в приторной улыбке, сказал сладким голосом:

— Ну, вы же понимаете. Дополнительные сложности — лишний расход драгоценного времени. А, как сказал кто-то из великих, любая работа должна оплачиваться.

С чувством гадливости, словно соприкоснулась с чем-то омерзительным, Ольга спросила:

— Сколько?

Полицейский картинно всплеснул руками, воскликнул:

— Как можно! Брать деньги с такой симпатичной девушки. У вас наверняка множество статей расходов. Одна косметика, ха-ха, чего стоит. Нет-нет. У меня на подобное рука не поднимется. Но, кое-что другое поднимется вполне. — Он хохотнул.

Ольга молча смотрела в лицо собеседнику: замаслившиеся глазки, приторная улыбка, дряблые мешочки щек. Внутри шевельнулось нечто темное, злое, от прострелившей тело ненависти дрогнули мышцы, а перед внутренним взором замелькали картины, как она рвет эту личину, раздирает щеки, выдавливает глаза, выбивает зубы...

Похоже, в ее лице отразилось что-то из переживаний, так что полицейский вдруг

поблел, отпрянул, в глазах отразился страх. Ольга медленно вдохнула и выдохнула, стараясь, чтобы клубящаяся внутри ярость не прорывалась ни в едином жесте сказала:

— Что ж, предложение не лишено интереса. Тем более, что в прошлый раз... — Она взглянула томно, добавила с придыханием: — В прошлый раз мне было на удивление... приятно.

Хозяин кабинета вновь расплылся в улыбке, быстро переходя от мгновенного испуга к расслабленной снисходительности, сказал:

— В таком случае, можно совместить приятное с полезным.

Глядя, как он встает, Ольга сказала, придав голосу чувственности:

— Может, не будем торопить события? Рабочий кабинет, пусть и запертый, не лучшее место, чтобы предаться страсти.

Полицейский, что успел выйти из-за стола и преодолеть половину расстояния до двери, повернул голову. Его шаги замедлились, а лицо приняло заинтересованное выражение. Ольга напряженно наблюдала, как хозяин кабинета сделал еще пару шагов. Протянув руку, он коснулся головки замка, секунду постоял, раздумывая, неторопливо двинулся обратно. Опустив ресницы, так чтобы не выдать себя лихорадочным блеском глаз, Ольга поинтересовалась:

— Надеюсь, у столь влиятельной персоны найдется уютное местечко, где можно предаться страсти не боясь неожиданных визитов и не отвлекаясь?

Собеседник помялся, произнес с сомнением:

— Не знаю, стоит ли куда-то ехать, если можно начать прямо здесь и сейчас.

Ольга глубоко вздохнула, сказала с придыханием:

— Разве секс не самое прекрасное, что подарено нам природой? Разве не стоит он того, чтобы ненадолго отвлечься от забот, окунуться в бездну наслаждения с головой, соединиться в страстном порыве?

Хозяин кабинета слушал, закусив губу, на его лице отражалась явная борьба чувств. Помявшись, он выдавил:

— Где-то ты права, не спорю. Но...

Войдя в роль, Ольга подалась вперед, перебила с жаром:

— Разве вам не хочется доставить себе настоящее удовольствие? Не этот скучный перепих в углу кабинета, когда приходится прислушиваться, не стоит ли кто за дверью, мучиться, сдерживая естество, боясь случайного вскрика, а настоящий водоворот чувств, безумный, уносящий, чтобы ощущать всего партнера, проникать в него яростно и жарко, все глубже, глубже, глубже!

Полицейский вскочил, рванул ворот рубахи, его щеки порозовели, глаза выпучились, а дыхание вырывалось с хрипом, бросил хрипло:

— Все верно! Ты не представляешь, как меня это все уже достало: подчиненные — идиоты, тупое начальство, ожиревшая от безделья жена... Едем!

— Прямо сейчас? Но ведь у вас рабочий день! — подзуживая, промурлыкала Ольга.

— Прямо сейчас! — жестко отрубил полицейский. — Правила для рядовых работников, я же могу позволить себе гибкое расписание.

Чувствуя, как в предвкушении захватывает дух, Ольга гибко поднялась, прошла по кабинету с такой грацией, что полицейский невольно засмотрелся, шепнула жарко:

— В таком случае, я буду на улице. Не томите ожиданием.

Не дожидаясь, пока собеседник соберется с мыслями, она выскользнула из кабинета.

Едва за спиной захлопнулась дверь, ее лицо изменилось, улыбка погасла, челюсти сомкнулись с такой силой, что выступили желваки, а взгляд заледенел, так что попавшийся навстречу молоденький полицейский, встретившись с Ольгой глазами, невольно отшатнулся.

Ольга спустилась по лестнице, миновала коридор и вышла на улицу. Отойдя от входа, чтобы не привлекать излишнего внимания, она замерла. Долго ждать не пришлось. Распаленный желанием, полицейский вышел спустя минуту, заозирался, отыскивая спутницу. Ольга шевельнулась, сделала шаг навстречу. Полицейский приблизился, бросил негромко:

— Пойдем.

Они прошли вдоль припаркованных в ряд машин. Возле крупного внедорожника с затонированными стеклами полицейский остановился, пару раз стукнул по стеклу. Внутри завозилось. Подсвеченное зеленоватыми огоньками панели приборов, протаяло лицо водителя. С глухим щелчком отворилась дверца. Хозяин покачал головой, указал назад. Щелкнуло вторично.

По-очереди, они расположились на заднем сиденье. Прощмыгнув первой, Ольга устроилась в уголке. Спутник залез следом, поелозил сидалищем, примащиваясь, обращаясь к водителю, бросил:

— Трогай.

Загудел мотор, вспыхнули фары. Не поворачиваясь, водитель поинтересовался:

— Куда?

Хозяин буркнул:

— В «Империю». Там последнее время неплохо обслуживают.

Машина тронулась, поплыла, без рывков и сотрясений. Судя по всему, хозяин не любил лихой езды, или, идеально подогнанная, конструкция машины гасила малейшие колебания. Отбросив лишние мысли, Ольга сосредоточилась. Возникший в недрах полицейского отделения смутный план постепенно выкристаллизовался, пока не отпали последние сомнения, оставив четкую последовательность действий.

Посещение известной в городе роскошью гостиницы в план не входило, впрочем, как и любой другой. Взглянув за окно, Ольга поняла, какой именно маршрут выбрал водитель. В голове отобразилась схема района, взаиморасположение улиц, расстояние до отеля. Ольга с досадой закусила губу. Дорога казалась слишком короткой, но водитель не гнал, и она могла попытаться успеть... должна была успеть!

Она передвинулась так, что оказалась вплотную к спутнику. Тот сперва не обратил внимания, но, ощутив на щеке тепло дыхания, чуть повернулся, приобнял. Ольга расстегнула мужчине пальто, зашарила, отыскивая под складками живота ремень. Тот довольно всхрюкнул, откинулся, позволяя производить с собой манипуляции. Краем глаза отмечая улицы за окном, Ольга распустила ремень, расстегнув молнию, проникла руками вглубь.

Когда пальцы, нащупав, прихватили причинное место, спутник глубоко задышал, откинулся еще больше, прошептал:

— Хорошо-хорошо, девочка, молодец.

Поласкав партнера, пока пальцы не ощутили напряженную плоть, Ольга замедлила движения. Оргазм спутника, произошедший раньше времени, в планы не входил. Настроившись так, чтобы голос звучал естественно, она прошептала чуть слышно:

— Ваш водитель... он смотрит.

Спутник отмахнулся.

— Пусть смотрит. Мне не жалко.

Ольга двигала рукой все медленнее, пока совсем не прекратила, сказала настойчиво:

— Я стесняюсь.

Хозяин всхрипнул, проворчал недовольно:

— Петр, смотри на дорогу. Ты нас отвлекаешь.

Ольга повысила голос, сказала капризно:

— Но я все равно стесняюсь!

Спутник рывкнул с раздражением:

— И что теперь, ждать, пока приедем в гостиницу?

Ольга промурлыкала томно:

— Зачем ждать, можно остановиться где-нибудь у обочины. А он, — изящный пальчик уперся в спину водителя, — пока погуляет, а еще лучше, сходит за вином.

Водила угрожающе кашлянул, Ольга спиной ощутила обжигающий взгляд, но хозяин среагировал иначе. Хмыкнув, он произнес:

— Кстати, неплохая мысль. Петр, давай-ка, тормозни, где поглуше да прогуляйся до магазинчика. Небось, задница-то затекла весь день сидеть, ха-ха!

Петр возразил сухо:

— Не бойтесь оставаться наедине? Да и не моя это работа, если уж на то пошло...

Хозяин отозвался недовольно:

— Давай, давай, не упрямясь. Видишь, девушка стесняется. А насчет работы — потом поговорим. Гляжу, зажрался ты.

Водитель скрипнул зубами, но возражать не посмел. Проворчав нечто едва слышное, он добавил скорости, после чего выкрутил руль так резко, что машину повело боком. Пассажиры невольно ахнули, завалились друг на друга, но машина уже встала, приткнувшись аккуратно на свободное место посреди стоящих у тротуара автомобилей.

Хлопнула дверь, захрустел ледок под удаляющимися шагами.

— Совсем страх потерял, — пробормотал хозяин, возвращаясь в исходное положение. — И с головой, похоже, непорядок. Что значит — не боюсь ли я? Чего мне бояться, девчонки?!

Проводив водителя взглядом, пока спина в черной кожаной куртке не растворилась в наступившем сумраке, Ольга осмотрелась. Сердце забилось сильнее. Волей случая Петр припарковал машину так, что лучшего трудно было представить. Тротуар в этом месте отгораживали стволы деревьев с засаженным в промежутках густым кустарником, так что идущие мимо редкие прохожие просматривались с трудом. К тому же ближайший фонарь не горел, и их машина оказалась стоящей в самом центре погруженного во тьму участка дороги.

Уже не скрывая торжества, Ольга поинтересовалась:

— Надеюсь, звукоизоляция здесь на должном уровне?

— Еще бы! Знаешь, сколько пришлось брать, чтобы хватило? — хохотнул спутник. Добавил ворчливо: — Ладно, это уже не твоего ума дело. Приступай к работе.

Ольга освобождено рассмеялась.

— Конечно. Но сперва небольшая предосторожность.

Перегнувшись через кресло водителя, она ткнула кнопку блокиратора, услышав, как разом щелкнули замки, запирая двери, вернулась на место. Спутник непонимающе завертел головой, спросил с тревогой:

— Что это такое, для чего?

Нежно, словно маленькому ребенку, Ольга объяснила:

— Ну, мы ведь не хотим, чтобы кто-то прервал процесс общения. Подозрительный шум из машины может вызывать разные мысли.

Полицейский натянуто улыбнулся, произнес со смешком:

— Ты начинаешь меня пугать.

Ольга сказала свистящим шепотом:

— Правда? А ведь я даже не начинала. — Приблизившись вплотную к лицу спутника, так что стали видны темные провалы зрачков, она высунула язык, медленно, словно смакуя, провела по щеке, спросила: — Милый, откуда такой интерес?

Полицейский моргнул, спросил с глупой улыбкой:

— О чем ты, девочка? Это какая-то новая эротическая игра?

Ольга лизнула вновь, произнесла с нежностью:

— Не понимаешь?

Спутник потряс головой, сказал с укоризной:

— Слушай, может, отложим на потом? А то у меня уже яйца опухли от желания.

Не меняя интонации, Ольга прошептала:

— Игры закончились. И если ты не расскажешь сам, я помогу, но, поверь, это будет намного, намного менее приятно.

По-прежнему тупенько улыбаясь, спутник произнес:

— Точно игра! И я даже догадываюсь, какого плана. Ну что ж, мамочка, отшлепай меня, да посильнее.

Пропустив слова мимо ушей, Ольга осмотрелась, сказала деловито:

— Ты говорил, у машины неплохая звукоизоляция. Проверим?

Запустив руку спутнику под рубашку, она нащупала впадину грудины, с силой нажала костяшками пальцев. Даже в слабом отсвете далеких фонарей, стало заметно, как полицейский изменился в лице. Его глаза выпучились, а челюсть отвисла, грудь судорожно дернулась, набирая воздуха. Но, прежде чем из глотки вырвался крик боли, Ольга ловко вбила в рот спутника шарф, заранее скатанный в узел. Тот замычал, выплескивая в крике негодование, дернулся, пытаясь избавиться от кляпа.

Ольга перехватила руки, с силой рванула вниз, не обращая внимания на искажившую лицо полицейского гримасу боли, сдавила ногами. Тот вновь замычал, но уже тише, с нотками обиды. Ольга улыбнулась. Разительная перемена в спутнике, что, из надменного властителя жизней, превратился в жалкое существо, неожиданно возбудила. Всколыхнулись упрятанные на самое дно души желания. Ощущая, как по телу разливается волна неизведанного ранее удовольствия, Ольга закрыла глаза, вновь нажала несчастному на грудь. Тот забился, пытаясь уйти от неумолимой руки, что, не смотря на изящество и внешнюю хрупкость, терзала хуже пыточного инструмента, вгрызаясь в чувствительные места, и вызывая пронизывающую с головы до ног мучительную боль.

Наконец, извернувшись вовсе немислимым для своей комплекции образом, терзаемый освободился от кляпа, заорал, что есть мочи:

— Сука! Я ж тебя на парашу отправлю, в рудники сошлю!

Ольга неторопливо нашарила провалившийся в ноги шарф, с силой сжала основание челюстей мужчины, отчего рот легко распахнулся, вставив кляп обратно, произнесла:

— А ты знаешь, мне начинает нравиться. Думаю, еще минут пять можно поразмяться, после чего перейдем к более серьезным вещам.

И вновь нажатие костяшками пальцев, не сильное, почти ласковое, но мужчина почему-то дергается, начинает извиваться всем телом, словно сел в растревоженный лесной муравейник. Ненадолго прерванное, вновь возвращается чувство радости, окрыляет, уносит в небеса. Ощущение силы переполняет, могущество абсолютно, и извивающийся на сиденье, хнычущий, как ребенок, матерый мужчина тому доказательство. Противник, что считал себя сильнее и умнее, просит пощады, что может быть прекраснее? Разве только неспешная, сладкая месть. Наслаждение паникой врага, исходящего густым едким запахом страха, что в сто крат прекраснее запаха лучшей парфюмерии, или аромата самого дорогого вина.

Рука давит сильнее, еще сильнее. Как хорошо! А ведь это лишь одна из многих точек. Стоит сместить пальцы немного левее и ниже, или значительно правее и выше... Рука следует за мыслью, перемещается по телу, столь податливому и теплому, что хочется проникнуть в него полностью, насладиться успокаивающим теплом, согреть озябшие конечности. Нажатие. Еще одно. Память услужливо подбрасывает все новые места, куда можно прикоснуться, ощутив мгновенный отклик, вытаскивает давно забытые картины и чувства, когда, на пределе сил, приходилось оттачивать мастерство, отрабатывать, сбивая в кровь кулаки, с потом и болью впитывая данные тренером уроки.

Мужчина уже не рвется, лишившись сил, лишь с трудом вздрагивает. Света по-прежнему мало, но даже его хватает, чтобы заметить, как посерело и выцвело лицо, а под глазами, словно миновали часы разгульного застолья, залегли черные круги.

С трудом вырвавшись из плена сладостных чувств, Ольга подалась вперед, прошептала:
— Ты не представляешь, как мне хорошо. Вижу, тебе тоже нравится. Как жаль, нельзя продолжать это вечно. Впрочем, мы можем продолжить. — Она отстранилась, несколько мгновений вглядывалась в лицо пытаемого, затем с силой ударила его по щекам, раз, другой. Заметив, что в глазах мужчины протаяла искра разума, продолжила: — Я с удовольствием бы разорвала тебя на куски, и, возможно, так и сделаю, если не услышу ответ на некоторые вопросы. Ты готов говорить?

Слабый кивок стал ответом. Ольга вздохнула, нехотя вытащила пропитанный слюной и слизью кляп, с отвращением отбросила. Полицейский захрипел, задышал надрывно, будто провел время не в комфортной машине с кондиционером и освежителем воздуха, а под палящим солнцем. С трудом шевеля языком, он выплюнул:

— Что ты хочешь знать?

Ольга улыбнулась.

— Не много, всего лишь — кто стоит за тобой.

Лицо полицейского дернулось, он прохрипел зло:

— О чем ты? Я лишь выполняю рутинную работу.

Ольга пошевелила рукой, и спутник испуганно дернулся, сказала с угрозой:

— Не надо лгать. Ведь ты не следователь.

Собеседник набычился.

— С чего ты взяла?

Ольга хмыкнула

— Ты сам-то читал, что написано на дверях, прежде чем занимать кабинет?

Полицейский поморщился, сказал с досадой:

— Ты не знаешь этой кухни. Полномочия смежных специальностей могут перекрываться, причем, довольно сильно.

Ольга подалась вперед, так что салон исчез, вытесненный серым пятном лица, сказала яростно:

— Возможно. Но уже при первом нашем свидании ты знал то, что не должен был знать, будучи... обычным полицейским.

Собеседник сказал насмешливо:

— Да, да, согласен, я не обычный полицейский. — Заметив опасный блеск глаз

мучительницы, поспешно добавил: — Но, все в рамках, все в рамках. Просто... — он помялся, — определенные люди высказали пожелания насчет тебя. Ну и снабдили информацией для, так сказать, ускорения процесса.

— И что содержалось в пожеланиях? — Ольга взглянула остро.

Собеседник пожал плечами.

— Ничего особенного. Наблюдать, периодически дергать в отделение, потихоньку давить. Не сильно, но так, чтобы не расслаблялись.

— И это все?

Заметив разочарованный взгляд спутницы, полицейский хмыкнул:

— А ты что ждала, интриг, спецопераций, мировых заговоров? Пришел человек, предоставил данные, попросил, чтобы отнеслись со вниманием. Потому что, хоть и девки, а... — он поперхнулся, зашелся в глухом кашле.

В царящем в голове хаосе возник островок устойчивости. Небольшой, совсем крошечный, но опираясь на него пошла раскручиваться мысль, наслаивая на основание из крох информации массив воспоминаний. Перед внутренним взором вихрем пронеслись лица, события, исчезли, оставив лишь застарелую боль и смутные догадки.

Понимающе улыбнувшись, кашель показался чересчур неестественным, Ольга произнесла:

— Договаривай.

— Я все сказал, — последовал сиплый ответ.

Ольга подняла руку, провела пальцем по лицу собеседника, нажала сильнее, так что ноготь глубоко впился в кожу, сказала проникновенно:

— Я сейчас выдавлю тебе глаз. Сперва один. Потом задам вопрос снова. Если не ответишь...

— Что, что еще? — воскликнул спутник в муке.

— Кого еще тебе поручили вести.

Он фыркнул, спросил зло:

— Тебе что, адреса назвать?

— Все что знаешь, — отрезала Ольга жестко.

— Власова Анна Сергеевна. Переулок «Железнодорожный», семнадцатый дом, это на окраине... Петр, на помощь!

Полицейский рванулся так неожиданно и сильно, что Ольга отлетела к двери, не успела среагировать, а когда подхватилась, зло выругалась. За стеклом, сливаясь в сумерках со стволом дерева, маячила тень. Краем зрения Ольга уже пару раз ловила силуэт, но, увлеченная разговором, не обратила особого внимания и вот теперь пришло время расплаты.

Дверь распахнулась. Вместе с холодным воздухом в салон ворвался крик:

— Руку, руку давай!

Время замедлилось. В проеме, загораживая массивной фигурой пространство, застыл водитель, левая рука тянется к хозяину, чтобы защитить, вырвать из салона, где, волею случая оказался наедине с маньячкой. Правая рука заведена за отворот пальто, где, удобно пристроенное в кобуре, дожидается момента личное оружие: скорее всего на предохранителе, наверняка с застежкой, но... Комплекция водителя такова, что оружие может и не понадобиться, поэтому...

Мысли текут размеренно, разум анализирует, оценивая, сортируя, раскладывая по полочкам, тщательно, неторопливо, размеренно. Но мышцы работают в форсированном

режиме, на сверхскоростях, вытесняя мысли далеко на периферию, где они не смогут помешать, отвлечь, замедлить, сбивая с заданного ритма и нарушая тонкую грань отточенных, как лезвие клинка, рефлексов.

Напружинившись, ноги с силой распрямляются, посылая вперед. Тело вытягивается в струну, сиюсь проскользнуть сквозь оставшийся свободным узкий просвет между выступающим бугром пассажира и спинкой кресла водителя. Руки вытягиваются перед головой, словно при прыжке в воду, но только на короткий момент, лишь до тех пор, пока застывшая рука водителя не оказывается в пределах досягаемости.

Ольга рыбкой вылетела из машины, перехватив ладонь противника. Не успев отдернуться, водитель пошатнулся, увлеченный рывком, попытался отшагнуть, но, оступившись, завалился навзничь. Подхватившись, он вскочил, угрожающе потянулся, но, не доведя движение до конца, замер, неверяще уставился на руку. Ладонь оказалась вывернута под неестественным углом, а пальцы изогнулись, как корявые сучья.

Ольга ласточкой взлетела на ноги, не дожидаясь, пока противник опомнится, перехватила травмированную руку, рванула. Глаза водителя расширились, рот приоткрылся для крика, но звук застрял, вбитый в глотку вместе с кусками хряща. Позади задушено вскрикнуло. Не поворачиваясь, Ольга с силой захлопнула дверцу, пресекая попытки пассажира покинуть салон, подхватив водителя под мышки, поволокла вокруг машины, надеясь, что поблизости не окажется излишне бдительных граждан.

С трудом втиснув шофера в машину, Ольга вернулась назад, мельком оглянувшись, заняла водительское место. Захлопнув дверь, она вновь заблокировала замки, обшарив потерявшего сознание водителя, извлекла из внутреннего кармана куртки ключи. Позади заскулило. Ольга искоса взглянула за спину, где, застряв в проеме между сиденьями, вяло шевелился полицейский, не уловив угрозы, отвернулась, завела мотор.

Огни фонарей замелькали, сливаясь в единую огненную полосу, мотор зарычал надрывно. Ольга с трудом удерживалась, чтобы не выжимать из машины максимум, едва не силой заставляя себя сбрасывать скорость, когда стрелка спидометра уходила слишком далеко вправо. Дежурящие на улицах блюстители порядка не пропустили бы несущийся сверх всякой меры автомобиль, встреча же с полицией сейчас была нужна меньше всего.

Городские кварталы остались позади, бледными точками замерцали подслеповатые окошки частного сектора. Ольга управляла машиной, ощущая себя словно в тумане. Сердце яростно колотится, прыгая в груди, как обезумевший зверь, мышцы подрагивают от переполняющей силы, а в груди неуклонно разрастается, становясь все больше, слепящая животная ярость. Жалобные стоны с заднего кресла не вызывают жалости, лишь распалют, тянувшийся от водителя терпкий запах крови кружит голову, от чего челюсти стискиваются до скрипа в зубах, а из глотки рвется задушенный рык.

Закончился частный сектор. Пропали последние редкие огоньки, дорогу обступила лесная поросль. Мир погрузился во тьму. Если бы не вспыхивающие искры отражателей редких дорожных столбиков, да серые отсветы фар, могло показаться, что машина провалилась под землю, и теперь прямым ходом несется в преддверие ада.

Ольга сбавила скорость, принялась усиленно вглядываться в сплошную стену леса. Мелькнул черный провал, унесся назад. Нога ударила по педали тормоза, руки крутанули руль. Машину дернуло, развернуло. И вновь газ. Под визг покрышек, автомобиль рванулся назад, к провалу прилегающей дорожки. С трудом удерживая руль, Ольга продолжала гнать, не обращая внимания на жуткую тряску, отчего пассажиров мотало из стороны в сторону.

Свет фар мечется, выхватывая из тьмы то корявый ствол дерева, то засыпанный снегом куст. Машину кидает так, что кажется, еще немного и дорогой автомобиль не выдержит, рассыплется на куски. Но это не имеет значения. Ярость продолжает нарастать. В ушах тоненько звенит, а перед глазами все заливает кровавым туманом, и она едва успевает среагировать, когда до того безжизненно расплывшийся по креслу водитель вдруг обретает подвижность.

У виска возникает пистолет. Нет, даже не пистолет, а лишь смутная тень, ощущение, словно слабый сквознячок от несуществующей форточки, что трудно ощутить, и почти невозможно предугадать. Дыхание смерти, выплескивающееся из бледного черепа заиндевелым облачком тумана, что разрастается, подплывает все ближе, остужая плоть и вымораживая кости.

Рывок назад, столь резкий, что голова вдавливаясь в спинку кресла, а шея тревожно хрустит. Перед глазами вспыхивает пламя, по ушам бьет чудовищный грохот. Остатки мыслей исчезают. Слепший и оглохший, разум судорожно бьется в черепе, пытаясь осознать, понять, направить. Но отточенные рефлексy спасают и на этот раз. Тело что-то делает. Сокращаются мышцы, руки мельтешат, совершая нелепые движения. Еще дважды вспыхивает, руку сотрясает отдача и все погружается в черноту.

Чувствуя, что еще немного, и сойдет с ума, Ольга потянулась к двери, заскребла, на ощупь отыскивая ручку. Пальцы за что-то хватают, дергают. Наконец, дверь распахнулась, потянуло холодной свежестью. Ольга вывалилась из машины, поползла, пока не уткнулась лицом в снег, но и после продолжала загребать руками, не видя, не слыша, не понимая.

Постепенно тело расслабилось. Жуткий мышечный спазм прекратился. Слуха коснулось далекое завывание. Перед глазами проявились серые пятна, померцав, распались на составляющие, облеклись в форму. Ольга встала на четвереньки, попыталась подняться, но желудок жестоко скрутило, вывернуло едким. Вслед за тошнотой пришла слабость. Хотелось лежать недвижимо, но холод начал прихватывать открытые участки тела, заставил двигаться. К тому же в кабине остались двое мужчин. И, пусть они не в лучшем состоянии, но, если позволит ситуация, каждый из спутников спокойно прервет ее жизнь, постаравшись сделать так, чтобы последние минуты стали нестерпимо болезненными.

Она поднялась. От нахлынувшей слабости шатнуло, но Ольга упорно двигалась вперед, пока не уперлась в машину. От полученного при разгоне импульса автомобиль протаранил густые поросли кустарника и глубоко зарылся в снег. Ольга постояла, прислушиваясь. Ни звука, лишь сухо шелестит верхушками деревьев ветер. Похоже, спутникам повезло не так, как ей. Хотя, вполне возможно, кто-то из них, а то и оба, сейчас затаились в темноте салона, сжимая в потной ладони пистолет, чтобы, едва отворится дверь, и в проеме замаячит хрупкая фигурка...

Встав сбоку и чуть позади, Ольга рванула дверь, замерла. Ничего. Все как и прежде, лишь к ароматам леса добавились запахи крови и пота. Решившись, она осторожно вдвинулась в салон, нащупав под потолком выключатель, щелкнула. Лампочка ярко вспыхнула, осветив картину разрушения. Впереди, утонув в сработавшей подушке безопасности, сидит шофер, тело недвижимо, из развороченной выстрелом головы течет густой красно-черный ручеек. Ольга сморгнула, перевела взгляд. На заднем сиденье лежит полицейский, руки раскинуты, рот открыт, глаза невидяще уставились в потолок. Рубаха на груди разорвана, по середине расплывается кровавое пятно. Ольга протянула руку, коснулась. Пальцы нащупали вмятинку, небольшую и аккуратную, словно мужчину ткнули

палочкой. Пуля нашла жертву. В пылу боя Ольга сделала всего два выстрела, но каждый оказался результативен.

Ощущая пустоту и усталость, Ольга опустила голову. В сером снежном месиве под ногами тускло блеснуло. Она нагнулась, пошарила рукой. Пальцы коснулись холодного, обхватили. Вытянув вещь из сугроба, Ольга покачала головой. Облепленный снегом, в руке красовался пистолет. Обнаружить пистолет ночью в сугробе, после аварии, казалось чудом, словно оружие не желало заканчивать жизнь в глухом лесу, медленно превращаясь в проржавевший кусок металла, и специально привлекло внимание.

Становилось все холоднее, и находиться в лесу, рядом с развороченной машиной, хотелось все меньше. Поразмыслив, Ольга стряхнула с пистолета снег, вздернув руку, дважды выстрелила в машину. Из образовавшихся дырочек хлынули струйки. Воздух наполнился запахом бензина. Ольга заглянула в салон, осмотревшись, вытащила сброшенное в порыве страсти полицейским пальто, положила под баком. Пока ткань пропитывалась бензином, Ольга еще раз окинула взглядом салон, вытащила сумочку, застрявшую между сиденьями. Проверив, не разошлась ли молния, Ольга повесила сумочку на плечо, порадовавшись, что вовремя заметила.

В поисках огня она обшарила карманы мертвецов, затем бардачок. Поиски увенчались успехом. На дне бардачка, под грудой бумаг, обнаружилась дорогая металлическая зажигалка с откидным верхом. Выбравшись наружу, Ольга подцепила пальто, тяжелое от напитавшего ткань бензина, зашвырнула в салон. Зажигалка полетела следом. Захлопнув дверцы, Ольга приникла к стеклу, наблюдая, как пламя охватывает пальто, распространяется дальше.

Сперва опасливо, но все более смело, огоньки разбегаются, заполняя собой пространство автомобиля. Дорогая обшивка чернеет, сжигается, опадает искрящимися ключьями. С глухим треском лопаются стекла. Корпус нагревается так, что становится тяжело стоять рядом, краска вспухает пузырями. Внутри бушует безумное пламя, а в его жадной глубине, словно огненные демоны, вольготно расположились останки тех, кто еще совсем недавно был полон жизни.

Не в силах терпеть жар, Ольга сделала шагок назад, затем еще один, попятилась, не отводя взгляда от безумствующей стихии. Машина превратилась в огромный костер, исходящий черным дымом и веером алых искр. Ощущая смутное сродство с безумствующим пламенем, душа требовала остаться, но разум холодно напомнил — свет виден далеко вокруг, и, не смотря на ночное время, кто-нибудь может заинтересоваться, заглянуть на «огонек».

Тщательно отряхнувшись, в свете пламени очистить налипший снег не составило труда, Ольга поправила одежду, мгновение поразмыслив, спрятала пистолет в сумочку и зашагала обратно. Вскоре машина отдалилась, свет ослаб, а затем и вовсе сошел на нет. Идти стало сложнее. Заблудиться не представлялось возможным, по бокам дороги стеной вздымались заснеженные деревья, но под ноги то и дело попадались обломки ветвей, кочки, а то и скрытые под снегом ямы.

Мягко ступая, Ольга вслушивалась в ночные шорохи, полной грудью вдыхала свежий морозный воздух, ощущая пронзительное чувство единения с раскинувшимся на многие километры вокруг живым организмом леса. Волной накатывало удивление, как она могла раньше не замечать этого прекрасного великолепия, с наступлением вечера запиралась в тесной пыльной квартире, чтобы ощутить себя защищенной. Страшно подумать, панически

боялась выходить по ночам, потому что... Уже даже не вспомнить почему: не то от мысли, что полноценная жизнь возможна лишь в светлое время суток, не то напуганная страшными историями, что в изобилии рассказывают родители детям, желая побыстрее отделаться от бесконечных вопросов.

Но теперь все совсем не так. Больше она не боится. Глаза привыкли к темноте и шагать стало легче, плечи сами собой расправились, а на губах заиграла улыбка. Среди лесных шорохов прорезался далекий гул мотора, за ним еще и еще. Прислушавшись, Ольга добавила шаг. Трасса приближалась с каждой секундой.

В черных сумерках проносящиеся мимо машины кажутся демонами. С угрожающим рычанием выныривая из тьмы, они обдают волной холодного воздуха, с примесью запаха бензина, после чего со злым шипением проносятся мимо. Несколько мгновений виднеются удаляющиеся кровавые точки «глаз», затем гаснут, скрытые поворотом, а секунды спустя, затихает и гул мотора.

Ольга останавливалась, поднимала руку, но автомобили всякий раз пролетали дальше. Опаздывающие по своим делам, водители не желали терять время, гася набранную скорость. А быть может, тому виной был обычный страх. Ольга не раз слышала от Ярослава жуткие истории, как на бескрайних пространствах трасс орудуют лихие люди, выставя в качестве приманки миловидную женщину, сами же прячутся неподалеку. И вот когда, желающий помочь одинокой путнице, обманутый водитель останавливается, из укрытия появляются «спутники».

Ольга всегда воспринимала подобные рассказы с долей иронии. Ничто не мешает водителю остановиться немного дальше, чтобы потенциальный попутчик подошел сам. Ломящихся сквозь лес, или выскакивающих из ближайшей ямы, чтобы поспеть к месту, «соратников» будет крайне сложно не заметить. К тому же, осторожность никто не отменял, и, желая помочь ближнему, не стоит терять бдительности. Короткое движение ноги, и высыпавшая из леса банда поджарых спортсменов с битами наперевес останется далеко позади.

Представив картину, Ольга улыбнулась. Когда мимо пронесся очередной автомобиль, улыбка стала шире. С наступлением темноты люди начинают бояться таких вещей, что при свете дня вызывают лишь снисходительную усмешку. Дерево превращается в чудовище, небольшая лужица в бездонный колодец, а идущая вдоль дороги девушка в закоренелого убийцу, с измазанными по локоть кровью руками и целым арсеналом под пальто.

Поначалу она досадовала на себя, что забралась так далеко от города. Минуты езды на машине при хорошей скорости превращались в часы пешего хода. Однако, вскоре вошла в ритм, и уже спокойно, и даже с долей удовольствия шла вдоль дороги, черной полосой перечеркнувшей заснеженный лес. От движения тело разогрелось, так что покусывания морозца постепенно слабели, а затем и вовсе сошли на нет.

Ольга по-прежнему вздергивала руку, когда позади раздавался шум мотора, а дорога и прилегающие кусты вспыхивали светом фар, но больше по инерции, не особо рассчитывая, что кто-то переборет страх, решившись подвести припозднившуюся путницу.

В очередной раз зашумело, лес вокруг посерел, протаял грязными пятнами снег на обочинах. Ольга махнула рукой, не оборачиваясь, и не сбавляя темпа двинулась дальше, когда рев двигателя неожиданно стал стихать, а секундой позже противно закрипели покрышки. Она с удивлением обернулась, замедлила шаг. За светом фар приближающаяся машина казалась серой тенью, и лишь когда автомобиль подошел ближе, Ольга разглядела обтекаемые обводы иномарки.

Мягко опустилось стекло, раздался приятный голос:

— Далеко идешь, красавица?

Не видя водителя, Ольга, тем не менее, ощутила пристальный взгляд, а в исполненном бравады голосе услышала напряженные нотки, ответила с улыбкой:

— В город возвращаюсь.

— Ночью, по трассе, одна? — в голосе собеседника послышалось недоверие.

Ольга пожала плечами, сказала ровно:

— Всякое бывает. — Водитель опять замолчал, и Ольга поинтересовалась с усмешкой:

— А вы поговорить остановились?

В машине хмыкнуло, с щелчком вспыхнула лампочка, выхватив из темноты владельца авто. Молодой парень: округлое ухоженное лицо, зализанные волосы, насмешливая улыбка. Он взглянул с интересом, сказал испытывающе:

— А ты гордая. Не боишься, что уеду?

Ольга вновь пожала плечами.

— Возможно, ты удивисься, но уезжаешь далеко не первый.

— В каком смысле? — произнес парень озадаченно.

Ольга сказала терпеливо:

— Остальные вообще не останавливаются, мимо проезжают.

Парень мотнул головой, бросил нетерпеливо:

— Ладно, садись, нечего машину выстуживать. По ходу поговорим.

Ольга отворила дверцу, заняла место рядом с водителем. Взвыл мотор, машина рванулась, набирая скорость. Ольга откинулась на спинку, ощущая, как приятно расслабляются нагруженные мышцы, прикрыла глаза. Водитель кашлянул, привлекая внимание, но спутница молчала, и он поинтересовался:

— Так все-таки, что случилось? — Заметив вопросительный взгляд, уточнил: — Ну, почему ночью идешь?

— Время не рассчитала, — ответила Ольга лаконично.

Водитель хмыкнул, сказал:

— Надо же. Вот ведь девки пошли. В одиночку шастают. Не боишься?

— А должна?

— Конечно! — воскликнул парень убежденно. — Конечно! Ночь, лес, трасса... Мало ли что случится. Мало ли кто пристанет. К тому же холод...

Вспомнив события вечера, Ольга усмехнулась. Уж где-где, а в лесу бояться нужно было меньше всего. Совсем другое дело город, с его грязными улицами, тяжелым запахом мусорных баков и выхлопов машин, и озлобленными на весь мир обитателями, мечущимися из дома на работу и обратно, в бесплотном стремлении реализовать бесконечную жажду потребления.

Не желая ввязываться в спор, она произнесла устало:

— У каждого свои страхи. Ты же не испугался. Остановился, пригласил в машину незнакомого человека, теперь везешь...

Парень осклабился, сказал снисходительно:

— Ну ты сравнила. Что может сделать хрупкая девчонка: задушить, убить, изнасиловать!?

Ольга передернула плечами. Болтливость собеседника утомила, а непонимание элементарных вещей вызвало раздражение. Позади, глубоко в лесу, осталась догорающая машина с людьми, кто точно также не посчитал «хрупкую девушку» за достойного противника. Справившись с раздражением, она ответила отстраненно:

— Дело не в комплекции.

— А в чем? — хмыкнул парень.

— В намерении, — ответила Ольга сухо.

— Ты хочешь сказать, если кто-то маленький, серьезно решил напасть кому-то большому, он преуспеет?

От пренебрежительного тона водителя Ольгу повело, но она все же ответила:

— Естественно.

— Ерунда все это. — Парень отмахнулся. — Сильный, на то и сильный, чтобы расталкивать слабых, пусть их даже вдесятеро. И жизнь тому наглядный пример.

Ольга произнесла задумчиво:

— Кроме силы есть еще и другие критерии.

— Например? — Спутник взглянул испытывающе.

— Уверен, что действительно хочешь узнать? — Ольга ответила не менее испытывающим взглядом.

— Раз спросил, значит хочу, — сказал водитель наставительно.

Скривив губы в ухмылке, Ольга молниеносно протянула руку, ухватив за руль, дернула, рывком вернула на место. Машину занесло, не сильно, но достаточно для того, чтобы водитель вскрикнул, вцепился в руль, не мигая глядя на дорогу.

Покосившись на застывшее лицо спутника, Ольга спросила:

— Еще, или достаточно?

— Что ты делаешь? — прошипел водитель чуть слышно. — Зачем?

— Ты хотел демонстраций. — Ольга пожала плечами.

— Демонстрации чего, дура!?! — справившись с голосом, закричал спутник.

— Демонстрации того, что вся твоя сила ничего не стоит, — ответила Ольга едко.

Завизжали покрышки. Пролетев с полсотни метров, машина встала. В салоне вспыхнул свет. Стряхнув со лба капли пота, водитель повернулся, сказал зло:

— Теперь я понимаю, почему ты шляешься ночью по трассе в одиночку. Думаю, тебе нужно продолжить путь одной, просто, жизненно необходимо.

Ольга усмехнулась, сказала с веселой злостью:

— Что, не понравился примерчик?

Парень сказал сухо:

— Пошла вон. — Видя, что пассажирка не торопится, он набычился, выпучив глаза, заорал: — А ну выметайся, пока не выкинул, как собаку!

Обманчиво мягким голосом Ольга произнесла:

— Ты торопишься, но разговор не закончен. Это был лишь первый пример. А вот пример второй.

Она расстегнула сумочку, извлекла пистолет. Боковым зрением наблюдая, как бледнеет лицо водителя, Ольга подчеркнуто неторопливо проверила обойму, после чего направила оружие спутнику в голову.

С ужасом глядя на угрюмый провал ствола, парень прошептал дрожащим голосом:

— Не... не надо. Я... понял. Я все понял. Бери машину. Вот ключи... В бардачке деньги. Только не надо... не стреляй. Пожалуйста...

Парень вжался в кресло, его губы задрожали, на глаза навернулись слезы. Словно загипнотизированный, он прикипел взглядом к оружию. Со смесью любопытства и отвращения Ольга всматривалась в посеревшее лицо спутника, враз потерявшее всю решительность. Рукоять удобно влипла в ладонь, металл приятно холодит, и палец сам собой ложится на крючок, касается изогнутой поверхности, начинает давить, сперва легонько, чуть

поглаживая, затем все сильнее. Перед глазами маячит перекошенное ужасом лицо, отвратительное мгновенной переменой, от смелости к страху, от уверенности к нерешительности, лицо червя, привыкшего выдавать себя за льва.

Палец продолжает давить, не в силах противиться безумному желанию уничтожить тварь, увидеть, как голова разлетится ошметками, словно гнилая тыква, почувствовать теплые брызги, ощутить терпкий запах крови. Ольга закрыла глаза, вдохнула, глубоко, насколько смогла вместить грудная клетка, медленно выдохнула, чудовищным усилием подавив желание, отняла пистолет, спрятала назад в сумочку, сказала со вздохом:

— Ладно, поехали, будем считать разговор закрытым. А пистолета не бойся. Это всего лишь имитация, просто игрушка, хоть и очень похожая на настоящий.

До города доехали в молчании. Судя по всему водитель не поверил на слово. Время от времени Ольга замечала боковым зрением быстрые взгляды, но дальше испуганных взоров дело не пошло. Когда въехали в город, Ольга благоразумно попросила остановиться на соседней с родной улице, на случай, если водитель, недовольный общением, доехав до ближайшего полицейского участка, вдруг решит вернуться в сопровождении стражей порядка. Когда машина остановилась, она повернулась к спутнику, коснувшись плеча, сказала со слабой улыбкой:

— Благодарю за помощь. Извини, если переборщила, что-то я сегодня не в настроении.

Парень натянуто улыбнулся, кивнул, но, едва дверь захлопнулась, машина сорвалась с места, с надрывным ревом унеслась. Проводив автомобиль задумчивым взглядом, Ольга двинулась во дворы. Пистолет по-прежнему лежал в сумочке и, шагая к дому, она двигалась зигзагами, выбирая наименее людные места.

Отпирая дверь квартиры, Ольга задержала дыхание. Если Ярослав приехал, то наверняка захочет пообщаться, возможно, примется задавать вопросы. Она мельком оглядела одежду. Казавшееся чистым в полутьме улицы, в свете подъездной лампы пальто выглядело гораздо менее привлекательно: кусочки веточек, грязные разводы, мокрые пятна... Когда подруга возвращается поздно вечером в подобном виде — есть о чем поинтересоваться. Другой вопрос, что после насыщенной «программы» вечера говорить вовсе не хочется: выслушивать ревнивые подозрения, выгораживать себя, объясняться. Не хочется до такой степени, что лишь при мысли о подобном внутри пробуждается нечто темное, угрожающе скалит клыки, предупреждая и отпугивая.

Ключ повернулся раз, затем еще. Ольга вздохнула с облегчением. Уже в приподнятом настроении отперла второй замок, распахнула дверь. Уют квартиры, как обычно, подействовал умиротворяюще. Захотелось броситься в постель, раскинув руки, замереть, с удовольствием ощущая, как мышцы расслабляются, а сознание заволакивается дымкой наползающего сна. Однако, прежде чем лечь, необходимо завершить дела. Зажав пальто под мышкой, Ольга решительно двинулась в ванную.

Вооружившись щеткой и чистящим средством, она принялась соскребать грязь с пальто, сперва осторожно, но, по мере обнаружения все новых очагов грязи, все смелее и смелее. Сорок минут спустя, отчищенное до блеска, Ольга вывесила пальто в коридор.

Пришел черед оружия. Ольга извлекла пистолет из сумочки, повертела в руках. Губы скривились в презрительной улыбке. Огромный, полностью скрывающий ладонь, тяжеленный «Пустынник». Пистолет для «настоящих» мужчин, призванный внушить страх противнику, и укрепить уверенность владельца. Столь же большой, сколь и неудобный в обращении продукт американской индустрии, ориентированный, как и подавляющее

большинство подобного товара, больше на внешний вид, чем на комфортное обращение. Массивный ствол, мощная отдача, громадные размеры, уступающие разве что еще более чудовищному «Магнуму». Ольга смутно удивилась, как, будучи за рулем, и отвлекаясь на дорогу, она сумела справиться с таким оружием, уложившись всего в два выстрела, по одному на противника, и не прострелив заодно что-нибудь и себе.

Палец отжал защелку, с тихим шорохом обойма выехала из рукояти, шлепнулась на ладонь. Ольга вздохнула. Чуда не произошло, в магазине остался всего один патрон. Похоже, бывший хозяин почти не применял оружие, используя пистолет больше для красоты, чем по прямому назначению, ничем иным объяснить шестизарядную обойму, да еще и в единственном экземпляре, было нельзя. Завяжись бой — патроны вылетят очень быстро, после чего останется только метнуть ставшее бесполезным оружие во врага.

Пока разум занимался размышлениями, руки вертели трофей, отщелкивали, вытягивали, отгибали. В результате, через несколько минут, выложенная в аккуратной последовательности, вокруг образовалась россыпь деталей. Собрав пистолет, и убедившись, что лишних деталей не осталось, Ольга прошла в ванную, выбрала из кучи грязных вещей полотенце. Тщательно завернув оружие, она спрятала пистолет на одну из полочек платяного шкафа, забросав сверху вещами, притворила дверцу, после чего, удовлетворенная проделанной работой, направилась на кухню.

Сперва она хотела наскоро поужинать, приготовив что-нибудь быстрое, для чего взяла с холодильника книгу с кулинарными рецептами. Но, перелистывая страницы с яркими картинками блюд и смачными описаниями, так увлеклась, что позабыла про голод. Выбрав один из многочисленных рецептов с каким-то совершенно непроизносимым названием, она перетряхнула холодильник, а затем и шкафчики в поисках соответствующих ингредиентов, после чего, собравшись с мыслями, принялась готовить.

В разгар работы, когда булькающее в кастрюле желтоватое с золотистыми кружочками жира варево выдерживало последние минуты огня, а по соседству, плавающие в масле, дожаривались поджаристые до коричневой корочки кусочки мяса, звякнула входная дверь. Прислушиваясь к доносящемуся из прихожей шороху одежды, Ольга порадовалась, что, потакая желанием, не свалилась спать сразу же, а вычистила одежду и спрятала оружие, убрав таким образом повод для неуместных расспросов.

Последние штрихи по оформлению ужина отвлекли внимание, и Ольга пропустила момент, когда в кухне возник Ярослав. Остановившись в дверях, он глубоко втянул ноздрями воздух, сказал с усталой улыбкой:

— Как сладок запах родного дома.

Убрав огонь, и закрыв кастрюлю крышкой с уложенным поверх полотенцем, Ольга повернулась, шагнула на встречу.

— Ну, здравствуй, странник. Нашел счастье в заморских далях?

Они обнялись. Ольга поморщилась, мощный запах бензина и чего-то горелого ударил в ноздри, а двухдневная щетина неприятно царапнула шею, но тут же улыбнулась. Крепкие мужские объятия неожиданно успокоили. Волнение, до последнего мгновения тлеющее угольками в глубине души, улеглось, напряженные складки на переносице разгладились, а губы тронула улыбка.

Ярослав глубоко вздохнул, отчего в ухе смешно защекотало, стряхнул на шею не успевшие испариться после умывания капельки влаги, сказал с грустью:

— Нет за морем счастья.

Чуть отстранившись, Ольга взглянула снизу вверх, спросила лукаво:

— Если и там нет, то где?

Ярослав вновь втянул воздух носом, звучно сглотнув, ответил с подъемом:

— Не знаю, как в остальном, но если сравнивать запахи — точно здесь!

Освобождая проход, Ольга отступила сторону, сказала просто:

— Тогда занимай место. Расскажешь, как съездил, а заодно поделишься впечатлением, что получилось из, в общем, не самого плохого рецепта.

Проснувшись с утра, Ольга открыла глаза, замедленно потянулась. Напитанное блаженной истомой, тело не желало просыпаться. Сказались приключения прошлого вечера. Возвращение Ярослава также внесло свою лепту, и отголоски бурной ночи вспыхивали в мыслях яркими картинками, вызывая в животе приятное покалывание а на губах бессмысленную улыбку.

Прислушиваясь к тихому сопению Ярослава, Ольга некоторое время лежала, раздумывая, подняться, или заснуть вновь, но мысли вновь и вновь возвращались к событиям вечера, и вскоре сон отступил окончательно. Ощувив, что больше не уснет, Ольга встала, вышла из комнаты, мягко притворив дверь.

Пока она принимала душ, вода в чайнике закипела. Освеженная, блестя капельками влаги, Ольга вернулась в кухню, отодвинув дверцу шкафа, задумчиво пробежалась глазами по полке. Выбирая, взгляд прошелся по пакетикам с чаем, раз, другой. Рука потянулась к одному из пакетов с ярко-зеленой картинкой каких-то экзотических растений, но, в последний момент сдвинулась в сторону. Ольга вытащила стоящую в сторонке стеклянную баночку, до половины заполненную светло-коричневым порошком, откупорила крышку.

В ноздри ударил терпкий аромат кофе. Ольга улыбнулась. Именно то, что нужно! Не чай и не сок — чашку кофе, горького, без сахара и сливок. От предвкушения она сглотнула, поспешно достала чашечку, прогревая, ополоснула кипятком. По кухне потек густой запах кофе. Не смотря на плотную крышку, придавившую чашечку сразу после заварки, запах растекался все сильнее, вызывая спазмы в желудке и усиливая желание пригубить до невозможности.

Привычным движением распахнув холодильник, Ольга сглотнула. На верхней полочке яркой расцветкой призывно сверкает коробка конфет. Ярослав возился вечером с какими-то пакетами, но Ольга не придавала значения. Помимо конфет на полках возникло множество прочих, не менее вкусных вещей, но блеск коробки затмил остальное.

Ольга извлекла находку, осторожно распечатала. К запаху кофе прибавился не менее сильный запах шоколада. Чувствуя, что сейчас захлебнется слюной, Ольга взяла одну из конфет, причудливыми фигурками застывших в затейливой формы гнездах, надкусила. Зубы провалились в мягкое, по языку потекло обжигающее, распространилось по глотке ароматной волной. Конфеты оказались с изумительной по вкусу ликерной начинкой. Ольга замычала от удовольствия, прихлебнув кофе, застыла, наслаждаясь гаммой вкусовых ощущений.

Наплыли воспоминания детства, когда, точно также, она сидела за столом, смакуя сладости, только вместо кофе было молоко, конфеты заменяли пряники, а за окном возвышались не серые громады многоэтажек, а обрамленные зеленой бахромой, недавно посаженные дедом елочки.

Воспоминания мелькнули и исчезли, заместившись более насущным. Мысли вернулись к разговору с полицейским. В ушах зазвучал испуганный голос — «Власова Анна Сергеевна. Переулок «Железнодорожный», семнадцатый дом...». Где-то на окраине города живет еще одна девушка, за которой поручено наблюдать. Узнать бы, какая между ними связь, и кем поручено...

Погрузившись в раздумья, Ольга продолжала сосредоточенно жевать, механически

забрасывая в рот конфеты, одну за одной, и опомнилась лишь когда рука зашарила по опустевшей коробке. Ольга схватилась за голову. Из почти двух десятков конфет, осталась едва ли треть. Однако, поразмыслив, она махнула рукой. Сердитой бабушки, ведущей тщательный подсчет конфет, рядом больше не было, а Ярослав сладкое почти не ел, так что оставалось со спокойной совестью доесть оставшееся, отгоняя неприятную мысль о чудовищных излишках калорий.

Раскусив очередную конфету, Ольга ощутила, еще немного и неминуемо произойдет метаморфоза, то, что совсем недавно казалось лакомством вызовет отвращение. Дожевав конфету, она убрала коробку обратно в холодильник, сложила в чашечку в умывальник и ушла в зал. Зревшая все утро мысль наконец оформилась в решение. Расслабленное состояние сменилось жаждой деятельности.

Порадовавшись, что разделась в зале, и не придется будить Ярослава шорохом белья и шлепаньем босых ног, Ольга оделась. Маечка, джинсы, теплая кофта... Она взглянула за окно. Столбик термометра со вчерашнего дня замер на отметке «минус десять». Не так чтобы совсем тепло, но и не холодно, можно обойтись без шубы, обычным пальто, если двигаться быстро.

Ольга подхватила сумку, пошарила рукой внутри, отыскивая мелочь на проезд. Пальцы нащупали коробочку мобильного, полезли дальше, когда молнией вспыхнула мысль — Владимир! Ведь уже пару дней она собиралась позвонить, узнать, как дела на работе, для нее уже бывшей, но по-прежнему настоящей для Владимира, поделиться собственными впечатлениями от «свободы», и в который раз поблагодарить за уделенное внимание и потраченные силы.

Палец привычно забегал по клавишам, выбирая нужный телефон. Отыскав номер, Ольга нажала кнопку связи, приложила к уху. Гудок. Еще один. Прижимая мобильник к уху, она заходила по комнате. Телефон продолжал гудеть. Так и не дождавшись ответа, Ольга сбросила, набрала вновь. Тот же результат. Она нахмурилась. Слова приветствия уже вертелись на языке, но поговорить не вышло. Подосадовав на Владимира, что в разгар рабочего дня не берет телефон, и на себя, что не догадалась позвонить раньше, Ольга вышла в прихожую.

Пальто, шарфик, ботинки... Подхватив перчатки, она вышла в подъезд. Заперев дверь, Ольга забросила сумочку на плечо, повернулась, собираясь спускаться, но нога замерла, не коснувшись ступеньки. В шкафу, забросанный одеждой, остался лежать пистолет. Единственный патрон — не такая значительная помощь, но в трудной ситуации может спасти жизнь. Ольга задумалась.

Скорее всего трудностей не возникнет. Мало ли кто и зачем поручил полицейскому наблюдение. Не исключено и то, что сказанное вовсе окажется ложью, а если нет, вполне вероятно, что полицейский спутал номер дома, название улицы, а то и имя девушки, и она лишь потеряет время в поисках неведомого дома на несуществующей улице. К тому же возвращаться, значит разбудить Ярослава. Возникнут неизбежные вопросы. А последнее время неуместные вопросы возбуждают лишь ярость, так что приходится отвечать сквозь зубы, с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать собеседнику истинные мысли.

Ольга принялась спускаться. Червячок сомнения, все это время свербевающий где-то внутри, постепенно затихал, пока не исчез совсем, и на улицу она вышла лишенная каких бы то ни было колебаний. Для начала Ольга прошла к ближайшему газетному ларьку, купить карту города. Когда блестящий, пахнувший свежей краской буклет оказался в руках, она

присела на скамью, всмотрелась в хитросплетение улочек. Через десять минут просмотра нужная улица была найдена, а еще через пять Ольга шла к остановке, на ходу обсчитывая, как быстрее добраться до места.

Чуда не произошло, улочка расположилась в одном из отдаленных районов города, к тому же в частном секторе, и чтобы доехать до места предстояло сменить два, а то и три маршрута. Истратив час времени и сменив четыре автобуса, Ольга оказалась на месте. Побродив по изухабленным, заваленным мусором и грязью, извилистым дорожкам частного сектора, Ольга вышла к искомой улице. Покосившиеся, серые заборы, неказистые домики... Стараясь не поскользнуться на обледенелых краях луж, Ольга двинулась вдоль улицы, провожаемая озлобленными лаем собак.

Увидев нужный номер, Ольга остановилась у калитки, несколько раз с силой стукнула. Ответа не последовало. Ольга постучала еще, нахмурилась. Забраться на край света и «поцеловаться» с дверью представлялось не лучшим результатом. Она вновь занесла руку для удара, но, мгновение поразмыслив, опустила. Приподнявшись на цыпочки, Ольга заглянула за забор: снег во дворе истоптан, но собачьих следов нет. Калитка заперта на щеколду, стоит лишь протянуть руку, и...

С сухим треском щеколда отъехала в сторону. Распахнув калитку, Ольга быстро вошла во дворик, задвинув щеколду, шагнула к дому. Лилея смутную надежду, что, увлеченная делом, хозяйка не слышала стука, она постучала в дверь, но, как и ранее, ответа не последовало. В досаде Ольга закусил губу. Уйти сейчас, чтобы вернуться позже, потеряв несколько драгоценных дней, и не факт, что хозяйка появится. Не факт, что она вообще тут живет, а не переехала, умерла, или вовсе продала дом каким-нибудь любителям сельского воздуха и ручного труда.

На часть вопросов можно было ответить лишь попав внутрь, и Ольга принялась осматриваться, размышляя, как проще попасть в дом без лишнего шума. Слуха коснулся звук: чуть слышный, на который другой человек бы и вовсе не обратил внимания, но только не она. Сделав вид, что собирается уходить, Ольга напряглась, до звона в висках вслушиваясь в пространство. Вновь звук. Чуть громче, но по-прежнему на пределе слуха.

Уверившись, что слух не обманывает, Ольга повернулась, шагнув к двери, сказала:

— Я знаю, что ты здесь, открывай. — Не получив ответа, добавила с нажимом: — Открывай, я все равно не уйду. Если не откроешь, войду сама. Поверь на слово, мне не составит трудности.

Ольга уже засомневалась, что действительно что-то слышала, когда внутри скрипнуло. С грохотом отодвинулся засов, и дверь отворилась. В проеме обозначилась хозяйка. Здоровенная девица в безразмерной сорочке с разлохмаченными волосами и помятым лицом. Мощная, как у мужчины, челюсть, широкие скулы, далеко выступающие надбровные дуги, под защитой которых, словно из бойниц, колюче смотрят глаза. Короткий ершик волос на макушке распушился непослушной порослью. Девица окинула гостью оценивающим взглядом, спросила низким голосом:

— Кто ты, и что надо?

— Власова Анна?

— Она самая, что нужно?

Ольга ответила острым взглядом, бросила:

— Кто я — не важно, нужно поговорить.

— Мне не нужно.

Дверь начала затворяться. Ольга двинула ногой, вбив сапог в сужающуюся с каждым мгновением щель, отчего дверь встала, сказала сухо:

— Я настаиваю.

Хозяйка значительно превосходила массой и ростом, но спорить не стала, лишь недобро сверкнув глазами, произнесла:

— Ладно, заходи.

Девушка отвернулась, исчезла в глубине дома. Ольга шагнула следом, затворив за собой дверь, разулась, сняла пальто, осмотрев прихожую, пошла дальше, двигаясь как можно более неспешно. Скрывая за показной вальяжностью настороженность, она внимательно осматривала интерьер, и ловила малейшие звуки. Дом казался ничем не примечательным, ни посторонних людей, ни признаков оружия, да и хозяйка, если вдуматься, показалась вполне обычной девушкой, разве что с излишне грубыми чертами лица и крупной комплекцией. Однако, ощущение опасности, возникшее, едва Ольга ступила через порог, не проходило.

Не то сказались события последних дней, не то дело шло к месячным, когда любая женщина становится неуравновешенной, раздражаясь по мелочам, но Ольга ощущала, как по спине, раз за разом, разбегаются крупные мурашки, а мелкие волоски на теле встают дыбом, как у ощутившего угрозу дикого зверя. Ко всему прочему в доме висел какой-то смутно знакомый, приторный запах. Ольга некоторое время пыталась вспомнить, где именно ощущала подобное, но в этот момент она зашла в комнату, и мысль, так и не оформившись, исчезла.

Просторная комната с двумя оконцами, вдоль одной стены шкафчик с посудой, возле другой тумба, в центре, ближе к окну, заставленный кухонной утварью стол, в углу русская печь, отгороженные чугунной дверцей, чуть слышно потрескивают уголья. Хозяйка стоит возле. Судя по равномерным движениям и разлитому возле печи пряному запаху пищи, что-то готовит.

Не поворачиваясь, хозяйка бросила:

— Есть будешь?

На мгновение оторопев, Ольга помялась, сказала с запинкой:

— Не откажусь.

— Садись. — Взмах руки в сторону стола.

Помедлив, Ольга двинулась через комнату, размышляя, в какой момент, и как именно, лучше начать беседу. На полу блеснуло. Скосив глаза, Ольга отметила отполированное частыми прикосновениями кольцо, служащее ручкой крышки погреба. Уже готовая коснуться пола, нога зависла, сдвинулась немного в сторону, чуть-чуть, так, чтобы вес тела случайно не пришелся на крышку.

Ольга подошла к столу, присев на один из стульев, осмотрелась. Не смотря на продуманный интерьер и чистоту, возникло стойкое впечатление — дом не жилой. Словно хозяйка бывает тут изредка, поддерживает чистоту, топит печь, и вновь уходит. А быть может это только кажется, избалованное привычным уютom городской квартиры сознание видит лишь то, что хочется? И этот запах, что не в силах перебить даже аромат пищи. Запах наполняет ноздри, щекочет горло, вызывая спазмы в желудке, так что возникает желание поскорее закончить дело, чтобы выйти на свежий воздух.

Отрывая от размышлений, скрипнули половицы. Хозяйка приблизилась, поставила на стол глубокую миску с кусочками мяса и горкой гречневой каши, сказала просто:

— Угощайся.

Ольга поблагодарила кивком, вооружившись ложкой, зачерпнула. Предложенная пища оказалась вкусной, хоть и недосоленной, и Ольга с удовольствием проглотила порцию, зачерпнув еще одну, сказала с чувством:

— Очень вкусно.

Девушка села напротив, почти минуту сидела молча, едва заметно покачиваясь, словно в трансе, наконец поинтересовалась:

— Зачем ты пришла?

Неспешно жуя, Ольга произнесла:

— Один человек назвал мне твое имя. Это было бы совсем не важно, если бы не обстоятельства...

Опуская ненужные детали, она коротко пересказала сложившиеся с полицейским «отношения». О слежке, о постоянном давлении, о неприятных намеках и чрезмерную информированность. Рассказывая, Ольга незаметно наблюдала за реакцией собеседницы. Однако та словно бы не слышала, продолжала сидеть с отстраненным видом, все также покачиваясь. Могло показаться, хозяйка дома погрузилась глубоко в мысли, и не воспринимает сказанное, если бы не взгляд. Пронзительный и тяжелый, взгляд давил и гипнотизировал, будто за столом, напротив, сидела вовсе не девушка, а змея, каким-то невероятным образом принявшая человеческое обличье.

Выслушав, хозяйка дома спросила голосом столь же отстраненным, как и выражение лица:

— И что ты хочешь?

Ольга подалась вперед, сказала проникновенно:

— Я хочу понять, что происходит. Помочь себе, и... тебе.

Собеседница вздохнула, поправила волосы, отчего ткань рукава сползла, на мгновение обнажив руку. Ольга поразились оплетающим предплечье могучим мышцам, какие бывают у тяжелоатлетов, или у людей, чья профессия требует тяжелого ручного труда.

— Мне не нужна помощь, — пророкотала хозяйка.

— Ты не понимаешь, они же не отступят! — воскликнула Ольга, раздраженная непонятливостью собеседницы.

— Мне не нужна помощь!

В голосе хозяйки послышалась угроза, далекая, как зарождающийся камнепад, но столь же устрашающая. Ольга закусил губу. Похоже, эта девушка ничего не понимает, или, запуганная «доброжелателями», что наверняка не раз угрожали, а быть может и наведывались, решила все отрицать? Если бы собеседница сказала напрямую, что знает, пусть даже это будут крупницы информации, можно было бы обсудить, придумать какой-то план. Но она молчит! Как заставить говорить запуганного человека: силой, хитростью?

Хозяйка дома неожиданно встала, направилась к входу соседнюю комнату. Продолжая напряженно размышлять, Ольга проводила ее глазами, подспудно удивляясь крайней сутулости и тяжелой походке девушки. Тяжелой в прямом смысле слова. Под ступнями незнакомки половицы жалобно трещали, будто по ним шла не девушка, а тяжеленный мужик.

Фигура хозяйки скрылась за дверью, послышались непонятные звуки. Зачерпнув еще мяса, Ольга вновь обратила внимание на запах, и, одновременно, взгляд упал на квадрат крышки погреба. Повинуясь наитию, Ольга подалась вперед, уцепившись за кольцо, рванула. Чернильный зев погреба распахнулся жуткой пастью, снизу ударила волна смрада,

захлестнула липкими щупальцами. Борясь с тошнотой, Ольга выхватила из сумочки зеркальце, поймав бьющий в окно лучик солнца, направила импровизированный прожектор вниз.

Луч заскользил по дну, выхватывая какие-то куски и ошметки, пока пляшущие в глазах пятна не сложились в целую картину. Глаза расширились, а ноги ослабели, когда Ольга поняла, что именно она видит.

На дне погребя, наполовину скрытые грудами проросшей картошки, лежат куски людей. Отделенные от тел, белесыми корневищами топорщатся ноги, растопыренными крючьями торчат пальцы рук, застывшим вихром вздыбились волосы на чьей-то голове. Почти целые и не очень, с ободранной кожей и дочиста срезанным мясом, куски тел замерли в жутком беспорядке, образуя inferнальную мозаику. Вот торчат гребнем чьи-то выскобленные до белизны ребра, а там скалит зубы в усмешке череп, кожа на лице отсутствует, но ухоженные при жизни, волосы сохранили блеск.

Желудок рванулся в спазме, извергая содержимое, полупереваренная пища выплеснулась разноцветным потоком, унеслась вниз. Могильная яма погребя ответила новой волной вони. Чувствуя, что еще немного, и она потеряет сознание, и, лишившись сил, провалится в этот импровизированный ад, Ольга захлопнула крышку, отпрянула, желая оказаться как можно дальше от жуткого могильника.

Скрип половиц донесся пугающим эхом. Внезапно захотелось броситься на пол, вжаться в доски так, чтобы слиться с поверхностью в единое целое. Реагируя на импульс, Ольга расслабила мышцы, упала, больно приложившись лицом, но, прежде чем тело коснулось поверхности, над головой зло взвыло, раздался хряск. Осознание происходящего пришло изнутри, мгновенное и абсолютное, но, вечно сомневающемуся, рассудку понадобилось время. Перекатываясь в сторону, и, пытаясь ухватить противника взглядом, Ольга потеряла драгоценные мгновения, отчего едва не лишилась руки.

В доски, на уровне предплечья, с угрожающим гулом вонзилась полоса металла, прихватив кусочек кожи. Зашипев, как рассерженный кот, Ольга подхватила, взлетела на ноги, выворачивая тело так, чтобы оказаться лицом к врагу. Картинка дернулась, смазавшись на долю секунды, обрела четкость. В двух шагах, напротив, возвышается фигура девушки, но, за прошедшую минуту, хозяйка дома разительно изменилась. Плечи расправились, отчего девушка стала ощутимо больше, с лица исчезло выражение тупого безразличия, сменившись яростью, а в глазах зажегся огонек безумия.

Окинув взглядом противницу, Ольга ощутила трепет. Девушка выше почти на голову, и значительно шире в плечах. В кулаке, больше похожий на меч, зажат тесак, что сводит и без того мизерные шансы на победу на нет. Остается уповать лишь на то, что хозяйка дома не владеет азами боя с холодным оружием. Иначе можно сразу прыгать в гостеприимно распахнутое чрево погребя, в надежде сломать себе шею прежде, чем нож маньячки коснется тела.

Это лишь в фильмах герои лихо уворачиваются от мечей, умудряясь не только остаться невредимыми, но еще и победить противника его же оружием. В реальности совсем не так. И инструктор по фехтованию, чье лицо мелькнуло в потоке мыслей, не уставал это повторять, раз за разом вдалбливая в головы подопечных простую мысль: — если у противника нож, а у вас пустые руки — не бойтесь показать трусом, бегите. Но, если выхода нет — сражайтесь. И он показывал, как именно нужно сражаться, с потом и кровью вбивая в тела учениц спасительные навыки.

Воспоминания промелькнули и угасли, вытесненные действительностью. Фигура противницы шевельнулась. Свистнул нож, взметнувшись с такой силой, что, не будь Ольга готова, на этом бы все и закончилось. Противница ударила грубо, без экзотики, что не могло

не радовать. Ольга без особого труда увернулась, просто отклонившись назад. Второй удар также не нашел цели. По всей видимости, холодным оружием хозяйка дома не владела, что, впрочем, компенсировалось невероятной мощью, отчего, при каждом движении, полоса стали исчезала, издавая тихий свист, и появлялась уже в новом месте.

Уворот. Тело изгибается, уходя от смертоносной стали. Еще уворот. В спине предательски щелкает, а в животе отдается болью. Подобные игры хороши на открытом воздухе, когда достаточно свободного места для маневра. Можно легко отскочить, броситься в сторону, не опасаясь споткнуться, или, не заметив, удариться о стену. В этом случае навыки позволяют успешно сдерживать атаку превосходящего оружием, но не умением, врага. Здесь, в замкнутом помещении, мешает все. Приходится рассеивать внимание, удерживая в фокусе одновременно множество вещей. В результате преимущество падает, а энергозатраты возрастают неимоверно.

Удар. Нога с силой выстреливает, целя противнице в корпус. Однако, та даже не шатается, словно, мгновение назад, в ребра попал не поставленный удар подготовленного бойца, а ткнулся кулачок ребенка. И вновь прыжок. Уворот. Справа, грозя подножкой, скособочился табурет, слева угрожающей тенью надвинулась стена, а в шаге впереди чернеет распахнутый зев погребца.

Сердце бьется обезумевшей птицей, разгоняет кровь по мышцам, что работают на пределе сил. В глазах мечутся тени, то рассыпаясь в разноцветный калейдоскоп, то вновь складываясь в целые фигуры. Рукав стремительно темнеет. Похоже, один из ударов все же достиг цели, слегка зацепив кожу. Боли нет, она появится позже, когда спадет запал боя, и появится время спокойно оценить ущерб. Но, чтобы это время появилось, придется постараться.

Рывок. Уходя с траектории удара, тело рвется в сторону, заходя за спину противнице. Кулаки бьют в тело врага: раз, другой. Не важно, что удары мимолетны, а противница почти не реагирует. Даже самый могучий враг имеет предел прочности. Нужно лишь бить, бить, бить, пока повреждения не накопятся в необходимом количестве, чтобы титан замедлился, утратил прыть. После чего, выбрав удачный момент, нужно нанести решающий удар. Лишь бы хватило сил, иначе...

Удар. Рывок. Уворот. Удар. Костяшки пальцев немеют, кожа на локтях зудит от непрерывного соприкосновения с врагом. Мысли смазываются, растягиваясь в бесконечную вязкую ленту, не в силах успеть за безумным темпом боя. Удар. Удар. Удар. Сколько можно? Ведь это всего лишь девушка! Ни раздутый от штанги и анаболиков качок, ни закаленный боями рукопашник. Но почему так тяжело? Почему даже удары по уязвимым точкам не приносят результата?

Движения все медленнее, а удары слабее. Еще немного, и сталь вопьется в тело, разорвет плоть, взметнет веер кровавых ошметков. После чего останется лишь упасть, зажимая холодеющими пальцами рану, а перед угасающим взором замаячит торжествующее лицо врага.

В отчаянье от безрезультатности попыток, Ольга откачнулась, уходя от очередного тычка в живот, рванулась в сторону и вниз, что есть сил ударила по ногам. Подсечка удалась. Девушка покачнулась, ненадолго потеряв равновесие. Не упуская мгновение, Ольга взлетела, оттолкнувшись от пола всеми конечностями, ударила плечом, сбивая с ног. Хозяйка дома отступила, замахала руками, пытаясь удержаться, но, запнулась, рухнула в распахнутый зев погребца. Над поверхностью пола остались лишь руки. Выставленные в стороны, они

заскребли по половицам, пытаясь зацепиться, удержать тело от падения, но, бессильные, сорвались, исчезли следом за владелицей. Раздался гулкий звук падения, и все стихло.

Тяжело дыша, Ольга опустилась на пол, заглянула вниз, но в чернильной тьме погреба глаз не в силах различить деталей, лишь бесформенные, искаженные до неузнаваемости силуэты, напряженной работой сознания превращенные в неведомых чудовищ. В глубине погреба завозилось, донесся протяжный стон, исполненный такой ненависти и боли, что Ольга содрогнулась.

Ярость боя еще тлеет в груди, и положение противницы воспринимается как должное. Поднявший меч от меча и погибнет. Только почему вдруг защемило сердце? Будто стонет не враг, минутой раньше пытавшийся лишить ее жизни, а несчастное существо, слабое и беспомощное, волей судьбы обреченное на жуткую мучительную смерть.

Ольга тряхнула головой, отбрасывая наваждение, поспешно поднялась, повернулась, ощущая сильнейшее желание уйти. Но стон повторился: жалобный, обреченный, исполненный безнадежности. Шаг, другой. Дверь все ближе. Еще немного, и проклятое место останется позади, вместе с жуткой, нечеловеческой хозяйкой. Уйти, захлопнуть дверь, выбросить из мыслей, словно и не было тяжелой схватки.

И вновь стон. Едва слышный, как будто вместе со звуком страдальца теряет последние жизненные силы. Пальцы тянутся к дверной ручке, но останавливаются, так и не коснувшись. В груди на мгновение остро вспыхивает ненависть, на себя, за бессилие уйти, хотя это единственный правильный выход, на жуткую хозяйку дома, что продолжает стонать, будто из глубины погреба видит колебания гости, на проклятый мир, где раз за разом приходится совершать мучительный выбор, и нет возможности вести спокойную безмятежную жизнь.

Ольга развернулась, стремительно подошла к отверстию, взглянула вниз. Незамеченная в прошлый раз, во тьме обозначилась приставленная к стене деревянная лестница. Верхняя ступенька лишь немногим ниже уровня пола, за ней идет вторая, остальные теряются во мгле. Что ж, тем лучше. Не придется мучиться с веревкой. Хотя, вытащить на себе тело хозяйки дома даже при помощи лестницы будет занятием не из легких.

Ольга осмотрелась, шагнула к выключателю. Щелчок. Комната озарилась желтоватым светом висящей под потолком, засиженной мухами лампы. Ольга подошла к краю, свесив ноги, нащупала ступеньку, подстраховывая себя руками, попрыгала, проверяя крепость. Ступенька даже не скрипнула. Удовлетворенная, она принялась спускаться.

Земляные стены окружают плотным кольцом, растут, отдаляя от внешнего мира. Заметно темнеет. Даже при льющихся с потолка потоках света вокруг царит полумрак, так что не хочется думать, что произойдет, если внезапно перегорит лампа. Запах становится все сильнее, в носу першит, а на глаза наворачиваются слезы. Лестница кажется бесконечной. Сколько еще спускаться!?

Нога натывается на мягкое, нащупав опору, утверждает на поверхности. Вот и «подножье мира». Готовясь к жуткому зрелищу, Ольга замедленно повернулась, Окинула взглядом комнатку. Однако, не все так страшно. То, что сверху показалось кусками человечины, на деле месиво из останков кошек и собак. Хотя, если приглядеться...

Ольга закусила губу, отрываясь от психоделического зрелища гниющих кусков, устремила взгляд на середину площадки, где, наполовину погрузившись в грязь, застыла бывшая противница, а ныне беспомощная хозяйка дома. Грудь чуть заметно вздымается, глаза открыты, по лицу то и дело пробегает судорога, что значит, девушка еще жива. Однако

ноги неестественно заломлены, и вся нижняя часть тела подозрительно недвижима. По всей видимости, неудачно упав, девушка повредила позвоночник.

Ольга нагнулась над телом, всмотрелась в лицо, побледневшее от шока. Губы девушки шевельнулись, произнеся нечто едва слышимое. Ольга нагнулась, пытаясь разобрать. И в этот момент глаза хозяйки дома повернулись, пронзив пылающим взглядом. Из глазниц противницы плеснуло такой ненавистью, что Ольга вздрогнула, но, прежде чем успела отшатнуться, правая рука девушки взметнулась, мертвой хваткой сдавила горло.

Ольга вцепилась в руку, пытаясь освободить горло, рванула. Однако, пальцы девушки оказались подобны металлу, не сдвинулись ни на миллиметр. Ольга напряглась, потянула что есть сил, чувствуя, как в голове начинает пульсировать, а перед глазами плывет от недостатка кислорода.

Противница сильна до невозможности. Сил обеих рук не хватает, чтобы разжать тиски пальцев. И ведь это всего одна рука! Счастье, что вторая повреждена, иначе все было бы кончено. Но даже так силы не равны. Искалеченный, однорукий полутруп, не взирая на сопротивление, упорно тащит за собой в царство мертвых. Еще немного, и сознание погаснет, а тело расслабится, упадет. Живая на мертвой, мертвая на живой.

В груди расплывается холодок предвосхищения неминуемой смерти, мысли панически мечутся, не в силах выстроить логическую цепь. В груди зарождается мутная волна, вздымается темной тенью. Разум отступает, а на его место, из глубины, выдвигается нечто хищное, нечеловеческое в своей сути, древнее как мир. Нижняя челюсть угрожающе выдвигается, верхняя губа приподнимается, обнажая клыки, лицо искажается так, что сводит мышцы, превращаясь в жуткую личину вышедшего из неведомых глубин беспощадного зверя.

Рука взметнулась. Пальцы согнулись крючьями. Рывок. Рука устремляется к шее врага, где, столь привлекательная, пульсирует тоненькая жилка. Захват. Словно металлические крючья, пальцы проминают плоть, впиваются мышцы, ломают хрящи. Рывок! Зажатые в кулаке ошметки плоти взмывают в кровавых каплях, по руке течет теплое, а из развороченной раны на шее струится алый ручеек, наполняя воздух пьянящим запахом победы.

Выплескивая ярость, из груди рванулся крик. В ушах зазвенело. Из ноздрей, не выдержав напряжения, хлынули струйки крови, смешались с кровью врага, образовав черную лужицу. Ольга выгнулась, застыла, невидяще глядя в светлый проем наверху, лишенная мыслей, опустошенная, недвижимая, как остывающий труп под ногами.

Начали возвращаться чувства. Заныло ушибленное колено, зазудел разрез на плече, ноги ощутили холод. Вслед за чувствами пришли мысли. Ольга опустила голову, всмотрелась в побелевшее лицо хозяйки дома, перевела взгляд ниже. От борьбы сорочка порвалась, обнажив руку. Ольга несколько секунд всматривалась, затем вскочила, рванула сорочку. Ткань затрещала, подалась. Ольга жадно зашарила глазами по телу, не в силах оторваться.

Рубцы. Множество рубцов по всему телу. Тонкие и не очень, аккуратные и грубые, разбросанные где попало, рубцы покрывают всю поверхность кожи. В возбуждении Ольга принялась обследовать собственные руки, трясущимися пальцами растегнула рубаху, лихорадочно осмотрелась. Из груди вырвался невольный стон. Все то же самое. Множество едва заметных рубцов.

Голова закружилась от мыслей. Догадки, одна другой страшнее, замелькали перед внутренним взором. Мозг раскалился от тщетных попыток отыскать внятное объяснение. Ольга нетерпеливо вскочила, взлетела по лестнице, рывком захлопнула крышку. Впервые за

долгое время появилась надежда понять, что же произошло этим летом, восполнить образовавшийся в памяти двухмесячный провал, раскрыть тайну покрывших тело шрамов. И содержимое погребца на этом фоне отошло далеко на задний план. Пусть даже в мерзлой тьме под ногами покоится половина жителей микрорайона, это уже не важно.

Она забегала по дому, распахивая шкафчики, переворачивая ковры, отодвигая диваны. Что именно должна найти, Ольга не представляла, но отчего-то чувствовала стойкую уверенность — что-то должно быть. Ну не бывает подобных совпадений! Сказанное полицейским единственное имя, бой с хозяйкой дома, спонтанное решение вернуться, когда, казалось бы, уже не зачем, финальная схватка и... в качестве награды за усилия — знак!

Ольга продолжала метаться, разбрасывая, разламывая, сдвигая. Пол покрылся грудями вещей, под ногами хрустят осколки посуды. Распахнутые настели, шкафы зияют опустевшими полками. И по-прежнему ничего. Ни намека! Чувствуя, что надежда начинает испаряться, Ольга зарычала, со злостью рванула дверцу незамеченной ранее тумбочки.

Хрустнуло. Не выдержав рывка, дверца отлетела. Освобожденные, по доскам весело запрыгали баночки с лекарствами. Одна из баночек треснула, яркими каплями раскатились шарики-таблетки. Ольга присела, выгребла коробки с пилюлями и пакетики лекарств, без интереса взглянув на груды упаковок, отвела взгляд, но некое несоответствие заставило повернуться вновь, всмотреться внимательнее.

Глаза прикипели к одной из картонных коробочек. Ольга протянула руку, поднесла коробочку к глазам, чувствуя, как заколотилось сердце, всмотрелась в мелкую вязь латинских букв на упаковке, затем открыла, высыпала содержимое. На ладонь с тихим звоном выкатились ампулы... Редкое лекарство, созданное в закрытой лаборатории для помощи военным, полученное по секретным каналам и выданные доктором под слово о неразглашении. Препарат, початая пачка которого до сих пор лежит в глубине бельевого шкафа, заставленная коробочками с аминокислотами и мешочками с протеинами.

Из груди вырвался вздох облегчения. Ольга встала, прошла по комнате, ощущая, как губы растягиваются в невольной улыбке. И все-таки зацепка найдена! Теперь дело за малым. Пройти по обнаруженной ниточке до нужной фигуры. Вполне возможно, что след оборвется, или окажется неверным. Но пока не стоит загадывать. Ведь, прежде, чем делать выводы, будут заданы вопросы и получены ответы. Обязательно получены. Ведь если ответа нет, значит вопрос задан не в той форме. А уж форму она постарается подобрать достойную.

Улыбка переросла в оскал, а глаза полыхнули огнем, когда Ольга устремилась к выходу. Рука уже коснулась двери, когда внимание привлек негромкий гул. Подброшенные хозяйкой, в печи наконец-то занялись угли. Ольга подошла ближе, распахнув дверцу, некоторое время смотрела на игру пламени. Налюбовавшись, она взяла кочергу, выгребла алые от жара куски на пол, отчего краска на половицах тут же начала вспучиваться и шипеть, а сами доски исходит черным дымом, после чего, не оглядываясь, покинула дом.

Телефон по-прежнему не отвечал и Ольга в досаде убрала мобильник. Сейчас как никогда уместно поговорить с Владимиром, расспросить, как давно знает врача, не замечал ли чего подозрительного, рассказать о возникших подозрениях, спросить совета. Но, не один раз оказывавший помощь, товарищ не отзывался.

Уже подъезжая к нужной остановке, Ольга сменила планы. Идея незамедлительно заявиться к врачу перестала казаться хорошей. Сумбур в мыслях не позволит задать верные вопросы, а бушующие в груди чувства отвлекут. Вместо того, чтобы наблюдать за малейшими изменениями в лице и поведении собеседника, что скажут намного больше любых слов, внимание сосредоточится на себе. Нужно остыть, успокоиться. Голова должна быть холодной, а руки послушными, чтобы не дрогнуть, если собеседник вдруг проявит упорство, и не захочет отвечать, или попытается скрыться. Да и лишние свидетели, ожидающие очереди в приемной, совсем не к стати.

Гуляя по городу, Ольга терпеливо дожидалась вечера. Исходив вдоль и поперек ближайšie скверы, она зашла в беляшную. Утолив голод горячими, только что приготовленными беляшами, Ольга двинулась дальше. На глаза попался ювелирный магазин. Едва за спиной затворилась дверь, отрезая от холодной, шумной улицы, внешний мир исчез. Секунду назад казавшиеся важными, дела отступили, а мысли рассыпались, из стройных логических цепочек разом превратившись в груды блестящих разноцветных осколков, отражающих искры драгоценных камней.

Прикрытые от пыли и жадных рук толстым стеклом витрины, весело искрятся камни, словно сотни глаз, подмигивают призывно. Выложенные на кусочках бархата, тускло желтеют кольца, большие и маленькие, толстые, почти в палец, и ажурные, будто сотканые из шелка. Тяжелые, словно и не драгоценности, а элементы древних рыцарских доспехов, широченные браслеты поражают массивными размерами.

Застывшими ручьями переливаются цепочки: белые, желтые, голубоватые. Замысловатые переплетения ожерелий с вкраплениями кроваво-красных камней сменяются угловатыми гранями печаток. Особняком выставлены кольца: круглые и овальные, с мельчайшими, едва заметными точками бриллиантов, и чудовищными ядовито-зелеными изумрудами. Кольца расположены так, будто кто-то сыпанул щедрой рукой, почти не глядя. Но за видимым беспорядком кроется кропотливый труд. В хаосе общей массы каждое изделие лежит особняком, так что даже мимолетный взгляд легко выхватывает указанный ценник, массу, пробу...

Словно попав в сказку, Ольга неторопливо бродила, останавливаясь возле витрин, подолгу вглядывалась в призывный блеск драгоценностей. В детском непосредственном желании, руки невольно тянутся взять прекрасное, поднести поближе, осмотреть все-все, чтобы не остался незамеченным ни единый, наложенный мастером, завиток.

Покинув магазин, Ольга некоторое время двигалась в забытии, однако, следующая витрина вернула к жизни, пробудила очередной всплеск внимания. За подернутым инеем огромным стеклом выставка нижнего белья. Трусики и бюстгалтеры, сорочки и пеньюары. Невесомое, полупрозрачное, белье вызывает сильнейшее желание осмотреть, потрогать, примерить. Ощущая душевный подъем, Ольга устремилась в магазин. В сумочке, грея присутствием, ждали очереди оставшиеся с зарплаты деньги.

Разохотившись, Ольга пошла по магазинам, благо, для того, чтобы перейти из одного в другой, хватало десятка шагов. Неторопливо двигаясь от одной витрины к другой, осматривая, ощупывая, оценивая бесконечные товары, Ольга так увлеклась, что спохватилась, лишь когда стемнело, а вывески призывно засверкали оставшимися с праздника гирляндами.

С трудом оторвав взгляд от очередной витрины, Ольга двинулась вдоль дороги, высматривая ближайший светофор. В конгломерат уличных запахов вкрались сладкие нотки, усилились, набрали мощь. Стараясь не смотреть в сторону витрин, Ольга продолжала упорно идти, когда из ближайшего кафе выпорхнула стайка девушек. Радостно вереща, девушки удалились, а секундой спустя запах накрыл волной. Шоколад и ваниль, жареные орешки и бисквиты. Казалось, в воздухе разом растворили целый кондитерский отдел. Ощущая голодные спазмы, Ольга пошла, а затем и побежала, спасаясь от сладкой напасти.

Вскоре попался и светофор. Миновав переход, Ольга некоторое время шла вдоль дороги, затем, сокращая путь, свернула во дворы и вскоре стояла напротив знакомой вывески. Доктор на вывеске по-прежнему смотрел ласково, только его улыбка как будто поблекла. Недобро улыбнувшись фотографии, Ольга зашла в клинику.

Небольшой холл, слабый запах лекарств, льющийся от абажуров приглушенный свет создают атмосферу уюта. Разложенные на журнальном столике, возле диванчика, журналы приковывают внимание, отвлекая от невеселых мыслей и успокаивая пациентов. Уютно, спокойно, умиротворяюще. За прозрачным стеклом регистратуры пусто, пользуясь отсутствием клиентов, медсестра отлучилась по своим делам. Отлучилась ненадолго, но очень вовремя.

Окинув холл пристальным взглядом, Ольга прошла в сторону кабинета. Где-то приглушенно вещает телевизор, доносятся неразборчивые голоса. В коридоре никого нет. Пациенты уже закончились, а медперсонал досиживает последние минуты по кабинетам. Сердце бьется все сильнее, а грудь вздымается чаще. Впереди, совсем рядом, кроется разгадка, и сдерживать шаг, чтобы не припустить бегом, словно исполненный любопытства ребенок, становится все сложнее.

А вот и нужная дверь. Рука резко взлетает, но, гася размах, лишь стучит негромко.

— Да, да, войдите.

Голос врача спокоен и мягок, как всегда. Изменится ли он, когда придет время отвечать на вопросы?

Ольга зашла, затворив за собой дверь, прошла через комнату, под удивленным взглядом врача открыла сумочку, скупым движением извлекла коробку с препаратом, бросила на стол, сказала сухо:

— Мне нужна информация, кому еще, кроме меня, и в связи с чем, вы выдавали это лекарство.

Врач некоторое время переводил непонимающий взгляд с гостьи на коробочку и обратно, сказал с запинкой:

— Прошу прощения, возможно, я не очень хорошо понял, что вы хотите? — Нахмурившись, добавил: — К тому же, почему вы в верхней одежде и без бахил?

Ольга подвинула стул, присев, положила ногу на ногу, сказала холодно:

— Вопросы буду задавать я. Отвечайте, и постарайтесь не отвлекаться на малозначимые детали.

— Чистота помещения — малозначимая деталь?! — с негодованием воскликнул врач.

Ольга растянула губы в недоброй улыбке, сказала глухо:

— По сравнению с жизнью любая деталь малозначима. — Не давая собеседнику опомниться, спросила с нажимом: — Повторяю вопрос — кому еще, и в каких целях, вы выдавали это лекарство?

Врач попятился. На его лице, обычно приветливом, обозначилась строгость. Нахмутив брови, он решительно двинулся в сторону двери, бормоча:

— Неслыханная наглость! Видимо, без охраны не обойдется...

Он не договорил. Привстав со стула, Ольга сделала подсечку. Врач повалился на пол, с силой приложившись локтями, охнул. Глядя, как доктор, согнувшись от боли, вяло перебирает конечностями, Ольга произнесла как ни в чем не бывало:

— Итак, продолжим беседу. Кому вы давали препарат? В каких целях?

Доктор с трудом сел, повернув лицо, перекошенное от боли и недоумения, прошептал:

— За что? Я, правда, не понимаю...

Ольга мгновение вглядывалась в лицо собеседника. Дрожащие губы, расширенные в ужасе глаза, капли пота на висках. Несчастливая жертва безумного пациента, каких часто изображают в фильмах ужасов. Но что-то не вписывается в картину, немного, совсем чуть-чуть, выпадает из созданного образа, отчего иллюзия исходит трещинами, осыпается, под маской агнца, обнажая алчущие крови клыки матерого хищника. Не то чересчур пристальный, совсем не испуганный взгляд, не то излишне расслабленная поза, как у хорошего дрессировщика, что точно знает, когда успокоится разъяренное животное, а быть может струящийся от фигуры врача запах, едва заметный в густом конгломерате лекарственных ароматов, что совсем не похож на запах страха.

Ольга замедленно обвела глазами кабинет. Взгляд наткнулся на коробочку с мелочами: скрепки, отрывки карандашей, булавки... Ольга протянула руку, ювелирным движением выхватив из коробочки булавку, дважды с силой вонзила в ногу доктору. Тот побледнел, дернулся. Глядя, как рот врача распаивается для крика, Ольга с силой шлепнула ладонью по губам. Голова врача дернулась, глаза расширились, став еще больше. Но действие возымело успех. Крик замер, перехваченный спазмом. Разум оказался сильнее, подавив естественную реакцию на боль, опасаясь еще большей боли.

Чувствуя будоражащий кураж, Ольга произнесла зловеще:

— Повторять вопрос больше не буду, полагаю, ты его уже выучил. Но за неправильный ответ буду наказывать. Попробуем еще?

Трясаясь, и прикрываясь руками, врач пролепетал:

— Да-да, я понял. Кому, и для чего... Кому, и для чего...

Глядя, как он суетливо перебирает руками, по-очереди ощупывая лицо и ноги, Ольга сказала зло:

— Ближе к теме. Приведешь себя в порядок позже.

— Да-да, конечно... Позже... — Доктор попытался встать, но на середине движения испуганно замер, попросил: — Позволь, я поднимусь. Пол холоден... да и думать в таком положении тяжело.

Дождавшись одобрительного жеста, он поднялся, доковылял до стула, глядя на расплывающееся по штанине темное пятно, произнес:

— Даже не знаю, с чего начать... Для полноты картины, придется начать издали. Да и обилие медицинской терминологии вовсе не упростит рассказ.

Ольга обронила тяжело:

— Короче и доходчивее. Не стоит тратить драгоценное время на пустые объяснения.

Доктор закивал, сказал подобострастно:

— Конечно-конечно. Я и сам, признаться... М-да. Если коротко, то... — Он помялся, и вдруг выпалил единым духом: — Мне выдали лекарства и список людей, кому нужно «прописать».

Ольга изогнула бровь, спросила с удивлением:

— Что значит выдали?

Услышав в ее голосе недоверие, доктор поспешил объяснить.

— Один человек, которому я многим обязан... В общем, не углубляясь в детали... Этот человек велел мне прописать и выдать лекарства нескольким людям.

— Что за люди? — поинтересовалась Ольга строго.

— Обычные люди. — Доктор пожал плечами.

Ольга нахмурилась, сказала с подозрением:

— С трудом верится, что врач со стажем не заметил отличительных черт.

Доктор поморщился, сказал с досадой:

— Не велика выборка, чтобы быть репрезентативной...

Он поспешно оборвал себя, но Ольга произнесла понимающе:

— Ясно. Десяток, может чуть больше. Но все же рекомендую подумать.

Она не надеялась на ответ, но врач буркнул:

— Сложно сравнивать, когда перед тобой люди из разных социальных слоев, с разной конституцией, да еще и не одного пола. Разве фигуры... — Перехватив заинтересованный взгляд, объяснил: — Я их особо не разглядывал, но создалось впечатление, что людей набрали из спортивных команд. Ни капли жира, зато мышечный каркас неплох, если не сказать больше.

Ольга задумалась, перед лицом встала фигура жуткой хозяйки дома, сказала с запинкой:

— Это похоже на правду. Хотя... не скажу, что особо напоминаю атлета, а ведь я тоже была в том списке...

Доктор фыркнул, сказал неожиданно зло:

— Ты в зеркало давно смотрела?

— А в чем дело? — Ольга оторопела от напора.

— Тобой стены пробивать можно! — хмыкнул доктор. — Даром что мелкая. Кость хрупкая, но спорю, но форме позавидуют многие.

Чувствуя себя польщенной, Ольга произнесла примирительно:

— Да, да, согласна. Ходила пару-тройку раз в спортзал, штангу поднимала. Но это я. А остальные? Вам исключительно бодибилдеров приводили?

Невольно, она вновь перешла на «вы». Доктор заметил перемену в поведении собеседницы, в его глазах на мгновение мелькнули победные искры, но тут же исчезли, уступив место озабоченности. Нахмурившись, он отрезал:

— Не знаю, не спрашивал. Говорю, что видел. И вообще, если это все, что ты хотела узнать, предлагаю распрощаться. Мне еще домой ехать, а перед тем ногу обрабатывать.

Ощувив укол совести, Ольга воскликнула:

— Но, как вы могли назначить людям совершенно неизвестное лекарство?!

Доктор дернул щекой, сказал с укоризной:

— Милочка, ты вообще в курсе, что подавляющее большинство препаратов фарминдустрии весьма сомнительны в применении, если не сказать более?

— Но ведь вы врач, вы поклялись помогать людям... — с трудом прошептала Ольга, чувствуя, что слова звучат жалко и неуместно.

Словно маленькому ребенку, доктор сказал терпеливо:

— Да, я врач. Но и врачу нужно кушать. А чтобы кушать, нужно принимать людей, выслушивать жалобы, прописывать лекарства. Что бы там ни казалось со стороны, работа врача тяжелый и неблагодарный труд. Тяжелый, в первую очередь потому, что приходится постоянно общаться с... я даже слов не подберу. — Он встал, взволнованно заходил по комнате, едва заметно прихрамывая на покалеченную ногу. — Те, что круглосуточно пихают в себя еду, разрастаясь во все стороны так, что не проходят в двери, а потом требуют лекарств для похудения. Те, что, в погоне за деньгами, выматывают себя до полнейшего изнеможения, и, едва живые, приползают за таблеточкой для мгновенного возврата сил. Те, что тайком изменяют своим любимым, по быстрому совокупляясь с коллегами по работе на очередной корпоративной вечеринке, а потом прибегают с, кто бы мог подумать! неожиданно возникшими прыщиками и зудом на интимных местах. Это, по твоему, люди? Это животные, уроды, мутанты!

Врач плюхнулся на стул, в досаде забарабанил пальцами по столешнице. Его лицо пошло пятнами, а желваки вздулись. Он беззвучно шевелил губами, словно, замолчав, по-прежнему продолжал говорить с невидимым собеседником, а губы лишь отражали напряженную работу мысли. Затронутая тема оказалась настолько болезненной, что врач забыл о госте, о больной ноге, обо всем на свете, оставшись один на один с мучительными раздумьями.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Ольга произнесла просительно:

— Тогда, прежде чем уйти, последний вопрос. Кто этот человек?

Врач словно не слышал, продолжал сидеть, покачивая головой и барабанил пальцами. Ольга повторила еще. Доктор продолжал сидеть, и Ольга уже хотела повысить голос, когда заметила, что врача бьет крупная дрожь. Она встала, развернула врача за плечо и замерла. Лицо доктора исказилось, глаза выпучились, а челюсть хаотично тряслась. Он захрипел, изо рта потянулась струйка слюны. Со смешанным чувством сочувствия и брезгливости Ольга смотрела, не в силах решить что делать, когда врач сдавленно прохрипел:

— Припадок... У меня бывает, порой... от перенапряжения. Пожалуйста, помощи.

Былая ярость испарилась. Образ врага и противника, каким изначально виделся врач, исчез. На стуле, с трудом удерживая равновесие, сидел постаревший, и очень усталый человек. На изможденном мукой лице застыло выражение смирения, а в глазах, глубоко упрятанная, сквозила надежда, что единственный, оказавшийся рядом в эту тяжелую минуту, человек поможет.

Не в силах вынести взгляд, Ольга произнесла сдавленно:

— Нужно лекарство, где, какое?

Трясущаяся рука указала на шкаф. Раздался сдавленный голос:

— Там... Верхняя полка. В металлической коробке, две ампулы... Такие, темные. Шприцы в столе...

Не слушая далее, Ольга метнулась к шкафчику, распахнула дверцы, зашарила по полке, отыскивая искомое. Вот и металлическая коробка. Десяток ампул. Две крайние из темного, почти черного стекла, стенки украшены мелкими золотистыми надписями. Не читая, Ольга выхватила ампулу, рванулась назад. Шкафчик забит бутылками, картонными коробками с препаратами. Вот и шприцы. Все мелкие, «двушки». Почти два десятка.

Упаковка летит в сторону. Шприц ложится на стол, тонкий и прозрачный. С негромким треском пальцы отламывают головку ампулы. По ноздрям бьет тяжелый, едкий запах. Пока сознание пытается опознать аромат, пальцы надевают иглу, наполняют шприц, возвращаются обратно. Слышится шепот:

— Там же, в шкафчике... синяя коробочка с пилюлями. Пожалуйста... принеси.

Надо, значит надо. Вновь шкафчик. Нужная коробочка синее краешком неба, заставлена массивными металлическими банками почти полностью, нужно достать быстро и аккуратно, чтобы все это хрупкое добро не рухнуло, разбиваясь в мелкое крошево и создавая дикий грохот, что несомненно привлечет персонал. Похоже, доктор не злопамятен, да и не в том состоянии, но все равно придется объясняться, а это совсем не ко времени.

Слуха касается шорох, на границе зрения что-то маячит. Искрой вспыхивает отблеск света на металле. Тело реагирует мгновенно, приводя в движение все мыслимые мышцы. Наклон в сторону, подальше от опасного блеска, и, одновременно, поворот, резкий, так что хрустит в позвоночнике. Защищаясь, руки взлетают крыльями. Привычный жест, каким обычно люди закрываются от опасности. Но это обычные. Пальцы с хлопком смыкаются, захватывая теплое, зрачки замирают, фокусируя смазанную картину.

Холодные, рассудительные глаза. словно рядом, перехваченный за руки, замер робот. Чуть в стороне, слева, холодно поблескивает игла, на кончике застыла янтарная капля, распространяя неприятный запах. Робот напрягся, рука дернулась, сорвавшись, капля унеслась вниз. Секундное замешательство прошло. Картина мира всколыхнулась, будто по поверхности зеркала пронеслась волна, осыпалась почерневшими блестками, обнажив жестокую сердцевину, где нет места возвышенным чувствам, а балом правят сила и коварство. Напротив, затвердев лицом, стоит хищник. Матерый, опытный, легко обманувший противника, но ошибившийся в самом конце, когда победа была так близка.

Пальцы охватили кисть врага, не позволяя выпустить шприц, сдавили. Глаза доктора выпучились, жилы на висках набухли. В попытке отвлечь неминуемое, он захрипел, затрясся. Медленно, но неотвратимо, игла приблизилась к шее врача, коснулась кожи. Неотрывно глядя в расширенные зрачки противника, Ольга выдохнула с восторгом:

— Какое досадное недоразумение. Пока оно не стало летальным, мне хотелось бы услышать ответ.

Чувствуя, как игла щекочет кожу, врач задушено прохрипел:

— Владимир. Его зовут Владимир.

— Дальше.

Ольга нажала сильнее, вогнав кончик иглы в шею. Доктор дернулся, забился, изгибаясь так, словно к шее приставили не шприц с лекарством, а ядовитую змею, прошипел:

— Больше не знаю... только имя... такие люди не раскрывают данных.

— Как мне его узнать?

Лицо доктора исказилось, он процедил с отвращением:

— Дура, это же он привел тебя сюда!

Ярость вспыхнула, затмив собою мир и исказив предметы до неузнаваемости. Тварь, что обманула единожды, пытается повторить прием, да еще столь низкопробно и топорно, обвинив человека, от которого она видела лишь добро! Кровь бросилась в лицо, из горла

рванулся рык. Вырвав из ослабевших пальцев врага шприц, Ольга с размаху всадила иглу ему в шею, одним движением выдавила черное содержимое. Не в силах сдерживаться, ударила в грудь, с толчком выплескивая переполняющую ненависть.

Врач упал, но тут же подпрыгнул, заметался по кабинету, натыкаясь на стены, и опрокидывая незакрепленные элементы интерьера. Однако, с каждой секундой он двигался все медленнее, движения стали хаотичны. Наконец, он завалился, конвульсивно дернувшись, застыл. Глаза врача остекленели, а изо рта потекла струйка липкой, розовой от крови слюны.

Ольга рванула воротник рубахи, тряхнула головой. В глазах заплясали оранжевые мушки, воздух сгустился, не позволяя дышать. Ощущая опустошенность смешанную с омерзением, она устремилась к выходу. В дальнем конце коридора послышались приближающиеся голоса. Ольга ускорила шаг, проходя мимо окошечка приемной, отвернулась, избегая исполненного любопытства и удивления взгляда медсестры.

Покинув клинику, она зашагала, не разбирая дороги. В царящем под черепной коробкой хаосе из обрывков мыслей и осколков видений, раз за разом проступали черты знакомого лица. Но этого не может быть! Только не Владимир. Единственный, из многих, от кого она видела лишь добро. Кто не раз и не два помогал, не жалея сил и времени, не требуя ничего взамен. Зачем это ему, для чего?!

Облик Владимира подернулся дымкой, черты лица поплыли, исказились, будто, незримый, он тоже переживал, не в силах помочь подруге развеять мучительные сомнения. Ольга тряхнула головой, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, отгоняя слова доктора — последние, перед смертью. Хитрый матерый хищник, знаток психологии и умелый манипулянт, так что даже она, несмотря на все свое чутье, обманулась. Врача подвела лишь недостаточно хорошая физическая форма. Ведь он почти успел. Какие-то доли секунды, и на полу, скорчившись от жуткого яда, лежала бы она.

Словам врача нельзя верить. Обманувший раз, обманет и второй. Но... перед смертью не лгут. Конечно, если не рассчитывают уйти от костлявой руки при помощи испытанного средства в виде искусно сотканной паутины лжи. Рассчитывал ли доктор? Что происходило в голове врача за мгновение до смерти? Верил ли он даже в отдаленную возможность подобного исхода? Или, ослепленный высокомерием, уверенный в полнейшем превосходстве над глупой девчонкой, просчитался, недооценил буйствующее в пациентке звериное начало?

От безуспешных попыток понять голова раскалилась, будто перегретый брусок металла, что вот-вот вспыхнет, плеснет белыми каплями, не выдержав жара печи. В ушах шумит, а перед глазами плывут разноцветные круги, окрашивая окружающую тьму в блистающие наряды карнавала. Рука нашарила в сумочке телефон, поднесла к глазам. Пальцы забегали, отыскивая нужный номер. Гудки. Долгие, одинокие. Так же, как и в предыдущий раз, как и до того ранее.

Не дождавшись ответа, Ольга зарычала в ярости, бросив телефон в сумочку, пошла, а затем и побежала, сбрасывая избыток напряжения. Сейчас бы как нельзя кстати пришелся тренажерный зал. Спуститься в пропахший потом подвал, перекидываясь фразами со старыми знакомыми бодибилдерами, выбрать штангу, любовно подобрать веса... Но это в прошлом. Зал закрыт, а его владелец покоится на городском кладбище.

Воспоминания добавили боли, распалив огонь ярости. Ольга понеслась, рыча и сжимая кулаки, из глаз, выжимаемые ледяным ветром, полились слезы, оставляя за собой соленые

дорожки, что тут же превращались в лед, отваливались, уносясь потоком воздуха в глухую черноту позади.

Выбившись из сил, Ольга ощутила опустошение. Сбросив избыток энергии, тело пришло в норму, мышцы расслабились, а мысли пошли ровнее, принялись складываться в логические цепи. Влад не отвечает на телефон. Что ж, придется встретиться, поговорить лично. Тем более, подобные вещи лучше обсуждать очно. Чтобы не осталось сомнений, либо... Ольга тряхнула головой, отгоняя даже малейшее допущение, что будет в ином случае.

К сожалению, она не знает ни адреса, ни полного имени Владимира, так что базы данных не помогут. Не стоит надеяться и на случайность. Слишком редко происходят подобные совпадения. Продолжая механически передвигать ноги, Ольга задумалась. Улочки сменяли одна другую, возникали и исчезали в ночи дома. Свернув в очередной раз, она с удивлением обнаружила знакомые места, а пройдя еще квартал, увидела очертания родного дома. Взгляд прошелся по окнам, отсчитав нужное количество, остановился, всматриваясь в светящийся квадратик. На мгновение показалось, что за занавесками промелькнула фигура.

Ольга улыбнулась, двинулась вперед. А секунду спустя, вспыхнула запоздалая мысль. Улыбка стала шире. Запрокинув голову, Ольга освобожденно рассмеялась. Напряжение испарилось без следа, оставив после себя легкий привкус досады. Решение, как всегда, пришло под занавес — изящное и простое. Осталось лишь дожидаться утра, и тогда... Ощущая себя легко и свободно, Ольга заспешила домой. Желудок требовательно ворчал, а в мыслях, одно вкуснее другого, возникали сочные блюда, какие, будучи в настроении, виртуозно готовил Ярослав.

С утра, дождавшись, когда Ярослав уйдет по магазинам, Ольга вылезла из кровати. Холодный душ, в качестве завтрака — остывший чай с парой бутербродов, пять минут на макияж. Рабочий день только начался, и на распланированное с вечера мероприятие осталось более чем достаточно времени. Однако, не желая пересекаться с Ярославом, Ольга торопилась. Последний мазок лег на кожу века, довершая и без того безукоризненный рисунок «воронова крыла». Ольга надела джинсы, поверх майки набросила кофточку, подхватив сумку, прошлась перед зеркалом, оценивая, удовлетворенная результатом, шагнула к шкафу.

Рука просунулась вдоль полки, сдвигая белье, нетерпеливо зашарила. Пальцы нащупали твердое, потянули. Вытащив сверток, Ольга развернула тряпку, мельком осмотрела оружие. Рука привычно отвела затвор, отщелкнула обойму... Огромный, по сравнению с собратьями, патрон с толстой тупой пулей. От попадания подобного чудовища остаются жуткие раны. Но, даже, если повезло, и тело защищено бронежилетом, удар отбросит на землю, оставив на память «счастливцу» огромный кровоподтек. Неплохо. Жаль только выстрелить удастся лишь единожды.

подавив вздох, Ольга пристроила оружие в сумочке. Брать пистолет не хотелось, но в предстоящем визите он мог сыграть решающую роль. Бросив следом за пистолетом, для маскировки, лифчик и пару маечек, Ольга застегнула сумку, захлопнула шкаф и вышла в прихожую.

Едва из-за деревьев возникло серое пятно огораживающего контура забора, Ольга замедлила шаг. За последнее время произошло достаточно событий, чтобы не волноваться по пустякам, но сердце все же стучит сильнее обычного, а мышцы живота подобрались, укрывая плотным панцирем жизненно важные органы. Охранник на проходной взглянул пристально, но, узнав, улыбнулся, кивнул. Ольга улыбнулась в ответ, приветствуя, махнула рукой, прошла

во двор.

Настроение заметно поднялось. Проходная — не бог весть какое препятствие, но... чем меньше препон — тем лучше. Не задерживаясь, она прошла вдоль стены, стараясь не привлекать внимания, юркнула в двери офисного блока. Вот и нужный этаж. Из кабинетов доносятся приглушенные голоса, убаюкивающе мурлычет принтер, слышится дробный перестук клавиш.

Нужный кабинет всего в десятке шагов, но дверь ближайшего офиса распахнута настежь. Слуха касаются обрывки слов, кто-то сдержано ругается в пространство, судя по интонациям, Николай успокаивает недовольного сервисом клиента. На душе потеплело. Ольга улыбнулась уголками губ. Сейчас бы зайти, поймать на себе удивленный и, вместе с тем, радостный взгляд бывшего коллеги, потрепаться за жизнь... Но, дело не терпит. Возможно, в другой раз, когда-нибудь потом, после.

Улыбка поблекла, губы вытянулись в жесткую линию. Рука выстрелила, устремившись к краешку двери, пальцы ухватили выступающую грань. Рывок. Дверь затворяется с мягким щелчком, негромким, так, чтобы не привлечь ненужного внимания. Путь свободен. Несколько быстрых шагов. Вот и искомое. Обитая кожзаменителем дверь, с блестящей табличкой. Осталось лишь выяснить, на месте ли хозяин. Пальцы касаются ручки, мягко толкают. Замедленно распахивающаяся дверь, запах пыльных бумаг и возмущенный взгляд хозяина кабинета. На месте!

Ольга вошла в кабинет, затворив за собой дверь, крутанула головку замка, чуть дернула, проверяя. Случайный визитер не должен помешать разговору. Ощувив сопротивление, с удовлетворением кивнула, не торопясь, но и не медля, подошла к столу, присела в кресло. Короткий обмен взглядами. Судя по выражению лица, директор ничего не забыл, но, движимый любопытством, сдерживает чувства.

— Тебя не учили стучаться? — поинтересовался директор холодно. — Или, правило на ушедших не распространяется?

— Формальности оставим на конец, — ответила Ольга в тон. — Мне нужны ответы на вопросы.

Собеседник удивленно вздернул брови, сказал потрясенно:

— Я догадывался, что ты девка борзая, но не думал, что настолько.

Ольга пожалала плечами.

— Обстоятельства вынуждают. Вопрос первый — работает ли у вас Владимир, по чьей рекомендации меня приняли.

Директор сложил руки на груди, сказал насмешливо:

— Может и работает.

Ольга нахмурилась, произнесла холодно:

— Это немного не то, что я рассчитывала услышать. Ну да ладно. Вопрос второй — когда, в ближайшее время, Влад будет здесь? Мне необходимо его видеть.

— Это все? — поинтересовался собеседник едко.

— Пока да. — Ольга сложила руки на груди, взглянула выжидательно.

Раздувая ноздри от ярости, но все еще ровным голосом, директор выдавил:

— Я не контролирую Владимира. Он появляется по ситуации, в зависимости от расписания дел.

Оценив выдержку собеседника, Ольга произнесла примирительно:

— В таком случае — последнее. У хозяина должны быть координаты проживания

подчиненных... Мне нужен адрес Влада.

Директор побагровел. Глаза налились кровью, а в горле захрипело, когда он проклокотал:

— А выходного пособия в размере годового дохода фирмы тебе, случаем, не надо? — Он привстал, набрал в грудь воздуха, отчего и без того массивная, фигура увеличилась на треть, уперся руками в столешницу. С высоты креслица для гостей, словно специально подобранного так, чтобы посетитель находился ниже хозяина, директор казался особенно громадным. Возможно, при других обстоятельствах, Ольга ощутила бы трепет, и поспешила убраться восвояси, а скорее всего, никогда бы до подобного не довела. Но не сейчас.

До времени пристально наблюдавший за противником, зверь внутри пришел в ярость, встал на дыбы, предупреждая, ощерил пасть, и... прыгнул. Они прыгнули вместе: хрупкая девушка и незримая сущность. Ольга взметнулась над столом, ударила директора в грудь, выбивая заготовленный для гневной отповеди воздух. Тот жалобно всхлипнул, осел, вращая глазами и открывая рот, как выброшенная на берег рыба.

Усевшись сверху, словно пришедшая поиграть к отцу на колени любящая дочь, Ольга выхватила пистолет. Вороненая сталь холодно блеснула, черной пастью открылся провал ствола. Ухватив директора снизу за лицо, Ольга с силой нажала, заставляя раздвинуть челюсти, вбила пистолет в рот. Хрустнуло. Брызнули осколки зубов. Потекли алые ручейки.

Глядя в слезящиеся от боли и унижения глаза, Ольга прошипела:

— Сейчас ты скажешь мне адрес, или я вышибу тебе мозги. А чтобы исключить сомнения...

Палец коснулся зажима. Ольга подхватила обойму, повернула, демонстрируя патрон, мгновение держала, после чего мягко вставила назад. Директор задергался, замычал. Уловив в невнятных звуках мольбу, Ольга кивнула, давая возможность говорить, извлекла ствол.

— Ты не знаешь с кем связалась... Это не простой человек... Нам обоим будет лучше, если я ничего не скажу...

Оставшись без верхних зубов, Директор смешно шепелявил, и Ольга с трудом удержала неуместную улыбку, сказала холодно:

— Беспокойся за себя. Даже если то, что ты говоришь, правда, Влад далеко, а я рядом. И рука у меня не дрогнет, без разницы, придется ли выбить тебе мозг, или отстрелить яйца.

Увидев, как черный зрачок ствола исчез, нацелившись в область мужского достоинства, директор сдался. Его плечи поникли, а голос прозвучал едва слышно. Ольга нахмурилась, потребовала повторить. Поминутно вздрагивая, и выплевывая сгустки крови, директор повторил, сказал с мольбой:

— Теперь, когда... ты узнала, что хотела... я могу... могу рассчитывать... — он запнулся, в выражении лица мучительницы выискивая ответ.

Ольга кивнула.

— Конечно. Я оставлю тебе жизнь. — Заметив, как собеседник с облегчением вздохнул, добавила хищно: — Будет с кого спросить, если вдруг тебя подвела память.

Ольга несколько секунд наблюдала за выражением лица истязаемого, но тот только вращал глазами и тяжело дышал. Похоже, он сказал правду, или то, что считал правдой. Ольга тщательно вытерла пистолет о лацкан пиджака хозяина кабинета, наклонившись вперед, так что губы почти коснулись уха, прошептала:

— Не пытайся мстить, и не ищи меня, это кончится плохо. Не звони Владу, я найду его сама. Что же касается зубов... — Она отстранилась, добавила с усмешкой: — Денег, что ты

не выплатил мне за последний месяц, с лихвой хватит на достойную керамику... конечно, если не шиковать.

Она соскользнула на пол, спрятала пистолет, тщательно осмотревшись, не запачкалась ли в крови, подошла к выходу. Щелкнул замок. Дверь мягко отошла, пропустив миниатюрную фигурку, мягко же вернулась обратно. Директор несколько мгновений слепо смотрел в пространство, затем мягко осел в кресле. Не выдержав боли и переживаний, сознание погасло, погрузившись в спасительное небытие.

Почерневший ледок ложится под ноги хрустящей корочкой, каблук звонко впечатываются в асфальт. Солнце играет, подсвечивая острыми лучиками, по-очереди, то один глаз, то другой, изливая на землю робкое тепло новоявленной весны. Шустрые воробьи облепили куст, радостно верещат, так что звенит в ушах. Облезлый кот замер в развилке дерева, распушился, подставляя бока светилу. Грани крыш ошетились блестящими зубами-сосульками, откуда, сверкая на солнце, словно драгоценные камни, несутся стремительные капли, звонко бьют в наросшую у основания стен наледь, разлетаясь мелкой водяной пылью.

Ярость прошла, сердце давно успокоилось и бьется по-обычному ровно и размеренно, возбуждение улеглось. Взгляд замедленно «плывет», привычно фиксируя выдающиеся детали. Однако, пестрая красота весны проходит мимо, оставаясь за прозрачной, но непроницаемой гранью восприятия. Мысли замедленно ворочаются, складываются, образуя законченные логические цепочки, и вновь распадаясь. Картина происходящего дрожит и подергивается, будто поверхность озера после брошенного в центр булыжника.

Стремительный вихрь событий последних дней, следующих одно за другим, рушит привычную картину мира. Обрывки информации наслаиваются, смешиваются в безумном противоречии, разваливая сложившиеся ранее представления, что раньше казались простыми и незыблемыми: предательство тренера, столь же неожиданное, сколь и болезненное, признание «следователя», бой с жуткой хозяйкой частного домика...

Картинки наплывают, сменяются: искаженные ненавистью лица, кровавые околыши зубов, оскаленные в предсмертной судороге. В хороводе исполненных ярости и злости, страха и презренья лиц, лишь одно остается открытым, лучится дружеской улыбкой. Хотя, нет, есть и еще одно. Кроме Владимира, Ярослав также принимает активное участие в ее жизни. Только, последнее время их отношения поблекли, выродились. Ярослав стал как будто дальше, отошел на второй план. Простой и честный, он достойно исполняет роль хранителя очага и добытчика. Но, эти, на первый, да и на второй взгляд, полезные качества, отчуждают: простота не приемлет душевных метаний, пугающих всплесков ярости, необузданных желаний; честному не объяснить, почему столь часто последнее время приходится стирать одежду, отыскивая и тщательно отчищая малейшие пятнышки, так сильно напоминающие цветом томатный сок.

И вновь лицо Владимира. И вновь теплая улыбка. Почему ее пытаются уверить, будто виновен он? Непонятно в чем, но виновен? Никто не говорит прямо: намеки, недомолвки, иносказания. Или это химеры воспаленного рассудка, от перенапряжения и переживаний изобретающего то, чего нет, из ничего создающего чудовищ? Хотя, нет, доктор сказал прямо... Но, что он имел в виду? Да и можно ли верить человеку, кто, ради незначительной выгоды, или под ничтожным давлением, готов убивать людей, сладкими посулами и изощренными выдумками принуждая употреблять страшные химические препараты?

Рука потянулась к сумочке, пальцы нащупали мобильник. Уверенная, что абонент не ответит, Ольга все же вновь набрала номер. Гудок. Еще один. Секунды уходят вслед за унылыми сигналами, пока, исчерпав лимит дозвола, связь не обрывается. Телефон камнем падает назад в сумочку. Влад не отвечает. И это правильно. Услышать его голос, получить ответ на вопрос... Слишком просто. Слишком легко. И не оттого ли леденеют пальцы, а в груди зарождается холодный ком, что истина совсем-совсем иная.

Ольга затрясла головой, отгоняя жуткие мысли, запрыгала, пытаясь в движениях выплеснуть зародившиеся сомнения. Испуганные, вспорхнули воробьи, удивленно покосился с ветки кот, идущая следом женщина, брезгливо морщась, обошла по широкой дуге. Сумка болезненно ударила по ноге, вернув к реальности. Пистолет никуда не делся, и никуда не делся адрес, записанный на сложенную вчетверо бумажку в одном из кармашков кошелька.

Досадуя на себя, Ольга покачала головой. К чему пустые размышления, если можно пойти и поговорить. Прямо сейчас. Не откладывая. Нужно лишь достать бумажку, прочесть короткую строчку адреса. Хотя... не нужно. В память намертво впечатались название улицы и номер дома. Больше чем достаточно. Только... почему вдруг так сдавило сердце, а в глубине заворочался червячок сомнений? Ольга нахмурилась, с усилием отбросив неуместные мысли, зашагала в сторону остановки.

Обычная улочка, ничем не примечательный дом, уютный дворик с аляпистыми пятнами качелей и серыми сараями гаражей. Ольга сверила адрес — все точно, прошла вдоль дома, поглядывая на таблички с номерами квартир. Возле третьего подъезда Ольга остановилась, взглянула на панель домофона. Палец потянулся к кнопкам, выбрал нужные. За решеткой динамика мелодично зажурчало. Раз, другой. Нет ответа. Ольга дождалась, пока сигнал прекратится, набрала снова. Тот же результат.

По всей видимости Владимир не дома. Не удивительно. Будний день, обеденное время. Мало кого застанешь дома в этот час. Хотя, остается небольшой шанс, что домофон сломан, или выключен, а хозяин все же дома, завернувшись в одеяло, устало дремлет, или, удобно устроившись на кресле, пьет ароматный кофе, просматривая телевизионные новости.

Палец протянулся вновь, набрал другие цифры. Секунда тишины, и из динамика доносится гнусавый старушечий голос:

— Кто там?

— Доставка бесплатных газет! — выпалила Ольга с радостью.

Голос проворчал невнятное. Щелкнув, отворилась дверь. Ольга улыбнулась, зашла в подъезд. Чисто выбеленные стены, тщательно подметенный пол, из ближайшей квартиры тянет чем-то съестным. Ольга поднялась на нужный этаж, вдавила кнопку. Минута ожидания, другая. Чуда не произошло. Вздохнув, она спустилась обратно, вышла на улицу. Что ж, значит придется подождать. Ждать — далеко не самое страшное, что может случиться в жизни. Остается надеяться, что Влад вернется к вечеру, а не уехал в командировку, или временно проживает у какой-нибудь хорошей знакомой.

День сошел на нет. Тени деревьев вытянулись, а в переулках за клубились сумерки. Люди потянулись с работы. Окна домов замерцали светом, едва заметным в лучах заходящего солнца, но, по мере того, как сияющий шар светила тускнел, скрываясь за горизонтом, точки рукотворного света множились, блистали ярче.

Расположившись на скамеечке, возле качелей, Ольга любовалась буйством красок в небесах, где, подоженные прощальными лучами, всю пылали облака. Не забывая осматривать двор, провожая всякого, попавшего в поле зрения, пешехода внимательным взглядом, Ольга вновь и вновь возвращалась к небу, пока картинка окончательно не выцвела, приняв однотонный серый оттенок.

По асфальту прошуршали покрышки, фыркнул мотор. Бросив взгляд в сторону припаркованной машины, Ольга ощутила волнение. Она привстала, подалась вперед, чувствуя, как колотится сердце. Хлопнула дверца, мягко мурлыкнула мелодия сигналки. Плохо различимый во тьме, силуэт хозяина автомобиля переместился к подъезду. На

мгновение тусклым светом протаял прямоугольник входа в подъезд, обрисовав фигуру мужчины. Но этого хватило, чтобы уголки губ поползли в сторону, а из груди вырвался вздох облегчения. В подъезд зашел ни кто иной, как Владимир.

Ольга помедлила, желая убедиться наверняка, что не ошиблась. Когда, минуто спустя, в окнах нужной квартиры вспыхнул свет, Ольга улыбнулась шире, уверенно направилась к подъезду. Вот и домофон. Подсвеченные красным, кнопки мерцают грозными глазами жуткого чудовища. Ольга набрала номер.

— Слушаю.

Не в силах сдержать радость, она выдохнула известную шутку:

— Драку заказывали? Оплачено!

Собеседник мгновение помолчал, спросил с запинкой:

— Ольга?

Уловив в голосе Владимира изумление, Ольга рассмеялась.

— Она самая. Так ты меняпустишь, или будем на дистанции общаться?

Переходя от удивления к радости, собеседник сказал поспешно:

— Конечно — конечно. Сейчас открою. Просто... это так неожиданно...

Отпираясь, щелкнул замок. Не дожидаясь, пока электрический страж опомнится, и вновь захватит дверь магнитной лапой, Ольга потянула ручку, впорхнула в подъезд. Взлетев на нужный этаж, Ольга остановилась, прислушиваясь, как грохочет замок. Дверь отворилась, на пороге возник Владимир, на лице застыло смешанное с радостью удивление. Не обращая внимание на оторопелость товарища, Ольга порывисто подалась вперед, прижалась всем телом, прошептала:

— Как здорово, что мы встретились. У меня столько новостей — голова кругом! Если не поделюсь немедленно — разорвет на маленькие кусочки.

Влад отступил на шаг, сказал потрясенно:

— Все-таки умеешь ты удивить. Узнала адрес, нашла, заглянула в гости...

На душе стало неожиданно легко и свободно. Подбадривая Влада, что по-прежнему стоял, словно деревянный, натянуто улыбаясь, Ольга сказала с подъемом:

— Да ты не бойся, приставать не буду. Я ж поболтать зашла, погреться. Закоченеешь тут, пока тебя дождешься — трясет, зуб на зуб не попадает.

Влад опомнился, засуетился, губы растянулись шире, а лицо ожило, когда он поспешно произнес:

— Извини. Что-то я и впрямь... тяжелый день, много работы. Не отошел еще. Раздевайся, проходи.

Он захлопнул дверь, постоял сзади, помогая снять пальто. Ольга разделась, не дожидаясь хозяина, что продолжал возиться в прихожей, прошла в зал, остановилась на пороге, с интересом осматривая интерьер. Позади зашуршало, будто что-то поспешно извлекали из коробки, щелкнуло. Вполуха прислушиваясь к звукам, Ольга произнесла:

— А знаешь, у тебя уютно. Если бы я...

Заинтересованная происходящим, она повернулась. Губы продолжают двигаться, завершая фразу, но голос оборвался, а воздух застыл, не в силах пробиться через перехваченное спазмом горло. Ледяной взгляд знакомых глаз, исполненных такого холода, что кажутся чужими. Короткая пауза, когда, занятый привычной работой, разум продолжает плести вензеля слов, невосприимчивый к окружению, а тело заполняется пониманием неотвратимой беды: нежданной, смертельной, неотвратимой.

Неяркая, злая вспышка сопровождается сухим треском. Раз. Другой. Тело выгибается от хлестнувшей боли, безумной, пронзающей до костей. Внутренности выворачивает, а мышцы сводит судорогой. Мир взрывается алым, в ушах стоит сухой треск, а ноздри забивает пугающий и одновременно приятный запах, какой возникает летом в чистом от прошедшего дождя воздухе, после могучей грозы.

Незримая сила отшвырнула, ударила о пол. Скорчившись от боли, Ольга вывернула голову, сквозь плавающие в глазах искры, взглянула с непониманием и обидой. Владимир подошел ближе, отложив электрошокер, нагнулся, тщательно обшарил гостью, затем вернулся в прихожую, чем-то пошуршал. В комнате он появился уже с мобильником, дождавшись, когда неведомый абонент отозвался, бросил кратко:

— Подъезжайте. Нужно помочь с доставкой.

— Что... — Ольга попыталась сказать, но лишь захрипела. Спазмированное, горло не пропустило воздух, и, не успев оформиться, слова сошли на нет.

Отложив телефон, Влад с силой протер лицо, сказал со вздохом:

— Ты не представляешь, как утомительна вымученная вежливость и неестественная радость. И как приятно поговорить, будучи естественным, даже если собеседник испытывает при этом, кх-м, некоторые неудобства.

— Поч... чшш... — Ольга вновь попыталась сказать, вытолкнуть зудящий на языке мучительный вопрос. Но, скрученные от удара током, мышцы челюстей не позволили, превратив слова в бессмысленное шипенье.

Наблюдая бесплодные попытки гостьи, Влад покачал головой.

— Не понимаешь? Что ж, ты не одна такая. Немногие понимают, можно сказать — почти никто. После пребывания в «клинике» люди меняются до неузнаваемости. Обостренные рефлексy, чудовищная выносливость, и вместе с тем детская непосредственность, местами доходящая до идиотизма.

— Ч-што ты имееш-шь... — Сделав титаническое усилие, Ольга превозмогла паралич, ощущая, как челюсть раскалывается от напряжения, прохрипела слова вопроса.

— Не понимаешь... — Владимир вновь вздохнул. — Не вижу особого смысла объяснять. Хотя, почему бы и не скрасить ожидание беседой. Ты не задумывалась, откуда по всему телу возникли рубцы? Обострившаяся чувствительность на размышления не наталкивала? Странные желания, не свойственные ранее привычки...

Несгибаемая, воля преодолела мышечный блок. Нервные импульсы пробили дорогу, пошли прежним путем, позволяя челюстям, хоть и с трудом, но двигаться, а горлу пропускать воздух. С трудом ворочая губами, Ольга прошептала:

— Возможно.

Влад вскинул брови, сказал задумчиво:

— Похоже, необратимую дегенерацию мозга препараты вызывают таки не у всех. Это не может не радовать... — Добавил громче: — Значит задумывалась... Ну и какие мысли, выводы?

— Смутные, — сухо бросила Ольга, наконец ухватив, как именно с наибольшей эффективностью использовать голос, чтобы фразы не приходилось додумывать.

— А именно? — Влад улыбнулся кончиками губ, сказал ободряюще: — Давай, давай, шевели мозгами. Умения шевелить телом тебе не занимать, последние дни тому подтверждение. Смести акценты.

Ольга честно попыталась сопоставить произошедшие за несколько месяцев. В черепе

гудит, в висках постукивает, а мышцы отвлекают, постреливая засевшими после разряда зазубренными иголочками боли. Но если отвлечься от неудобств... Ставший чуть более острым слух, обоняние, изменившееся так, что бывшие ранее едва заметными, запахи усилились, обросли подробностями, подобно ведущему на улицу оконному стеклу, с которого стряхнули скопившуюся за годы пыль. Возникшая из ниоткуда потребность к физическим нагрузкам, значительно превосходившая все испытанное ранее. Усиленный рост мышц. Ничем не объяснимая страсть к ночным походам.

Ольга напряглась, прогоняя воспоминания перед мысленным взором вновь, облакая в слова и проговаривая размытые образы. Прислушиваясь к словам, Влад кивал и ободряюще улыбался, наконец, не выдержал, перебил:

— Что ж, молодец, мыслишь в верном направлении. Осталось связать разрозненные детали воедино, чтобы увидеть картину в целом.

И вновь перед мысленным взором прокручиваются воспоминания, обрастая подробностями, мелкими, но значимыми деталями, сливаются в зыбкий силуэт чего-то очень важного, значимого настолько, что все прочее меркнет, отступает в тень. Лицо сидящего напротив человека, то отдаляется, теряясь в мутной дымке, то вновь выплывает, обретая детальнейшую четкость. Хозяин квартиры, ранее казавшийся другом, в единый миг обернувшийся врагом, не проявляет признаков враждебности, поддерживая никому не нужный разговор, раз за разом подталкивает к некой мысли. Однако, ситуация может измениться в любую секунду. Хищнику наскучит играть с жертвой, насытившись властью, он нанесет решающий удар. Не лучше ли воспользоваться ситуацией, и попытаться, если не победить, то хотя бы достойно погибнуть, забрав предателя с собой...

Образы наслаиваются один на другой, выплывают и исчезают. Всплеск ярости рассеивается, а явь заполняется все новыми картинками, непонятно, осколками ли снов, угасшими воспоминаниями. Холодные стены, фигуры в синих халатах, ведущие к венам тоненькие трубочки капельниц, и алые капли крови, сливающиеся в ручейки, заполняющие окружающее пространство бесконечной розовой мутью.

Зубы закусил губу так, что выступила кровь. Вспышка боли отрезвила, вернула к реальности. Волнующееся марево перед глазами всколыхнулось. Неведомые картины испуганно брызнули в стороны мутной капелью, призывный шепот исказился, враз потеряв очарование, превратился в голос хозяина квартиры.

— Так что ты говорил насчет клиники? — поинтересовалась Ольга невпопад.

Влад поперхнулся на слове, сказал с любопытством:

— Вижу, главное ты все-таки ухватила. Что ж, поговорим.

Надеюсь, для тебя не секрет, что наиболее прибыльный бизнес связан с военными разработками: компактные ядерные заряды, штаммы смертельных вирусов, новейшие роботы. На изобретение подобных вещей тратятся очень, очень большие суммы. В отличие от привычных средств убийства, такие разработки глубоко засекречены, хотя и... могут находиться буквально под носом. Самое смешное, что никому даже в голову не придет, что он имеет дело с разработкой совершенного оружия, или даже участвует в этом сам.

— Ближе к делу. — Ольга попыталась сесть, но лишь беспомощно дернулась. Большая часть мышц не спешили выполнять привычную функцию, и, выплескивая бессильную ненависть, она лишь зашипела в бессилье.

— Ближе некуда, — отозвался Влад холодно. — Это суть разговора.

— При чем тут вирусы, какие роботы, о чем ты вообще говоришь? — воскликнула Ольга, вновь и вновь безуспешно пытаясь сесть.

Влад замолчал, побарабанил пальцами по столешнице, словно раздумывая, достойна ли собеседница затрачиваемых усилий, промолвил отстраненно:

— Или уже влечь тебе разряд-другой, да дожидаться парней. Бесперспективная беседа.

Сердце стиснуло холодная лапа страха. Хозяин квартиры явно теряет интерес к разговору. Еще немного, и он замолчит, а рука последует за взглядом, уже пару раз за последнюю минуту обращавшемуся к электрошокеру. Короткий импульс, и она превратится в полутруп, неспособный не то что защищаться, но даже воспринимать окружающее. А ведь до кресла, куда отлетела сумочка с единственной оставшейся надеждой, еще так далеко.

Сделав титаническое усилие, Ольга напустила на лицо озадаченное выражение, произнесла вдумчиво:

— Подожди. Я, кажется, начинают понимать. Тайное производство, шрамы, возросшие способности...

Лицо удерживает сосредоточенное выражение, с языка слетают умные слова: пустые, ни чего не значащие, призванные лишь к одному — отсрочить неминуемое. Ведь пока в теле теплится жизнь, а мозг поддерживает искру сознания, нужно преодолеть сковавшее мышцы онемение, поползти, дотянуться...

Влад улыбается, кивает, говорит что-то невнятное. В сознание прорывается его голос, ровный и насмешливый:

— Видишь, какая ты умница. Догадалась сама, почти без подсказки. Единственно, чего я не могу понять — как ты, в полусумеречном состоянии, смогла выманить Германа, и не куда-нибудь в бордель, а аж в глубину леса?!

— Германа? — прошептала Ольга потеряно.

Влад поморщился, уточнил:

— Ну, полицейского, координатора, чье задание — следить за подопечными и время от времени создавать стрессовые ситуации. Ведь он был чертовски осторожен.

Перед глазами всплыло похотливое лицо полицейского. Ольга бросила снисходительно:

— И поэтому разводил девушек на секс?

Влад взглянул вопросительно. Из недоуменного, его лицо стало презрительным, а затем злым, он бросил с ненавистью:

— Теперь понятно. Тупая тварь! Я же предупреждал, не один, не два раза, чтобы он

даже думать не смел. Но ведь идиоту хватило ума склонять на секс киборгов. Что ж, тем лучше. Его давно следовало заменить, так что твоя помощь пришлась кстати.

— Моя помощь? — Ольга взглянула с удивлением.

Влад отмахнулся.

— Не отрицай, не на следствии. Возле сгоревшей машины с трупами Германа и телохранителя, кстати, сперва застреленными, а сожженными уж после, обнаружили женские следы. Я, конечно, допускаю, что некто в городе обладает достаточной фантазией и средствами, чтобы нанять женщину исполнителя, но, думаю, мы оба догадываемся о правильном ответе. Вернее, догадывается один, а вторая знает наверняка.

Мозг окончательно очистился, заработал в привычном режиме, быстро и взвешенно. Пустые до того, слова обрели смысл, недостающими кирпичиками начали встраиваться в мозаику, заполняя пробелы и сводя воедино разрозненные элементы головоломки. Каким бы это ни казалось невероятным, но сидящий напротив человек не лгал. Обстоятельно, доходчивыми словами, он снимал покровы, будто лепестки цветка, добираясь до сути, настолько чудовищной, что разум с трудом принимал факты, скрываясь от ужасной действительности в бешеном водовороте чувств, что воспринимались намного острее и ярче любой, даже самой жуткой реальности.

— Кстати, кто сообщил тебе мои координаты? — Влад оживился. — Хотелось бы узнать слабое звено, пока есть возможность.

— Доктор, — выдохнула Ольга, не думая.

Влад усмехнулся.

— Врешь, он не знал. Герман не знал тоже. Уже не говоря о киборгах. — Он оживился, спросил с подъемом: — Кстати, как впечатления? Ведь ты была у одного, вернее, у одной. Там, где после твоего ухода сгорел дом. — Он хохотнул. — Какая удивительная последовательность, сперва Герман, потом эта несчастная... Хотя, сложный вопрос, кто именно был несчастней, эта девица, или разодранные, сожженные люди, чьи остатки заполняли погреб.

Чувствуя, как по телу разбегаются мурашки, предвестники оживления, а следом, шествуя по пятам, расходится волна тепла и освобождения, Ольга чуть сдвинулась к креслу, произнесла скептически, но так, чтобы не задеть самолюбие хозяина:

— Ты удивительно много знаешь.

Влад кивнул.

— Конечно. Координатор моего уровня обязан знать много. Или, полагаешь, легко имитировать работу сразу в десятке мест, запоминать сотни наименований, объяснять, оплачивать «услуги», убеждать? Да и контингент не подарок, с течением времени распускаются, начинают гулять по ночам, убивать собак, жрать людей...

— Но, зачем, к чему эти сложности? — удивилась Ольга, на мгновение отвлекшись от кресла.

Влад пожал плечами.

— Таковы требования. Киборгов нужно дорабатывать в условиях, так сказать, приближенных к натуральным.

— И я тоже? — спросила Ольга ошарашено. — Меня тоже необходимо было... дорабатывать?

— И тебя, и сожженную тобой девку, и многих других, — раздраженно откликнулся Владимир. — Разница меж вами лишь в том, что, по стечению обстоятельств, она стала

животным, а ты осталась человеком... пока что.

Последние слова царапнули слух, вызывая цепочку неприятных ассоциаций, так что Ольга поспешила вернуться к занятию, а чтобы не вызвать подозрений, спросила:

— Мне не ясно одно. Киборги, как ты их называешь... ты их устраиваешь на работу, лишь для того, чтобы содержать под присмотром, или это реальная попытка привить некие... навыки?

Влад хмыкнул, сказал с сарказмом:

— Все же препараты дают о себе знать, дают... Ну, подумай сама, какие реальные навыки в обыденной жизни могут получить машины убийства? Дело солдата — устранить противника, задача руководства — этого противника указать, а свободное время занять полезными делами. Ты когда с работы ушла, я сутки не спал, половину помощников на уши поставил. Дозвониться невозможно, установить точное место нахождения не получается. Должен был помочь Антон, но, он поторопился, или что там у вас произошло? Мы подлетели на звонок, как только смогли быстро, но обнаружили лишь его сплюснутый труп.

Ольга замерла. Насытившиеся кровью, мышцы заработали, медленно, но неуклонно сдвигая тело в сторону кресла, незаметно для глаз врага. Но, с последними словами движения замедлились, темной фигурой надвинулась безысходность, сковала тело. Антон! Красавец атлет, владелец клуба, наставник и любовник. Если и он оказался втянут в эту жуткую авантюру до такой степени, что, без зазрения совести, цинично, тренировал людей, наращивал мышечную массу, чтобы потом сдать, словно скот, под нож неведомого мясника. Антон, Влад, кто еще? Как можно достойно противостоять противнику, если даже самый близкий может оказаться врагом, предать за горсть монет или теплое местечко.

Заметив, как изменилось ее лицо, Влад усмехнулся, сказал успокаивающе:

— Не бойся, все когда-то кончается. У кого-то раньше, у кого-то позже, но... кончается.

Ольга прошептала, с трудом ворочая губами:

— Возможно, ты прав. И, наверное, действительно лучше погибнуть, чем жить в пронизанном ложью мире, когда друг обращается предателем, а любимый... — Она всхлипнула, помолчав, сказала с умиротворенной улыбкой: — Мысли путаются, я плохо понимаю... Ты что-то говорил о тайной лаборатории. Почему-то мне представляется далекий угрюмый замок, заснеженные стены, провалившиеся балки крыш. Ветер гудит в разбитых витражах, треплет посеребрившие космы паутины... Ведь в реальности все совсем не так?

Влад выдохнул, его лицо разгладилось. По всей видимости, разговор вызвал в глубинах памяти хозяина квартиры неприятные мысли, так что он поспешил сменить тему.

— Ты права. В реальности немного не так, вернее — совсем не так. Обнесенный забором городок в глубине тайги, стилизованный под санаторий, чтобы не вызывать вопросов. И вовсе не так далеко, как мог бы быть. — Он хмыкнул, добавил зловещим шепотом: — Скажу по секрету — недалеко от места, где тебя подобрал этот смешной дальнбойщик. Можно сказать, совсем рядом.

— Ты и это знаешь! — выдохнула Ольга сокрушенно.

— О, сколько нам открытий чудных... — продекламировал Владимир.

Он встал, отвернулся, открыв дверцу бара, зазвенел бокалами и уже не видел, как изменилось лицо гостыи. Секунду назад потерянное, оно преобразилось: исчезли унылые складки возле носа, губы сжались в тонкую полоску, челюсть упрямо выдвинулась, а глаза угрожающе блеснули. Ольга сжалась, словно пружина, рванулась, устремившись к креслу,

где, в оставленной без внимания хозяином квартиры сумочке, покоится единственная надежда.

Мышцы с трудом сокращаются, не успев восстановиться после электрического удара, нелепо дергаются конечности. Но заветная цель приближается. Рывок. Еще рывок. Вот и сумочка, прикрытая свисающей с кресла тонкой бахромой косметической отделки. Нужно всего лишь протянуть руку, выхватить пистолет, развернуться...

Так просто, и так тяжело: в движениях нет привычной плавности, и даже незначительная координация достигается с огромным трудом. Ноги стучат, не в силах оттолкнуться от скользкого покрытия на полу, одежда издает громкий шорох. Еще немного, и, привлеченный звуками, хозяин обернется, и тогда...

Рука касается сумочки, зарывается внутрь, судорожно перебирая содержимое. Косметичка, зеркальце, пачка презервативов... А вот и искомое. Пальцы натываются на твердое, царапнув ногтями шероховатую металлическую поверхность, охватывают рукоять. Обратное движение. Пистолет идет нехотя, зацепившись за что-то внутри, тянет за собой всю сумку. Быстрее, ну быстрее же!

Треснув, ткань обрывается, освобожденное, оружие прыгает в руку. Разворот. Палец ложится на курок, а взгляд останавливается на фигуре хозяина квартиры, что в этот момент поворачивает голову, заинтересованный шумом. Его лицо меняется, медленно, но, в то же время, неуловимо. Удовлетворенность, удивление, страх. Эмоции перетекают одна в другую. Быстро, очень быстро.

Стоящий напротив человек не получил удара током, и потому он быстр, как в принятии решений, так и в движениях. Быстр чертовски, настолько, что становится страшно. Черты лица заостряются, а взгляд твердеет. Левая рука выстреливает к шокеру, а тело подается вперед. Отпущенный, бокал падает, разбивается с мелодичным звоном на тысячи осколков.

Курок тяжел. Палец давит изо всех сил, но механизм подается медленно, неспешно. Противник приближается, увеличиваясь в размерах. Исходя голубой дугой разряда, зло трещит шокер. Еще немного, и электрический язык коснется тела, закончив бой. Нужно успеть раньше. Немного. Чуть-чуть. Щелчок. Палец проваливается, достигая упора. Пистолет вздрагивает с оглушительным грохотом. Противника отбрасывает. В тусклой вспышке выстрела, он отлетает. Долю секунды его глаза продолжают жить, сосредоточенно, и с некоторым удивлением вглядываясь в гостью, но быстро стекленеют.

Ольга отбросила ненужный более пистолет, попыталась встать. Осторожно, придерживаясь за кресло — сперва на колени, затем на ноги. Движения прерывисты, мышцы полностью не успели оправиться. Но в тело возвращается жизнь, и каждый следующий шаг легче предыдущего, а движение мягче.

В самом начале Влад сделал звонок. Сколько прошло с того времени? Десять минут, двадцать, а то и все полчаса? Беседа длилась долго. И, вероятно, гости уже на подходе. Она заметалась, распахивая дверцы шкафов и выдергивая ящички. Вешалки с костюмами, коробки из-под обуви, какие-то бумаги... Где-то здесь должно быть оружие. Не может не быть. Вот только где именно, и сколько придется потратить времени, прежде чем...

Звонок в дверь заставил дернуться, замереть. Мысли понеслись вихрем. Рассудок судорожно заметался, отыскивая пути выхода. Можно забиться в угол, отсидеться, дожидаясь, пока не прекратится звонок, а на лестнице не затихнет сопение и шорох одежды. Ведь рано или поздно гостям надоест, и тогда, раздосадованные, они уйдут восвояси.

Ольга трянула головой, прогоняя неуместные мысли. Отсидеться не удастся, и гости не

уйдут — не та ситуация. Не дождавшись ответа, они свяжутся с хозяином, вернее, попытаются связаться, а когда он не ответит, выломают дверь. И если до того, пока Влад не погиб, оставались какие-то шансы выжить, сейчас ее просто убьют, пристрелят, или задушат, а может, наденут на голову полиэтиленовый мешок, с интересом наблюдая за результатом.

Рука подхватила шокер, а ноги направились в прихожую. Ужасаясь предстоящему, разум испуганно затих, зато внутренний зверь обнажил клыки, оскалился в предвкушении. За дверью тишина. «Гости» ушли? Нет, всего лишь замерли в ожидании. Вот чуть слышно скрипнула подошва, донеслось негромкое покашливание. Что ж, пора открывать, пока у пришедших не пробудилась подозрительность, и не усложнила и без того непростой план.

С щелчком крутится головка замка, спрятанный в двери механизм проворачивается, освобождая проход. Ольга отступила в сторону, вжалась в стену, как можно глубже зарывшись в свисающую с вешалки одежду. Дверь отворяется. Шурша и сопя, в прихожую заходят двое, помещение мгновенно наполняется запахом табака, дешевого одеколona, множеством более мелких и менее значимых, но... алкоголем не пахнет. Что означает — проще не будет.

— Что-то я не понял, кто дверь-то отворил? — просипел первый.

— Чья квартира, тот и отворил, — с раздражением ответил второй. — Что за идиотские вопросы.

— Я хозяина не вижу, — зло бросил первый, — потому и спрашиваю.

— Значит отошел, — отрезал второй. — Сказал же — помочь с доставкой. Видать, не один.

— Он бы еще свет включил, — буркнул сиплый. — А то мы тут лбы поразбиваем, или еще что, из хрупкого.

— Пошарь по стене. Выключатель слева, — посоветовал второй.

Ольга напряглась. Двое мужчин не малой, судя по ворочающимся в сумраке силуэтам, комплекции представляют ощутимую угрозу. Пальцы сдавили шокер. Ольга замерла, выжидая удобный момент. Удачная конъюнктура — залог победы. А до тех пор желательно даже не дышать, и в нужное мгновение неожиданность сыграет на руку.

Рядом зашарило, сухо зашуршали обои. Судя по всему один из гостей последовал совету и отыскивал выключатель. Шуршание приблизилось, возле головы, обдавая щеку воздухом, зашевелилась рука, некоторое время слепо лапала. Наконец, отыскав выключатель, щелкнула по кнопке.

Прихожую залил яркий праздничный свет, и, одновременно, дважды полыхнуло голубоватым. Запахло озоном. Мужчины мешками обвалились на пол. Ольга нагнулась, всадила каждому еще по разряду, со злым удовлетворением отмечая, как болезненно дергаются тела. Совсем недавно подобное пережила она, теперь пришло время ощутить «удовольствие» приближенным Владе.

Убедившись, что противники не в состоянии причинить вред, Ольга обшарила каждого, однако, ни документов, ни оружия у обоих не оказалось. Осталось лишь сожалеть, что подручные Владимира пришли «неукомплектованными». Последние дни показали — спрятанный в сумочке заряженный пистолет может очень сильно повлиять на события, оказывая неопределимую помощь там, где бессильно все прочее.

Она заперла дверь, двинулась обратно в зал. Влад лежал в прежней позе, вперившись в пространство застывшим взглядом. Рубаха на груди покраснела, пропиталась влажным, и дух крови, смешиваясь с ароматом открытого, но, так и не испробованного вина, насытил воздух густым терпким запахом.

Без интереса мазнув по останкам хозяина взглядом, Ольга приступила к поискам. Бельевой шкаф, полки с книгами, тумба с постельным бельем не заинтересовали. Порывшись в ящиках стола, и не обнаружив ничего интересного, Ольга перешла в спальню. Глаза заскользили по интерьеру, скрупулезно отмечая малейшие детали. Скромный узкий диван с грязно-желтой обивкой, невзрачные шторы, обои серых тонов. Подобной цветовой гаммы не вынесла бы ни одна женщина. Хозяин явно использовал квартиру сугубо в деловых целях.

Взгляд остановился на столике в углу: удобный стул с кожаной обивкой, мерцающий экран ноутбука, стопки бумаг... Судя по всему это и есть настоящее рабочее место, зал же — приемная для встреч с «подручными», или «гостей» вроде нее. Внимание привлек элегантный шкафчик у дальнего угла стола, миниатюрный, с изящными обводами, в строгой обстановке спальни смотрящийся несколько неуместно.

Ольга подошла ближе, недоверчиво провела рукой, постучала. Так и есть. Легкость и изящность оказались обманчивы, пальцы ощутили прохладную шероховатость металла. Ольга обхватила вещицу, попыталась приподнять. Бесполезно. Приблизившись, она осмотрела стену, для верности тронула. Незаметные для глаза, но хорошо ощутимые подушечками пальцев, в стене затаились головки болтов. Шкафчик оказался ни чем иным, как сейфом.

Не возникло и тени сомнений, что наиболее ценные и важные вещи хозяин спрятал именно здесь. Вот только достать сокровища вряд ли удастся. Подобные сейфы, выполненные по новейшим технологиям, при всей внешней хрупкости обладают недюжинным запасом прочности и взламываются с большим трудом. Конечно, можно легко извлечь содержимое, использовав ключ, но для его поиска понадобится прорва времени, да и не известно, чем закончатся поиски. Ольга в ярости зарычала, зло ударила кулаком в дверцу

сейфа, раз, другой, пока металл не обогрелся красным.

Боль отрезвила. Избыток эмоций выплеснулся, а мысли потекли ровнее. Облизав разбитые костяшки, Ольга облокотилась на стол. Потревоженные, бумаги сдвинулись, обнажив раннее скрытые ручку, мобильный телефон и... Ольга распахнула глаза, неотрывно глядя на связочку из трех ключиков сложной формы. Не веря в удачу, она протянула руку, подхватив ключи, осторожно вставила один в щель скважины, повернула. Щелчок замка отозвался сладким щемом в груди. Похоже, оторванный от работы неожиданным визитом, хозяин не удосужился спрятать ключ, а после, учитывая положение «гостыи», не посчитал необходимым возвращаться. Что ж, тем проще.

Дверца мягко отворилась, открывая сокровищницу: несколько пачек купюр, судя по цвету, далеко не самого низкого номинала, перетянутая тесьмой пухлая папка с бумагами, и, в завершение композиции, пистолет с дополнительной обоймой и двумя коробочками патронов. Присвистнув, Ольга выгребла находки, сбегав за сумкой, аккуратно разложила добычу по отсекам, вышла из спальни.

На глаза попался пистолет. Мгновение подумав, Ольга вытащила платочек, тщательно протерла оружие, после чего, без сожаления бросила назад. Патроны к столь экзотическому оружию получить удалось бы вряд ли, а вот проблемы с полицией — запросто. Окинув помещение прощальным взглядом, Ольга вышла в прихожую, поспешно оделась, не выпуская мужчин из поля зрения. Несостоявшиеся конвоиры постанывали и с трудом шевелились.

Губа приподнялась, обнажая зубы, рука потянулась к сумочке. Хищно пригнувшись, Ольга несколько секунд стояла в оцепенении, борясь с сильнейшим искушением пристрелить обоих. Наконец, она разогнулась, с шумом выдохнула. Изменив траекторию, рука протянулась к замку, а сумочка заняла привычное место на плече.

Прежде чем выйти из дома, Ольга внимательно осмотрела двор из подъездного окошка, заметив напротив двери иномарку с тонированными стеклами, нахмурилась. Скрытый стеклами, в машине вполне мог оказаться водитель. Вряд ли он знал, кого именно предстояло перевозить, но подстраховаться не мешало. Проверив обойму, и, сняв с предохранителя, Ольга разместила пистолет так, чтобы выхватить одним движением, зашагала вниз.

Постояв возле двери, она приняла независимый вид и вышла на улицу. Изобразив на лице скуку, Ольга неспешно прошла мимо автомобиля, чувствуя, как от напряжения сводит скулы. Однако, чрево автомобиля осталось недвижимым, не вспыхнула искра сигареты, не кольхнулся контур силуэта. Либо сопровождающие все-таки приехали вдвоем, либо, что более вероятно, водитель не обратил внимания на идущую по делам девушку. Едва машина скрылась за углом, Ольга вздохнула свободнее, ускорила шаг, стремясь как можно скорее покинуть опасное место.

Заперев за собой дверь, Ольга с облегчением выдохнула, как бы ни были отточены рефлексy и наметан глаз, в квартире все же спокойнее. Под защитой родных стен, не опасаясь за собственную жизнь, можно спокойно поразмыслить, не торопясь, проанализировать последние события.

Дразняще пахнет чем-то съестным, из зала приглушенно журчит телевизор. Ольга разделась, заглянула в зал. Ярослав устроился на диване, ноги удобно лежат, водруженные на табурет, на столике рядом выстроились пустые бутылки, в руке стакан, взгляд устремлен на экран, где, постреливая друг в друга, быстро перемещаются люди в военной форме. Ольга с удовлетворением кивнула, запах пива, и отстраненное выражение на лице друга

свидетельствовали — Ярослав решил расслабиться, и это пришлось как нельзя кстати. В отличие от многих, пьянея, Ярослав не стремился к общению, а, наоборот, уходил в себя, и почти не разговаривал.

Ольга было двинулась в спальню, но, ощутив голодный позыв, свернула в кухню. На плите, завернутая в полотенце, султанским тюрбаном белеет кастрюля. Заинтересовавшись, Ольга подошла ближе, приподняла крышку, по запаху заранее зная, что увидит. Обоняние не подвело. Под крышкой, чуть остывшие, но не потерявшие привлекательности, расположились пяток котлет: крупные, коричневая корочка топорщится мелкими бугорками, тускло блестят лужицы жира, зеленой бахромой ершатся цельные листья петрушки, добавленные поваром в порыве кулинарного азарта.

Сделав зарубку в памяти, поблагодарить Ярослава, Ольга нарезала крупными ломтями хлеб, выложила по котлете, для вкуса капнув на каждую майонеза, и украсив салатным листком. Сложив получившиеся бутерброды на тарелку, Ольга покинула кухню, стараясь не привлекать внимания, прошмыгнула в спальню, притворила дверь.

Поставив тарелку на кровати, Ольга вывернула сумку. На одеяло хлынул блестящий поток: фантики, косметички, мелкие монеты... Пачки денег и пистолет сразу же перекочевали в шкаф, на одну из полок, за завалы из лифчиков маечек и носков, к самой стенке, туда, где легко достать, но куда вряд ли заглянет любопытствующий товарищ, или незваный гость, не предполагая в груди женского белья обнаружить нечто интересное.

Затворив дверцу шкафа, Ольга вернулась на кровать, устроившись удобнее, взяла бутерброд, укусила. Зубы вонзились в мягкое, раскусили, принялись пережевывать, растирая и без того мягкое мясо в кашу. Перемешанная с хлебом, котлета плеснула соком, что растекся по языку, коснулся рецепторов, обостряя и без того сильный голод. Ольга замычала от удовольствия, сглотнула, не дожевав, откусила еще кусок, затем еще.

Лишь когда на тарелке остался один бутерброд, а челюсть замедлила движение, внимание сместилось на папку. Отряхнув ладони от крошек, Ольга вытерла пальцы о майку, подхватив папку, бухнула на колени. Короткое движение, и образованный застежками-шнурками бантик распустился, картонные лепестки раскрылись, подобно бутону, открывая доступ к сердцевине.

С матовой фотографической бумаги глянуло суровое лицо: мощные надбровные дуги, тяжелый, выдвинутый вперед подбородок, глубоко посаженные глаза... Ольга мгновение всматривалась в лицо мужчины, затем перевернула лист. Фотографии. Множество фотографий. На обратной стороне, мелким, но разборчивым подчерком выведены данные. Первые строчки ясны — инициалы, адрес проживания, возраст, дальше еще что-то, но сокращения невозможно понять, а редкие, прописанные целиком слова не добавляют ясности.

Ольга сперва рассматривала фотографии внимательно, сравнивала, пытаясь найти черты сходства, затем интерес пропал, и взгляд лишь мельком касался изображений, скользил дальше, а под конец рука откидывала лощеную бумагу в сторону сразу же, задерживаясь лишь на мгновение, когда попадались особо колоритные лица.

Фотографии кончились, пошли деловые письма. Ольга бегло пробежалась взглядом, вникая в суть, откладывая без интереса. Накладные, расходники, уведомления и расписки... Возможно, все это представляло большую ценность, и кто-то отдал бы огромные деньги, и потратил немало сил, чтобы получить хотя бы мимолетную возможность ознакомиться с занесенной на бумагу информацией, однако, Ольга лишь пожимала плечами, отбрасывая

документы в сторону.

Изначально пухлая, пачка бумаг уменьшалась на глазах, и Ольга со вздохом разочарования отложила папку, уже не рассчитывая найти хоть что-то полезное, когда лежащий сверху лист сдвинулся, а под ним... Уже разжавшиеся, пальцы цепко ухватили папку, вернули обратно. Отбросив ненужные бумаги, Ольга впилась взглядом в находку. Карта дорог области, какую можно найти в бардачке почти любого автомобиля, правда, немного непривычного формата — более подробная и с рядом непонятных обозначений. Однако, не это привлекло внимание. Надпись в углу, сделанная наспех и плохой пастой — «клиника».

В памяти всплыла «прощальная» речь Влада. Дрожащими от нетерпения руками Ольга развернула бумагу, разгладив помятости, зашарила глазами. Долго искать не пришлось. Яркая отметина сразу же привлекла внимание. Буква «К» возле одной из трасс, на самой границе области. Ольга секунду смотрела на номер трассы, затем встала, решительно направилась в зал.

Ярослав сидел в прежней позе, разве, до того полные, бутылки опустели, да кружка, лишившись содержимого, перекечевала из руки на столик. Заметив Ольгу, он повернул голову, сказал со сдержанным удивлением:

— Надо же, а я и не заметил как пришла. Здравствуй. — Добавил с секундной задержкой: — А я, видишь, решил расслабиться, так что... извини за излишнюю сдержанность.

Ольга кивнула, сказала с улыбкой:

— Сама не в настроении болтать, не извиняйся. У меня лишь один вопрос... правда, ты уже говорил, но... я хотела услышать еще раз. Где ты меня подобрал?

Ярослав вскинул бровь, некоторое время с удивлением разглядывал подругу, сказал задумчиво:

— Не знаю, с чего вдруг ты вспомнила... Это было на границе области.

— А номер, номер трассы помнишь? — уточнила Ольга в нетерпенье.

— Конечно, — Ярослав пожал плечами, — я по ней частенько езжу. Пятьдесят третья. А... тебе зачем?

Ольга развернулась, не ответив, удалилась в спальню. Затворив дверь, она прошлась по комнате, в раздумии остановилась у окна. Сказанное Владимиром не дает покоя. В голове разноцветной мозаикой играют осколки информации. Обладающие удивительными способностями «люди-киборги», чье появление оставляет место для самых страшных догадок, а предназначение настолько ужасно, что от одной мысли холодеет в груди, тайные координаторы, затерянная в глубине тайги клиника.

Мысли выстраиваются в стройные логические цепочки, подбираются одна к одной, как кусочки пазла. Но, вновь что-то не сходится, очередной кусочек не встраивается в отведенное место, и картинка разваливается, рассыпается, возвращая мысли к исходному состоянию неопределенности и вселяя страх.

Ольга закусила губу, не в силах понять, закружилась по комнате. Перед внутренним взором прошла череда образов: сосредоточенное лицо Антона, с каким он не раз объяснял нюансы выполнения упражнения; доброжелательный лик доктора, внимательные глаза и успокаивающий голос; полицейский, с похотливым взглядом и потными ладонями; Влад... Все эти люди в той или иной степени оказались втянуты в круговорот ее судьбы, связаны нитями незримых отношений и тайных обязательств.

Сказал ли хоть кто-то из них правду, или каждый лгал в меру сил и необходимости? Этого уже не узнать, но многие вопросы остались неразрешенными. Оставят ли ее в покое, или придется всю жизнь сражаться с невидимым противником, что, как паук, не нападает напрямую, а лишь плетет сеть, накидывая все новые и новые нити, дожидаясь, пока, обессиленная, жертва перестанет трепыхаться, и лишь тогда нанесет решающий удар?

Взгляд вновь прикипел к карте, ноги поднесли к дивану, а руки протянулись, вцепились в бумагу. В груди зародилось угрожающее рычание, а губа приподнялась, обнажая зубы. Скромная пометка на карте — единственная оставшаяся нить. Затерянная в лесах клиника. Именно там кроется причина всего, что происходит, и еще произойдет. Именно туда нужно наведаться, чтобы наконец-то разобраться с происходящим, поставить точку в затянувшейся игре неведомых сил.

Осталось лишь добраться до места. Это не сложно, подойдет любая идущая в нужном направлении попутка, или, на худой конец, автобус. А там можно и пешком, пройти по свежему воздуху, насладившись покоем и одиночеством, взвесить все «за». Но, прежде чем отправиться, нужно подготовиться как можно тщательнее: добротная, крепкая одежда, ну и, конечно, оружие, ведь оно так хорошо помогает, когда нужно получить ответ на вопрос.

Ольга взяла мобильник, пробежавшись по списку номеров, выбрала нужный, нажала кнопку вызова.

Телефон отозвался сонным голосом:

— Слушаю.

— Леонид? Здравствуй, это Ольга. Нужно поговорить.

Секундное недоумение сменилось радостью.

— Чертовски рад слышать! Совсем потерялась, не звонишь, не пишешь...

Скупно улыбнувшись, Ольга прервала:

— Дела не пускали, но сейчас свободна. У тебя есть время поговорить?

Собеседник воскликнул с обидой:

— Конечно! Для тебя у меня всегда есть время. Говори, слушаю внимательно.

— Я знаю, у тебя есть связи в соответствующих кругах... Мне нужно оружие. Разное. С оплатой проблем не будет.

Леонид помялся, сказал с запинкой:

— Как-то все это неожиданно... нужно подумать. Да и не телефонный разговор, если честно.

— Время не терпит. Не сможешь ты, обращай к другому, — подытожила Ольга жестко.

Леонид помолчал, сказал со вздохом:

— Ладно, сдаюсь. Будет тебе... оружие. В ближайшую неделю позвоню.

— Два дня, — произнесла Ольга с нажимом. — Два дня. До встречи.

Она оборвала связь, прошла по комнате, удивляясь сама себе. Разговаривать подобным тоном с единственным человеком, кто мог помочь с необходимым... Ведь Леониду ничего не стоило отказаться, забыть о звонке, или «случайно» удалить ее номер из списка памяти, а то и вовсе заблокировать. Но что-то подсказывало — этого не произойдет. Даже если она перейдет исключительно на ненормативную лексику, Леонид поможет. Но, несмотря на уверенность, Ольга с холодком осознала, что не хотела бы знать ответ на вопрос «почему».

Леонид позвонил уже на следующий день. Непривычно сухим голосом деловито сообщил, где и во сколько состоится встреча. Уточнив адрес и время, Ольга попрощалась, взглянула на часы. Леонид отреагировал оперативно, и до встречи осталось совсем немного. Домашних дел не предвиделось, к тому же на улице прояснилось, и Ольга принялась собираться. Прислушиваясь к доносящемуся с улицы веселому щебетанию, она оделась, двинулась из комнаты, когда взгляд упал на пилку для ногтей. Вспомнив, что собиралась сделать маникюр, Ольга поморщилась, но сидеть в теплой одежде не хотелось, раздеваться тем более, и, побросав в сумочку ножнички и пилку, она вышла в прихожую.

Дойдя до условленного места, Ольга остановилась, завертела головой, высматривая Леонида. словно дожидаясь этого момента, мягко шелестнули шины, рядом остановился автомобиль, бибикнул, приветствуя. Ольга шагнула к машине. Едва за ней захлопнулась дверь, Леонид крутанул руль, отъехал от тротуара, и лишь когда машина встроилась в поток, произнес:

— Рад видеть. Хотя, признаюсь честно, повод для встречи удивил, удивил.

Ольга произнесла отстраненно:

— Ситуация требует.

— И часто у тебя такое бывает?

Ольга сказала с досадой:

— К сожалению, чаще чем хотелось бы.

Леонид покосился на спутницу, сказал задумчиво:

— Нет, я не удивляюсь. После того случая с Борисом я вообще ничему не удивляюсь. Странно лишь, что тебе не потребовался танк, или самолет.

Ольга усмехнулась, сказала жестко:

— Вообще-то я не уточняла, что именно нужно.

Леонид охнул, сказал сдавленно:

— Ну, извини. Мои поставщики — люди маленькие. Ракетными установками не фарцуют.

Ольга сказала нехотя:

— Догадываюсь. Поискала бы других, да время поджимает.

Леонид оскорблено дернулся, замолчал. Ольга также не спешила продолжать беседу. По большому счету обсуждать было нечего, не посвящать же случайного знакомого в личные планы. К тому же в поведении Леонида ощущалась некая натянутость, словно спутник взялся за работу против воли, или чего-то не договаривал. Внутренний голос нашептывал, что из ситуации следует выйти, и чем быстрее, тем лучше. Остановить машину, распрощаться, затеряться в толпе, пока не случилось непоправимое. Но, когда еще она сможет найти более-менее надежного человека, что поспособствует, не задавая вопросов? Да и сможет ли... И Ольга лишь крепче стискивала челюсти, отгоняя назойливый звоночек интуиции.

Жилые кварталы закончились, за окном замелькали здания промышленной зоны. Погрузившись в мысли, периферией зрения Ольга привычно отслеживала ландшафт, составляя в памяти визуальную карту дороги, поэтому, когда Леонид дважды проехал по одной и той же улочке, с удивлением взглянула на спутника, но, занятый управлением, тот не заметил немого вопроса, и, списав произошедшее на плохое знание местности, Ольга

вновь углубилась в себя.

— Ну, вот и приехали.

Голос спутника вернул к реальности. Ольга встрепенулась, бросила взгляд вокруг. Обшарпанные заводские стены, корпуса с выбитыми стеклами, занесенные почерневшим на солнце снегом мусорные кучи. В памяти затухает росчерк оставшейся позади дороги. Ольга повернулась к попутчику, спросила:

— Выходим?

— Да, да, конечно, — бросил Леонид.

Ольга проводила товарища взглядом. Вновь показалось, что Леонид суетится сверх необходимости. Предупреждая об опасности, снова звякнул колокольчик интуиции. Покрутив головой, и не обнаружив ничего подозрительного Ольга встряхнулась, в очередной раз отогнала неуместные сомнения, и вышла из машины.

Под ногами зачавкало. Растопленный лучами не по-весеннему жаркого солнца, снег подтаял, смешавшись с глиной, образовал липкую грязь. Миновав открытое пространство, вошли в здание цеха. Чавканье сменилось хрустом. Внутри, под сводами, царит холод, вездесущее солнце не в силах пробить толстенный бетон. Остатки штукатурки посеребрены инеем, с потолка свисают почерневшие комья не то паутины, не то пропитавшейся грязью ваты.

В очередной раз осмотревшись, Ольга произнесла:

— Не самое удобное место для... работы.

Леонид пожал плечами.

— А здесь и не работают, здесь делают дела. Подальше от лишних глаз и... ушей.

Последнее слово Леонид произнес шепотом, но Ольга услышала, взглянула с удивлением. Однако, спутник шел, как ни в чем не бывало, и Ольга лишь пожалала плечами. По большому счету, все верно. Чтобы скрыться от лишних глаз, зачастую приходится совершить изрядный крюк. Но от враждебного слуха уйти гораздо проще, достаточно лишь понизить голос, если только это не... Ольга нахмурилась, заспешила следом, в очередной раз отгоняя непрощенные мысли.

В стене, напротив, дверь, обшарпанная, покосившаяся, как и все вокруг. Если не присматриваться, то кажется, что дверь вросла в косяки, настолько много собралось грязи на стыках. Однако, Леонид уверенно подошел к двери, потянул за ручку. Ольга невольно напряглась, ожидая, что ручка останется в ладони спутника, или сверху, потревоженный сотрясением, осядет огромный пласт отслоившейся штукатурки. Но Леонид знал, что делает. Дверь легко отворилась, а он сам исчез в проеме.

Едва дверь отворилась, Ольга ощутила запах табака, а когда приблизилась, запах стал нестерпимым. Похоже, их ждали, и, судя по плотности «аромата», ждали давно. Ольга вошла внутрь. Небольшая, заваленная мусором, комната, завешанные обрывками эротических фотографий стены, в центре непонятным образом сохранившийся во всеобщей разрухе стол. В долю секунды обежав комнату, глаза завершили осмотр, взгляд сосредоточился на главном. У стола двое. Один побольше, спортивного вида, кожаная куртка красиво облегает плечи, подбородок угрожающе выдвинут, на лице застыло пренебрежительное выражение. Второй поменьше: мешковатая одежда, невыразительное, словно посыпанное пеплом, лицо, но глаза живые, смотрят внимательно и остро. У ног незнакомцев объемистая спортивная сумка.

— А вот и мы, — дождавшись, когда Ольга переступит порог, с подъемом провозгласил

Леонид.

— Долго собираетесь, — процедил здоровяк сквозь зубы.

Леонид развел руками, произнес с натянутой улыбкой:

— Пробки на улицах, да и ехать далеко... В любом случае, мы здесь, и значит все в порядке.

— Деньги с собой? — деловито поинтересовался «мелкий».

Ольга прищурилась, парочка не внушала доверия, задала встречный вопрос:

— А товар?

Здоровяк нахмурился, но, предупреждая ссору, мелкий тронул товарища за плечо, сказал примирительно:

— Товар на месте. Мы люди деловые, слов на ветер не бросаем.

— Вот и я не бросаю, — отрезала Ольга сухо. — Покажите.

Здоровяк набычился, окинул Ольгу уничтожающим взглядом, но его товарищ кашлянул, сказал с нажимом:

— Серж, открой сумку.

Здоровяк с шумом выдохнул, сказал срывающимся от ярости голосом:

— Тебе не кажется, что девочка забывается?

— Мне кажется, что нужно показать товар.

«Мелкий» произнес фразу негромко, и, как будто, даже спокойно, но здоровяк отчего-то не осмелился возражать. Поворчав, он одним движением поднял сумку, опустил на стол. Как ни стремительно было движение, Ольга заметила, что мужчина заметно напрягся, а едва сумка коснулась стола, тот скрипнул, словно придавленный непосильной ношей. Похоже, незнакомцы действительно оказались деловыми людьми, и привезли с собой «достаточно» интересного. Конечно, оставалась небольшая вероятность, что сумку привезли пустой, а наполнили уже на месте, подобрав несколько кирпичей из ближайшей кучи.

Не дожидаясь приглашения, Ольга шагнула к столу, резким движением рванула замочек. Вжикнув, молния разошлась, края сумки раздвинулись, обнажая содержимое. Отметив тускло блеснувшие металлом знакомые очертания, Ольга с облегчением выдохнула, однако виду не показала, сказала отстраненно:

— Моя очередь.

Рука скользнула в сумочку, захватив две пачки купюр, вытащила, не полностью, но так, чтобы стали видны краешки. Взгляды мужчин потеплели. Здоровяк прогудел примирительно:

— Вот это другое дело. Так бы сразу.

Второй пожал плечами.

— Сразу, или после — без разницы. Мы и не сомневались...

Ольга усмехнулась. Не смотря на ровный тон сказанного, она не обнадеживала себя иллюзиями, и в общих чертах представляла, что бы случилось, не окажись в сумочке денег.

В этот момент Леонид, мявшийся в течение всего разговора возле двери, шмыгнул носом, сказал поспешно:

— Ладно, вы тут пока разбирайтесь, а я прогуляюсь. Что-то много жидкости за обедом употребил... — Он кашлянул, с извиняющейся улыбкой выскочил из помещения. Хлопнула дверь, застучали, удаляясь, шаги.

Ольга опустила голову, застыла, вслушиваясь. Болезненно кольнуло сердце, в который уже раз за день в груди шевельнулся страх. Слишком неестественен голос, чересчур

поспешен уход. К тому же, оставлять знакомую, пусть и недолго, девушку наедине с двумя мужчинами в цехе заброшенного завода, к тому же с полной сумкой денег...

Едва слышное шуршание громом ударило по ушам, приковало внимание. Знание пришло в тело мгновенно, но не желая соглашаться с происходящим, разум потребовал доказательств. Ольга взглянула исподлобья, и едва не упустила момент. Лица мужчин окаменели, глаза прищурились, а руки метнулись за полы курток, как оказалось, заблаговременно расстегнутых.

Времени не осталось. Сейчас, выхваченные из укромных мест, пистолеты разом плюнут огнем. Злые кусочки свинца вонзятся в плоть, искромсают, отбросив на бетонный пол, где останется лишь истечь кровью, бессильно взирая на убийц, если кто-нибудь из двоих не сделает контрольный, милостиво оборвав мучения. И уже не важно, почему двое вооруженных, уверенных в себе мужчин, стреляют на поражение, вместо того, чтобы избить, изнасиловать, или просто запугать беззащитную слабую девушку, заботливо предупрежденные о возможных осложнениях. Не важно когда, и кем. Пока не важно...

Руки рванулись к сумочке, к единственному, покоящемуся среди груды женского хлама, шансу. Только бы не промахнуться. Второго шанса не будет. Если не попасть сразу... Есть! Пальцы обеих рук натываются на твердое, стискивают полоски металла стальным захватом. Рывок. Тело бросает вперед. Две стальных иглы: маникюрные ножнички и пила, вспыхивают ледяными искрами, прежде чем погаснуть, до основания погрузившись в податливые мышцы. А спустя мгновение, вырваться, оставляя за собой алый росчерк кровавого шейфа.

Под аккомпанемент собственного дикого крика, Ольга чередовала удары, раз за разом погружая металл в разорванные шейные артерии противников, гася бушующую в груди ярость кровавым угаром расплескиваемой жизненной силы врагов. Отбросив скользящее в пальцах, не нужное более оружие, Ольга дважды с силой ударила. Мгновение смотрела, как, отброшенные, враги вяло шевелятся, безуспешно пытаясь зажать кровь из распоротых вен. Их движения становятся все медленнее, щеки бледнеют. Лица мужчин перекошены ужасом, но изо ртов, распяленных в беззвучном крике, вместе с кровавыми пузырями вырывается лишь невнятный хрип.

Потеряв интерес к поверженным, Ольга повернула голову, прислушалась. Где-то за стенами притаился тот, кому она обязана столь «теплым» приемом, ожидая, пока дело «закончится». Или, быть может, договорившись обо всем заранее, он удаляется быстрым шагом, стремясь как можно скорее покинуть место сделки. В любом случае, он будет удивлен, пусть и в последний раз в жизни. Хищно улыбнувшись, Ольга сорвалась с места.

Удар. Дверь распаивается, едва не срываясь с петель. Ободряюще хрустя, под ноги ложатся осколки стекла и мелкий щебень. Тело взмывает в воздух, легко преодолевая загромождающие путь кучи щебня. Прямоугольником высвечивается яркое пятно выхода, рывком приближается. В глаза бьют потоки света, нежной лапой касается лица ветерок. Впереди, неподалеку, шагает мужчина. Шагает быстро, не оглядываясь, словно опасаясь увидеть за спиной нечто, отчего мышцы вдруг перестанут слушаться, и движение потеряет всякий смысл.

Прыжок. Еще один. Ноги несут легко, с каждым движением приближая к жертве. Ни к врагу, ни к противнику — к жертве. Напуганный происходящим, разум притих, сложив с себя всякие обязательства, но тело знает. Пробудившийся внутри зверь ведет по следу, ведет без сомнений, без промедления, без жалости.

Мужчина замедляет шаг, останавливается, замедленно поворачивается всем телом. Глаза расширяются в ужасе, руки лихорадочно лезут во внутренний карман, а рот открывается для крика. Поздно. Тело взмывает в прыжке. Удар отбрасывает мужчину на землю, в единственно пристойное для жертвы положение. Руки обхватывают голову, сжимают в объятьях. Резкий, до хруста, рывок. Голова со стуком падает на землю. Остекленевшие, глаза уже не видят, как миниатюрная девушка вскакивает, и, запрокинув голову, выплескивает эмоции в диком крике, столь пронзительном и страшном, что с далеких деревьев срывается стая ворон, а бродящие неподалеку собаки спасаются бегством, не желая на собственной шкуре проверять силу неведомого врага.

Кровавая пелена спала, в ушах перестало шуметь, а сердцебиение вошло в привычный ритм. Ольга двинулась назад, чувствуя, как испаряется ярость и возвращается способность рассуждать. Позади, распластанный в грязи, остался тот, кто мог бы стать другом, но предпочел остаться врагом. Подчеркнутая вежливость и корректность Леонида не обманули, возникшие ранее подозрения лишь подтвердились, позволив разрешить ситуацию к своей пользе.

Перед внутренним взором, одна за другой, промелькнули былые встречи: прогулка по парку, поездка в ночной клуб, несостоявшееся посещение кафе. Приятное начало, жестокие стычки в конце, и внимательный, с искрами любопытства, взгляд Леонида, что каждый раз оказывался не при делах. Ольга тряхнула головой, отбрасывая неуместные мысли. Мертвые не должны отягощать настоящее, их удел — редкие воспоминания, когда плохое забывается, уходит в тень, а остается лишь тихая, лишенная обид и злобы, грусть.

Вернувшись в комнатку, Ольга мельком взглянула на мужчин. Один распластался недвижимо, попятнанный кровью, застыл. Второй еще шевелится, но движения становятся все слабее, жизнь стремительно покидает тело вместе с последними каплями крови. Без интереса отвернувшись, Ольга подошла к столику, распахнув сумку, секунду всматривалась: пистолеты, автомат, несколько гранат и груды запасных обойм и рожков.

Ольга застегнула сумку, легко вскинула на плечо. Осталось лишь добраться домой, а там... Предстоящий путь заставил задуматься. Пешком идти не хотелось. Случайный представитель закона мог остановить, поинтересоваться содержимым сумки. И хотя вероятность подобного стремилась к нулю, рисковать не стоило. Оставалась еще машина Леонида, но что-то удерживало, не позволяло воспользоваться транспортным средством бывшего совсем недавно живым товарища.

Мужчина дернулся, заскреб пальцами снег, после чего обмяк, перестал подавать признаки жизни. Ольга перевела взгляд на мертвеца, секунду размышляла, после чего решительно нагнулась. Из помещения она вышла через вторую дверь, пошла к светлому пятну далекого провала в стене. Взгляд скользил по цепочке следов, а на пальце, позвякивая в такт шагам, болтались ключи от машины.

Придерживаясь безлюдных улочек, Ольга шла домой. Потрепанный внедорожник, найденный неподалеку от цеха, остался далеко позади, припаркованный в одном из глухих дворов. Сперва она хотела выбросить ключи, но, поразмыслив, оставила. Для воплощения задуманного, автомобиль мог сгодиться в качестве запасного варианта. Не самого удачного, если подумать, но...

Звякнул замок, дверь отворилась, пропуская хозяйку, затворилась позади. Ольга прислушалась, вздохнула с облегчением. Квартира пуста. Судя по всему, Ярослав куда-то вышел, что оказалось более чем кстати. Таскать по комнатам набитую оружием сумку в его присутствии не хотелось. Еще меньше хотелось отвечать на вопросы. Раздевшись, Ольга перетащила сумку в спальню, в раздумии остановилась у шкафа. Бельевое отделение без труда вместит десяток подобных сумок, однако грязнить одежду не хочется, к тому же, помимо ее нарядов, в шкафу висит пара костюмов Ярослава. Представив лицо любимого, что, в поисках брюк, наткнется на баул с оружием, Ольга хмыкнула, покачала головой.

Отыскивая укромный угол, взгляд метнулся по комнате, остановился на столе. Внизу, между ножек, сложены коробки из-под аппаратуры. Сколько Ольга помнила себя в этой квартире, коробки были всегда. Она подошла ближе, примерилась. Одна из коробок оказалась нужного объема. Спустя четверть часа, испачканная в пыли, но довольная, Ольга с удовольствием озирала результат усилий.

Хрустнул замок входной двери. Порадовавшись, что успела вовремя, Ольга поспешила в прихожую. Ярослав ввалился в квартиру чем-то раздосадованный. Розовые с морозца щеки, вместе с нахмуренными бровями и надутыми, как у обиженного ребенка, губами создали комичный эффект. С трудом удерживая улыбку, Ольга поинтересовалась:

— Что-то не так?

Ярослав отмахнулся.

— Все нормально. На работе, как всегда, нежданчик... — Перехватив испытывающий взгляд, пояснил: — Я рассчитывал на три дня выходных, а в путь уже завтра.

Ольга покивала, сказала понимающе:

— Да, неприятно. — Помолчав, добавила: — С другой стороны, не такая уж у тебя плохая работа. Пустая трасса впереди, бескрайние просторы... Один на один с миром. Никто не отвлекает, не гоняет с глупыми поручениями. Есть время и подумать, и помечтать.

Ярослав потрепал ее по голове, сказал с усмешкой:

— Не отвлекает — точно, но просторов можно было бы и поменьше, да и времени. За поездку так надумаешься — намечтаешься, что из ушей льется. Хоть попугчика с собой бери, чтобы развлекал.

Он ушел в кухню, зазвенел тарелками. Ольга поинтересовалась вслед:

— А что мешает?

— Попугчика взять? — поинтересовался Ярослав, перекрикивая звон посуды. — Вопросы безопасности. Да и кто сподвигнется неделю кресло просиживать, за одной лишь пользой — поговорить? — Зашумела вода, что-то лязгнуло, загремело. Ольга успела отвлечься от разговора, когда, в наступившей тишине, вновь раздался голос. — Кстати, поеду по той самой трассе...

— По какой? — занятая мыслями, откликнулась Ольга отстраненно.

— Ну, где я тебя подобрал. Ты еще вчера спрашивала.

Мысли вспорхнули, словно испуганные воробьи, сердце екнуло, а в горле пересохло. Невероятное стечение обстоятельств, сложившееся, словно сама судьба благоволит ее планам. Все варианты, что она просчитывала ранее, на фоне возникшей возможности показались неудобными и громоздкими. Не нужно ехать перекладными, развлекая водителей — попутчиков утомительными рассказами, не нужно гнать чужой автомобиль, опасаясь случайной проверки дотошного патруля. Ее довезут до нужного места в комфорте и приятной компании, ее и «груз». Теперь главное не выдать себя неуместными эмоциями, не показав излишней заинтересованности, напроситься в попутчики — под разговор, пользуясь случаем... Тем более, Ярослав сам поднял тему. Осталось лишь отыскать повод, чтобы выйти в нужном месте, но это уже детали: прогулка по лесу, родственники в соседней деревне, отравление «вчерашним ужином» — подойдет что угодно, но сперва нужно договориться.

Придав губам очаровательный изгиб, какой обычно сводил мужчин с ума, Ольга мягко двинулась в кухню. В глазах, скрытое ресницами, тлеет нетерпение, пальцы едва заметно подергиваются, а в мозгу, выжигая прочие мысли, то уменьшаясь, то разрастаясь вновь, пульсирует неугасимое стремление завершить начатое. Во что бы то ни стало, любой ценой.

* * *

С утра пораньше Ольга подскочила с дивана, и хотя до подъема осталось достаточно времени, занялась подготовкой. Когда, час спустя, Ярослав вышел из душа, куда прошел первым делом, едва проснувшись, в кухне витал аромат съестного. Взглянув на Ольгу, одетую так, словно через минуту выходить, Ярослав покачал головой, перевел взгляд на плиту, где, исходя паром, выстроились кастрюльки, вновь посмотрел на подругу, произнес задумчиво:

— Ты сколько спала, что столько всего успела?

Ольга отмахнулась, сказала с подъемом:

— Более чем достаточно. Я ведь в отпуске, забыл? Садись, позавтракай, а я по быстрому соберусь.

Не дожидаясь ответа, Ольга поднялась, выскользнула из кухни. Он хотел возразить, но лишь махнул рукой. Запах пищи дразнил, вызывал сильнейшее желание познакомиться с содержимым кастрюль поближе. Не в силах противиться искушению, Владимир шагнул к плите, поддел крышку, заглянул.

Когда, спустя четверть часа, Ольга заглянула в кухню, стол оказался уставлен пустыми тарелками, а Ярослав вяло ковырял ложкой в кастрюльке, с противным скрежетом собирая остатки со дна. Заметив подругу, он отставил кастрюльку, сказал покаянно:

— Похоже, я немного увлекся.

Ольга помотала головой, сказала с улыбкой:

— Так для того и старалась. Это ведь я балластом, а у тебя работы на три дня, или даже на неделю... — Заметив, что Ярослав порывается собрать посуду, она нахмурилась, добавила с показной суровостью: — И даже не думай. Давай, собирайся, а я пока уберу. Еще не хватало опоздать. Вот так, соберешься в путешествие раз в жизни, и не соберешься вовремя.

Прислушиваясь к ворчанию подруги, Ярослав с улыбкой вышел из кухни. Зазвенела

посуда, зашипела ударившая из-под крана вода, слова стали едва различимы, а вскоре и вовсе потонули в привычном шуме уборки. За сборами, Ярослав углубился в мысли, и, когда, в очередной раз выходя из комнаты, увидел Ольгу, лишь развел руками. Улыбаясь во все тридцать два, одетая в зимний маскировочный костюм, Ольга в ожидании стояла возле двери, удерживая на каждом плече по объемистой сумке.

Владимир открыл и закрыл рот. Довольная впечатлением, Ольга улыбнулась шире, поинтересовалась лукаво:

— Ну что, гожусь я в напарники дальнобойщику?

Ярослав кашлянул, сказал ошарашено:

— Скорее, разведчику. Ты где маскхалат достала, а главное... зачем?

Ольга пожалала плечами, так что сумки приподнялись и опустились в такт движению, сказала легкомысленно:

— Ну, чтобы одежду не марать. Ведь у тебя там грязь: бензин, мазут повсюду. Ну и просто, зашла в магазин, понравился. Вот и купила. — Надув губки, добавила капризно: — Вижу, тебе не нравится. Ну и ладно! Пойду с горя на улицу мерзнуть.

Влад подался вперед, но Ольга ловко выскочила за дверь, стремительно побежала по лестнице, лишь застучали, удаляясь, шаги. Чертыхнувшись, Ярослав принялся поспешно одеваться. Обида подруги была явно показная, а вот сумки наверняка весили немало, так что стоило поспешить, догнать строптивицу, и лишить ноши.

Едва ступив на улицу, Ярослав резко остановился, едва не воткнувшись в болтающуюся перед носом сумку. Приняв от подруги баул, он протянул руку за вторым, сказал с раскаяньем:

— Минуту бы постояла, не пришлось бы тащить.

Ольга отмахнулась.

— Не так тяжело, как неудобно. А вот с одной сумкой в самый раз, так что обойдешься.

Ярослав покачал головой, сказал чуть слышно:

— Две минуты с момента выхода, а я уже начинаю сомневаться в верности решения... — Добавил громче: — Ну что ж, пошли, напарник.

Покачав указательным пальцем, Ольга произнесла:

— Я все слышу. И даже не думай от меня отделаться. Что я, зря маскхалат покупала?

Защищаясь, Ярослав выставил перед собой ладони, воскликнул:

— И в мыслях не было! — Помявшись, добавил: — Только, давай бодрее, а то мне еще на базу заезжать, машину греть, инструкции получать от начальства. Вроде бы мелочи, а времени займет много.

Пока Ольга размышляла над очередной колкостью, Ярослав подхватил ее под руку, потащил за собой. На остановке столпилось множество народу. Ольга переминалась, с тоской глядя на забитый людьми транспорт, сдвигалась в сторону, отстраняясь от толпы, колыхающейся при приближении очередного автобуса словно прилив, морщилась от выбросов сгоревшего топлива — черных едких облачков, выстреливаемых выхлопными трубами.

Когда очередная заспанная тетка, догоняя автобус, пронеслась по ногам, Ольга не выдержала, сказала зло:

— Яр, ты ведь все равно в итоге на трассу выедешь. Давай, я своим ходом, а там пересечемся. Ты ведь через вокзал поедешь? Как догонишь — остановишься. Я вдоль дороги пойду, никуда не денусь.

Не дожидаясь ответа, она развернулась, вышла из толпы. Опомнившись, Ярослав подался следом, но, в этот момент подошел нужный маршрут, и он лишь махнул рукой, выругавшись, полез втискиваться в салон.

Ольга легко шагала вдоль улицы, чуждая окружающей суете. Спешащие по делам люди, скопища машин, яркие огни рекламы. Привычные картинки города текли мимо мутным потоком, коснувшись краешком, исчезали вдали. Приятный и радостный когда-то, сейчас город вызывал лишь омерзение, и Ольга добавляла шагу, стараясь как можно быстрее покинуть исполненные суматохи и шума улицы.

Терзающий уши нескончаемый шум машин, тяжелый гадостный запах выхлопов, от которого першит в носу и мутится в голове, бестолково мечущиеся люди. Ольга летела, как на крыльях, незадолго до отъезда ощутив все «прелести» мегаполиса с особой силой. Перед внутренним взором замаячила бесконечная стена леса, слуха коснулось пение птиц, а ноздри ощутили свежий воздух бесконечных загородных просторов. Улыбаясь мыслям, Ольга шла, отрешенная от реальности, и не обратила внимания на призывный гудок. Лишь когда гуднуло второй раз, а рядом, обдав облаком гари, притормозил КамАЗ, она очнулась, непонимающе огляделась.

Отворилась дверь, из кабины, перекрывая шум мотора, донеслось:

— Девушка, вас подбросить?

Захлопнув дверцу, Ольга с интересом осмотрелась, сказала с уважением:

— А у тебя здесь уютно: мягко, тепло...

— Стараемся, — Ярослав усмехнулся. Глядя, как подруга безуспешно пытается пристроить сумку под сиденье, посоветовал: — Позади лежак, брось пока туда, потом разберемся.

Мотор взревел, КамАЗ тронулся, пошел, набирая скорость. За окном сдвинулись, поплыли назад столбы, разноцветными кубиками замелькали домишки частного сектора, но вскоре исчезли, сменились просторными полями. Мерное покачивание и непрерывный шум мотора подействовали успокаивающе. Сознание поплыло, ландшафт за окнами стал мутнеть, пошел волнами, и Ольга погрузилась в сон.

Ярослав задал вопрос, не услышав ответа, повторил громче, покосился на подругу, но лишь понимающе улыбнулся. Бессонная ночь, Ольга легла далеко за полночь и подскочила ни свет ни заря, и длительная прогулка по свежему воздуху сделали свое дело. Ольга спала, откинувшись на спинку, грудь мерно вздымалась и опадала в такт дыханию, настолько глубоко и ровно, что Ярослав лишь завистливо вздохнул, отвернулся к дороге.

Его лицо стало отстраненным, на лбу залегли глубокие складки, а губы сжались в тонкую полоску. В редких, бросаемых на спутницу взглядах, мелькала непонятная тоска, словно вместо приятной поездки впереди ожидало расставание. С тяжелым вздохом он тронул кнопку приемника, пощелкал, листая каналы, наткнувшись на подходящую под настроение песню, убавил звук. Руки прикипели к рулю, удерживая машину КамАЗа в нужном направлении, а взгляд застыл, устремленный вдаль, туда, где дорога превращается в точку, исчезая в утренней голубизне небес.

Качнувшись, КамАЗ остановился, фыркнув, заглох мотор. Ольга дернулась, огляделась. Перехватив непонимающий взгляд подруги, Ярослав усмехнулся, сказал с подъемом:

— Выспалась? А тут и завтрак подоспел, вернее, обед.

Не поняв спросонья, Ольга поинтересовалась:

— Обед... где именно?

Ярослав мотнул головой, спросил с улыбкой:

— Так пойдешь, или аппетит не нагуляла... прости, не наспала?

Следуя указанию, Ольга повернулась, с любопытством всмотрелась в россыпь деревянных домиков за окном, сказала поспешно:

— Еще как наспала. И даже не думай оставить меня здесь. В таких домиках должны отменно кормить, не зря же они такие красивые. Да и запах, — она втянула носом воздух, — я сейчас язык проглочу.

Толкнув дверцу, Ольга выскочила из кабины, бодро пошла в сторону кафе. Ярослав принялся, но лишь пожал плечами, запах мазута и солярки глушил прочие ароматы на корню, поспешно покинул кабину. Лишь когда за спиной захлопнулась дверь, в ноздри, вместе с теплым воздухом, ударил аромат пищи. Ярослав на мгновение замер, настолько мощным оказался разлитый в воздухе дух мяса, обжаренного теста и специй, голодно сглотнув, устремился к кассе, где уже стояла Ольга, что-то негромко объясняя продавщице.

К обеду приступили одновременно. Тарелки с парующим супом, румяные чебуреки, салаты из свежих овощей заставили забыть обо всем прочем. Первые десять минут ели молча, тишину нарушал лишь стук ложек по тарелке да смачное чавканье, когда, то один, то другая, торопливо забрасывали в рот очередную порцию, с особым вкусом вгрызаясь в пищу.

Наконец, Ярослав отвалился от стола, произнес с уважением:

— Невероятно вкусно готовят, просто, на удивление. И как я раньше мимо проезжал.

Ольга неторопливо ковыряла салат, задумчиво глядя в пространство, услышав товарища, подняла голову, сказала невпопад:

— Знаешь, Яр, наверное, стоит предупредить заранее...

— Ну-ну, смелее, — подбодрил Ярослав, — что произошло?

Ольга помялась, сказала с запинкой

— Еще не произошло, но скоро. Я... я не поеду до конца.

Ярослав побарабанил пальцами по столу, сказал со вздохом:

— Почему-то я так и предполагал. Но, продолжай, быть может я не о том подумал.

Ольга заспешила, стремясь объяснить прежде, чем друг расстроится, или вспылит.

— На границе области, неподалеку, есть деревенька... там живет родня. Наверное, они меня совсем потеряли, столько времени прошло. — Она замолчала, взглянула просительно, но вместе с тем твердо.

Ярослав покивал, сказал понимающе:

— Я так и подумал. Не могла же ты взяться посреди леса, неизвестно откуда. Только... что ж ты раньше не сказала? Я частенько по этой трассе мотаюсь. Подбросил бы до самой деревни, познакомила бы с родней. Только и дел, что выехать пораньше.

Ольга несколько секунд пристально всматривалась в лицо спутника, не веря, что он говорит серьезно. Но в лице Ярослава не было лжи, лишь легкая грусть, и еще что-то, чему Ольга так и не смогла подобрать названия. Не выдержав, она подалась вперед, обняв друга за плечи, жарко прошептала:

— Я рада, что ты понял. Мне действительно очень-очень нужно к ним. Хорошо, что не пришлось ругаться, я бы все равно...

Ярослав шумно хлопнул ее по плечу, отчего Ольга ойкнула, отстранившись, подмигнул, сказал с ехидцей:

— Не стоит благодарности. Я же тебя знаю, непустишь — из кабины выскочишь, да еще и на ходу.

Хмыкнув, он резко встал, двинулся к выходу. Ольга проводила Ярослава взглядом, не пропустив ни поникших плеч, ни чуть более резкой, чем обычно, походки. В груди защемило, но, собрав волю в кулак, Ольга стиснула челюсти, отбросила неуместное чувство. Из кафе она вышла уже без эмоций, с холодной отстраненностью обдумывая план действий.

Следующий час ехали в молчанье. Ярослав поглядывал на подругу, но лишь хмурился, не решаясь начать разговор. Ольга смотрела в пространство, покачиваясь в такт движениям машины, отстраненная, ушедшая в себя, не замечала расстилающейся за окном красоты. Наконец, Ярослав кашлянул, сказал хрипло:

— Где-то здесь я тебя и нашел.

Ольга встрепенулась, мельком глянув в окно, сказала:

— Да-да, это весьма кстати. — Перехватив непонимающий взгляд спутника, добавила: — Пожалуй, я выйду здесь. Хочется подышать свежим воздухом, а от свертка до поселка всего ничего, не разгуляешься.

Ярослав нахмурился, спросил с нажимом:

— Ты уверена? Все же пустая трасса, глухая тайга. Да и до свертка не мало. Может все же доедешь? Да и я спокойней буду.

Ольга улыбнулась.

— Не бойся, ничего со мной не случится. К тому же телефоны никто не отменял, дойду — позвоню.

Ярослав вздохнул, с явной неохотой сбавил скорость, вывернул руль. Машина грузовоза некоторое время катилась, увлекаемая инерцией, наконец замерла, недовольно фыркнув, словно разделяя настроение хозяина. Ольга чмокнула Ярослава в щеку, распахнула дверь.

— погоди. — Ярослав стянул с крючка куртку, накинул на плечи. — Раз уж остановка, проверю машину.

Ольга улыбнулась наивной хитрости друга, сказала ласково:

— Конечно. И, после того, как тронешься, не выискивай меня на трассе. От невнимания еще с дороги слетишь. Я вглубь пойду, лесом.

Ноздри наполнились свежим лесным воздухом, под ногами закрипел снег, а с низких сухих веточек в лицо полетела хвоя и кусочки коры. Ольга вздохнула полной грудью, улыбнулась. Дорога осталась позади, как и КамАЗ с бродящим вокруг Ярославом. Ольга некоторое время чувствовала на себе его прощальный взгляд, растерянный и удивленный, словно спутник никак не мог поверить, что по своей воле отпускает подругу в суровые дебри тайги, для обычного городского человека служащие символом опасности и тайны.

Ольга достала карту, взглянула на оставленную Владом пометку. Если она не ошиблась в расчетах, определяя точное местоположение лаборатории, последний из пропущенных на трассе столбиков километража являл собой ближайшую точку к укрытому в дебрях «санаторию». Вполне возможно, излишне масштабная для подобных исчислений, карта внесла погрешности, и придется пройти пару — тройку километров сверху, но для подготовленного человека это не помеха.

Ольга сбросила с плеча сумку, расстегнула, запустила руки внутрь. Ногти царапнули по пластику. Короткое движение, и вот уже на снегу красуется пара пластиковых мини лыж. Щелкнули лямки. Ноги переступили, привыкая к непривычной конструкции, подвигались, проверяя прочность креплений. Закинув сумку на плечо, Ольга сделала шаг, еще и... заскользила. Размягченный ближайшими днями тепла, снег схватился морозцем, образовав наст, настолько прочный, что даже небольшой добавки площади, дарованной коротенькими лыжами, хватило, чтобы бежать, не проваливаясь.

Поначалу идти было непривычно, ноги то и дело проваливались, а выскакивающие отовсюду ветки норовили ткнуть в глаза, но вскоре Ольга вчувствовалась, пошла ровнее, а еще чуть позже нащупала темп, и уже не обращала внимание на завалы сухостоя и присыпанные снегом коряжины. Пару раз наваливались неприятные мысли, одолевали сомнения в целесообразности затеянного. Понимание того, с чем именно придется столкнуться, и кому противостоять, наполняло ужасом. Но, Ольга гнала неуместные размышления, оставляя голову пустой и прозрачной для потока восприятия.

И осторожность не прошла даром. Тонкий, едва заметный запах коснулся ноздрей, заставил замедлить шаг, а затем и вовсе остановиться. Прикрыв глаза, Ольга некоторое время принюхивалась, ощущая задушенный, словно через толстое одеяло, но устойчивый аромат металла. Чувство опасности охватило, заставило тщательно осмотреться. С третьего раза глаза различили в присыпанной кочке впереди труп косули.

Ольга нахмурилась. Смерть животного в лесу далеко не редкость. В отличие от безопасного загона фермера, под пологом деревьев поджидают многочисленные хищники, а с ними рядом, соседствуя бок о бок, ждут своей очереди мелкие падальщики. Конечно, косуля могла умереть совсем недавно, и ее еще не успели найти, но устойчивый дух металла настораживал, вызывал безотчетный ужас, отчего мелкие волоски на теле встали дыбом.

Ольга шагнула в сторону. В поле зрения попал ствол ближайшей сосны. Кора содрана, древесина зияет рядом отверстий, словно дерево изгрызли огромные древоточцы. Ольга провела пальцем, понимающе усмехнулась. Чересчур ровные края, слишком глубоко дно, не разглядеть, да и практически ровная линия, идущая на уровне пояса, говорит о многом.

Внимательно глядя под ноги, она обошла запыленные кусты по широкой дуге. Рассказы о системах автоматической защиты, реагирующих на движение, она слыхала не раз, но вживую столкнулась впервые. Однако, несмотря на опасность, и ощущение холодка в груди, находка порадовала. Просто так, посреди леса, подобные вещи возводить не станет никто, и значит цель близка.

И без того не быстрое передвижение замедлилось еще больше. Ольга мягко ставила ноги, всматривалась и принюхивалась, стараясь распознать опасность до того, как станет слишком поздно. Если кто-то не поленился установить по периметру охраняемого объекта громоздкие пулеметы с автоматическим распознаванием цели, то о количестве разбросанных вокруг растяжек и легких противопехотных мин не хотелось даже гадать. Счастье, что пришлось пробираться через это гиблое место в начале весны, когда слой снега отделяет от рассеянной по земле смерти, а наст облегчает шаги, позволяя экономить силы и не давая увязнуть, или провалиться в замаскированные ямы-ловушки.

Несколько раз попадались сгущения кустарника, откуда ощутимо тянуло металлом, дважды она пересекла лыжный след. Судя по всему, лес время от времени проверяли. И Ольга в очередной раз порадовалась, что в последний момент догадалась купить маскхалат. Стоило упасть, и она полностью исчезала из виду, сливаясь с белоснежным покрывалом сугробов.

Слуха коснулся далекий шум мотора, а в воздухе запахло соляжкой. Ольга нахмурилась. Не хватало только заплутать, и, после трехчасовой прогулки, выйти обратно к трассе. Звук истончился, исчез. Она двинулась дальше, пристально всматриваясь в заросли и раз за разом принюхиваясь. Шаг, другой. Деревья впереди поредели, меж стволами пробился солнечный свет.

Ольга пошла медленнее, пригнулась, затем села на корточки, двинулась мелкими

шажочками. Лес впереди обрывается, словно наткнувшись на невидимую преграду, дальше пустая, в десяток шагов, полоса, а за ней... Ольга прищурилась, рассматривая ограждение. Бетонная стена, окрашенная столь искусно, что при поверхностном взгляде создает иллюзию лесной кромки. Редкими иголочками поблескивает колючая проволока. В углах, вынесенные на коротких подставках, крючки камер наблюдения. Недремлющие ока направлены от углов к центру, так что любой случайный прохожий, зверь или человек, тут же попадет под перекрестье взглядов, и если сидящий за монитором наблюдатель решит, что незнакомец представляет опасность...

Ольга передернула плечами. Представлять, чем именно здесь встречают незваных гостей, не хотелось. Стену обрамляет ровная дорожка из свежесвыпавшего снега. Ольга прищурилась, до боли в глазах всмотрелась в искристую поверхность, понимающе кивнула. Две едва заметных полосы, а в воздухе до сих пор витает тонкий запах выхлопа. Похоже, вокруг ограды периодически проезжает машина для распыления снега. Что ж, разумно. На ровной, почти зеркальной поверхности оставит заметный след даже птица.

За стеной, возвышаясь на этаж, поднимаются несколько зданий, затемненные стекла не пропустят любопытствующий взгляд. Переплетением гигантских усов топорщатся антенны. На заднем фоне тускло отсвечивают металлом верхушки куполов ангаров. Закончив осмотр, Ольга отползла назад, примяв снег, и соорудив из веток импровизированное укрытие, застыла в задумчивости. Охрана «санатория» оказалась на должном уровне, и пытаться попасть на территорию среди бела дня, значило обречь себя на обнаружение и скорую расправу.

Мысли потекли замедленно, тело расслабилось. Слух и обоняние, настроенные на опасность, легко пропускали привычные лесные шумы и запахи. Ольга закрыла глаза, и вскоре провалилась в дремоту. День незаметно закончился. Сгустились сумерки, стало заметно холоднее. Над головой сухо скрипнуло, потревоженный порывом ветра, на лицо рухнул целый сугробик снега.

Ольга открыла глаза, мгновение вслушивалась в царящую вокруг тишину, затем неслышно поднялась, с силой провела ладонью по лицу, разгоняя кровь. Сумерки заметно снизили видимость, но до полной темноты еще не дошло, и Ольга принялась собираться. Резкое движение. Вжикнув, сумка расходится лепестками, открывая спрятанные богатства. Расстегнув одежду, Ольга принялась рассовывать по карманам оружие. Один пистолет, второй. За пистолетами последовали обоймы.

Затем пришел черед ножей. Пара метательных клинков, длинный тесак на пояс, и коротенькое, на всякий случай, лезвие, после минутных раздумий вложенное вдоль внутренней поверхности ботинка, у лодыжки. Несколько гранат. Ольга с трудом распихала боезапас, в досаде чертыхнулась. На дне сумке хищно чернеет автомат, металл тускло блестит в угасающем свете. Самое мощное из имеющегося оружия и... наиболее громоздкое. Убойная мощь, или повышенные скрытность и маневренность?

Мгновение раздумий, и сумка без сожалений захлопывается. Пара веточек, горсть снега, и вот вместо спортивной сумки лишь небольшая кочка, каких сотни вокруг. Лыжи укладываются тут же. Критически осмотрев результат, Ольга покинула укрытие. Продвигаясь под защитой деревьев, она достигла угла, выползла на открытое место, вжимаясь в снег всем телом, подобралась к стене, приподняла голову. Камеры установлены на углу, почти вплотную друг к другу, так что озирают большую часть открытого пространства, оставляя без внимания лишь самый краешек, идущую вдоль грани угла тонкую

полоску.

Ольга мельком взглянула небосвод, где, в почерневшем небе, гаснут последние лучи солнца, закусила губу. Еще немного, и к визуальному наблюдению добавятся приборы ночного видения, и если не успеть раньше... Сознание сузилось, отменяя лишние мысли, ребра заходили, нагнетая в легкие воздух. Короткое сосредоточение, когда тело превращается в сжатую пружину. Прыжок. Ольга взметнулась, оказавшись на вершине стены. За доли секунды, пока она находилась наверху, глаза охватили внутренний двор, впечатывая в память взаиморасположение построек. И вот она уже несется вниз, в считанные мгновения выбрав наиболее удачное место — груда металлических бочек у стены, неподалеку.

Земля больно ударила в подошвы. Перекатившись, Ольга замерла за бочками, успокаивая дыхание и с содроганием ожидая воя сирен. Однако, кроме гулких ударов сердца, да шума ветра, никаких звуков не последовало. Натянув капюшон поглубже на лоб, Ольга осторожно выглянула из-за бочек, мельком осмотрелась. Справа, в десятке шагов, блестит пластиком двухэтажное здание, слева вздымается непонятное сооружение, приземистое, с заглаженными углами и толстым слоем земли на крыше, словно строители ставили целью сделать его как можно менее заметным, дальше виднеются еще какие-то постройки, стремительно теряющие очертания в наступающем сумраке.

Повинуясь чьей-то невидимой руке, вспыхнул свет. Мягкое сияние заструилось из разбросанных повсюду фонарей, до неузнаваемости исказив геометрию зданий игрой светотени. Ольга с интересом взгляделась в ближайший светильник. Небольшая, забранная в матовую сферу, лампа сияет, выхватывая из тьмы вокруг небольшое пространство. Купол сферы накрыт металлическим колпаком, не то защищая стекло от прикосновения снежных пальцев, не то маскируя от пристальных взоров затаившихся в чернильной тьме небес спутников.

Ольга закусила губу. Если даже такие вещи, как маскировка освещения, здесь продуманы до мелочей, что говорить об охране. С другой стороны, в насыщенном тенями пространстве перемещаться незамеченной на порядок проще, если... для подобных случаев хозяева не заготовили какой-нибудь особенно изощренный сюрприз.

Ольга крадучись двинулась вдоль забора, придерживаясь неосвещенных мест, и, всякий раз, перед тем, как пересечь открытое пространство, прикидывая, где могли бы размещаться камеры наблюдения. Внутренний двор не назовешь большим, однако даже в столь тесном пространстве достаточно зданий, чтобы процесс поиска растянулся на всю ночь. А ведь время летит быстро, тем более, когда не знаешь, что именно хочешь найти.

Длинное одноэтажное здание: узкие оконца на высоте роста человека, одна входная дверь. Слишком похоже на казарму, и, что вероятнее всего, она и есть. Потратившись на маскировку и охрану, создатели закрытого объекта не озаботились изменить архитектуру зданий. Что ж, тем лучше. Было бы крайне неприятно забраться в какой-нибудь «центр управления» и оказаться среди пары десятков расположившихся на отдых охранников.

Округлое здание гаража. Даже с такого расстояния ощутимо тянет топливом и гарью. Внутри ничего интересного, кроме пары-тройки грузовиков, да легковушки начальства, скорее всего нет. Слабое дуновение воздуха принесло волну вкусных запахов. Ольга сглотнула слюну, усмехнулась. Следующее за казармой здание — столовая, можно не тратить время на осмотр. Разве только голод станет совсем нестерпимым.

Ольга прикрыла глаза, обратившись в слух и широко раскрыв ноздри. В сухом морозном

воздухе звуки разносятся далеко, а отсутствие жуткой смеси городских «ароматов» позволяет учуять даже самые слабые нотки на большом расстоянии, определив человека, технику, зверя.

А вот это уже интереснее. Небольшой домик щетинится многочисленными антеннами, напоминая выросший до гигантских размеров кактус. Негромко гудит трансформатор, из забранных жалюзи окон пробивается слабый свет. Если позволит время и обстоятельства, можно будет наведаться и сюда, и даже нужно.

Приземистое здание в очередной раз привлекло взгляд. Ощутимо толстые стены, утопленная в стене дверь, слой земли на крыше. Похоже, строители пытались как можно лучше защитить нечто, спрятанное в глубине подземных этажей, что, при всех мерах скрытности объекта, потребовалось придавать стенам такую прочность. Хотя не исключено, что защита предусмотрена вовсе не для скрытой в недрах сооружения начинки, а от нее.

Ольга передернула плечами. Проверять предположения отчего-то совсем не тянуло. При одном взгляде на угрюмый фасад здания, зверь внутри предостерегающе рычал, а тонкие волоски на теле вставали дыбом. Откуда-то возникло стойкое ощущение: если она зайдет внутрь — обратно уже не выйдет.

Еще одно здание, стоящее несколько особняком, привлекло внимание. При взгляде на льющийся из окошечек голубой свет, сердце забилося с перебоями. Что-то смутно знакомое почудилось в окошечках-бойницах, словно когда-то давно она уже видела нечто подобное. Ольга напрягла память, но иллюзия рассеялась. Подосадовав на себя за неуместные аналогии, Ольга сосредоточилась, отбросив ненужные мысли, двинулась напрямик к строению.

Узкие, больше похожие на смотровые щели, окна оказались плотно закрыты, и Ольга крадучись пошла вдоль стены, тщательно осматривая каждое. Дойдя до угла, она всмотрелась в последнее окошко. В отличие от прочих, комната погружена во тьму, но ставня... отворена! Ольга хищно улыбнулась. Даже в самых охраняемых местах порой требуется проветривать помещение.

Короткий разбег. Прыжок. Руки упираются в подоконник. Рывок. Тело беззвучно протискивается в узкую щель, ныряет в черноту комнаты. Едва ноги коснулись пола, Ольга замерла, напряглась, готовясь отразить нападение. Кровь несется по жилам, наполняя мышцы яростной силой, в ушах звенит от напряжения. Мгновения утекают, но никто не выскакивает из тьмы, спеша ударить, убить.

Ольга расслабилась, повела глазами. Тихое журчание воды, белесые овалы в проемах ниш, и тонкий, но настойчивый запах нечистот. Губы шевельнулись, намечая улыбку. Отличное место для входа, лучше не придумать: ни камер, ни людей. Она повернулась, окинула взглядом окно. Узкая щель, такая же, как и прочие. Удивительно, как только и удалось протиснуться. Болтайся на плече автомат — наверняка бы не вошла.

Слуха коснулся шорох шагов. Ольга окаменела, вслушиваясь в приближающиеся звуки. Взгляд заметался, отыскивая подходящее укрытие. И в этот момент под потолком вспыхнула лампа.

Скрипнула, отворяясь, дверь. Полуослепшая, Ольга метнулась в сторону, влипла в стену. Распахнувшись, дверь пропустила человека, вновь захлопнулась. Висящее на стене зеркало на мгновение отразило черты: изящное лицо, тонкие губы, отстраненный взгляд. Заметив смазанное движение, девушка поспешно обернулась, но успела лишь сдавленно охнуть, осела безвольным мешком.

Ольга оценивающе оглядела фигуру незнакомки. Темно-синий халат из непрозрачной ткани, резиновые перчатки, бахилы, закрывающая голову и затылок шапочка-накидка. Спустя минуту Ольга уже придирчиво осматривала себя в зеркало. Девушка оказалась чуть большей комплекции, ровно настолько, чтобы недостающий объем заполнил маскхалат. Расстегнув маскхалат так, чтобы легко можно было дотянуться до оружия, Ольга расправила халатик, надвинула на нос шапочку и вышла из туалета.

Неяркий рассеянный свет, льющийся из продолговатых матовых плафонов, ровный прямой коридор. В стенах, через равные промежутки, расположены двери. Ольга вновь ощутила странное чувство, будто уже встречала нечто подобное, когда-то давным-давно. Чувствуя, как в груди зарождается, и стремительно растет страх, Ольга разозлилась, сделала шаг, затем еще.

Мимо проплывают двери, одна за одной. Двери забраны прозрачным стеклом, и можно легко разглядеть, что происходит внутри. Выкрашенные в синее стены, белые потолки, голубоватое сияние светильников. Поблескивают металлом шкафчики, на полочках рядочками расставлены ампулы и пластиковые банки с непонятным содержимым. Но все это отступает перед главным.

Переходя от комнаты к комнате, Ольга ощутила, как на голове шевелятся волосы, а к горлу подступает тошнота. В каждой комнате-палате лежак, на застеленной клеенкой поверхности обнаженное тело. Мужчины, женщины, в возрасте, и совсем молодые. Но всех объединяет одно — тела покрыты жуткими шрамами. Изуродованная плоть вспухает нарывами, сочится желтоватой сукровицей. Люди похожи на сломанные игрушки, чьи искаженные тела, наспех залатанные после тяжелых поломок, оставили на время. Некоторые расчленены настолько, что, кажется, не могут быть живыми. Но если присмотреться, грудь едва заметно вздымается, а конечности слабо подергиваются, будто жуткие подобию на людей даже после неведомых пыток продолжают цепляться за жизнь, не желая покидать наполненный болью и муками мир.

Рядом с лежаками непонятные конструкции из металла и пластика. Мигают цветные лампы, негромко стрекочут писцы, заноса на бумагу невнятные символы. От конструкций к телам тянутся провода и трубки. Одни едва касаются тела, другие крепко держатся на присосках, третьи оканчиваются толстым иглами, вбитым в плоть почти до основания. Трубки прозрачны, и можно видеть, как внутри, насыщенная пузырьками, передвигается жидкость. От машины к телам жидкость течет прозрачная, едва видимая, назад же возвращается темно-красная, почти черная, словно рукотворное чудовище, будто паук, вплескивает в несчастных едкую слюну, засасывая назад полупереваренный сок.

Рядом с лежаками стеклянные столики, больше похожие на разделочную доску мясника: кровавые лужи, обломки костей, обрезки плоти. Тут же хранятся инструменты разделки: отточенные скальпели, зазубренные крюки, увенчанные зубастыми кругами пилы.

В отдельной секции пластиковая посуда: баночки, колбы, реторты. В каждой покоятся кусочки ткани, но не черные, грязные обрывки, а аккуратные, полупрозрачные кусочки, отдельные пучки волокон, тонкие тяжи, приспособленные для неведомой, но устрашающей цели.

В некоторых комнатах фигуры врачей, облаченные в одинаковые синие халаты, полностью погружены в работу. Один склонился над столиком, другой всматривается в бегущие по монитору машины цифры, третий, забрызганный кровью с головы до ног, умелыми движениями вскрывает лежащее тут же тело.

Словно в трансе, Ольга замедленно двигалась по коридору, подолгу замирала возле дверей, с болезненным любопытством следя за производимыми манипуляциями. Вот врач взял в руку скальпель. Короткое лезвие холодно и опасно блестит. Легкое движение, и кожа вскрывается лепестками. Вторая рука подхватывает пинцет, умело цепляет из плоски пучок малиновых волокон, что вдруг начинают сокращаться, подергиваться, как живые, и быстрым движением забрасывает жуткую ношу в рану. Скальпель сменяется иглой с продетой в ушко ниткой. Несколько стежков, и вот на месте раны аккуратный шов. Нитки крепко стягивают края раны. В местах проколов на коже выступили алые бусины крови.

— В чем дело?

Ольга замедленно повернулась, сморгнула, с усилием прогоняя заставшую глаза дымку ужаса и непонимания. Перед взором протаяла фигура: уже привычный синий халат, шапочка-накидка, плотно облегающие кисти резиновые перчатки. Лицо с грубыми чертами, внимательный взгляд карих глаз.

Врач несколько секунд смотрел Ольге в лицо, сказал сухо:

— Стало нехорошо — отсидись в подсобке, да и нашатырь с кофеином никто не отменял. Нечего тут...

Ольга закивала, поспешно отступила в сторону. Одарив на прощание суровым взглядом, доктор двинулся дальше. Дверь напротив неслышно отворилась, из проема выдвинулась тележка-кровать, поскрипывая колесами, заскользила вдоль коридора. Взгляд прикипел к прикованному к тележке человеку, вернее, его останкам. Хрупкая девушка лежит недвижимо, лицо бледно настолько, что кажется восковым. Глаза невидяще уставились в пространство, искусанные до крови, губы распухли и посинели. Волосы свисают с края тележки, от движения едва заметно колышутся.

Ольга сместила взгляд ниже, туда, где тело превратилось в кровавое месиво, не в силах смотреть, отшатнулась. Опустевшая комната влечет, тянет так, что нет сил противиться, словно внутри скрыто нечто очень важное. Ольга сделала шаг, застыла на пороге. Синие стены, блестящий металлический шкаф. Тоже, что и везде. Взгляд заметался из угла в угол, пока не остановился на окне. Темное, в точках далеких звезд, небо, обрезанное снизу гранью бетонной стены. Сейчас его почти не видно, но когда наступает день, тьма рассеивается, сменяется голубизной, далекой и недостижимой, но такой желанной в этой цитадели скорби.

Завеса спала. Освобожденные, воспоминания хлынули рекой, наполнив душу ужасом, а память образами. Ольга пошатнулась, оперлась на косяк, с трудом удерживая захлестнувшую волну эмоций. Взгляд заскользил вокруг, но уже совсем, совсем по-другому, не удивляясь, как мгновение назад, узнавая. Синие холодные стены, безжизненная белизна потолка, наваливающаяся волнами боль, и безнадежность: бесконечная, черная, жуткая.

В поле зрения назойливой мухой маячит фигура, не подходя и не удаляясь. Ольга

повернула голову. Все тот же врач, все с тем же выражением лица. Как и прежде, его взгляд прикован к ней. Только, почему-то он смотрит не на лицо, ниже, намного ниже. Ольга опустила глаза. Из-под края халата торчат угрюмые носы армейских ботинок, грубые и неуместные в этом царстве чистоты и стерильности. Ольга нахмурилась, перевела взгляд. Ступни врача облачены в изящные бахилы, как и у того, что мгновение назад прошел мимо, как и у зашедшей в туалет медсестры.

Лицо доктора исказилось, в глазах протаяло понимание. Он отшатнулся, распахнул рот для крика. Но зверь внутри среагировал раньше, вскинулся, зарычал, обнажая клыки в яростном оскале. В точности повторив оскал, Ольга выдохнула:

— Забыла бахилы, вот ведь незадача. Натоптала вам...

Она метнулась вперед, ударила, бросилась дальше по коридору. Три прыжка, и вот она уже рядом с тележкой. Смазанное движение, и фигура в синем исчезает, в поле зрения остается лишь застывшая на каталке истерзанная фигурка. Осторожно, словно боясь испугать, Ольга нагнулась над девушкой, коснулась плеча, погладила волосы, нежно, как мать ребенка, закутала в клеенку. Когда она разогнулась, лицо очистилось от эмоций, превратившись в каменную маску, лишь глубоко глазах, заполнив зрачки тьмой, плескалась дикая необузданная ярость.

Удар ногой. Дверь распахивается, с треском разлетаются стекла. Фигура в синем вскакивает, угрожающе взмахивает зажатым в руке скальпелем, но, получив удар в грудь, отлетает, падает навзничь. Лежащее на кушетке тело опутано трубками и проводами. Несколько быстрых движений, и провода бессильно повисают, из перерезанных трубок сочится белесая жидкость. Нужно бы помочь, забросив на плечо, вывести из этого храма насилия и смерти, но нет времени, в комнатах по соседству ожидают помощи другие несчастные.

Следующая дверь распахивается от удара. Фигура в синем склонилась над приборами, всматривается в бегущие по монитору цифры. Удар. Хрустальными каплями разлетаются колбочки и реторты. Лицо врача с силой врезается в столешницу, мгновенно окрашивается выступившей из многочисленных порезов кровью. Здесь к мучимому идет всего пару проводов с безобидными присосками на концах. Следующая комната. Еще одна.

Комнаты мелькают одна за одной. Фигуры в синем сливаются в сплошной поток. Мир заполняется безумным переплетением кишачих, словно черви, проводов и трубок. Сколько же их здесь. А ведь это всего одно здание из полутора десятков! Нужно успеть сделать как можно больше. Быстрее, еще быстрее!

Брызги стекла осыпают непрерывным дождем, халат отвратительно воняет, забрызганный текущими из трубок препаратами, ноздри забивает тяжелый запах крови и мяса. Калейдоскоп мелькающих образов окрашивается алыми всполохами, а в конгломерат звуков, далеко, на самом пределе слуха, зубной болью вплетается вой сирены.

Ее обнаружили. И уже стучат невидимые ботинки, неся решительных хозяев на перехват, или, что вернее всего, на ликвидацию. Времени почти не остается. С каждой секундой шансы спастись падают. Нужно уходить. Но в комнатах, лишённые воли и сознания, остаются десятки людей, переживающих то же, что, в свое время, пережила и она. И нет сил уйти. Быстрее. Еще быстрее!

Комната. Еще одна. Фигуры в синем уже знают. Кто-то мечется в узких стенах, от ужаса потеряв разум, кто-то ждет у дверей, зажав в кулаках скальпели. Но это не имеет значения. Привыкшие к тонкой работе, руки не в силах нанести смертельный удар, а рассчитанные на

спокойную работу, рефлексy не отточены, и, одна за другой, фигуры остаются на полу, сжимая бесполезный металл в холодеющих пальцах, а она идет дальше.

Тело исполнено силой, насыщенные кровью, мышцы работают точно, как детали в механизме часов. А где-то глубоко, в незримых глубинах души, поддерживая заданный темп, пылает черная звериная ярость, настолько сильная, что не сгореть в этом жутком пламени можно лишь выплескивая и выплескивая избытки в вихре сокрушающих ударов, несущих освобождение и смерть.

Очередная фигура падает изломанной куклой, очередной мученик освобожден. Остается совсем немного, когда с грохотом распаивается дверь, в проеме возникает фигура охранника. Мужчина влетает внутрь: сосредоточенное лицо, сжатые в полосу губы, зрачки подергиваются, отыскивая цель. Глаза натываются на забрызганную кровью фигурку, в удивлении расширяются. Мгновенное замешательство — цена смерти, позволительное в обычной жизни, оно неуместно в бою. Упустив шанс, воин заваливается, схватившись за выросшее из горла лезвие.

Радость победы над врагом бодрит, но мгновенно испаряется, вытесненная реальностью. Одним противником меньше — хорошо, но, наученный гибелью соратника, следующий боец не повторит ошибки. Ольга нагнулась, подхватила оружие, когда вспышки выстрелов разорвали тьму. Над головой завжикало, зазвенело стекло. Пули с чавканьем забили в стену, оставляя после себя аккуратные черные отверстия.

Не разгибаясь, Ольга выпустила очередь, ушла перекатом. Выстрелы прекратились. Недолгая тишина прервалась предупреждающим вскриком. Что-то щелкнуло, зашуршало. Полумрак коридора вспыхнул непереносимым пламенем, слепя и выжигая зрение любому, кто в этот миг не успел прикрыть глаза. Застучали ботинки, в сгустившейся тьме замелькали фигуры, заскакывая через проем.

— Где он?

— Под ноги смотри! Секунду, как был здесь.

— Под ноги? Тут только Петр под ногами.

— Уверен? Подсвети... А это что? Назад! Все назад!..

Здание содрогнулось, волна воздуха пронеслась по коридору, взмучивая стеклянные вихри и срывая двери с петель. Из проема двери, наружу, в облаке дыма выплеснулся фонтан кровавой пыли. Слух подтвердил задуманное, а воображение дорисовало недостающие детали. Лежа неподалеку, в сугробе снега, Ольга вслушивалась в доносящиеся от дома вопли ужаса и ярости. Скоростижное бегство через окошко туалета вкупе с оставленной гранатой позволили выиграть немного времени. Сбросив ненужные более халат и шапочку, Ольга побежала, стремясь как можно быстрее удалиться от места боя.

Внутренний периметр заполнился людьми. Трижды пришлось останавливаться, пропуская группы вооруженных бойцов, дважды возвращаться. Зажглось дополнительное освещение, отчего в лагере разом стало светлее, и Ольга в очередной раз порадовалась — маскхалат по-прежнему помогал, сливался со снегом, так что даже проходящие в опасной близости бойцы не замечали вжавшуюся в сугроб фигурку.

Утыканное антеннами здание в очередной раз привлекло внимание. Информационный центр, оснащенный приборами связи и мощнейшими компьютерами. Если где-то и есть данные по происходящему на объекте, то именно здесь. Поломка в одном из модулей, пусть даже серьезная, если и нарушит работу организации, то ненадолго. Здание восстановят, поломанную аппаратуру заменят. Замаскированный под санаторий объект продолжит свою

чудовищную деятельность, и ее безумная вылазка в итоге кончится ничем. Похищение информационного массива с передачей в соответствующие руки даст больше, чем ракетный удар. Дело за малым: вскрыть электронный замок дверей, обнаружить нужную комнату, найти компьютеры.

Ольга закусила губу. Здание небольшое, но тревогу уже подняли. Пока внимание преследователей отвлечено, но рано или поздно, обшарив лабораторию, ее примутся искать по всему периметру, и тогда станет намного, намного тяжелее. А ведь нужно еще как-то выбраться, по возможности незаметно, чтобы все эти снующие с оружием люди не отправились следом за ней.

Скрипнуло, на землю упал прямоугольник света, с вытянувшейся серой тенью посередине. Распахнув дверь, на крыльцо вышел мужчина, подслеповато шурясь, осмотрелся. Вспыхнул огонек спички, потух, сменившись малиновым глазком сигареты. Дверь замедленно пошла назад, прямоугольник света начал уменьшаться. Повинуясь наитию, Ольга рванулась. Разум еще только перебирает варианты, выстраивая последовательность действий, а тело уже движется, реализуя выданный интуицией план.

Ветер свистит в ушах, ноги упруго отталкиваются, каждым шагом выбрасывая тело далеко вперед. Силуэт все ближе. Малиновый глазок таращится угрожающим оком, едкий запах табака касается ноздрей. Фигура приближается: посеревшее, усталое лицо, дряблые щеки, темные мешки под глазами. Прыжок.

За мгновение до того, как дверь захлопнулась, Ольга ударила мужчину плечом, влетев в проем, перекатилась через голову. Подхватившись, она рванулась назад, в едином движении захлопнув дверь, и удержав мужчину от падения. Тот испуганно дернулся, но, ощутив подбородком лезвие, замер, боясь шевельнуться.

Кольнув ножом пленного, Ольга прошипела:

— Мне нужна информация по вашей конторе. Где компьютер с данными?

Мужчина сглотнул, произнес сдавленно:

— Данные на машинах, на втором этаже, но...

— Веди!

Пленный хотел что-то добавить, но ощутив, как лезвие погружается в кожу, охнул, побледнев до синевы, повис всем телом. Выпустив потерявшего сознание, Ольга бросилась к лестнице, взлетела, едва касаясь ступеней. Короткий коридор, одинаковые прямоугольники дверей. Ольга дернула за ручку. Закрыто. Перешла к следующей. То же самое. Нахмурившись, она рванула третью.

Просторная комната, приглушенный свет от укрытых в стены плафонов, десятки мониторов мерцают полосками схем и перемигиваются цифрами данных. За столами в напряженных позах пятеро мужчин: пальцы стучат по клавиатурам, глаза прикипели к дисплеям. На звук повернулся один, взглянул с удивлением. Заметив движение, покосился второй, за ним третий, и вот уже все пятеро смотрят с вопросом в глазах.

Ольга обвела мужчин взглядом, сказала с угрозой:

— Мне нужны жесткие диски. Открывайте машины — вытаскивайте.

Ближайший мужчина нахмурился, сказал сурово:

— Мы не собираемся...

Ольга выхватила пистолет, ударила наотмашь, вместе с каплями крови выбив белое крошево зубов, бросила сухо:

— Быстро.

Мужчины побледнели, засутились, принялись разбирать стоящие тут же, под столами, корпуса компьютеров. Глядя на их неловкие движения, Ольга прислушивалась к шуму на улице, отстраненно размышляя, сколько осталось времени до того момента, когда...

Один из мужчин отпрыгнул, развернулся, выхватывая оружие. Два выстрела слились в один. Ольга ощутила, как в висок больно ударила выбитая пулей бетонная крошка, равнодушно проследила за падением тела, понимая что это конец. Сейчас на выстрел сбежится все охрана и тогда...

Отчаянье накатило так, что поплыло перед глазами, а в ушах зашумело. Она пошатнулась, чтобы не упасть, оперлась спиной о стену. Рука задрожала, сердце холодной лапой стиснул страх. Вот и все. Еще немного, и ее найдут, и если не убьют сразу, то обезоружат, вернув в одну из жутких синих комнат, где предстоит закончить жизнь, превращенной в безвольное существо, без мыслей, без чувств, без желаний.

Чувствуя, что еще немного, и она упадет, свернется эмбрионом, отдаваясь на милость победителя, Ольга зарычала, замотала головой. Зубы вцепились в губу, нажали так, что плеснуло кровью. Боль отрезвила, а солоноватый вкус взбудрил. Собравшись с силами, зверь внутри вновь оскалил зубы. Уцепившись за ощущения, как за спасительную нить, Ольга медленно, шаг за шагом, выбралась из пучины безумия, куда готова была низринуться еще секунду назад.

Кровавым оскалом улыбнувшись мужчинам, что замерли в опасливом ожидании, Ольга произнесла:

— Я закончу сама.

Она метнулась к ближайшему компьютеру, отбросила крышку, рванула упрятанный в корпус жесткий диск. Жалобно скрипнул металл, резными осколками брызнули болтики. Сжимая драгоценную ношу, Ольга шагнула к следующему компьютеру. Спустя минуту, она вышла из комнаты, на ходу распихивая винчестеры во внутренние карманы. Мужчины проводили ее ошарашенными взглядами, боясь двинуться даже после того, как за жуткой гостьей захлопнулась дверь.

Лестница. Короткий спуск. Первый этаж. За дверью шум голосов. Щелкают взводимые автоматы, раздаются отрывистые слова команды. Ольга подошла к двери, секунду вслушивалась. Рукояти пистолетов влипли в ладони, пальцы застыли на крючках. Обоймы полны, а патроны досланы в стволы, нужно лишь нажать.

— Выбивай!

Команда звучит резко, призванная запустить процесс захвата неожиданно для противника. Неожиданно для кого-то, но только не для нее. Уши улавливают шорох одежды и неровное дыхание затаившихся за дверью бойцов, ноздрей касается запах пота и страха. Губа хищно поднимается, обнажая окрашенные собственной кровью зубы. Струдившиеся за дверью воины не уверены, они не знают с кем предстоит встретиться. И это хорошо. Иначе запах страха был бы намного сильнее, настолько, что перебил бы запах гари.

Удар. Сорванная с петель, дверь влетает внутрь в облаке щепы. И почти одновременно, лишь на долю секунды позже, пистолеты извергают кусочки злого свинца. Возникшие в проеме фигуры дергаются. Силой ударов их выталкивает назад, где, лишенные упора и жизни, они медленно заваливаются навзничь.

Снаружи доносится грохот, шквал выстрелов напрочь забивает слух, так что не слышно даже проносающихся над головой свинцовых ос. Выпускаемые десятками, пули наполняют помещения, вонзаются в стены, крошат бетон, с яростным чавканьем врезаются в неподатливую фактуру стен. Секунда передышки. Пока руки лихорадочно меняют опустевшие рожки, и вновь грохот. Воздух наполняется бетонной пылью, что забивает ноздри, насыпается в глаза, рот, не дает дышать.

И вновь передышка. Бойцы готовят новую атаку, но уже не так уверенно, опасаясь, что

неуловимый враг каким-то образом остался жив под грудой пуль. Что ж, они не так уж и не правы. Под таким огнем нельзя остаться целым, левая нога саднит болью, правый бок заливают теплым, чуть хуже чем обычно ходит рука. Однако, знай они правду, вряд ли пошли бы прежде, чем сровняли дом с землей.

Шарик гранаты вылетает в дверь незаметной тенью. Так, чтобы не задеть маячащие в проеме фигуры. Чуть выше, прямо между голов. Три. Два. Один. По ушам бьет грохот, тугой кулак воздуха вышибает стекла. Неподалеку, в коридоре, шлепается чья-то оторванная кисть, дергает пальцем, нажимая на отсутствующий крючок. Жуткая сюрреалистическая красота. Так хочется досмотреть, но нет времени. Нужно бежать. Пока преследователи недвижимы, вжавшись в землю, лежат ничком. Пока тело в состоянии, а мышцы наполнены силой. Только, почему так тяжело бежать...

Преодолевая боль, Ольга понеслась вдоль коридора, в обратную от двери сторону. Коридор оканчивается окном, вернее, оканчивался. Сейчас лишь искрошенные пулями, ободранные края, и черный провал свободы. Прыжок. Мышцы сводит болью, в боку что-то лопаются. Короткие мгновенья полета. Руки разведены, подобно крыльям. Пистолеты дергаются. Раз, другой, третий. Затаившиеся во мгле бойцы дергаются следом: один, другой, третий, остаются недвижимыми тенями, бессильными, безжизненными.

За долю секунду до удара о землю, Ольга свела руки перед лицом, спружинив ладонями, перекатилась через голову, понеслась зигзагом. Позади закричали, защелкали хлопки выстрелов, подсвечивая ночь веселыми вспышками огня. Воздух наполнился гудением. Справа здание столовой, в окнах мелькают силуэты. Слева казарма. У дверей суетятся вооруженные фигуры. До забора совсем близко. Еще чуть-чуть, и можно будет перемахнуть, уйти в спасительный лес.

Из тьмы вырастает новое здание. Ноздрей касается запах солянки. Ангар! Понимание вспыхивает радостью. Резко сменив направление, Ольга бросилась к воротам. Навстречу выскакивает фигура, на ходу вскидывая автомат. Пистолет дергается, выплевывая последний заряд. Нелепо взмахнув руками, фигура заваливается. Ноги переступают еще теплое тело, рука рвет за ручку, распахивая дверь. Полутемная пещера ангара.

Тяжело дыша, Ольга остановилась, обвела глазами помещение: новенький трактор, пара легковушек, громада грузовика. В дальнем углу нечто угловатое, плохо различимое в темноте. Ольга побежала, подволакивая ногу. Сердце бьется с надрывом, при каждом шаге от боли в глазах вспыхивают огни, а из груди рвется задушенный крик. Грохот выстрела. Плечо взрывается болью. Рывок в сторону, поворот, выстрел почти не глядя. Прячущийся за легковушкой мужчина утыкается лицом в капот.

Стены качаются, шум в ушах все сильнее. Только не сейчас. Продержаться, еще немного, совсем чуть-чуть. Отдых, лечение — все потом, сейчас же нужно собраться с силами. В кровавых всполохах протаивают квадратные формы: выпуклые пластины брони, утопленные толстые стекла, мощный «намордник» из перевитых стальных труб. Бронированный фургон, в каких в городе перевозят деньги, а в армии важных персон.

Ольга подошла ближе, уцепилась за ручку дверей, дернула. Если машина закрыта, все закончится. Чтобы вскрыть нет ни времени, ни сил. Дверь подалась, отворилась. Ольга ввалилась в кабину, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, заняла место водителя. Руки рванули обшивку, зашарили, копаясь в переплетении пластиковых жгутов. Потеряв чувствительность, пальцы ходят с трудом, отыскивая провода зажигания. Сухой треск, внизу вспыхивает пучок злых искр, на мгновение освещая кабину. Пальцы неприятно колет.

Вспышка. Еще одна. Сонно рывкает мотор. Но, поворачав, затихает. Ну! Заводись же!

С грохотом распаивается дверь, в проеме возникает перекошенное ненавистью лицо. Рука отрывается от провода. Тычок. С застрявшим в глазнице ножом лицо исчезает. Вновь поиск провода. Пальцы путаются в проводах. Вспышка. Еще одна. Наконец, мотор заводится, взрывает. От работы стального сердца корпус едва заметно вибрирует. Нога ложится на газ. Рука обхватывает ручку переключения скоростей. Теперь главное не потерять сознание.

Мотор ревет, броневик вздрагивает, срывается с места. Руки вцепились в руль, удерживая машину, выкручивают баранку то в одну сторону, то в другую. Машина мягко вздрагивает, а ворота распаиваются, открывая путь к свободе. Теперь нужно миновать пропускник. Нога выжимает газ, мотор надсадно ревет, разгоняя бронированную машину. Снаружи мелькают фигуры, разбегаются, стреляя с безопасного расстояния. Пули весело стучат по броне, звонко отскакивают.

Увидев ворота, Ольга застонала. Проход закрывает тяжелая металлическая панель. Не привычные створки, а цельная пластина, передвигающаяся по мощной рельсе сверху. Выбить такое почти невозможно. Но, выхода нет. По бокам толстенный бетонный забор, а позади насаждают противники. Выстрелы все чаще, стекло уже покрылось трещинами.

Разгон. Нога выжимает газ. Машина ревет, как зверь, разгоняется для таранного удара. Может остановиться, пока не поздно, выйти, попытаться перебраться через стену? Ведь удар в лоб — верная смерть. Мысли мечутся в черепе, как загнанные в клетку птицы. Плита все ближе, вот уже видны швы сварки. Нога выжимает газ, руки вцепились в руль, глаза держат цель. Ближе, еще ближе. Сердце сжимается в предчувствии непоправимого. Удар!

В черепе вспыхивает взрыв, глаза застилает красным, а по лицу течет теплое. Она уже умерла, или это агония, когда, полумертвый, разум генерирует не связанные с действительностью ощущения? И откуда эти вибрации? Тело отходит от шока. Сквозь гул в ушах доносится натужный гул мотора, перед глазами мельтешат тени деревьев. Невероятным усилием сгруппировавшись, Ольга рванула руль, уходя от столкновения с толстенной сосной, выкрутила, укладывая машину на новый курс.

Мотор взревел, взвизгнули колеса, броневик покачнулся, но вышел из заноса, полетел, наращивая скорость. Позади слышны выстрелы, но все тише и тише. И вот лишь рычание мотора. Преследователи отстали. Душу охватывает радость, а губы растягиваются в улыбке. Все получилось. Она смогла! Вышла живой оттуда, откуда выйти была не должна.

Тело сотрясается от несдерживаемых спазмов, не в силах справиться с безмерной радостью, какая бывает, когда, смирившись с неминуемой смертью, вдруг обнаруживаешь, что удалось выжить. Но разум гасит порывы, брови складываются в линию, а губы сжимаются. Она ранена, а до жилья еще нужно добраться. К тому же броневик мотает так сильно, что руки с трудом держат руль. Не иначе, пробиты колеса. На таком далеко не уедешь.

Последние силы уходят на удержание машины, что бросается в стороны, словно обезумевшее животное. За стеклом пляшут деревья, поворот сменяется поворотом. Лес кажется бесконечным. Но вот в деревьях показалась прореха, сноп света от фар провалился во тьму. Трасса! Рывок. Руки выкручивают руль, укладывая машину на новый курс. Еще один шаг к спасенью. Но сколько же их еще.

Неподалеку, впереди, фары выхватывают из темноты громаду дальнотойщика. Кто-то остановился на ночь. Руки выворачивают руль, нога выжимает тормоз. Пролетев с полсотни метров, и развернувшись поперек дороги, броневик встал. В свете фар от машины метнулась

ть. Удивительно быстро, или, от потери крови она уже не в силах нормально реагировать. Дверь распахнулась, в проеме обозначился силуэт. Рука через силу выдернула оставшийся нетронутым пистолет, взметнулась и... опала. За дверью, подсвеченный отблесками фар, застыл Ярослав, брови сведены, взгляд впился в ее лицо.

Чувствуя, как губы невольно раздвигаются в улыбке, Ольга прохрипела:

— Откуда ты здесь?

Ярослав покачал головой, произнес сдавленно:

— Колесо пробил, подзадержался с заменой. Но это, в данном случае, явно не самое интересное.

Облегчение накрыло ласковой волной. Страшное осталось позади, сейчас ей помогут, спасут. Ольга ощутила, как ее подхватывают, куда-то несут. Ненадолго обдало холодом, мелькнула темная стена леса. Затем пахнуло теплом, вспыхнула лампа, осветив знакомую обстановку кабины. Ольга отстраненно следила за действиями Ярослава. Вот он достал аптечку. Вот в руках возник шприц. Небольшая прозрачная ампула. С сухим хрустом отламывается кончик, содержимое переходит в шприц. Укол. Еще укол. Ольга поморщилась, чувствуя, как сознание начинает плыть, поинтересовалась:

— Это новое слово в медицине, колоть по десять раз в разные места?

Ярослав заглянул ей в глаза, приложил руку к шее, выслушивая пульс, сказал без улыбки:

— Вопросы безопасности.

Удовлетворившись осмотром, он выбросил шприц, потянулся к ключу зажигания. КамАЗ дернулся, вырвался на трассу, пошел, набирая ход. Ольга некоторое время наблюдала за Ярославом, удивляясь непривычно жесткому выражению лица. Лицо друга закаменело, взгляд раз за разом отрывается от дороги, обращаясь к зеркалу заднего вида. От наблюдения отвлекла спина, занемевшая от неудобного положения. Ольга попыталась сдвинуться, но... не ощутила рук. Она попыталась вновь, затем еще и обнаружила, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Их попросту не было. Заметив, что спутник искоса наблюдает за ее попытками, Ольга прошептала со слабой улыбкой:

— Похоже, я совсем плоха. Тела не чувствую.

Ярослав покивал, сказал с удовлетворением:

— Значит, все в порядке. Препарат действует.

Ощувив в его словах недоговоренность, Ольга переспросила:

— Препарат?

— Анестезия. Так сказать, во избежание.

Чувствуя, что перестает что-либо понимать, Ольга произнесла с запинкой:

— Во избежание... чего?

Ярослав усмехнулся.

— Участи тех, кто, твоей милостью, остывает сейчас в... санатории неподалеку. Да и всех прочих тоже.

Сердце неприятно защемило. Ощущение неотвратимой опасности вырвало из объятий беспомощности. Собрав разбегающиеся мысли, Ольга сосредоточилась, осторожно спросила:

— Что ты имеешь в виду?

Ярослав перестал коситься в зеркало, произнес:

— Что ж, пожалуй, можно открыть карты. Тем более, что это уже ничего не изменит. Скажу честно, работать с тобой было не сложно, и где-то даже... приятно. Гораздо приятнее

чем с прочими.

— О чем ты? — чувствуя, как страшное подозрение сковывает грудь холодом, выдохнула Ольга.

— О моей работе, — отозвался Ярослав. — Сказать по чести, не думал, что ты вернешься живой. Все же разработки подобного уровня секретны, и охраняются соответственно, чтобы одна, пусть даже прошедшая лабораторию, девушка, могла невозбранно прошерстить объект, походя выкрав... что там у тебя в карманах, жесткие диски? ценнейшую информацию.

— Так ты все знаешь? — выдохнула Ольга. — О лаборатории, о киборгах, о...

Ярослав поморщился, прервал:

— Не лучшее определение. Правильнее будет назвать вас мутантами: пересадка тканей, гормональные инъекции, эксперименты с геномом. Киборги более перспективное направление, и занимаются ими не здесь. — Перехватив яростный взгляд спутницы, он усмехнулся, спросил устало: — Ты что-то хочешь узнать?

Ольга прошипела:

— Но... как ты мог? Почему...

— Почему не сказал? — Ярослав пожал плечами. — Ну, извини. В мои планы входили несколько другие обязанности. Слежка, ведение, подстраховка объекта. Полагаю, даже для твоего затуманенного мутациями разума не прошли незамеченными события последних дней. Сколько раз тебя пытались устранить, пять, семь?

Ольга прохрипела неверяще:

— Ты меня охранял? Но... зачем!?

— Потому, что таково задание. — Ярослав вновь пожал плечами. — Целью Владимира было завалить проект, мне же требовалось помешать. Чтобы было понятней, поясню. Как я уже говорил, «Киборг» более поздний проект, соответственно, вложения больше, цели масштабнее. После того, как программа «Мутагенез» себя не оправдала, разработки пошли в новом направлении. Но, тем не менее, в качестве подстраховки отдельные лаборатории, вроде той, где ты навела шороху, продолжают заниматься экспериментами, собирая и модифицируя «материал» в соответствующем ключе.

— Каком ключе? — спросила Ольга, догадываясь, что услышит.

— Увеличение силы, обострение природных чувств, повышенная реакция. Все, что может быть полезно для создания бойцов. Не буду углубляться, думаю, тебе и так все понятно. К сожалению, проект столкнулся с трудностями, которые до сих пор не преодолел. В определенный момент у подопытных начинается деградация разума, с одновременным усилением ярости и ослаблением контроля. Говоря по простому, люди звереют. — Он хмыкнул. — Да ты и сама сталкивалась. Та девушка, живущая в частном секторе, с набитым останками собак и людей погребом.

Воспоминание встало перед глазами во всех ужасных подробностях, заставив содрогнуться. Ольга произнесла ошарашено:

— Я помню. Но... если я тоже прошла через это, почему...

— Не превратилась в животное? — Ярослав взглянул с усмешкой. — Отчасти превратилась. Надеюсь, ты не думаешь, что я не заметил твоих истовых занятий штангой, хотя, до этого ты не притрагивалась к отягощениям и пальцем. Да и ночные прогулки, после которых на стенках ванны оставались розовые потеки, а от одежды несло кровью, при всем желании пропустить было сложно.

Ольга закрыла глаза. Каждое слово Ярослава вбивало в сиденье сильнее молота. Все это время она ощущала себя бывалой, познавшей жизнь женщиной, едва ли не супер человеком, с отличными способностями и недюжинным интеллектом. А оказалось... На протяжении почти полгода она жила с парнем, и не только не догадалась, но даже не заподозрила, что рядом не влюбленный простак, а матерый агент какой-то загадочной организации, который не просто знает о ней все, но и охраняет!

С трудом сдерживаясь, Ольга поинтересовалась отстраненно:

— Прости, что не заметила, но... в чем выражалась охрана?

Ярослав повернулся, с интересом взгляделся в лицо подруги, сказал задумчиво:

— Издевка — хороший признак. Ум не утратил остроты, да и здоровье позволяет.

Находящийся при смерти не язвит. — Помолчал, собираясь с мыслями. — Я уже говорил, но, повторяю. У Владимира была цель — завалить проект. Поэтому он владел информацией обо всех проходящих реабилитацию мутантах, уж прости, если коробит, но термин отражает суть. Все что ему требовалось, это вовремя выявить тех, кто не спешил звереть, или, что реже, но хуже, успешно социализировался.

— Вроде меня? — бросила Ольга с усмешкой.

— Вроде тебя. — Кивнул Ярослав. — И «помочь» им встать на путь деградации.

— Как?

— Критические ситуации, требующие агрессивных действий. Снимающие контроль фармпрепараты. Надо сказать, действовал он более чем профессионально. Многие вещи я успевал отлавливать в последний момент. К примеру, белковые добавки, полученные от твоего незабвенного тренера. Ведь я сперва даже не обратил внимания! Благо, хватило ума... Пришлось в срочном порядке пичкать тебя конфетами с антидотом.

Ольга прошептала неверяще:

— Так эти конфеты... Вот почему после них так сильно клонило в сон.

Ярослав хмыкнул.

— Ага. Пришлось напрячь химический отдел. Надо сказать, я сильно перенервничал тогда. Боялся, не успею. Но, ничего, обошлось. Хотя выглядела ты в тот момент не очень важно.

— Не проще ли было выкинуть протеины, или заменить упаковку? — Ольга взглянула с подозрением.

Ярослав покачал головой.

— Аккуратность. Нельзя было вызывать подозрений. Перестройки в организме обострили твою недоверчивость настолько, что, заметив подмену, ты просто могла сбежать, или, под настроение, грохнуть меня как-нибудь ночью. Извини, но в планы это не входило. — Он помолчал, добавил с подъемом. — Да ты и сама молодец. Сама справлялась с проблемами. А под конец разошлась настолько, что я едва успевал заметить за тобой следы.

Ответ особо не интересовал, но Ольга спросила:

— Зачем?

— Чтобы не вышли на меня. У Влада были все карты, за исключением одной — он не подозревал о моем существовании. Вернее, о существовании меня, как отличного от «легенды» человека. Узнай он правду — на мне можно было поставить крест, да и на тебе тоже... Собственно, как и на всем проекте.

Ольга молчала. Ослабленный болью и усталостью, разум оказался не готов разом воспринять всю чудовищность и изощренность происходящего. Элементы мозаики

складывались постепенно, покрутившись перед мысленным взором, на мгновение вспыхивали озарениями, после чего занимали свое место, гармонично накладываясь одно на другое, пока не осталось лишь одна неясная деталь.

Помедлив, Ольга задала вопрос, что занимал намного больше все прочего.

— Твое задание выполнено. Влад погиб. Финансирование проекта не закроют. А... что со мной? Ты меня отпустишь?

Задавая вопрос, Ольга насколько могла, удерживала на лице безразличное выражение, и даже опустила веки, чтобы блеском глаз не выдать охватившее лихорадочное возбуждение.

Ярослав долго не отвечал, наконец сказал холодно:

— Ты хорошая девочка, и у нас было даже нечто наподобие семьи, но действительное отличается от желаемого. Я должен привести тебя заинтересованным лицам, после чего предоставить отчет о проделанной работе. Отпуская тебя, я слишком многим рискую. Прости.

Все стало на свои места. Жизнь не сказка. Это лишь в легендах принц спасает принцессу, и потом они живут долго и счастливо. Медленно, и очень осторожно, Ольга выдохнула. Последние сомнения растворились без следа. Остался лишь холодный рассудок и сдерживаемая, темная ярость, что с каждым мгновением разгоралась все сильнее, поднимаясь из глубин естества.

Попытки, что все это время она повторяла, не переставая, увенчались успехом. Пальцы правой руки шевельнулись, подушечки приятно закололо, а по кисти пошло распространяться живительное тепло. Еще немного, и рука разогреется настолько, что, преодолев действие анестетика, сможет разогнуться. Не далеко. Ровно настолько, насколько нужно, чтобы кончиками пальцев дотянуться до щиколотки, где, заткнутый за ремешок, дожидается своей очереди короткий клинок.

Глаза сместились, искоса взглянули в сторону спутника, на пульсирующую на шее, под челюстью, беззащитную голубую жилку. Уголок рта едва заметно дрогнул, намечая улыбку, и одновременно дернул губой внутренний зверь, обнажая хищный оскал невидимых, но от того не менее смертельных клыков.

Больше книг на сайте - Knigoed.net